Учредители:
Министерство науки и высшего образования РФ

АНО Редакция журнала "Социально-гуманитарные знания"

Лицензия на издательскую деятельность редакции выдана Госкомитетом по печати РФ ЛР № 040588 от 22.06.1998 г.

Свидетельство о регистрации журнала выдано Госкомитетом по печати РФ № 01262 от 20.11.1998 г.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ № 5 – 2019 г.

Российское ежемесячное научно-образовательное издание

Издается с 1973 года

Прежние названия: **«Научный коммунизм» (1973-1990 гг.); «Социально-политические науки» (1990-1993 гг.); Социально-политический журнал» (1993-1998 гг.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999 г.)**

С момента создания Перечня ведущих рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в этот перечень согласно решению Президиума ВАК

E-mail редакции: **soc-gum-zhurnal@yandex.ru**

Сайт в Интернете: **http://socgum-zhurnal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке **elibrary.ru** и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Адрес редакции: **109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16-18, к. 15**

Телефоны редакции: **8(499) 713-61-95; 8(901) 183-61-95**

© «Социально-гуманитарные знания», 2019

Редакционная коллегия:

Миронов Анатолий Васильевич – главный редактор, доктор социологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция) и др., член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

Андреев Эдуард Михайлович – зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Бабинов Юрий Александрович – доктор философских наук, профессор Севастопольского технического университета (Севастополь, Крым)

Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)

Владимирова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва)

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Иванов Вилен Николаевич – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)

Editorial board:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section) etc., member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna − Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow)

Andreev Eduard Mikhailovich − Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Cief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Babinov Yuriy Alexandrovich - Dr. Sci. (Phil.), Professor of the Technical University (Sevastopol, Crimea)

Balbeko Anatoliy Mihailovich − Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow)

Vladimirova Tatyana Nikolaevna – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow)

VolkovYuriy Grigorievich − Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don**)**

IvanovVilen Nikolaevich − Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow)

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Kapicyn Vladimir Mikhailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Kara-Murza Sergey Georgievich – Dr. Sci (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Карпухин Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ

Karpukhin Oleg Ivanovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow)

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)

Kefeli Igor Fedorovich – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg)

Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша)

Kozlova Oksana Nikolaevna – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland)

Лазарева Юлия Васильевна – ответственный секретарь (Москва)

Lazareva Yulia Vasilievna – Executive Secretary (Moscow)

Макаров Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск)

Makarov Anatoliy Vasilievich – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk)

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва)

Matyukhin Andrey Victorovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow)

Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Mihajlenok Oleg Michailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Orehovskaya Natalya Anatolievna – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Панферова Валентина Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)

Panferova Valentyna Vasilievna – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University University (Moscow)

Пуляев Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Pulyaev Vyacheslav Tihonovich – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Субочев Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград)

Subochev Nikolay Sergeevich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPA, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd)

Хазиев Валерий Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Haziev Valeriy Semenovich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Ответственный редактор – **Алифанова Ирина Андреевна**

Executive editor – **Alifanova Irina Andreevna**

Зав. редакцией, компьютерная верстка – **Миронова Елена Витальевна**

Secretary of the editorial staff, computer layout – **Mironova Elena Vitalievna**

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание **2019** **5**

СОДЕРЖАНИЕ

• Общество вчера, сегодня, завтра

В.А. Васильев **−** Социалистическая революция в России: теория и реальность……. 7

З.Х. Кочесоков, Ф.М. Кулиев, Л.А. Мулляр **−** Проблема развития цивилизации в контексте парадигмы глобализации…… 19

О.Г. Леонова – Политика «умной силы» − продукт эволюции «мягкой силы»……... 25

• Преподавателю социально-гуманитарных дисциплин

П.К. Гончаров – Политическая элита: концептуальные подходы, сущностные и динамические характеристики…….. 32

С.А. Демина − Система оценки учебной нагрузки при реализации интерактивных занятий в военном вузе…… 49

В.Ю. Бельский, В.П. Майкова, Э.М. Молчан – Традиции и новации в формировании духовно-нравственных ценностей личности в образовании.. 60

• Человек и общество

Н.Н. Гасанов – Некоторые проблемы семейного воспитания: нравственный аспект..... 68

И.В. Королева, Н.Ю. Чугунова – Проектирование как технология социальной работы с молодежью в современных условиях..... 85

В.И. Борисенко, Е.Н. Чернышева – Всероссийское военно-патриотическое общественное движение "Юнармия": процесс становления 96

О.Р. Раджабов, А.А. Миримова – Объективные и субъективные факторы появления многоженства в обществе..... 104

Т.А. Рассадина, Е.И. Репина – Современные тенденции конструирования семейно-брачных отношений: взгляд молодежи..... 109

И.И. Караев – Проблемы демографии в современной России..... 117

Е.С. Бердникович – Восстановление коммуникативной функции как неотъемлемая часть ресоциализации личности..... 125

• Россия в динамике глобализирующегося мира

Т.А. Невская – Перспективы трансформации международной политической системы в условиях кризиса глобализации..... 138

• Социально-политические отношения в сетевом обществе

О.А. Воронкова – Трансформация факторов социально-политической идентификации в сетевой публичной сфере..... 152

А.В. Назаренко – Реальность и сети: о неустранимости политического из культурного и социального..... 162

О.Г. Щенина – О проявлениях политического в сетевом обществе..... 171

И.С. Яжборовская – Процессы политизации и сетевизации общества в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы..... 179

• Научные сообщения

В.В. Титов – Российская национальная идентичность: вызовы цифровой эпохи..... 187

Н.В. Асонов – Эсхатология российского государства и его гражданского общества..... 194

О.В. Цветкова – Политическое пространство: теоретико-методологические основы..... 204

Н.В. Маслодудова, В.Е. Шинкевич – Ценностные ориентации современной молодежи российских регионов..... 212

О.Н. Башук – Детерминанты внешнеполитических решений Федеративной Республики Германии в отношении России..... 221

С.В. Назаренко – Социальный контроль в управленческой работе с военнослужащими..... 230

С.А. Зубков, А.И. Панов – Неолиберальный и мир-системный анализ политической роли международных финансовых институтов..... 244

М.М. Симонова – Особость русских в семье европейских народов..... 255

К.Г. Мальцев, И.В. Жданова – О философской антропологии в русской философии серебряного века: антроподицея и смысл жизни..... 265

И.А. Монастырская, С.А. Булгакова – Концепт субъекта в современной французской философии..... 274

Е.В. Одинцова – Информация и информационные технологии в формате общественного здоровья..... 281

• Слово – молодым ученым

Е.М. Баришовец – Особенности профессиональных компетенций руководителей образовательных комплексов..... 288

В.А. Голиней – Понятие региональной сплоченности как ключевой элемент образования региональной системы..... 294

А.Д. Прохоров – Перспективы партийной системы в России..... 300

В.Н. Фоменко –.Теоретико-политологические подходы к пониманию сущности и экстремизма..... 305

Е.В. Бочаров – Некоторые методологические подходы к изучению политических конфликтов, влиябщих на безопасность государства..... 312

К.Д. Щерба – Сравнительный институционально-политический анализ европейской и евразийской интеграции..... 320

С.Д. Гвоздков – Либеральная идеология и феномен массовой культуры.... 327

П.А. Шишлин – Проблема эффективности конфессионализма в современном Ираке..... 334

Ю.А. Трусов – Плюрализм ценностей как основание для политического плюрализма..... 341

А.А. Лобова – Социально-политические проблемы в романе Лян Цичао "Будущее нового Китая"..... 347

Чжао На – Китайские боевые искусства как инструмент "мягкой силы" Китая..... 353

• На книжную полку

В.М. Кондратьев – Плеханов как мыслитель..... 358

В.А. ВАСИЛЬЕВ
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философских наук
Московского государственного
лингвистического университета*

Социалистическая революция в России: теория и реальность

В статье анализируется теория социалистической революции, разработанная К. Марксом, Ф. Энгельсом и дополненная В.И. Лениным. Выявляются противоречия между марксистской теорией и ее практической реализацией в российских условиях.

Ключевые слова: *революция, теория, социализм, реальность, противоречия.*

Vasiliev V.A. Socialist revolution in Russia: theory and reality. *The article analyzes the theory of the socialist revolution developed by K. Marx and F. Engels, its addition by V. I. Lenin. Contradictions between the theory and its practical realization in Russian conditions are revealed.*

Keywords: *revolution, theory, socialism, reality, contradictions.*

С точки зрения марксистской теории социалистическая революция происходит в результате наличия объективных факторов, при которых становится возможным переход к новой общественно-экономической формации. Этот гигантский скачок в общественном развитии сопровождается глубокими преобразованиями экономического базиса (формы собственности), социальной структуры и надстроечной системы. Осуществляется слом буржуазной государственной машины и замена ее диктатурой пролетариата, которая создаст предпосылки к коммунистическому самоуправлению.

Обратим внимание на некоторые важные методологические положения К. Маркса и Ф. Энгельса о возможности осуществления социалистической революции.

* Васильев Вячеслав Александрович, e-mail: prof.Vasiliev@ro.ru

1. Европу потрясли буржуазные революции в Нидерландах и Англии, во Франции и Германии. Классовые противоречия втягивали философское сознание в водоворот социальной борьбы, что способствовало появлению реформаторских концепций относительно перспектив развития общества. Однако каждая из них вынуждена признать, что не имеет точного представления о том, каково должно быть будущее. Поэтому необходимо исключить фантазии, догматическое моделирование, отмечал Маркс. «Теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей»[1]. Только овладевая массами, выражая их интересы, теория становится материальной силой. Мы должны отлично понимать, что нечто новое содержится в самой противоречивой действительности и, исходя из условий, выдвигать инициативы относительно того, что нам нужно совершить в настоящем. Речь в данном случае идет о беспощадной критике всего существующего, беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими. Следовательно, необходимо использовать объективный анализ старой общественной системы, чтобы найти пути построения нового общества[2].

2. В «Капитале» Маркс обосновывает важное положение, что новое общество вырастает из старого, в котором складываются объективные факторы: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их оболочкой. Она взрывается. Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»[3]. Обостряется конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Данное положение также разработано Марксом в произведении «К критике политической экономии. Предисловие»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 423.
[2] См. там же, с. 379.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 773.

они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»[1].

3. Ни одна общественно-экономическая формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы общества, для которых имеется достаточный простор. «Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»[2].

4. «Радикальная социальная революция связана с определенными историческими условиями экономического развития; последние являются ее предпосылкой. Она, следовательно, возможна только там, где вместе с капиталистическим производством промышленный пролетариат занимает, по меньшей мере, значительное место в народной массе»[3]. Анализируя революцию в Германии 1848-1849 гг., Маркс указывал на ее буржуазно-демократический характер. Она призвана устранить феодальную раздробленность, образовать единое национальное государство, укрепить фундамент капиталистического производства. 15 сентября 1850 г. К. Маркс в полемике с К. Шаппером (членом «Союза коммунистов») говорил, что нельзя подменять «революционное развитие фразой о революции» и самым грубым образом льстить национальному чувству, призывая рабочих к скорейшему захвату государственной власти. Маркс обращал внимание на неподготовленность немецкого пролетариата, чтобы осуществлять свою диктатуру. Поэтому «мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству»[4].

5. Основоположники марксизма предостерегали от такого развития революционных событий, когда к власти могут прийти представители класса, для господства которого от-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 7.
[2] Там же, с. 8.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 612.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 431.

сутствуют объективные условия. «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он *может* сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий»[1].

6. Маркс и Энгельс теоретически обосновали положение о невозможности осуществления социалистической революции в отдельно взятой стране. «Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравняла общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними – главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии. В каждой из этих стран она будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии. Она окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену»[2].

7. Анализируя опыт Парижской коммуны, Маркс обращает внимание на стремление народной власти ликвидировать коррупцию, которая во многом определялась властными полномочиями чиновников. Один из декретов комму-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 422-423.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 334.

наров снял крупную статью расходов на государственных служащих: «Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства»[1].

8. В «Критике Готской программы» Маркс пишет: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»[2]. В данном историческом периоде недостатки неизбежны, ибо формируется новый строй, который «выходит после долгих мук родов из капиталистического общества»[3].

Большевики признавали разработанное Марксом и Энгельсом учение относительно объективных факторов осуществления социалистической революции. Однако они считали, что марксистские положения соответствовали капитализму в его доимпериалистической стадии. В труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин прослеживает развитие капитализма за полвека после выхода в свет «Капитала» К. Маркса. Им делаются новые выводы: империализм есть монополистическая стадия капитализма, которая характеризуется следующими признаками: 1) концентрация производства и капитала доходит до такой высокой степени развития, в результате которого создаются монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни; 2) осуществляется слияние банковского капитала с промышленным и создание финансовой олигархии; 3) вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир; 5) закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами[4]. Обострение отношений между империалистическими государствами создает

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 342.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 27.
[3] Там же, с. 19.
[4] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 386-387.

условия для осуществления социалистической революции в отдельно взятой стране.

Данное положение содержится также в статье Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы»: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельной взятой, капиталистической стране»[1], в «слабом звене империализма», каким, с точки зрения большевиков, являлась Россия. Здесь сложилась революционная ситуация, которая включала следующие важные признаки: кризис политики господствующего класса. Наступает период, когда низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому; обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов; значительно повышается активность революционных масс[2]. Помимо данных объективных факторов необходим еще и субъективный фактор – готовность рабочего класса под руководством его партии на массовые революционные выступления.

В полемике с меньшевиками Ленин соглашался, что рабочий класс не составляет большинство в трудовой массе, что Россия не достигла уровня развития производительных сил и обобществления производства, при котором возможно строительство социализма. В работе «О нашей революции» Ленин отмечал, что под влиянием империалистической войны и безысходности своего положения народ поднялся на борьбу, которая давала ему шансы на создание лучших условий жизни. Завоевание революционным путем власти стало необходимым для того, чтобы начать движение к социализму, «двинуться догонять другие народы»[3].

У большевиков была надежда, что пример первой страны, вставшей на путь социализма, будет поддержан западноевропейским пролетариатом. «Победивший пролетариат…экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран»[4].

---

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.
[2] См. там же, с. 218-219.
[3] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 381.
[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.

В работе «Преданная революция» Л. Троцкий признается, что расчеты большевиков строились на ожидании близкой победы революции на Западе. «Считалось само собой разумеющимся, что победоносный немецкий пролетариат, в кредит под будущие продукты питания и сырья, будет снабжать советскую Россию не только машинами, готовыми фабричными изделиями, но и десятками тысяч высококвалифицированных рабочих, техников и организаторов»[1]. Однако подобные прогнозы не оправдались. России пришлось одной в окружении империалистических государств созидать новый общественный строй.

Установление советской власти и национализация собственности рождали представление о возможности перехода к непосредственному социалистическому производству и распределению. Подобное положение усиливалось политикой «военного коммунизма», гражданской войной. Важную роль в практике социалистических преобразований сыграли теоретические принципы, разработанные VIII съездом РКП (б) и отраженные во Второй программе партии. В ней намечалось довести до конца экспроприацию буржуазии, превратить средства производства во всенародную собственность, создать систему ведения хозяйства по единому плану. В сельском производстве рекомендовалось создание крупных колхозов – коммун.

Практические задачи по реализации партийной программы не соответствовали ни марксистскому пониманию становления социализма, ни объективным условиям России. Директивное уничтожение частной собственности, насильственная национализация фабрик и заводов, банков, железных дорог и т. п. не означали создания экономических предпосылок для построения социально справедливого строя. Во имя утверждения социалистической идеи шел жесткий процесс разрушения капиталистических отношений во всех сферах общественной жизни.

Государство, обобществляя средства производства, монополизировало все рычаги управления экономикой, планировало и распределяло продукты труда «по-коммунистически». Политика тотального учета и контроля, чрезмерное вмешательство государственных органов в регулирование производственных связей неизбежно вели к свертыванию

[1] *Троцкий Л.* Преданная революция. М., 1991, с. 22-23.

хозяйственной автономии. Эта вынужденная мера, с одной стороны, способствовала выживанию в условиях разоренной войнами России, а с другой – вела к социальной уравниловке, унификации личности. Молодое Советское государство превращалось в огромный распределительный механизм, приведший к росту централизованных структур управления, их бюрократизации.

Происходила своеобразная «компенсация» экономической неразвитости и низкой общечеловеческой культуры административными директивами. Укреплялся военно-политический аппарат, расширялись репрессивные методы по отношению к собственному народу, многие представители которого рассматривались как враги, мешавшие реализации социалистической идеи. Сегодня к нам возвращаются работы, которые долгие годы находились под запретом. Эти теоретические труды 20-х гг. приближают нас к более объективному пониманию нашей истории и заблуждений той поры. Показательны в этом отношении взгляды Н.И. Бухарина. Он отстаивал необходимость «государственного принуждения», «трудовой повинности», «государственного распределения рабочих рук». Именно подобными идеями руководствовалась верхушка партии и государства. «С более широкой точки зрения, – считал Бухарин, – т. е. с точки зрения большего по своей величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»[1]. Ленин выделил часть фразы, начиная со слов «методом выработки», и на полях книги тремя чертами подчеркнул: «Именно»[2].

Выступая в 1920 г. на IX съезде РКП (б), Л.Д. Троцкий изложил программу превращения страны в своего рода огромную военную казарму, где каждый рабочий или крестьянин обязан считать себя «солдатом труда». Он «не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить, если он не выполнит – он будет дезертиром, которого карают»[3]. И делегаты съезда

[1] *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989, с. 168.
[2] Ленинский сборник. М., 1985, т. XI, с. 424.
[3] IX съезд РКП (б). М., 1960, с. 97.

поддерживали решение о принудительном характере труда. Это отвечало их пониманию марксистского положения о непримиримой классовой борьбе, о революционном насилии. Государственное насилие в ходе переделки мира во имя великой идеи «всеобщей социальной справедливости» становилось оправданным для людей, убежденных в правильности своих решений.

Насильственным путем осуществить социальные и экономические задачи оказалось невозможным. Продразверстка окончательно разоряла крестьянские хозяйства. Сокращалось производство зерна, продуктов питания, сырья для промышленности. Разрывались исторически сложившиеся взаимовыгодные связи между городом и деревней. Экономика была в катастрофическом положении. В Поволжье, Сибири, на Тамбовщине и в других районах страны проходили крестьянские восстания. Подняли мятеж кронштадтские моряки, выдвинувшие требование ликвидировать продразверстку. Большевики были вынуждены осуществить переоценку ситуации в стране. «Мы сделали ту ошибку, – отмечал Ленин, – что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»[1].

Реальная действительность России показала необходимость перехода от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике. Еще существовал в стране ее главный производитель – крестьянин, в людях не был окончательно уничтожен дух предпринимательства. И ослабление искусственно сдерживающих частную инициативу надстроечных факторов довольно быстро привело к налаживанию экономических отношений, основанных на материальном интересе. Частная инициатива, свобода торговли оказались более жизнеспособными, чем жесткое централизованное управление. Промышленные предприятия переводились на хозрасчет и вовлекались в оборот рыночных отношений. Возникала конкуренция между государственными и частными предприятиями, стимулировался рост производства, обмена. Промышленность вплотную приблизилась к довоен-

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 44, с.157.

ному уровню. Ее ускоренные темпы сопровождались ростом сельского хозяйства. Восстанавливалась кооперация, которая имела глубокие корни в крестьянских хозяйствах.

Однако нэп вступал в конфликт с командно-административными методами управления. Бюрократическая система периода «военного коммунизма» продолжала функционировать, становилась тормозом при решении социально-политических, экономических вопросов. Чиновники должны были или переквалифицироваться, или уйти. Но люди, привыкшие держать винтовку, применять насилие и познавшие привилегии власти, воспринимали нэп как «уступку буржуазии», как «измену социализму», в построении которого они активно участвовали. В ходе внутрипартийной дискуссии относительно развития страны спор решился в пользу сторонников быстрой и решительной индустриализации. Ее ускорение обосновывалось тем, что молодое государство находится в окружении враждебных империалистических стран, которые в любой момент могут напасть на молодое государство. Необходимо было на основе жесткой дисциплины и четкого государственного планирования развивать тяжелую промышленность и укреплять оборону страны. Мелкая и средняя собственность эти задачи не решит, считали сторонники быстрой индустриализации страны. Нэп, еще не став крепким и необратимым процессом, был свернут.

Неконституционный захват власти большевиками породил и соответствующие репрессивные меры ее удержания. Оппозиционные партии были разгромлены. Диктатура пролетариата стала превращаться в диктатуру центральных органов, «тончайшего слоя» большевистской партии. Ее укрепление шло не только путем запрета фракций, но и с помощью установления социальных привилегий руководящих работников. Один из руководителей ЦКК РКП (б) А.А. Сольц пришел к горькому выводу: «Долгое пребывание у власти в эпоху диктатуры пролетариата возымело свое разлагающее влияние и на значительную часть старых партийных работников. Отсюда бюрократизация, отсюда крайне высокомерное отношение к рядовым партии и к беспартийным рабочим массам, отсюда чрезвычайное злоупотребление своим привилегированным положением в деле самоснабжения. Выработалась и создалась коммунисти-

ческая иерархическая каста»[1]. Интересы государственных чиновников переплетались с интересами партийной элиты. Возникла партийно-государственная номенклатура. Сформировался новый класс казенной бюрократии, который превосходил численность пролетариата и становился тормозом при решении социально-экономических вопросов.

Утвердив монополию на власть, большевистский режим установил и монополию на мысль, подавляя естественное право человека на свободу убеждений, воззрений. Закрывались оппозиционные газеты и журналы, преследовались писатели, художники, которые не проявляли своей лояльности новому режиму и были ему идеологически чужды. В стране образовался культурно-мировоззренческий вакуум, который стал заполняться догматизированной идеологией, насаждавшей официальное партийно-государственное единомыслие.

К середине 30-х гг. в стране произошли существенные позитивные перемены в промышленности и сельском хозяйстве, социальной структуре, что нашло свое отражение в принятой Конституции (1936 г.), которая официально провозгласила построение в СССР социалистического общества. Однако в стране не прекращались репрессии. Своеобразным теоретическим их обоснованием послужило положение Сталина об обострении классовой борьбы по мере укрепления социализма. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин говорил: «Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать… Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы… Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР… Необходимо помнить все это и быть начеку»[2].

Подобное антидемократическое положение ставило перед карательными органами задачу выявлять внутри страны злостных вредителей, шпионов и диверсантов. Попали

---

[1] См.: Персональный сайт – это Сольц А.А. alya-aleksej.narod.ru/index/0-92.

[2] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории, 1995, № 3, с. 11-12.

под репрессии многие тысячи преданных социализму партийных руководителей, представителей высшего командного армейского состава.

С большими человеческими жертвами формировался общественный строй. Не оправдывая нарушения законности, репрессии в отношении собственного народа, следует учитывать объективные условия, в которых создавалось первое в истории социалистическое общество, испытывая не только внутреннее классовое противоборство, но и внешнее – со стороны капиталистических государств. Задача выживания страны требовала жесткой дисциплины, централизации власти, что вело к ограничению демократии, нарушениям социалистической законности. Кроме общих теоретических представлений о социально справедливом строе не было никакого опыта построения социализма. Советская страна положила начало подобным преобразованиям. Быстрыми темпами осуществлялись индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция. С годами создавался мощный промышленный, научно-технический базис, благодаря которому страна вышла победительницей во Второй мировой войне, смогла первой покорить космос, превратиться в мировую державу. Она имела огромный внутренний потенциал своего развития и при умелом научно обоснованном управлении успешно бы прогрессировала.

З.Х. КОЧЕСОКОВ
доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры истории, права и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского института – филиала РАНХиГС*

Ф.М. КУЛИЕВ
доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, права и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского института – филиала РАНХиГС

Л.А. МУЛЛЯР
доктор философских наук, профессор кафедры истории, права и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского института – филиала РАНХиГС

Проблема развития цивилизации в контексте парадигмы глобализации

В статье исследуется парадигма современной глобализации. По мнению авторов, мировое развитие в контексте данной парадигмы может иметь непредсказуемые, катастрофические последствия для человеческой цивилизации. Делается вывод о том, что ныне требуется новая парадигма развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова: *парадигма, глобализация, цивилизация, глобальный фундаментализм, неолиберальная идеология, социал-дарвинизм.*

Kochesokov Z.H., Kuliyev F.M., Mullyar L.A. A problem of development of a civilization in the context of a globalization paradigm. *The paper analizes the paradigm of modern globalization. According to the authors, world development in the context of this paradigm can have unpredictable, disastrous consequences for human civilization. It is concluded that a new paradigm of the development of human civilization is now required.*

Keywords: *paradigm, globalization, civilization, global fundamentalism, neoliberal ideology, social Darwinism.*

* Кочесоков Заурбек Хамидбиевич, Кулиев Фарман Мурувват оглы, Мулляр Лилия Анатольевна, e-mail: kyliev_faman@mail.ru

Глобализация является ведущей тенденцией в современном мировом развитии. Она представляет собой объективную закономерность развития человеческой цивилизации, при которой происходит интеграция всего мирового сообщества во всех сферах общественной жизни.

Глобализация – политический, экономический, культурный процесс – решает проблемы развития человеческой цивилизации, нивелирует различия между странами, народами, удовлетворяя их потребности и интересы в интеграции.

Между тем, как показывает анализ, кроме положительных сторон, глобализация имеет и отрицательные. Многие страны прежде всего рассматривали ее как возможность решения своих экономических проблем.

Но мировое развитие происходит через принципы социал-дарвинизма. Глобализация осуществляется в интересах определенной части мирового сообщества, у которой политические интересы доминируют над интересами экономическими и культурными.

Странам Запада во главе с США направление эволюции человечества видится в установлении мирового господства, управлении всем мировым сообществом.

Направление современного этапа социальной эволюции определяются США и некоторыми другими странами Запада без учета интересов других стран и народов, что ставит будущее человеческой цивилизации под угрозу.

Глобализация в этом смысле в настоящее время постепенно превращается в свою противоположность – глобальный фундаментализм, политика и идеология которого отвергают идею равенства народов, обосновывают неоколониализм, возводят одни народы до уровня мировой элиты, а других низводят до уровня обслуживающих эту элиту масс.

В этом плане современная глобализация представляет угрозу для будущего человеческой цивилизации. Тенденции ее развития входят в явное противоречие с интересами части человечества и его перспективами.

Особенности современной социальной эволюции в полной мере укладываются в рамки постнеклассической парадигмы науки, для которой такие категории, как непредсказумость, нелинейность, самоорганизация, стохастичность развития систем биологических, физических, социальных и других, являются главными характеристиками бытия.

Напомним, что в рамках методологии классической науки мир жестко обусловлен причинно-следственными связями. Настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым.

Постнеклассическая парадигма науки, в отличие от классической парадигмы науки, позволяет увидеть мир из другой системы координат.

Так, в процессах современной социальной эволюции в большей мере превалируют организационные процессы, исключаются процессы социальной самоорганизации и последующее самовыстраивание структуры в соответствии с внутренними интересами и потребностями.

Дело в том, что глобальные фундаменталисты стремятся произвольно изменить другие страны и народы по какому-то измышленному проекту.

Очевидны цели и задачи глобальных фундаменталистов, которые под надуманными предлогами применяют экономические санкции по отношению к другим странам, сохраняющим свой суверенитет, в частности, по отношению к России, которую бездоказательно обвиняют во вмешательстве в выборы президента США в пользу Д. Трампа.

По отношению к другим странам США и страны Запада выступают как субъекты глобализации. Остальные по отношению к ним представляют собой лишь объекты глобализации, лишенные суверенитета и каких-либо прав в международных отношениях.

Наиболее рельефно опасные тенденции глобального фундаментализма проявились в экологической сфере. США подходят к решению этой проблемы именно с позиции глобального фундаментализма, отказываясь учитывать справедливые интересы большинства стран мира, в первую очередь развивающихся стран.

В настоящее время западный образ жизни, связанный с повышенным уровнем потребления, ведет к усилению антропогенной нагрузки на биосферу планеты. Ее разрушение все более приобретает необратимый характер.

В этом смысле социально-экологический процесс отражает опасные тенденции мирового развития на современном этапе. Потребительские идеалы глобальных фундаменталистов ныне представляют настоящую угрозу для будущего человеческой цивилизации. Наука уже определила

возможные абсолютные границы, последствия такого отношения к окружающей действительности.

Особенности современного цивилизационного развития свидетельствуют о том, что нынешняя парадигма глобализации не может оставаться доминантной формой и механизмом развития цивилизации. В этой связи встает вопрос об изменении путей развития земной цивилизации с позиции сохранения биосферы.

Среди основных последствий глобализации по западному образцу – современный международный терроризм. Глобализация, проводимая в интересах стран Запада, вызывает явное раздражение со стороны других стран, а иногда и противодействие. Другим странам и народам навязываются американские представления о справедливости, демократии, которые им «непонятны».

Всякая попытка переноса учреждения, принципа, института из одной среды в другую сродни трансплантации. Заимствованный элемент не всегда приживается в общественно-политической жизни, как и в хирургии.

В хирургии неприживаемость органа ведет к летальному исходу, в общественной жизни пересаживаемый институт может переродиться в странные и подчас уродливые гибриды, никак не соответствующие своему назначению, замыслу и образцу[1].

Древнегреческий философ Аристотель в свое время обращал внимание на то, что мудрость законодателя не в том, чтобы придумывать идеальные законы, а в умении создавать законы, соответствующие условиям данного государства.

История знает немало попыток управления социальной системой без учета процессов самоорганизации. Их результаты плачевны. Общество не пластично. Представления такого рода иллюзорны. Именно по этой причине попытки установления всеохватной плановой экономики в СССР потерпели поражение. Чрезмерное управляющее воздействие на социальную систему дезорганизует ее, вызывает противодействие.

Современный международный терроризм является следствием современной глобализационной политики. Он

[1] *Мартышин О.В.* Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право, 2005, № 4, с. 25.

представляет собой глобальный механизм переноса социальной нестабильности в мировое социальное пространство.

Нынешняя парадигма развития цивилизации защищает интересы «золотого миллиарда» и ничего не делает для тех, кто не «вписывается» в ее рамки.

В кризисной ситуации оказываются страны-маргиналы с неудачным географическим расположением, сложными природно-географическими условиями. Им нечего предложить глобализации. Они могут надеяться на помощь со стороны других государств с «удобными характеристиками».

Все сказанное касается и культурного развития. Доминирующей становится массовая культура. Возрастает роль развлекательной функции искусства.

Культурная глобализация современного мира исключает многообразие и разнообразие, составляющие сущность культуры, и акцентирует свое внимание на унификации культурных ценностей всех стран и народов.

В этом контексте в настоящее время провал теории и практики мультикультурализма означает серьезный культурно-идеологический кризис в развитии западного мира. Культурное бытие эволюционирует в направлении, игнорирующем интересы всего человечества, что может привести к гибели человеческой цивилизации.

Несмотря на противоречия внутри западного сообщества западная цивилизация, как показывает анализ, не собирается отказываться от идеи мирового лидерства, доминирования над всем остальным миром.

Экономическая глобализация также входит в явное противоречие с историческими перспективами бытия человечества. Глобализация приводит к усилению неравномерности развития мирового сообщества. Наблюдается постоянный рост численности людей, живущих за чертой бедности. Адаптация мирового сообщества к процессам глобализации не происходит с помощью высоких нравственных норм и альтруизма.

Глобализация создает немало трудноразрешимых проблем для человеческой цивилизации. Очевидны цели и стремления глобальных фундаменталистов относительно современного этапа социальной эволюции. Они свидетельствуют о том, что необходимо стремиться к демократической модели глобализации, которая обеспечит равное участие всех стран и народов в этом процессе.

Западная цивилизация считает себя эталоном для развития всех стран и народов, определив себя как интеллектуальное ядро человеческой цивилизации с повышенным уровнем потребления, его поддержанием за счет других народов, доведением их до минимального уровня потребления и духовной деградации.

Если не предпринимать никаких энергичных действий, современное мировое развитие может перерасти в режим катастрофы.

Как нам представляется, современному цивилизационному развитию требуется новая парадигма развития.

В этом плане присущий российскому менталитету стиль мышления в наибольшей степени соответствует социальному пути развития мировой цивилизации. В его основе лежит гуманизация человеческих отношений.

Однако, как показывает анализ, архетипы российского менталитета в должной мере еще не зафиксированы в сознании мирового сообщества и не осмыслены в социальной философии.

О.Г. ЛЕОНОВА
доктор политических наук,
профессор факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Политика «умной силы» – продукт эволюции «мягкой силы»

В статье рассматриваются направления эволюции политики «мягкой силы»; недостатки этой концепции; отличия политики «мягкой силы» от политики «умной силы». Автор сравнивает ресурсы, инструменты, методы и стратегию политики «мягкой» и «умной силы»; анализирует характерные особенности политики «умной силы».

Ключевые слова: *«мягкая сила», «умная сила», ресурсы, инструменты, методы, характерные черты.*

Leonova O.G. The Policy of "smart power" is a product of the evolution of "soft power". *The article reveals the directions of the evolution of the policy of "soft power"; the shortcomings of this concept; the differences between the policy of "soft power" and the policy of "smart power". The author compares the resources, tools, methods and strategy of the policy of "soft" and "smart power"; analyzes the characteristics of the policy of "smart power".*

Keywords: *"soft power", "smart power", resources, tools, methods, characteristic features.*

В условиях глобализации ни одна страна не способна решать свои проблемы, достигать поставленных целей и отстаивать свои интересы в одиночку. Для проведения независимой и эффективной внешней политики в сложных и непредсказуемых условиях глобализации «новой волны» каждой стране, большой или малой, необходимо наращивать свою силу, влияние, авторитет и находить новых союзников.

Сегодня традиционных методов общественной или публичной дипломатии для этого уже недостаточно, а политика «мягкой силы» в ситуации нарастания тенденций «управляемого хаоса» оказывается малоэффективной как средст-

* Леонова Ольга Георгиевна, e-mail: politolga@gmail.com

во влияния на политические и гуманитарные процессы в глобальном мире[1].

Для отстаивания своих национальных интересов и достижения внешнеполитических целей необходимы формирование новой стратегии, выработка нового инструментария и применение новых технологий её реализации.

Хотя набор ресурсов «мягкой силы» остается прежним: *культура* – в тех странах, где она привлекательна для других; *политические ценности* (когда государство действует согласно им у себя дома и за рубежом); *внешняя политика* (когда она рассматривается как легитимная и имеющая моральный авторитет)[2], однако меняются сама их сущность, содержание, методы продвижения, а также способы, инструменты и технологии влияния. Из всего обширного комплекса гуманитарных инструментов «мягкой силы» сегодня на первый план выходят экономические и информационно-коммуникационные инструменты и технологии.

Направления эволюции политики «мягкой силы».

1. Инструменты и технологии реализации политики «мягкой силы» становятся *все более разнообразными и национально окрашенными*. Так, политика «мягкой силы» Китая, несомненно, качественно отличается от таковой Соединенных Шатов, Германии, Франции или Бразилии[3].

2. Постепенно происходит смещение акцента с *содержания* «мягкой силы» той или иной страны (которое, по мысли Дж. Ная, призвано вызвать восхищение и желание подражать её примеру, формировать симпатии и предпочтения других стран, заинтересовать и стимулировать; привлекать к себе сердца и чувства потенциальных партнеров) *на технологии и инструменты* её реализации. Технологический аспект политики становится главным условием её результативности и гарантом достижения поставленных целей.

3. Концепция «мягкой силы» может быть доминирующей в политике государства, но *не подкрепленная силовым и экономическим факторами, она не даст результата.*

---

[1] См. подробнее: *Леонова О.Г.* Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания, 2018, №1, с. 101-114.

[2] *Nye Josef S. Jr.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004, p. 11.

[3] *Kurlantzick J.* Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. Yale University Press, 2007. 306 p.

4. Сегодня позитивная *репутация* государства, которая когда-то играла важную роль в реализации политики «мягкой силы», не подкрепленная военной и экономической мощью страны, не является средством влияния или достижения интересов власти на международной арене. Вообще в условиях глобализации «новой волны» на первое место выходят национальные интересы, а не идея единства и глобального братства человечества.

Концепция «мягкой силы» имеет ряд недостатков.

Во-первых, в ней не описан механизм создания привлекательности страны. Неясно, насколько он совпадает с механизмом, который используется для создания имиджа страны.

Во-вторых, в теории и в практике реализации концепции «мягкой силы» происходит смешение понятий «власть», «ресурсы», «влияние», «технологии».

В-третьих, в трудах Дж. Ная и его последователей не описаны инструменты и способы измерения «мягкой силы». Попытки измерить потенциал «мягкой силы» той или иной страны (исследование Сколково, журнал «Монокль» или рейтинг «Top-30 Portland Communication») справедливо подвергаются критике.

В-четвертых, несмотря на огромный объем публикаций на данную тему в них все равно присутствует терминологическая путаница: факторы «мягкой силы», ресурсы, средства трансляции, источники и т.д. Этот список можно продолжить.

Не случайно в более поздней свой работе Дж. Най предлагает новую концепцию. Это *концепция «умной силы»*[1].

Широко известно его определение «умной силы» как «разумного сочетания» твердой и мягкой силы» и «сочетания ресурсов твердой и мягкой силы». Далее он пишет: «Империями легче управлять, когда они опираются на притягательность мягкой силы, наряду с понуждением, путем применения твердой силы»[2].

Содержание данной книги подробно разобрано в ряде работ российских исследователей, поэтому мы не будет останавливаться на нем, но попытаемся развить идеи Дж. Ная[3].

---

[1] *Най С.Джозеф (младший).* Будущее власти. Москва: АСТ, 2014. 444 с.

[2] Там же, с. 340-341.

[3] *Русакова О.Ф., Ковалева Д.М.* «Мягкая сила» и «умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть, 2013, №3(41), с.15-19; *Неймарк М.* «Мягкая сила» в мировой политике. «Умная сила»: к перспективам в мировой политике (часть 2) // Обозреватель, 2016, № 2 (313), с. 67-77.

Анализ работ Дж. Ная, посвященных «мягкой силе», и работы «Будущее власти» позволяет выявить, ***чем отличается политика «мягкой силы» от политики «умной силы».*** Это:

- иной стиль поведения государства в системе международных отношений;
- большее количество и разнообразие ресурсов, которое оно использует в своей политике;
- другие методы решения внешнеполитических проблем;
- иные способы достижения поставленных внешнеполитических целей;
- специфический выбор ключевых вопросов для включения их в международную повестку дня.

Таким образом, если «мягкая сила» является более философией поведения государства во внешней политике, то «умная сила» – это, по большому счету, эффективная технология и набор инструментов для достижения поставленных целей.

Сравним ресурсы, инструменты, методы и стратегию политики «мягкой» и «умной силы».

	«Мягкая сила»	«Умная сила»
Ресурсы	Культура, политические ценности, внешняя политика	Те же ресурсы **+** экономические и финансовые ресурсы страны-субъекта «умной силы» **+** силовое давление
Инструменты	Обаяние, привлечение, действия с целью вызвать восхищение, симпатии и желание подражать	Действия с позиций убеждения, подкрепленного опорой на экономическую и военную мощь страны-субъекта «умной силы».
Методы	Обаять, «привлекать сердца», нравиться.	Комбинация убеждения и принуждения.
Стратегия внешней политики	А) Умение находить друзей. Б) Создание и привлечение на	А) Умение превращать врагов в друзей, а конкурентов – в

	основе дружеской симпатии новых партнеров, расширение своих коалиций и блоков за счет союзников.	партнеров. Б) Создание новых блоков и коалиций, частая смена союзников и партнеров в зависимости от ситуации.

Политика «умной силы» имеет свои характерные особенности.

- *Универсальность.* Данная политика возможна в любых геополитических условиях (благоприятных или неблагоприятных для страны-субъекта «умной силы»), на любых континентах и с любыми странами независимо от их места в глобальной иерархии.

- *Вневременность.* Данная политика не ограничена никакими временными рамками, в отличие от политики «мягкой силы», которая может иметь эффект в основном в период политической разрядки и «потепления», в относительно короткий период международной стабильности.

- *Методологическая и контентная открытость, политики.* В доказательство можно сослаться на слова бывшей тогда госсекретарем США Х. Клинтон. В своей статье, которая была опубликована в журнале «Newstatesman» 18 июня 2012 г., она пишет: «Проверка нашего лидерства в будущем будет заключаться в нашей способности мобилизовать разрозненные народы и нации на совместную работу по решению общих проблем и продвижению общих ценностей и чаяний. Для этого нам необходимо расширить инструментарий внешней политики, интегрировать все активы и партнеров и коренным образом изменить метод ведения дел. Я называю этот подход «умной силой»[1].

- *Технологичность.* Все инструменты и методы, приписываемые «умной силе», можно рассматривать как глобальные политические технологии, где значительную роль играют гуманитарные технологии[2].

---

[1] http://www.newstatesman.com/politics/politics/2012/07/hillary-clinton-art-smart-power

[2] См. подробнее*: Ильин И.В., Леонова О.Г.* Глобальные универсальные ценности и гуманитарные технологии в международной политике // Вестник МГУ. Серия 27. Глобалистика и геополитика, 2018, №1, с. 3-10.

- *Малозатратность* по сравнению с «жесткой силой» (затраты на войну) и «мягкой силой» (затраты на формирование и продвижение имиджа и культуры).

Таким образом, «умную силу» отличает разнообразие контента, технологий и инструментария, из которых любая страна может выбрать для себя бюджетный комплекс различных вариантов.

Особенности «умной силы» в области внешней политики.

1. *Отсутствие лимита во времени* – характерная черта «мягкой силы». Технологии влияния «мягкой силы» никогда не ограничены во времени. Например, культура государства может оставаться привлекательной как в XX, так и в XXI в.. Стратегия «умной силы» *ситуативна и потому дискретна.* Она меняется в зависимости от международной ситуации, которая характеризуется повышенной турбулентностью, неопределенностью, непредсказуемостью и нарастанием хаоса.

2. *Форсайт и политическое прогнозирование* становятся сущностной чертой политики «умной силы». Это важная способность предвидеть заранее зарождающиеся проблемы во взаимоотношениях с другими странами, их намерение нанести удар, выявить причины, побуждающие их делать это, и упредить скатывание ситуации к кризису.

3. В эпоху «новой блоковости» и формирования новых коалиций, когда все эти союзы и партнерства являются крайне неустойчивыми, морально коррумпированными и постоянно переформатируются, важным становится умение *«превращать врагов в союзников, а конкурентов в партнеров»*[1].

4. Способность выявить и объективно оценить интересы других глобальных акторов, *умение найти консенсус и их баланс со своими политическими приоритетами*. *Активные действия по управлению международной ситуацией*, направление международных политических процессов в выгодное для себя русло в целях обеспечения мира и благоприятных условий для развития и процветания своей страны.

Особенности «умной силы» в области политических ценностей и идеологии. «Умная сила» выражается в способности

[1] *Ибрагимов И.* Стратегия эффективного влияния. Внешняя политика, «мягкая сила» и энергетическая дипломатия Азербайджана в 21 веке. М.: Изд-во «Весь мир», 2016, с. 74.

- выявлять глобальные универсальные ценности;
- создавать и распространять новые идеи и концепции;
- делать их сверхактуальными и востребованными в условиях глобального мира.

Особенности «умной силы» в области культуры. «Умная сила» не нацелена на навязывание вестернизированной глобальной культуры или «очаровывание» её яркими атрибутами, как происходит сегодня, когда она таким образом завоевывает умы молодого поколения незападных стран. Культурная политика «умной силы» должна быть направлена на создание возможности адаптации к ней культуры традиционной, интерпретации её содержания культурой национальной и создание на этой основе творческого синтеза, способного стать достоянием всего человечества.

Сравним культурные политики «мягкой» и «умной» силы.

	«Мягкая сила»	«Умная сила»
Ценности	Продвигать, убеждать, мягко навязывать	Учитывать, согласовывать
Культура	Предлагать, очаровывать, соблазнять	Совмещать, систематизировать
Итог	Замещать собой национальную культуру	Интегрировать, совмещать, новый синтез культур

К сожалению, международная политическая практика показывает, что сегодня происходит нарушение баланса «мягкого» и «жесткого» компонентов в пользу последнего. Именно США – страна, где родилась и получила развитие концепция «умной силы», стали инициатором нарушения данного баланса. Угроза применения силы, «гуманитарной интервенции» с бомбардировками «недостаточно демократических» режимов, применение санкций, навешивание на неугодные государства ярлыков и статуса изгоя – данная политика Соединенных Штатов стала одной из причин эрозии их глобального лидерства во втором десятилетии XXI в.

П.К. ГОНЧАРОВ
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Методология права и юридическая коммуникация» Юридического института РУТ (МИИТ)*

Политическая элита: концептуальные подходы, сущностные и динамические характеристики

В статье раскрываются основные теоретические вопросы формирования и деятельности политической элиты как одного из важнейших политических субъектов современного общества.

Ключевые слова: *политическая элита, социальная природа политической элиты, сущность политической элиты, функции политической элиты, структура политической элиты, типологии политической элиты, рекрутирование политической элиты.*

Goncharov P.K. Political elite: conceptual approaches, essential and dynamic features. *The article focuses on basic theoretical issues of formation and activities of political elite as one of the most important political subject of contemporary society.*

Keywords: *political elite, social nature of political elite, essence of political elite, functions of political elite, structure of political elite, typology of political elite, recruitment of political elite.*

Понятие «политическая элита» в массовом сознании ассоциируется с чем-то очень важным и одновременно неопределенным. Для этого имеются достаточно веские основания. Явление, получившее такое название, не представляет собой социальный или политический институт, не имеет четкой организационной структуры или явно выраженных форм. В то же время оно выступает важным фактором об-

* Гончаров Петр Константинович, e-mail: pkgoncharov@mail.ru

щественной и политической жизни любой современной страны. Его этимологическую основу составляет французское *elite* – лучшее, отборное, первоначально использовавшееся для обозначения наиболее качественных, отселекционированных семян, растений и животных. В дальнейшем этим термином стали называть слой людей, занимающих ведущие позиции и добившихся наиболее высоких результатов в различных сферах деятельности, в том числе в политике. Так, в настоящее время широко используются такие словосочетания, как «научная элита», «экономическая элита», «военная элита», «спортивная элита» и т. д.

Особый слой людей, получивший в политологии название «политическая элита», существовал во все времена, даже при деспотических и абсолютистских режимах, однако современные формы приобрел в условиях становления индустриального общества и перехода к демократическим методам политического правления. Он занял одно из ведущих мест в системе субъектов политики и стал предметом специального социологического и политологического анализа. Глубокое изучение проблем политической элиты позволяет лучше понимать структуру и реальные механизмы политического управления обществом.

Основные концепции теории политической элиты и их содержание

Явление дифференциации отдельных групп людей по интеллектуальным способностям, уровню компетенции и, соответственно, роли в общественной жизни было замечено еще мыслителями древности. Так, Платон утверждал, что государство может стать мудрым и обрести идеальное государственное устройство только благодаря управлению и знаниям стоящих во главе него философов, составляющих совсем небольшую часть населения[1]. Однако специальные концепции политической элиты впервые были разработаны представителями так называемой макиавеллистской школы В. Парето, Г. Моской и Р. Михельсом в конце XIX – начале XX в. В отличие от гипотетических представлений Платона об общественной пользе правления мудрых философов, эти авторы в традициях Н. Макиа-

[1] См.: *Платон.* Государство // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. М., 1997, с. 92, 95-96.

велли исследовали реальные процессы, протекавшие в политической жизни общества. Их идеи послужили основой дальнейших многочисленных теоретических и эмпирических исследований различных аспектов феномена политической элиты и составили вместе с ними особый раздел политологического знания – политическую элитологию.

Сам термин «элита» как социологическая и политологическая категория введен в научный оборот итальянским социологом и политэкономом В. Парето (1848-1923). В своих трудах «Курс политической экономии» (1896-1897), «Социалистические системы» (1902-1903), «Трактат по общей социологии» (1916) и «Компендиум по общей социологии» (1920) он последовательно развивал ряд идей об элите как особом социальном классе, часть которого составляет правящую элиту. При этом наряду с понятием «правящая элита» в качестве синонимов им употреблялись понятия «правящий класс», «избранный класс», «высшая страта», «аристократия». В числе основных идей элитистской концепции В. Парето выделяются следующие.

Человеческое общество неоднородно, его члены различаются по своим физическим, моральным и интеллектуальным качествам и способностям. Индивиды, имеющие наиболее высокие показатели (индексы) в сфере своей деятельности, образуют избранный класс, *элиту* общества. В результате все население делится на две страты: низшую, неэлиту и высшую, элиту. В свою очередь высшая страта разделяется на две части. Те ее члены, которые прямо или косвенно играют заметную роль в управлении обществом, составляют *правящую элиту.* Остальные – образуют неуправляющую элиту. В правящую элиту входят люди, занимающие достаточно высокие должности во всех ветвях государственной власти, но за исключением лиц, не наделенных соответствующими личными качествами. В то же время богатство, родственные связи и личные отношения во многих случаях позволяют попадать в правящую элиту лицам, недостойным этого по своим качествам.

На протяжении всей истории человеческого общества идет процесс смешения различных социальных групп. Применительно к элите и неэлите данный феномен называется «циркуляция элит». Необходимость такой циркуляции обусловливается неизбежным количественным и качественным упадком действующей элиты за счет утраты энергии и спо-

собностей, благодаря которым она завоевала и удерживает власть. Восстановление правящего класса происходит как за счет его пополнения достойными представителями низших классов, так и вследствие потери своих собственных наиболее деградировавших членов.

Скорость циркуляции и состав правящей элиты зависят от соответствующих потребностей общества на определенных этапах его развития. Если, например, в мирных условиях нет необходимости в большом представительстве военных в правящем классе, то при продолжительных войнах такая потребность возникает. Если она своевременно не удовлетворяется, это может привести к гибели всей элиты.

Своевременная циркуляция элит обеспечивает социальное равновесие в обществе. В тех случаях, когда циркуляция замедляется, в правящей элите накапливаются элементы, не обладающие необходимыми качествами для удержания власти, а в низшей страте возрастает число лиц, способных к выполнению функций управления и склонных к использованию силы. В результате происходят революции, приводящие к насильственной смене правящей элиты.

Для управления обществом и удержания власти правящая элита использует как силу, так и согласие класса управляемых. Различия между этими двумя способами заключаются в их соотношении на определенных этапах взаимодействия элиты и неэлиты, а также в формах применения силы и достижения согласия. Оба способа реализуются при помощи лиц из числа управляемых. Одни из них – военные, полицейские и т. п. – используют силу, другие – образуют клиентелу, т. е. категорию людей, добровольно признающих свою зависимость от власти и обслуживающих ее интересы. В свою очередь правящий класс учитывает экономические интересы клиентелы, а также использует такие средства, как политическая коррупция среди избирателей, избираемых, правителей, журналистов и т. д.[1].

Основные идеи элитистской концепции Г. Моски (1858-1941) изложены в его труде «Элементы политической науки» (1896 и 1923), английское издание которого вышло под названием «Правящий класс» (1939) и принесло автору мировую известность. В результате анализа политической

[1] См.: *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М., 2007, с. 306-315, 369-376.

истории человечества автор пришел к следующим главным выводам и обобщениям.

Социальная структура всех обществ включает в себя два класса: первый – правящий, выполняющий все политические функции и составляющий меньшинство населения, и второй – управляемый и контролируемый первым и представляющий большинство населения. Суверенная власть организованного и действующего согласованно «правящего, или политического класса» над неорганизованным большинством не согласных друг с другом людей неизбежна.

Представители правящего меньшинства обладают определенными качествами и свойствами, открывающими доступ в правящий класс и обеспечивающими материальное, интеллектуальное и моральное превосходство над массой управляемых. В примитивных, находящихся на ранней стадии развития обществах таким качеством выступала воинская доблесть. В дальнейшем доминирующим свойством правящего класса становится богатство. На высокой ступени цивилизации доступ в правящий класс получают те, кто владеет специальными знаниями, подлинно научной культурой, реальным искусством управления. В то же время обладание этими качествами не гарантирует политического выдвижения лицам, далеким от правящего класса по своему социальному положению.

Правящему классу свойственно стремиться к тому, чтобы стать наследственным, сначала фактически, затем и по закону. Практически все страны и народы с продолжительной историей проходили периоды наследственной аристократии, а в некоторых странах эта традиция сохраняется до сих пор. В этих случаях рождение является единственным критерием принадлежности к правящему классу. Утвердившаяся наследственная аристократия стремится обосновать свое право на власть божественным или другим особым происхождением, каким-либо всеобщим моральным принципом, превосходством своей органической природы, выдающимися интеллектуальными способностями и т. д. Однако принадлежащие к наследственной аристократии индивиды обладают особыми качествами не в силу наследственности, а в результате такого воспитания, которое развивает у них соответствующие их положению интеллектуальные и нравственные качества. Если представители правящего класса перестают совершенствовать свои спо-

собности, с помощью которых пришли к власти и выполняют присущие им социальные функции, они неизбежно приходят в упадок.

В силу различных причин экономического, духовного или военного характера правящий класс может быть отстранен от власти новыми социальными элементами и политическими силами. Тогда наступает период обновления или революции, в ходе которого наиболее пассионарные, энергичные, бесстрашные и практичные индивиды устремляются с нижних ступеней социальной лестницы наверх и достаточно просто получают доступ в новый формирующийся правящий класс. Такое молекулярное обновление правящего класса сменяется продолжительным периодом социальной стабильности, когда члены привилегированных семей и классов овладевают искусством удержания и использования власти, вновь становятся недоступными и убежденными в своей избранности[1].

Вклад третьего представителя макиавеллистской школы Р. Михельса (1876-1936) состоит в анализе проблем формирования и деятельности политической элиты в процессе функционирования органов государственной власти, политических партий и профсоюзных организаций. В своем главном труде «Социология политической партии в условиях демократии» (1911) он открыл и всесторонне обосновал «закон олигархии как предустановленной формы человеческого общежития в больших союзах», который в политологической литературе стали называть «железным законом олигархизации» или «железным законом олигархических тенденций».

Согласно концепции Р. Михельса существование господствующего класса, или олигархии – неизбежное следствие социального структурирования общества и необходимое условие эффективного управления общественным достоянием. Все научные школы от консервативных до различных социалистических и анархистских признают обязательность или неизбежность существования привилегированного слоя, составляющего меньшинство и управляющего большинством общества. Известные истории случаи борьбы с господствующим классом представляют собой борьбу между действующим меньшинством, защищающим свое господство, и новым честолюбивым меньшинством, стремящимся к

[1] См.: *Моска Г.* Правящий класс // Социс, 1994, № 10, с. 187-198.

завоеванию власти. Возможна также конкурентная борьба внутри господствующего класса. При всех вариантах происходит замена старой правящей группировки на новую или их слияние в целях сохранения господства над массами.

Лишь теория марксизма ставит задачу ликвидации господствующего класса посредством упразднения государства. Однако, по мнению Р. Михельса, даже новое, бесклассовое, коллективистское общество будущего нуждается в элите. Для управления общественным богатством потребуется создание широкого слоя чиновничества, которое получит власти не меньше, чем дает владение собственным капиталом, частной собственностью. В результате в социалистическом государстве предметом наследования станет не накопленное богатство, а должностное положение распорядителей общественных средств и благ. Даже если когда-либо недовольным массам удастся лишить господствующий класс его власти, в среде самих масс появится организованное меньшинство, которое возьмет на себя функции господствующего класса. Таким образом, существование цивилизованного человечества невозможно без господствующего, или политического, класса, являющегося единственным непреходящим фактором всемирной истории.

Процессы возникновения и функционирования элитарного слоя управленцев характерны не только для социальной структуры общества и органов государства, но и для политических партий и профсоюзов. По мере развития партий возникает противоположность между членами партии и ее вождями. Этому способствует делегирование партиями своих руководителей в парламент, где они становятся независимыми в своих решениях от партийной массы. Господствующий характер вождей и централизованной бюрократии, владеющих большими денежными средствами, олигархический принцип их руководства еще более резко проявляются в профсоюзном движении. Концентрация власти в руках немногих, длительные сроки занятия постов и несменяемость ведут к превращению вождей в касту. В силу демократического характера своего избрания избранные вожди склонны считать себя представителями общей воли и требовать большего послушания и подчинения себе, чем прирожденные вожди аристократии.

Формированию и господству элитарного слоя управленцев в демократических общественных организациях спо-

собствуют фактические различия в уровне образования и компетентности, а также в волевых качествах их членов. Важным фактором выступает молчаливое согласие масс на отстранение от принятия решений, их неспособность к самоуправлению. Терпимость к тирании вождей психологически объясняется возможностью и надеждой индивидов самим включиться в число господствующих. Кроме того, свобода выбора и особенно переизбрания вождей подрывается мощной идеологической обработкой рядовых членов этих организаций и воздействием на их сознание[1].

Вклад классиков макиавеллистской школы в политическую науку прежде всего состоит в выделении особого, привилегированного, немногочисленного социального слоя, осуществляющего управление большинством общества, в качестве самостоятельного объекта научного исследования. Они определили и начали исследовать круг основных явлений и проблем, связанных с политической элитой общества. В их числе социальное назначение и функции правящего меньшинства в обществе; прирожденные и выработанные в процессе образования и воспитания особые качества представителей правящего класса, его групповые характеристики; структура правящего класса и взаимоотношения между его группировками; источники и процессы формирования, обновления и замены правящего класса; взаимоотношения элиты с широкими массами, методы сохранения ее господства.

Для современных концепций политической элиты характерны углубленная разработка каких-либо отдельных разделов элитистской теории или анализ проблем элиты с определенных научных и идеологических позиций. Так, ряд концепций, образующих *ценностную* или *меритократическую* (от лат. *meritus – заслуженный, достойный,* греч. *kratos – власть) теорию,* привержен позитивной оценке всех явлений, связанных с элитой. В этих концепциях элита рассматривается как слой наиболее способных, инициативных и компетентных людей, добивающихся высшего социального статуса по результатам своей практической деятельности и управляющих обществом во имя всеобщего блага. Ценност-

[1] См.: *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция, с. 186-197.

ная теория предъявляет высокие требования к представителям политической элиты и поддерживается неоконсервативными кругами политического истеблишмента.

Концепции *демократического элитизма* или *элитарной демократии* отражают процессы формирования и деятельности политической элиты в современном демократическом обществе. В соответствии с ними высокое качество политической элиты обеспечивается посредством свободных и честных выборов. Между группировками элиты устанавливаются конкурентные отношения, а циркуляция между ними носит динамичный и ненасильственный характер. В управлении обществом элита использует демократические методы и внедряет в общественное сознание демократические ценности.

Для концепций *плюрализма элит* характерен отход от ряда основополагающих положений традиционной элитистской теории и, прежде всего, анализ политической элиты не как господствующего социально-классового образования, а как особого слоя людей, осуществляющего управленческие функции. В соответствии с этими концепциями в современном демократическом обществе существует множество элит, представляющих собой группы высококвалифицированных лиц, выдвигаемых отдельными социальными, профессиональными, конфессиональными и другими стратами общества и управляющих определенными политическими и социальными процессами. Власть в обществе рассредоточена между этими функциональными элитами, а сами они контролируются выдвинувшими их стратами.

Противоположный подход к основным положениям элитистской теории реализован в ряде *леволиберальных* концепций. Так, согласно концепции Ч. Миллса (1916-1962) главным критерием принадлежности к элите является замещение высших командных должностей в наиболее важных социальных институтах. Соответственно властную элиту современного институциализированного американского общества составляют политические лидеры, руководители крупных корпораций и высшие военные руководители. Тесная взаимосвязь политических, экономических и военных институтов обеспечивает групповую сплоченность и солидарность представителей элиты, позволяет им с повышением в статусе переходить из одной группы элиты в другую. Зачастую крупные военные чины становятся руководителями корпораций, а руководители корпораций – высшими государственными

служащими. Этому способствуют также общность их социального происхождения, образования, образа жизни, личные и родственные связи. Состав властвующей элиты рекрутируется преимущественно из представителей социально близких, привилегированных классов, добившихся высоких результатов в своей профессиональной карьере[1].

Важный вклад в теорию политической элиты внес югославский государственный и политический деятель, социолог и политолог М. Джилас (1911-1995). В своем исследовании «Новый класс» (1957) автор утверждает, что с уничтожением частной собственности и класса капиталистов СССР не превратился в бесклассовое общество. Ко времени принятия Конституции 1936 г. в стране уже сформировался невиданный в истории новый класс партийной, политической бюрократии. Его основа вызрела внутри и на вершине партии особого большевистского типа – коммунистической партии.

Если в предшествующих общественных системах правящая элита использовала власть для отстаивания своих привилегий и экономических интересов определенных классов, то в коммунистическом обществе новый правящий класс обладает монополией и на власть, и на пользование и распоряжение коллективной собственностью и национальными ресурсами, и на идеологию[2]. Таким образом, анализ М. Джиласа подтвердил предсказание Р. Михельса о том, что в социалистическом обществе с упразднением правящего класса, основанного на частной собственности, приходит новый правящий класс, основанный на политической власти и владеющий собственностью всего общества.

Сущностные характеристики политической элиты

Социальная природа, социальная обусловленность политической элиты, или правящего класса имеет двойственный характер. С одной стороны, она отражает естественную дифференциацию людей по их физическим и интеллектуальным возможностям, особенностям психического склада, таким приобретенным качествам, как уровень образования и культуры и т. д. С другой стороны – является

[1] См.: *Миллс Ч.* Властвующая элита. М., 2007.
[2] См.: *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992, с. 197-229.

следствием системности человеческого общества, неизбежно подразделяющегося на управляющую и управляемую подсистемы. Совершенно естественно, что для успешного выполнения управленческих функций субъект социального управления должен состоять из членов общества, обладающих более высокими индексами способностей и результатов практической деятельности по сравнению с остальной массой населения.

В течение всей истории человечества особая группа лиц, составлявшая меньшинство населения и называвшаяся аристократией, высшей стратой, правящим классом и другими близкими терминами, неизменно входила в состав субъекта власти соответствующего общества. Ее представители составляли ближайшее окружение правителей и влияли на их решения и повседневную политику, входили в состав коллективных органов государственного управления и сами принимали и осуществляли властные решения, непосредственно участвовали в избрании высших руководителей государства из своих собственных рядов. Таким образом, *социальное назначение* политической элиты состоит в активном участии в обеспечении жизнедеятельности общества в качестве одного из главных субъектов государственного и политического управления.

Для лиц, входящих в состав правящей элиты, характерен комплекс определенных *признаков,* отличающих их от управляемого большинства общества и позволяющих им успешно выполнять свои функции. К этим признакам относятся:

- социальное происхождение, принадлежность к определенному социальному слою или профессиональной группе (рабовладельцы, феодалы, капиталисты, военные, священнослужители, управленцы, чиновники, политики);

- прирожденные характеристики (сила, воля, ум, активность, инициативность, лидерские качества, организационные способности);

- приобретенные качества (образование, воспитание, культура, профессиональные навыки, ценностные ориентации и идеологические позиции, самоидентификация с правящей элитой, установка на защиту интересов элиты или управление делами общества;

- практическое участие в политической жизни и организационный потенциал (работа в органах власти и управле-

ния, членство в политических партиях, общественных организациях и элитарных клубах).

Анализ сущностных характеристик политической элиты позволяет дать ее научное определение. *Политическая элита – это привилегированный, немногочисленный, относительно сплоченный социальный слой высокообразованных, профессионально компетентных граждан, занимающих высокое должностное положение в политической и других сферах общественной жизни и участвующих в определении политики государства и управлении обществом.*

Реализуя свое социальное назначение, политическая элита выполняет следующие основные *функции.*

Во-первых, это формирование системы политических и духовных ценностей и идеалов; выработка идеологии, отражающей интересы господствующих социальных слоев и учитывающей интересы общества в целом; определение системы национальных интересов страны.

Во-вторых, разработка внутренней и внешней политики государства и ее реализация; выработка и принятие важнейших политических решений.

В-третьих, формирование и корректировка основных компонентов политической системы общества: выработка системы законодательства, создание органов государственной власти, политических партий, СМИ и т. д., обеспечивающих реализацию выработанного политического курса.

В-четвертых, политическая элита служит главным резервуаром политических и управленческих кадров, принимает важнейшие кадровые решения.

В-пятых, на политической элите лежит ответственность за поддержание политической, экономической и социальной стабильности в обществе, за устойчивое развитие страны и ее безопасность.

Политическая элита современного общества представляет собой сложноструктурированное социальное образование. Оно включает в себя различные группы или виды элиты, которые можно дифференцировать по определенным основаниям. Наиболее важным из них выступает *уровень властных полномочий, степень важности принимаемых решений.* По этому критерию можно выделить три основных группы. *Высшая элита* – это высшие руководители государства и их особо доверенные и приближенные лица, члены правительства, депутаты парламента, высшие руко-

водители регионов, высшие представители финансово-экономических и военных кругов, участвующие в выработке и принятии решений общегосударственного значения.

К *средней элите (элите среднего уровня)* относятся руководители структурных подразделений органов власти (департаментов, служб, управлений, отделов и т. д.), руководители СМИ, видные представители интеллектуальной элиты. В элиту среднего уровня входят также руководители различных органов власти регионального звена, депутаты региональных законодательных органов. Роль средней элиты в управлении обществом заключается в содействии высшей элите в выработке принимаемых решений, в организации их выполнения и контроле за результатами работы органов власти и управления.

Административную элиту (элиту низшего уровня) образует основной, самый многочисленный слой аппаратных работников государственных органов, зачастую называемый чиновничеством или *бюрократией.* В него входят профессионально подготовленные специалисты различных сфер деятельности, обеспечивающие повседневную работу органов власти.

В политическую элиту всех уровней входят руководители и видные представители крупных политических партий, которые, как правило, выступают в качестве депутатов парламентов и других законодательных органов или выдвинуты своими партиями на руководящие посты в органах исполнительной власти.

Отдельные исследователи выделяют в качестве особой группы *маргинальную элиту,* в которую включают молодых, инициативных политических активистов, стремящихся к профессиональной политической карьере. К ней также относят лиц, по каким-либо причинам выбывающих из состава более высоких элитарных групп.

Для анализа состава и структуры политической элиты используются и другие критерии. Так, широко распространенным является ее разделение по критерию *доступа к государственной власти,* т. е. по объему и содержанию властных полномочий на *правящую элиту* и *оппозиционную элиту.* Первая из них находится у власти и имеет возможность самостоятельно принимать и реализовывать политические решения. Вторая – может лишь участвовать в выработке и принятии законодательных решений, разраба-

тывать альтернативные варианты государственной политики и готовиться к приходу к власти.

По масштабу подвластных территорий и уровню органов власти выделяются: а) *общенациональная* или *общегосударственная,* б) *региональная* и в) *местная элиты.* По характеру внутриэлитных связей – *сплоченная, интегрированная* и *разобщенная, дезинтегрированная элиты.* По основанию социальной представительности – *широкопредставительная* и *малопредставительная элиты.* По способам отбора (рекрутирования) – *открытая* и *закрытая элиты.* В зависимости от степени суверенности и геополитической ориентации – *национальная,* служащая интересам своей страны и ее народа, и *компрадорская,* т. е. обслуживающая интересы зарубежных государств, международных организаций и компаний.

Серьезные различия и даже противоречия между группами элиты могут существовать по поводу *идеологических и ценностных ориентаций.* Например, между, с одной стороны, *либеральной, демократической* и, с другой – *консервативной элитами* в современных США.

Помимо дифференциации политической элиты по видам, в политической науке практикуется построение ее интегральных типологий посредством совмещения нескольких показателей. Например, различные варианты сочетания высоких и низких степеней показателей *социальной представительности* и *групповой сплоченности* позволяют выделить четыре типа элиты:

- «стабильная демократическая» (широкопредставительная + сплоченная);
- «плюралистическая» (широкопредставительная + разобщенная);
- «властная» (малопредставительная + сплоченная);
- «дезинтегрированная» (малопредставительная + разобщенная).

Политическая элита реализует свои функции по управлению обществом, прежде всего участвуя в деятельности официальных политических институтов и в рамках формализованных процедур. В то же время она активно использует такие формы общения, обсуждения и выработки политических решений, как элитарные политические клубы, закрытые и тайные общества национального и международного характера. Примером могут служить Римский клуб

(действует с 1968 г.), Бильдербергская группа (действует с 1954 г.), Трехсторонняя комиссия (создана в 1973 г.), масонские ложи. Их решения могут носить характер теоретических концепций, прогнозов, рекомендаций, негласных договоренностей, которые тем не менее становятся реальными ориентирами практической деятельности официальных политических институтов и организаций.

Динамические характеристики политической элиты

В соответствии с открытым В. Парето законом циркуляции элит состав политической элиты не сохраняется неизменным. По мере совершенствования орудий труда, изобретения и внедрения более эффективных технологий, утверждения новых форм собственности и усложнения всей системы общественных отношений, меняется социальная структура общества. Ведущие позиции в функционировании и развитии общества начинают занимать социальные слои – носители новых господствующих форм собственности. Среди них выделяется группа наиболее активных и способных людей, берущих на себя политическое, государственное управление обществом и заменяющих в этом качестве представителей прежних правящих социальных слоев. Этот процесс и называется циркуляцией или кругооборотом элит.

Существуют два основных типа циркуляции политической элиты. Первый тип – *революционный* – происходит при *революциях снизу,* когда правящая элита противится преобразованию общественных отношений и препятствует выдвижению к руководству обществом представителей новых ведущих социальных слоев. В результате революционного, насильственного прихода к власти новых социальных сил происходит массовая, практически полная замена социального состава правящей элиты. Такой тип циркуляции имел место в период Великой французской революции (1789-1794) и Октябрьской революции в России (1917).

Второй тип циркуляции политической элиты – *эволюционный* – характерен для *революций сверху,* при которых правящая элита добровольно реформирует систему общественных, в том числе экономических и политических, отношений и соглашается на пополнение своих рядов за счет представителей других социальных слоев. В этом случае происходит частичная замена социального состава

правящей элиты, совмещение в нем старого и нового компонентов. Примером может служить формирование политической элиты постсоветской России в 90-е гг.

Помимо периодического изменения социального состава политической элиты постоянно происходит обновление ее персонального состава. Часть представителей элиты утрачивает личные и профессиональные качества, необходимые для выполнения функций политического руководства и управления, и выбывает из ее рядов. Вместо них выдвигаются другие представители привилегированных и иных социальных слоев, обладающие соответствующими способностями, качествами и устремлениями.

Рекрутирование, или подбор, пополнение персонального состава политической элиты с целю ее воспроизводства и обновления осуществляется двумя основными способами. Исторически более ранний – рекрутирование через *систему гильдий,* т. е. отбор из состава замкнутых профессионально-сословных, общественных-политических, религиозных и других объединений, защищающих интересы и привилегии своих членов, например, купцов, артистов, предпринимателей и т. д. Этот способ рекрутирования отличается закрытостью, низкой конкурентностью, строгой регламентацией процедур и критериев отбора, узостью круга лиц, оценивающих кандидатов. Он обеспечивает строгий отбор претендентов, уменьшает вероятность кадровых ошибок и внутриэлитных конфликтов. В то же время он ведет к ограничению социальной представительности, отрыву от общества, замкнутости, снижению качественного уровня и постепенной деградации элиты.

Одним из специфических и самых отработанных вариантов рекрутирования через систему гильдий является номенклатура. В сфере социального и политического управления *номенклатура – это, во-первых, перечень должностей, утверждение или назначение на которые производится каким-либо органом власти, и, во-вторых, это совокупность лиц, занимающих эти должности.* У каждого уровня власти есть своя номенклатура, которые вместе образуют *номенклатурную систему* того или иного государства. Попадание человека в номенклатуру определенного уровня значительно облегчает ему продвижение на более высокие уровни номенклатурной системы. Рекрути-

рование через систему гильдий характерно для стран с недемократическими политическими режимами.

Второй основной способ рекрутирования политической элиты – посредством *антрепренерской системы.* Он означает отбор кандидатов на высокие политические должности из широкого круга претендентов при помощи открытых демократических процедур, прежде всего выборов. Для этого способа характерны акцент на личных качествах и достоинствах претендентов и высокая конкурентность.

Антрепренерская система рекрутирования способствует широкой социальной представительности элиты, ее регулярному обновлению и омоложению, восприимчивости к новым идеям и потребностям общества. В то же время она допускает попадание в состав элиты людей случайных в политике, некомпетентных, авантюристичных и непредсказуемых. Данная система используется в странах с демократическими политическими режимами. При этом в странах с устойчивыми аристократическими или партийными традициями она может дополняться элементами отбора через систему гильдий, например, в Великобритании, Японии, Германии и других.

С.А. ДЕМИНА
кандидат экономических наук, доцент, преподаватель кафедры эффективности боевых действий ФГКВОУ ВО «Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого»*

Система оценки учебной нагрузки при реализации интерактивных занятий в военном вузе

В настоящей статье представлен анализ специфики современного учебного процесса, организованного с использованием интерактивных форм аудиторных занятий. Автором предложен подход к организации системы оценки учебной нагрузки слушателей и преподавателей военного вуза, отражающий новые требования к организации образовательного процесса.

Ключевые слова: *интерактивные занятия, учебная нагрузка, критерии результативности обучения, дифференциация.*

Demina S.A. The system of evaluation of the academic load in the implementation of interactive classes in a military university. *This article presents an analysis of the specifics of the modern educational process, organized using interactive forms of classroom instruction. The author proposes an approach to organizing a system for assessing the academic load of students and teachers of a military higher education institution, reflecting new requirements for the organization of the educational process.*

Keywords: *interactive classes, study load, criteria for learning effectiveness, differentiation.*

Анализируя тенденции академической военной подготовки необходимо отметить, что качество подготовки военных кадров сегодня связано в первую очередь с модернизацией самой армии. Поэтому одной из главных задач реформирования системы военного образования в России стала подготовка высококлассных специалистов, которым

* Демина Светлана Александровна, e-mail: Svetlana-mefi@yandex.ru

можно доверить освоение новой техники в войсках. Таким образом, главной особенностью военного образования на современном этапе становится его глубокая интеграция с войсками, развитая способность оперативно реагировать на потребности в профессиональной подготовке.

В сложившихся условиях лидирующие позиции начинают занимать те военные вузы, которые могут обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки специалистов в соответствии с требованиями интенсификации учебного процесса. Этот факт предопределяет специфические требования к самим средствам интенсификации учебного процесса.

Интенсификация обучения в общем смысле предполагает передачу большего объема учебной информации обучаемым при неизменной продолжительности обучения без снижения требований к качеству знаний. Это означает, что процесс интенсификации не может быть оценен объемом и частотой применения самих средств интенсификации, а главная задача учебной деятельности не может сводиться к административному предписанию средств и методов обучения, поскольку это автоматически не ведет к реальной интенсификации. *Для успешной интенсификации учебного процесса следует разрабатывать и внедрять научно обоснованные методы руководства познавательным процессом, мобилизующие творческий потенциал личности*.

При этом интенсификация обучения может реализоваться по-разному в зависимости от специфики вуза, отдельных направлений обучения и дисциплин. То есть интенсификация специфична так же как специфичны конкретные учебные дисциплины или их отдельные части. Учебные средства и методы обучения могут быть направлены на формирование сенсомоторных навыков, а могут быть связаны с использованием системы формализованных правил, отличающихся жесткими логическими связями[1].

В общем виде интенсификация обучения предполагает максимальную активность самого учащегося в процессе формирования ключевых компетенций. В соответствии с этим подходом многие исследователи связывают интенсификацию в образовании с интерактивными методами обучения, под которыми понимаются «… все виды деятель-

[1] *Фокин Ю.Г., Корзун М.М.* Основы интенсификации обучения в вузе. М. 1987. 160 с.

ности, которые требуют творческого подхода к материалу и обеспечивают условия для раскрытия каждого ученика»[1].

Интерактивный («inter» – взаимный, «act» – действовать) – означает взаимодействовать, находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо. Интерактивные и активные методы имеют много общего. В отличие от активных методов, интерактивные методы ориентированы на более широкое взаимодействие обучающихся не только с преподавателем, но и друг с другом и на доминирование активности студентов в процессе обучения.

Интерактивное обучение – это специальная форма организации познавательной деятельности, способ познания, осуществляемый в форме совместной деятельности обучающихся, при которой все участники взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия других и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по решению проблемы.

Так, например, использование интерактивных методов и форм обучения в процессе подготовки военных летчиков – это не только теоретическое снабжение учащихся знаниями, но и развитие логического мышления, грамотности в области информационных технологий, мотивация к самосовершенствованию и творческому росту в любой области профессиональной деятельности [2].

Курсант, хорошо обученный методам использования средств информационных технологий и прошедший подготовку по использованию программного обеспечения в области военных технологий, более рационально и эффективно сможет использовать свои знания в профессиональной деятельности для решения проблемных задач и выполнения своих прямых обязанностей.

Именно по этой причине основные методические инновации связаны сегодня с применением интерактивных методов обучения. Так, федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, а также стандарты среднего профессионального образования тре-

---

[1] *Жук А.И., Кошель Н.Н.* Активные методы обучения в системе повышения квалификации педагогов: Учеб.-метод. пособие. 2-е изд. Минск: Аверсэв, 2004. 336 с.

[2] *Пащенко О.И.* Информационные технологии в образовании: Учеб.-метод. пособие. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. 227 с.

буют, чтобы *удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, в целом в учебном процессе составлял не менее 20-40% аудиторных занятий.*

Разработчики рабочих учебных планов эту норму ФГОС распределили между отдельными учебными дисциплинами. В результате чего практически в каждой учебной дисциплине определен объем в часах проводимых занятий в интерактивной форме.

В этой связи каждый преподаватель при проектировании стандарта учебной дисциплины обязан в разделе «образовательные технологии» наряду с традиционными (если таковые используются) описать применение и интерактивных форм проведения занятий в объемах, указанных в рабочем учебном плане. Поэтому вопросы проектирования образовательных программ, реализующих интерактивные формы проведения занятий, являются достаточно актуальными как для профессорско-преподавательского, так и для административного персонала образовательного учреждения.

При этом в настоящее время не выработано единого подхода к проектированию образовательных программ, реализующих интерактивные формы проведения занятий. С одной стороны, интерактивные формы являются разновидностью аудиторных занятий и их форма прописана в программе дисциплины. С другой стороны, интерактивные занятия по своему содержанию больше напоминают семинарские и практические занятия, а также лабораторные работы.

Эта особенность интерактивных форм обучения прямым образом влияет как на аудиторную нагрузку обучающегося, так и на нагрузку преподавателя, а значит встает вопрос о том, как учитывать эти виды занятий в индивидуальных планах работы. При этом вопрос состоит не только в том, к какому виду занятия отнести интерактивную лекцию, но и в том, как объективно оценить нагрузку преподавателя, связанную с ее подготовкой и проведением.

Как известно, интенсивность работы преподавателя и обучающегося на занятиях существенно различается в зависимости от используемых форм обучения. Так, интерактивные методы обучения предполагают усиленное педагогическое взаимодействие, взаимовлияние участников педагогического процесса через призму собственной индивидуальности, личного опыта жизнедеятельности. Это процесс интенсивной межсубъектной коммуникации препода-

вателя и обучающегося характеризуется высокой интенсивностью общения его участников, их коммуникации, обмена деятельностями, сменой и разнообразием их видов, форм и приемов, целенаправленной рефлексией участниками своей деятельности.

Таким образом, во время интерактивных занятий требуется гораздо больше активности и творчества. Кроме того, технологии интерактивного обучения могут быть как неимитационными, так и имитационными. Неимитационные технологии не требуют создания имитационной модели. В основе же имитационных технологий лежит имитационное или имитационно- игровое моделирование. Это означает, что подготовка такого занятия сопряжена с дополнительными трудозатратами по созданию средств воспроизведения процессов, происходящих в реальной системе.

Из содержания технологии интерактивного обучения становится видно, что этап подготовки интерактивного занятия является достаточно трудоемким процессом. Еще до начала занятия преподавателю необходимо уточнить возраст обучающихся, их профессиональные интересы и имеющиеся навыки, выяснить заинтересованность группы в данном занятии. Это может потребовать дополнительных трудозатрат, связанных с проведением предварительного тестирования с учащимися. Кроме того, интерактивные формы занятий зачастую требуют подготовки большого объема раздаточного материала, подготовки презентации, а также подготовки самого практического блока.

Таким образом, в условиях интерактивного обучения меняется не только форма подачи материала, но и сама структура учебной нагрузки. Для обучающегося значительно увеличивается объем времени, отводимого на самостоятельную работу. Для преподавателя аудиторные часы больше сопряжены с практическими и практико-ориентированными занятиями, оказанием консультативной помощи и контролем за выполнением самостоятельной работы. Внеаудиторная работа в основном переориентируется на обеспечение самостоятельной работы и разработку новых интерактивных методик обучения, непосредственное участие в создании, реализации и корректировке образовательных программ.

В результате трудозатраты, будучи частью новых образовательных технологий, возрастают главным образом во внеаудиторной сфере, но не могут быть объективно изме-

рены и учтены имеющимся нормативным инструментарием. Фактическая нагрузка преподавателей начинает существенно различаться в зависимости от того, в какой степени преподаватели используют интерактивные формы обучения, как велики их научная и научно-методическая активность, вовлеченность в воспитательную работу со студентами и т.п.

В сложившихся условиях необходима переработка традиционных принципов и методик планирования и учета нагрузки преподавателей и обучающихся. Ее сутью должны стать реструктуризация трудозатрат и реализация дифференцированного подхода к формам аудиторной и внеаудиторной работы в вузе.

В вопросах планирования бюджета времени образовательные учреждения высшего образования сегодня имеют достаточно большую свободу. Так, ФГОС регламентирует только максимальный объем учебной нагрузки в неделю, которая должна составлять не более 54 академических часов. Эта нагрузка включает все виды аудиторной и внеаудиторной (самостоятельной) учебной работы по освоению основной образовательной программы и факультативных дисциплин.

Приказ Министра обороны РФ от 15 сентября 2014 г. №670 «О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» содержит следующие требования к нормам нагрузки обучающихся: *«общий объем учебной деятельности обучающихся, включая самостоятельную работу, планируется из расчета не более 54 академических часов в неделю. Загрузка обучающихся всеми видами учебных занятий с преподавателем не должна превышать 36 академических часов в неделю. На учениях, в период полевых (морских) выходов, на занятиях в учебных центрах, на полигонах учебная деятельность с преподавателем планируется из расчета не более 46 астрономических часов в неделю, в период всех видов практики – не более 40 астрономических часов в неделю»*[1].

[1] Приказ Министра обороны РФ от 15 сентября 2014 г. № 670 О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // – Режим доступа: https://base.garant.ru/70791866/ (дата обращения: 26.04.2019)

Следовательно, при планировании трудозатрат курсантов и слушателей на интерактивных занятиях необходимо учесть трудоемкость каждой из форм самостоятельной работы по каждой дисциплине, читающихся на той или иной неделе. Эти трудозатраты должны быть отражены в учебном плане обучения как соотношение аудиторных и внеаудиторных часов, а также в рабочих учебных планах дисциплин. При этом согласно Приказу № 670 на самостоятельную работу может быть отведено 18 часов в неделю, что составляет всего 9,7% от всей нагрузки.

Самостоятельная работа на интерактивных занятиях невозможна без соответствующей наглядности и обеспечения обучающихся методическими рекомендациями, которые необходимы во время подготовки к разным видам аудиторных занятий. Обучающийся должен получить методические рекомендации и устные объяснения специфики работы по самостоятельной подготовке к следующим занятиям. В методических разработках конкретно определяется название темы следующего занятия, детально определяется цель подготовки к нему, дается перечень основной и дополнительной литературы, рассматривается методика самостоятельной работы по подготовке к следующему аудиторному занятию, предлагаются вопросы для самоконтроля студентов, даются индивидуальные длительные и кратковременные домашние задания и предлагается методика их исполнения. Кроме того, в методическую разработку могут быть включены задания для повторения учебного материала, расчетно-графические и аналитические задачи.

Однако даже четкое понимание важности и особенностей самостоятельной работы обучающегося не гарантирует, что администрация и преподаватели военного вуза не столкнутся с проблемой планирования норм внеаудиторной нагрузки.

Приведем простой пример. В военном вузе на дисциплину «Организация и технологии выработки военно-управленческих решений» в одном из семестров предусматривается 3 кредита (108 часов). Из них 36 часов отводится на подготовку к экзамену, 48 часов – на аудиторные занятия, в том числе 20 часов на интерактивные занятия и 10 на лабораторные. Соответственно как минимум 20 часов нужно на подготовку к ним (по 0,5 часа на каждое интерактивное занятие и по 1 часу на каждое лабораторное). Таким

образом, расчет общей учебной нагрузки примет следующий вид: 36 + 48 + 20 = 104 часа.

Расчет показывает, что график учебной работы по данному курсу весьма напряжен. Так, у курсанта на дополнительные виды работ – конспектирование научной литературы, подготовку к тестированию, поиск материалов для реферирования и т.п. – почти не остаётся времени (всего 4 часа).

По мнению автора, для решения данной проблемы необходим дифференцированный подход к формам работы курсантов на интерактивных занятиях. Данный подход предполагает определенную диверсификацию системы обучения по уровням (степеням) интерактивной разработанности самой учебной среды.

Наиболее низкий уровень интерактивной разработанности системы, ограничивается коммуникациями в режиме контрольных точек, которые, как правило, реализуются в форме тестирования. Наиболее высокой интерактивной разработанностью отличаются образовательные системы способные поддерживать коммуникации пользователей в режиме on-line – в режиме форумов, чатов, видеоконференций.

Наивысший уровень интерактивности предполагает автоматическую адаптацию электронной информационно-образовательной среды ввуза к действиям пользователя. К таким видам взаимодействия относятся статистический мониторинг данных по процессу обучения, оценка образовательного уровня обучающегося, проведение психодиагностики и осуществление соответствующей адаптации обучающей среды (внесение соответствующих изменений в программу обучения и учебные материалы).

Уровень взаимодействия преподавателя и обучающегося характеризуется степенью индивидуальной поддержки слушателя. Наиболее низким уровнем взаимодействия является контроль знаний, где преподаватель лишь дает оценку уровня подготовки обучающегося. Консультации и образовательные форумы являются более тесными и продуктивными видами взаимодействия, а индивидуальное тьюторство обеспечивает процесс научения, профессионализации и самоактуализации в целом.

Важно отметить, что *по мере роста индивидуальной поддержки обучающегося в системе растут и трудозатраты на организацию учебного процесса*. Тьюторство – насколько продуктивный, настолько и дорогой вид преподавания.

Тьютор индивидуально взаимодействует со слушателями, поэтому оплата за его работу начисляется исходя из количества обучающихся, а не из количества аудиторных часов. Кроме того, при реализации тьюторства в военном учебном учреждении необходимо учесть и дополнительные затраты на мотивацию преподавателей, готовых работать в экспериментальном режиме тьюторства, осваивать новые образовательные технологии.

В связи с увеличением доли самостоятельной работы при проведении интерактивных занятий необходимо продумать как новые формы проверки самостоятельно приобретенных знаний, умений и навыков, так и методику консультаций, ориентирующих студента на более глубокое освоение материала. Эти и другие положения должны найти отражение в Положении об активных и интерактивных формах проведения учебных занятий.

Анализ результатов контроля самостоятельной работы слушателя должен осуществляться и с помощью технических средств, для чего потребуется разработка программ и контрольных заданий. В процессе контроля, кроме оценки знаний, преподаватель должен определить и то, в какой дополнительной информации, поощрении и побуждении нуждаются наиболее успешные ученики, способные продвинуться в своей самостоятельной работе дальше остальных, подобрать для них индивидуальные задания, стимулирующие в том числе и их научный поиск.

Исходя из этого, в карточках поручений и расчете часов должны учитываться следующие виды работы:

– разработка учебно-методических материалов с учетом их принципиально возросшего объема;

– часы на проведение индивидуального и коллективного контроля за самостоятельной работой учащихся (их начисление должно производиться исходя из количества читаемых преподавателем дисциплин и количества слушателей);

– обеспечение и организация балльно-рейтинговой системы организации учебного процесса и оценки успеваемости и т.п.

При этом качество интерактивного обучения должно определяться с помощью критериев результативности обучения. Предлагаемые критерии результативности интерактивного обучения слушателей представлены в таблице.

Критерии результативности обучения слушателей

Критерий	Комментарий
Удовлетворенность	Определяется с помощью анкетирования слушателей, после чего проводятся анализ и расчет эффективности по данному критерию, выявляются причины неудовлетворенности и делаются выводы
Приобретение слушателем необходимых знаний, умений и навыков	Для оценки данного критерия используется специальная форма отчета по обучению, с помощью которой определяется степень развитости необходимых знаний, умений и навыков
Эффективность внесенных предложений по усовершенствованию профессиональной деятельности	С учетом полученных знаний слушатель выносит на рассмотрение свои предложения по улучшению профессиональной деятельности, которые в дальнейшем оцениваются с точки зрения эффективности
Эффективность практической деятельности	Оценивается эффективность, выраженная в: повышении норм выработки; росте производительности; сокращении времени на выполнение работ/ проектов и т. п.
Удовлетворенность заказчика результатами обучения слушателя	Примерно через месяц для оценки заполняется специальная анкета результативности обучения

После проведения анализа полученных данных делаются выводы о качестве обучения с дальнейшим расчетом эффективности обучения.

Подводя итог, сформулируем задачи методического обеспечения интерактивного обучения в военном вузе:

1) аналитический обзор и обобщение подходов к определению трудозатрат курсантов и слушателей на различных видах учебных занятий и нагрузки преподавателя, работающего в режиме индивидуального тьюторства;

2) описание и систематизация спектра видов учебной работы курсантов (аудиторной и самостоятельной) и определение принципов оценки затрачиваемого на них времени и выработка методических рекомендаций по расчету трудозатрат обучающихся на выполнение различных видов учебной работы;

3) описание и систематизация спектра видов работы преподавателя (учебной, научной и методической) и определение принципов оценки затрачиваемого на них времени преподавателем (с учетом внедрения интерактивных форм обучения, необходимости методического и организационного обеспечения всех видов аудиторной и самостоятельной работы слушателя);

4) разработка методик анкетирования для осуществления принципа обратной связи при мониторинге эффективности трудозатрат слушателей и преподавателей.

В.Ю. БЕЛЬСКИЙ
доктор философских наук, профессор,
начальник кафедры социологии и
политологии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

В.П. МАЙКОВА
доктор философских наук, профессор
кафедры педагогики, психологии, права, истории и
философии Московского государственного
технического университета имени Н.Э. Баумана

Э.М. МОЛЧАН
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
общегуманитарных и естественнонаучных
дисциплин Сергиево-Посадского института игрушки
– филиала Высшей школы народных искусств

Традиции и новации в формировании духовно-нравственных ценностей личности в образовании

Исследуются тенденции развития духовно-нравственных ценностей личности в социальных системах. Акцентируется внимание на том, что социальные системы, а прежде всего образовательная, оказались глубоко интегрированы в глобальное интернет-пространство. Обосновывается необходимость новой образовательной парадигмы, способной обеспечить духовную безопасность общества.

Ключевые слова*: личность, духовно-нравственные ценности, социализация, виртуальная реальность, социальные системы, образовательные парадигмы.*

Belsky V.Y., Maikova V.P., Molchan E.M. Traditions and novations in the formation of the spiritual and moral values of the

* Бельский Виталий Юрьевич, e-mail: v.belskiy@bk.ru, Майкова Валентина Петровна, e-mail: valmaykova@mail.ru, Молчан Эдуард Михайлович, e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

personality in education. *The tendencies of development of spiritual and moral values of the individual in social systems are studied. The attention is focused on the fact that social systems, and first of all, educationa, turned out to be deeply integrated into the global Internet space. The necessity of a new educational paradigm, capable of ensuring the spiritual security of society, is substantiated.*

Keywords: *personality, spiritual and moral values, socialization, virtual reality, social systems, educational paradigms.*

В начале XXI в. человечество переживает уникальный период, связанный с переломным состоянием цивилизации, с радикальной переменой в жизнедеятельности человека. Философами осмысливаются новые мировоззренческие ориентиры, в области философии образования устанавливаются общезначимые ценности и принципы образовательной политики[1].

Анализ современной образовательной ситуации показывает кардинальные изменения приоритетов в социальных системах, которые выразились в педагогической сфере. Появилось множество образовательных парадигм: личностно-ориентированная, субъект-субъектная, субъектно-деятельностная, компетентностная, духовная и духовно-ориентированная, свободная, культуроведческая, рационалистическая, религиозная и светская, ноосферно-экологическая жизнетворческая, синергетическая, фундаментализационная и знаниеинтеграционная, коммуникативная, квантовая парадигма и образование виртуального типа и другие парадигмы образования.

Перед современной образовательной системой стоят задачи выработки интегральных путей выбора и соединения ценностного основания социальных систем с образовательной деятельностью. В современном обществе образовательная система выстраивается с учетом требований государственной образовательной политики и выбором субъектами взаимодействия образовательной деятельности.

В традиционной системе образования образовательный процесс рассматривался как воздействие субъекта (педа-

[1] *Бельский В.Ю.* К вопросу о ключевых социально-философских, антропологических и педагогических аспектах учения К.Д. Ушинского // Философские исследования и современность. Вып. 4. М., 2015, с. 41-58; *Бельский В.Ю., Боровинская Д.Н.* Актуальные модели развития образования: подходы и принципы их реализации // Социально-гуманитарные знания, 2019, № 2, с. 27-39.

гога) через систему управления на объект (ученика). Субъект образовательного процесса (1) через систему управления (2) воздействует на объект (рис. 1). Отклик объекта на воздействие субъекта обозначен как результат сформированных знаний, умений и навыков (3). Образовательный процесс осуществляется по линейной связи как односторонний между субъектом и объектом.

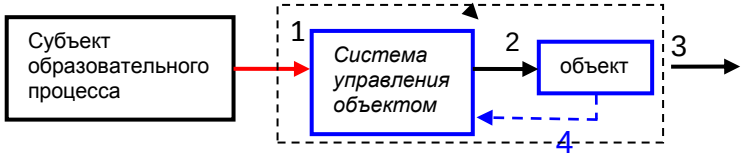

Рис. 1. Схема связей субъект-объектных взаимодействий в образовательном процессе

Рассматривая образовательный процесс как субъект-субъектное взаимодействие, где нелинейные обратные связи обусловлены синергетическими эффектами взаимовлияния субъектов образовательной деятельности, мы наблюдаем трансформацию парадигм образования. С учетом связи (4) (рис. 2) выстраивается нелинейная функция воздействий в образовательном процессе. Система управления ученика может подчиняться известным алгоритмам поведения либо усвоенным в процессе обучения. На схеме (рис. 2) показан процесс нелинейной связи, который возможно наложить на любую образовательную систему. Использование 4 – это и есть основа обучения, когда изменяется система управления ученика. Следует отметить, что в этом случае реализуется односторонняя нелинейная связь между преподавателем и учеником.

Схема связей преподаватель – ученик представляет алгоритм субъект-субъектного взаимодействия через систему управления (2.1) и обратную связь (4.1), которая воздействует на ученика. Отклик ученика на воздействие преподавателя обозначен как 3, при этом образуется обратная связь 3.1, отвечающая за воздействие ученика на преподавателя (точнее, на систему управления преподавателя). Таким образом, существует взаимовлияние между преподавателем и учеником – изменение одного из них вызывает изменение другого, т.е. осуществляется двухсторонняя нелинейная связь между пре-

подавателем и учеником. Разработанная схема (рис. 2) в общем случае описывает различные целостные парадигмы образования с положительными обратными связями, которые являются основой формирования и усиления различных синергетических образовательных эффектов[1].

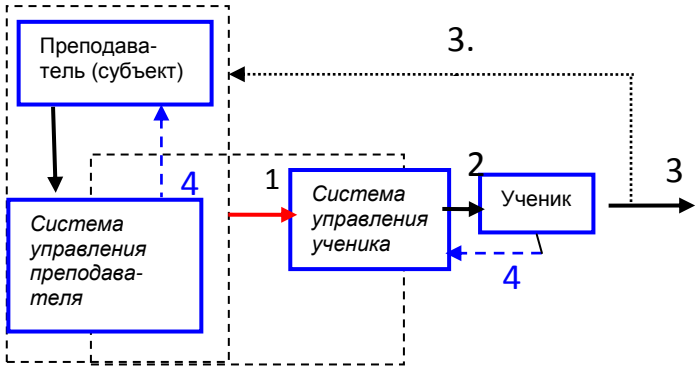

Рис. 2. Схема связей преподаватель – ученик при целостном образовании

Напряженный поиск рациональных ориентиров развития образовательных систем современной России, который бы смог удовлетворить социальную действительность, связан с освоением интернет-технологий и виртуального пространства. По мнению Ж.Т. Тощенко, виртуализация диалогических процессов в образовательной системе Российской Федерации через виртуальное интернет-пространство в современной России приобретает все более значимую, а нередко и решающую роль в осуществлении многих общественных преобразований. Современная образовательная система испытывает воздействие виртуального интернет-пространства и отражает в своем развитии противоречивые и парадоксальные изменения общественной жизни[2]. Раскрывая особенности ценностного основания социальных систем, необходимо выделить закономерность: образовательная и социальные системы Российской Федерации

[1] *Майкова В.П.* Социально-философские проблемы динамики общественного сознания в современной России: Дисс. ... д-ра филос. наук. М.: МГОУ, 2014, с. 193.

[2] *Тощенко Ж.Т.* Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015, с. 568.

оказались глубоко интегрированы в глобальное интернет-пространство, и этот процесс виртуализации современного российского общества продолжает развиваться, охватывая все сферы жизнедеятельности. Виртуализация социальных систем происходит на диалогическом, социальном, культурном, экономическом и других уровнях.

Виртуальная информатизация социальных систем через интернет-пространство, связанная с коренными социальными и научно-техническими трансформациями, порождает перераспределение человеческого капитала. Интернет-деятельность, связанная с производством, хранением и переработкой информации, заменяет реальный труд человека в социуме на виртуальный. Материальный капитал сменяется виртуальным капиталом. Виртуализация материального капитала приводит к виртуализации денежных средств. Информационные ресурсы и продукты превалируют над материальными, происходит виртуализация человеческих ресурсов, материального капитала, денежных средств, что упрощает, с одной стороны, контроль над данной деятельностью со стороны государства, а с другой – превращает человека в виртуального интернет-раба. Информатизация современного общества, образовательной системы связана с перераспределением информационных ресурсов, определением роли информации в образовательной системе Российской Федерации и жизни людей. Происходит увеличение числа занятых в сферах, связанных с информационными технологиями, коммуникацией, интернет-пространством, традиционными и электронными СМИ. Наблюдается расширение процессов виртуализации общества, связанных с использованием виртуальной диалогизации через средства массовой коммуникации и виртуальное интернет-пространство.

Массовый доступ к виртуальным интернет-ресурсам поглотил социальные системы, превратив их в социальные сети со своей культурой и отношениями. Статус образовательной системы изменяется, виртуализируются образовательные процессы, развивается онлайн-образование. Влияние виртуального интернет-пространства на социальные системы оказывает разрушающее воздействие на ценностное основание социальной реальности, открывая доступ

деструктивным глобализационным процессам и деятельности неформальных групп[1].

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире через виртуальное интернет-пространство, оказывают существенное влияние на развитие образовательной и социальных систем. Образовательная система Российской Федерации демонстрирует причудливое сочетание оценок-комбинаций: размытость, неопределенность, фрагментарность и переменчивость ценностных ориентаций, установок, социального настроения, общественных и личных интересов. Формирование духовно-нравственных ценностей личности в образовательных системах находится сегодня на перепутье[2]. Эти черты образовательной системы проявляются в виде существования широкого спектра противоречивых мировоззрений, многообразия идеологий, различных точек зрения и, соответственно, разных вариантов возможного поведения людей. Виртуализация и интернетизация социальных систем влияют на образовательные институты и подсистемы. Поэтому необходимо проследить взаимосвязь факторов социальной виртуализации современного общества через интернет и тенденции развития процессов формирования духовно-нравственных ценностей в образовательной системе[3]. Вместе с тем анализ проблемы формирования духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в образовательных системах не может быть полноценным без учета особенностей современного человека как элемента социальной реальности. Необходимо принимать во внимание социально-возрастные и социально-статусные особенности развития субъектов образовательной деятельности. Изучать взаимодействие субъектов образовательной деятельности в социальных системах нужно с позиции многих наук, но только социальная философия позволяет рассмотреть феномен формирования духовно-нравственных ценностей лич-

---

[1] *Власюк Н.Н., Майер Б.О.* Образование в интересах устойчивого развития: глобальные и региональные аспекты // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2016, № 3(31), с. 50-59. DOI: 10.15293/2226-3365.1603.05. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id= 26367164. (дата обращения: 17.06.2019)

[2] *Колотуша В.В.* Пограничная сфера общества в условиях становления многополярного мира // Социально-гуманитарные знания, 2017, № 5, с. 280-288.

[3] *Петрий П.В.* Общественный идеал как фактор модернизации России в условиях глобализации // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки, 2017, № 2, с. 55-63.

ности во взаимосвязи с социальной реальностью и в комплексе[1]. В.Т. Лисовский исследование субъектов образовательной деятельности в социальных системах выстраивает с позиции трех философско-методологических уровней. Общеметодологический раскрывает особенности взаимодействия субъектов образовательной деятельности в социальных системах[2]. Специально-теоретический уровень рассматривает ценностно-содержательную структуру личности как субъекта социальной реальности, способного изменять ценностное основание социальных систем, выстраивая свою иерархию ценностей. Эмпирический анализирует социально-исторические исследования общностей, групп, личности, моделируя жизнедеятельность субъектов в социальных системах.

Ценностное основание социальных систем и процесс формирования духовно-нравственных ценностей личности в образовательной системе меняются под воздействием глобализационных информационных воздействий со стороны виртуального интернет-пространства. Образовательная система, виртуализируясь, позволяет личности получать знания, информацию из виртуального интернет-пространства, происходит виртуализация процессов воспитания и самообразования. Наличие в виртуальном интернет-пространстве образовательных сайтов позволяет получить образование через виртуальную интернет-сеть. Однако онлайн-образование не позволяет в полной мере передать ценности и сформировать их у личности, так как виртуализация социальных систем связана и с негативными факторами влияния на формирование ценностного основания образовательной системы. Свободный доступ к сайтам, которые несут негативную информацию, онлайн-игры, видеофильмы со сценами насилия и убийств получают возможность воздействовать на сознание субъектов образовательной деятельности и навязывать свои установки и ценности современному обществу.

Виртуальное интернет-пространство оказывает воздействие на формирование жизненных ценностей личности и общества: виртуализируются ценности, механизмы реа-

---

[1] *Савченко Е.А., Молчан Э.М.* Духовно-нравственные ценности: аксиологическая классификация // Педагогическое образование и наука, 2013, № 6, с. 20-27.

[2] *Лисовский В.Т., Лисовский А.В.* Социализация молодёжи // Социология молодёжи / под ред. В.Т. Лисовского. СПб., 1996, с. 66-72.

лизации ценностей в образовательной деятельности отсутствуют, диалогическое взаимодействие и поведение как средство формирования ценностей не эффективны. При этом в сферу влияния виртуального интернет-пространства попадают не только активные пользователи сети, но и все члены общества благодаря диалогическому взаимодействию, межличностному и групповому общению. В новых условиях особенную важность с научной и социально-управленческой точек зрения приобретает всесторонний анализ механизмов влияния виртуального интернет-пространства на развитие духовно-нравственных ценностей в социальных системах. Формирование социально значимых установок и ценностей личности на первоначальном этапе происходит под воздействием трансляции социально значимой информации, и именно в этом аспекте особенно важно изучение роли средств массовой информации и глобальной виртуальной интернет-сети в жизнедеятельности современного российского общества.

Исследования социально-философских идей, концепций и учений о роли современного образования и образовательных парадигм в формировании духовно-нравственных ценностей личности позволяют определить изменения в системе образования: демократизацию системы образования, рост продолжительности и непрерывности образования, гуманитаризации и интернационализации образования, виртуализации образования. Образовательные парадигмы сдвигаются в использование онлайн-моделей образования, цифровизации социальной жизни, смешанного обучения, к духовно-нравственным ценностям, научно-философскому и религиозно-мировоззренческому синтезу и т.п.

Н.Н. ГАСАНОВ
кандидат философских наук, профессор
кафедры социогуманитарных дисциплин
Дагестанского государственного
педагогического университета*

Некоторые проблемы семейного воспитания: нравственный аспект

«Не золото надо завещать детям, а
наибольшую совестливость»
Платон

Статья посвящена острым проблемам института семьи. Большое внимание уделено вопросам нравственного воспитания детей.

Ключевые слова: *семья, культура, духовные ценности, внутрисемейные отношения, трудовое воспитание, нравственное воспитание, гуманизм.*

Gasanov N.N. Some problems of family education: the moral aspect*. The article is devoted to the acute problems of the family institution. Much attention is paid to the issues of moral education of children.*

Keywords*: family, culture, spiritual values, family relations, labor education, moral education, humanism.*

Наша страна осуществляет преобразования в социально-экономической и культурной сферах в условиях осложнения международных отношений и усиления санкций со стороны США и других западных государств. В этой ситуации исключительно актуальным является осмысление гражданами того, что развитие государства, укрепление его суверенитета, социально-экономического потенциала и безопасности во многом определяется уровнем развития

* Гасанов Нариман Набиевич, e-mail: nariman1940@mail.ru

культуры, духовной в частности. В связи с этим необходимо отметить, что главные направления и пути осуществления глубоких преобразований определены в посланиях Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию.

Озаглавленная выше тема многоаспектна. Ею интересуются специалисты в области разных наук: истории и этнографии, философии, социологии и этики, педагогики и психологии и др. В настоящей статье обращено внимание на нравственный аспект проблемы. Вопросы нравственного воспитания находятся в центре внимания журналов «Педагогика», «Российская семья» и др. Большое внимание вопросам культуры, духовно-нравственного воспитания уделяет журнал «Социально-гуманитарные знания», на страницах которого систематически публикуются материалы по самым значимым проблемам общественного развития.

В успешной реализации социумом стоящих перед ним трудных задач значительна роль семьи и семейного воспитания, а также нравственной культуры, которая представляет собой не только усвоение человеком моральных норм и социальных требований, но и активное участие индивида во всех сферах жизни, в формировании и развитии человеческой нравственности. «Для нашего общества, для многонационального народа именно семья, рождение детей, продолжение рода, уважение к старшим поколениям были и остаются мощным нравственным каркасом. Мы делаем и будем делать все для укрепления семейных ценностей. Это вопрос нашего будущего…»[1].

Укрепление института семьи в большей степени зависит от культуры в целом, нравственной в частности, которая представляет собой часть духовного потенциала, накопленного обществом. Культура «как явление общественной жизни и повседневного быта человека, – пишет профессор А.В. Миронов, – оказывает решающее влияние на все стороны человеческой жизнедеятельности и на становление самого человека, определяет богатство его духовной жизни»[2].

Обобщая достижения моральной культуры человечества, нравственная культура вместе с тем отражает степень

[1] Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г.

[2] *Миронов А.В.* Кризис духовных ценностей на социокультурном пространстве современной России // Социально-гуманитарные знания, 2007, № 2, с. 40.

освоения их обществом. Большую роль в этом процессе играет такой институт гражданского общества, каким является семья.

Семья, как известно, стоит у истоков формирования духовного мира личности. Именно в ней происходит первоначальное формирование таких ценностей, как добро, долг, гуманизм, честь и достоинство, совесть, патриотизм и интернационализм, уважение к старшим, коллективизм, милосердие, взаимопомощь, взаимоподдержка и др. Их укрепление и пропаганда являются «общей задачей для государства, для гражданского общества, для религиозных организаций, политических партий и средств массовой информации»[1]. Это необходимо подчеркнуть, поскольку мы сегодня сталкиваемся с неблагоприятными тенденциями, свидетельствующими о деформации системы многих общезначимых социокультурных ценностей и норм. Эти тенденции ярко проявляются в особенностях развития современной семейной и демографической ситуации. Она, в частности, характеризуется такими процессами, как снижение уровня рождаемости, увеличение числа разводов, неполных семей, внебрачных детей, рост семейного насилия и девиантной социализации. Поэтому неслучайно в Конституции РФ в п.1. ст. 38 закреплено положение о том, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Подтверждением этому служит «новый пакет подготовленных мер по поддержке семей»[2].

Семья – первый коллектив человека, первый его контакт с окружающим миром, практически и первый социальный институт, который участвует в воспроизводстве моральных отношений в социуме. Поэтому трудно переоценить ее роль и значение в современном обществе. В этом социальном институте удовлетворяется целая гамма высоких духовных потребностей – в любви, материнстве, обществе, культурно-эмоциональном общении.

Крепкая семья является одним из важнейших устоев государства и общества. В свою очередь, государство, будучи политическим институтом, призвано сыграть значительную

[1] Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г.

[2] Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г.

роль в укреплении института семьи, в создании оптимальных условий для выполнения семьей ее функций, гармонизации отношений между личностью, семьей и обществом. От нормального взаимодействия этих двух институтов в большой степени зависит успешное функционирование общества в целом, его нравственное состояние в частности.

Соединяя людей узами любви, родства, взаимоподдержки, общих интересов и взаимной ответственности, дружная семья делает их по-настоящему счастливыми, создает неповторимый мир для человеческого единения – морально-психологическую обстановку, оказывающую на каждого огромное положительное влияние, способствует духовному развитию и расцвету личности.

Чем больше в нашем социуме будет семей, основанных на принципах гуманизма, высокой культуры внутрисемейных отношений, воспитывающих отзывчивых, добрых граждан общества, способных к самосовершенствованию жизни коллектива семьи по пути истины, добра, красоты и любви, тем сильнее в духовном отношении станут общество и государство.

Семья обладает также значительным социальным потенциалом, который находит конкретное выражение в ее функциях, среди которых различаются функции социально-экономические и духовно-психологические. Конечно, это разделение во многом условно, так как, например, психологическая атмосфера в семье, ее микроклимат во многом зависит от доверия супругов друг к другу, справедливого разделения обязанностей между мужем, женой и взрослыми детьми.

Семья для ребенка – и социальная среда, и воплощение культурных традиций, и источник общественного опыта. В ней он находит и примеры для подражания, и критерии оценки первых проявлений своего «Я», и образ, модель общества, в которое ему предстоит войти, того большого социального мира, где он будет жить и работать. В семье происходит как бы второе, социальное рождение детей. Семейная ячейка уникальна, предпосылки ее созданы самой природой.

Поэтому люди должны в каждом новом поколении воссоздавать крепкую и нравственно здоровую семью. Такую семью можно формировать в духовно богатом социуме. Применительно к России сегодня мы имеем не только

определенные положительные социальные изменения и новации, но и весьма неблагоприятные тенденции, свидетельствующие о разрушении многих духовных ценностей.

Преобразования, начавшиеся с конца 80-х гг. прошлого столетия в России, привели к переоценке ценностных ориентиров и разрыву культурных и социальных связей, образованию своеобразного духовного вакуума, который заполняется различного рода информацией, разрушающей традиционные ценности культуры народов страны. Это имеет отношение и к институту семьи. Между тем семья – это прежде всего культура в самом положительном смысле этого слова. Она содержит в себе самое ценное, мудрое, накопленное человечеством за всю историю своего существования и переданное нам, нынешним поколениям в качестве поистине бесценного дара.

Развивая культуру, обогащая ее, возрождая и пропагандируя положительные традиции, гражданское общество призвано не только укреплять институт семьи, но и позитивно взаимодействовать с государством, которое должно своими социальными проектами укрепить социум в целом. Поэтому на всех уровнях общества важно осознать, что подлинная культура − это прежде всего высокая духовность, гуманизм, крепкая семья, истинные знания и ценности.

Сегодня, к сожалению, в России существуют факторы, оказывающие негативное влияние на семейную сферу. Это – разложение сложившейся инфраструктуры, коммерциализация сферы здравоохранения и образования, нестабильность доходов и рост безработицы, резкая социальная поляризация населения. Немало семей, отличающихся крайней бедностью, подверженных влиянию алкоголя, страдающих болезнями. Сейчас в стране за чертой бедности находится около 19 млн. человек. Они относятся к нищим и ежегодно их число увеличивается на десятки и сотни тысяч человек. Они составляют конкретные семьи, превращая их в проблемные. Как известно, бедность толкает людей на противоправные действия и на обман. Именно эти нищие люди, по мнению профессора А.В. Тонконогова, «являются тем самым общественным порохом, который может взорваться от любой даже малейшей искры»[1]. Следова-

[1] *Тонконогов А.В.* Криминальная капиталистическая революция в России: история с продолжением? // Социально-гуманитарные знания, 2017, № 6, с. 197.

тельно, такие семьи не способны осуществлять свои основные функции, создать нормальные условия социализации детей. Во многих семьях разорваны исторические связи между поколениями, родителями и детьми, семейные и этнические узы. Сегодня эти процессы порождают сложные социально-экономические и политические проблемы, а в перспективе они могут привести к глобальному кризису. Поэтому властным структурам разных уровней следует обратить на это пристальное внимание.

Существенным признаком деформации семейно-брачных отношений стало изменение общественного мнения о разводе, который по существу воспринимается не как драматическое и негативное в целом событие в жизни семьи, а как норма супружеских отношений. Из каждых трех браков в стране стабильно расходятся два.

Статистика браков и разводов по России за 2010-2017 гг. выглядит следующим образом[1].

Год	Количество зарегистрированных браков	Количество разводов	% разводов
2010 г.	1215066	639321	52,61%
2011 г.	1316011	669376	50,86%
2012 г.	1213598	644101	53,07%
2013 г.	1225501	667971	54,50%
2014 г.	1225985	693730	56,58%
2015 г.	1161068	611646	52,67%
2016 г.	985836	608336	61,70%
2017 г.	1049725	611428	58,24%

У нас в республике в 2015 и 2016 гг. было заключено соответственно 19017 и 17689 браков, но отмечено 4795 и 4964 развода. В столице Дагестана г. Махачкала за указанные годы зарегистрированы соответственно 3252 и 2933 брака и 981 и 1008 разводов[2].

Рост количества разводов дает основание для вывода о том, что семья во многом потеряла свою прочность, стала

[1] http://semeinoe-pravo.net/statistika-brakov-i-razvodov-v-rossii/
[2] www.forum-dag.ru

хрупкой, а развод стал частью современного образа жизни. Социальные последствия развода особенно тяжелы для детей, которые лишаются полноценного воспитания обоими родителями, ухудшаются материальное положение семьи и ее моральное состояние. Поэтому повышение меры ответственности каждого взрослого за семью, ее благополучие, за ту атмосферу, в которой растут дети, является насущным требованием времени. Это непростая задача. Её решению могут помочь средства массовой информации хотя бы тем, что при оценке деятельности человека на том или ином участке работы желательно учитывать не только его трудовой вклад в общее дело, но и его отношение к семье. Может быть, стоит практиковать это при аттестации?

Среди специалистов нет однозначного мнения о том, как сказывается развод на родителях и детях. Для кого-то он превращается в серьезный жизненный кризис, вызывает тяжёлый стресс, для других – это освобождение, начало изменений к лучшему.

В современном обществе наблюдается разнообразие причин и мотивов разводов. Сегодня мотивами разводов могут стать разница в возрасте при вступлении в брак, уровень дохода и образования, религиозная и национальная принадлежность, супружеские измены, пьянство, ревность, грубость, бестактность и др.

Причин разводов значительно меньше и главная из них – низкий уровень культурности, духовности многих людей. Культура включает в супружеские семейные отношения всю полноту духовной жизни людей, делает более прочными психологические узы, связывающие членов семьи друг с другом и семью с обществом, наконец, позволяет выбирать оптимальные варианты решения внутрисемейных проблем.

Негативно влияют на прочность семьи и продолжающиеся разрушительные процессы в социально-культурной сфере и в области духовного воспитания. Под видом деидеологизации и свободного обмена ценностями культуры в России идёт процесс распространения массовой культуры.

Через СМИ сплошь и рядом тиражируются в массовом порядке худшие образцы массовой культуры, оказывающие буквально разлагающее воздействие на сознание нашей молодёжи. Массовая культура неоднородна. В её составе наличествуют элементы как высокого искусства, так и обывательской пошлятины, граничащей с аморальностью. Отде-

лить одно от другого – дело вкуса и художественного развития личности, субъекта. А воспитать в нём эту способность – дело государства и его системы образования. Постоянное, упорное и назойливое внедрение через СМИ зачастую низкопробной массовой культуры содержит в себе серьезную опасность духовного обкрадывания нашей молодёжи.

Как справедливо пишет профессор А.В. Миронов, «молодежная культура все более утрачивает общекультурные, духовные характеристики, становится все более экстремальной и агрессивной по отношению к внешнему миру и к старшим поколениям... Нарушается процесс исторической преемственности культур. Известный конфликт поколений в российском обществе трансформировался в настоящую «войну поколений», разобщённость поколений, утрату национальных традиций, их преемственности»[1]. Все это, на наш взгляд, не может не повлиять негативно на институт семьи, внутрисемейные отношения, на культуру общения между родителями и детьми и на прочность брака в целом.

Огромная ответственность в плане укрепления семьи, создания в ней полноценной дружеской атмосферы ложится на отца. Он призван укреплять семейные традиции, с уважением относиться к членам семьи независимо от разницы в возрасте, служебном положении, образовании. Отец должен знать, что хорошим является только такое воспитание, принципы которого разделяются и поддерживаются другими взрослыми в семье, в первую очередь матерью. Прежде всего, необходимо единое понимание задачи воспитания. Не менее важна также согласованность в средствах воспитания.

Особую актуальность сегодня приобрела проблема взаимоотношений родителей и детей. Она стала важнейшей проблемой не только с точки зрения становления гражданского общества и формирования правового государства, но и с точки зрения нравственности и гуманизма. Не секрет, что некоторые молодые люди ради того, чтобы избавиться от хлопот и забот, под разными предлогами сдают своих пожилых родителей в приют для престарелых. В этой связи вполне уместно сослаться на древнегреческого философа Платона, который писал: «Сыновья... ожидают, что им будет позволено обвинить отца в безумии, когда он окажется

[1] *Миронов А.В.* Кризис духовных ценностей на социокультурном пространстве современной России // Социально-гуманитарные знания, 2007, № 2, с. 42.

разбит болезнью или старостью. Так действительно бывает там, где нравы людей никуда не годны... Ведь пренебрегать родителями не посоветует ни Бог, ни какой бы то ни было человек, обладающий разумом»[1].

Конфуций говорил, что государство – это большая семья. От того, насколько торжествует добродетель в каждой семье, во многом зависит нравственное здоровье всего общества. Известно, что главным условием благотворного влияния семьи на детей является правильное поведение родителей и всех взрослых членов семьи. В «Тезисах о Фейербахе», раскрывая диалектико-материалистическое понимание воспитания, Маркс писал, что «воспитатель сам должен быть воспитан»[2]. Это положение приобретает актуальность в наше непростое время, когда мы сталкиваемся с элементарной мировоззренческой дезориентацией определённой части граждан общества. На наш взгляд, родители, у которых отсутствуют устойчивые мировоззренческие позиции, вряд ли могут выполнять роль хорошего воспитателя. Иначе говоря, родителей также нужно педагогически просвещать и в центре всей этой работы должны находиться принципы гуманизма, уважение к человеку. Уважение достоинства человека, личности не дань приличию, а сила, которая повышает нравственный потенциал человека, семьи и всего общества. Человек, дорожащий своим достоинством, уважающий себя, не может не уважать других, не ценить их достоинство.

К сожалению, в нашем обществе есть немало семей, где супруги проявляют грубость, высокомерие, чванливость, бездумность по отношению друг к другу, к семье в целом.

Внутрисемейные отношения, как известно, в значительной степени зависят от семейного диалога. В нём, как справедливо пишет профессор В.Т. Пуляев, «необходимо найти человеческое средство и гуманистический смысл для движения навстречу друг к другу и понимания друг друга. Подлинная семья правдою строится, и направлена она на благодеяния людей в жизни, на возвышение человека, его духовной силы и красоты»[3].

---

[1] *Платон*. Законы. М.,1998, с. 667-679.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. В 9 т. М., 1985, т. 2, с. 2.

[3] *Пуляев В.Т.* Размышления о семье российской // Социально-гуманитарные знания, 2001, № 6, с. 145.

Нередко в семье наблюдаются противоречивые отношения родителей к детям, что порождается различиями во взглядах на воспитание и на обязанности членов семьи. Это объясняется также разным положением людей в семье и социальных ассоциациях, неодинаковым возрастом, особенностями мировоззрения того или другого члена семьи. Правильное разрешение этих противоречий требует от каждого члена семьи большой сознательности и такта, внимания друг к другу, правильной организации семейных отношений.

Под правильно организованными семейными отношениями следует понимать дружеские отношения между всеми членами семейного коллектива, совместный труд по самообслуживанию, совместное проведение досуга, жизнерадостность, отзывчивость, сердечность, такт, соответствие слов и поступков, равное ласковое отношение к детям, справедливость, уважение детских запросов и интересов, доверие к способностям и возможностям детей, поддержка их инициативы и активности. В такой семейной атмосфере легче воспитывать у детей любовь к своей малой и большой Родине, уважение к людям, коллективизм, честность, скромность, заботливость, чуткость, умение правильно оценить происходящие события и поступки. Выработка этих и других нравственных качеств должна быть в центре внимания всей воспитательной работы семьи и школы.

В последнее время появилась ещё одна проблема, влияющая негативно на развитие семьи – однополые «браки», обострились такие вопросы, какими являются семейное насилие и лишение родительских прав.

Что касается однополых «браков», то как известно, они официально признаны и регистрируются в таких государствах, как Нидерланды, Бельгия, Испания, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Португалия, Исландия, Аргентина, Бразилия, Германия, Великобритания, Франция, а также в некоторых штатах Америки[1]. Сторонники таких браков ссылаются на демократию и равенство. Противники однополых «браков» в мире пытаются оказывать этому сопротивление, проводят митинги, протестные акции, привлекают общественное мнение, выступают в СМИ, убеждая, что однополые «браки» противоречат общественной нравственности,

[1] *Новоселова Е.Н.*Однополый «брак» —тупиковая ветвь эволюции семьи и общества // Вестник МГУ, серия 18. Социология и политология, 2013, № 4, с. 86.

уменьшают рождаемость, нарушают сложившиеся в обществе веками традиционные представления о добре и зле, добродетели и пороке, любви и ненависти.

В нашей стране однополые «браки» официально не признаются. Подтверждением служат и исследования социологов, в частности «Левада-центра», проведенные в 2011, 2012, 2013 гг. Они свидетельствуют о том, что 87% населения России выступают против легализации однополых браков. Число сторонников подобных браков за указанные годы сократилось с 14% до 5%[1]. Но наша страна не является закрытым обществом. В условиях глобализации и ослабления воспитательной работы не исключается опасность роста сторонников этого зла. Чтобы минимизировать такую опасность, необходимо поднять общий уровень культуры, в частности нравственной и правовой, а также образования населения. Граждане России должны знать, что в Российской Федерации «признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния»[2]. Известно, что браком на протяжении всей человеческой истории является союз между представителями разных полов, и такая форма отношений веками признавалась соответствующей правовым нормам. Согласно Конвенции ООН «О правах ребёнка» ребёнок имеет право на отца и мать, т.е. на нормальную семью и никто не может лишить детей этого права.

Исключительно негативно влияет на прочность семейно-бытовых отношений и проблема семейного насилия. Оно остаётся весьма распространённым в обществе и разрушает его духовно-нравственные ценности.

О нравственном неблагополучии российского общества свидетельствуют данные, которые приводит социолог А.В. Юревич. «Ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийства и получают тяжкие телесные повреждения. Каждый год от жестокости родителей страдает 2 млн. детей, а 50 тыс. – убегает из дома; ежегодно 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужчинами; насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье; 12% подростков употребляют наркотики,

[1] Там же, с. 87.

[2] Полный сборник кодексов Российской Федерации с изменениями и дополнениями. М., 2003, с. 288.

более 20% детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в России...»[1].

«По различным данным, – пишет профессор В.И. Зубков, – с насилием в семье в той или иной форме сталкивается около 70% российских женщин. В 70% из этих случаев от насилия страдают и женщины и дети»[2].

Почему происходит подобное в современном российском обществе? Причин много и поэтому однозначного ответа на этот вопрос не может быть. Ясно одно, что в общество внедряются неприемлемые для нас ценности. Из приведённых данных можно сделать вывод о том, что кризис семьи в наше время следует считать институциональным и культурологическим кризисом. К сожалению, всё подчинено принципу «прибыль», деньги любыми путями. Погоня за наживой неизбежно вытесняет духовность, подлинную культуру, разрушает нравственность. А без нравственности любую систему можно считать обречённой. Наше общество стало жить по «понятиям», а не по закону и совести. Это симптомы моральной деградации социума. Мы обнищали духовно. От этого многие наши беды, замкнутость, непонимание, жалкие обиды, ложь, жестокость, отсутствие у многих родителей сострадания, милосердия, сопереживания к чужой боли, чужим трудностям, даже когда дело касается близких. В таких семьях ребёнку преподносят отрицательный пример человеческих взаимоотношений. Негативный пример взаимоотношений между людьми могут преподнести и члены семьи, которые заражены карьеризмом и честолюбием. Такие люди, пренебрегая общественными нормами морали, стремятся занять место повыше на служебной лестнице. Для карьериста главное, как о нем будут говорить, в особенности «наверху», и какие посты и награды это ему принесет. Причем, как правило, карьеристы угодливы перед начальством. Они, как нам представляется, далеки от воспитательной деятельности. У них другие цели и задачи.

Характер эпидемии принял и такой порок, как лишение родительских прав. Все эти потрясения обусловлены

---

[1] *Юревич А.В.* Нравственное состояние современного российского общества // СОЦИС, 2009, № 10, с. 70-71.

[2] *Зубков В.И.* Опыт изучения семейного насилия в современной России // Социально-гуманитарные знания, 2012, № 5, с. 252.

моральным падением семьи, прежде всего отсутствием в ней нормальных, гуманных отношений между сначала супругами, а потом между родителями и детьми.

Воспитание высоконравственных детей является обязанностью родителей. Это соответствует п. 2, ст. 38 Конституции РФ, где законодательно закреплено положение «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей».

На протяжении всей истории человечества люди стремились ответить на два главных вопроса: как они должны жить и что они должны (не должны) делать. Воспитание и есть процесс практического решения этих вопросов.

Вышеизложенный материал показывает, что вопросы воспитания в целом, нравственного в частности, приобрели особую актуальность в современных сложных условиях развития нашего общества и государства.

Нравственность, как известно, не передаётся по наследству, поэтому каждый человек должен пройти через процесс нравственного воспитания. Отдельный индивид сам по себе не может стать нравственным. Это возможно только в обществе, семье, в коллективе, в общении. Исключительно важным при этом является личный пример воспитателя, родителей, единство их слова и дела. Если родители, руководители разных уровней, педагоги и воспитатели будут говорить одно, думать другое, делать третье, то говорить о нравственном воспитании в семье и обществе в целом будут невозможно.

Известно, что главная цель нравственного воспитания – формирование высоконравственной личности. Достигается это через постановку и решение конкретных задач данного вида воспитания.

Многие мыслители и политические деятели прошлого исходили из того, что в процессе нравственного воспитания происходит целенаправленное влияние на человека для приобщения его к моральному опыту, накопленному обществом, а также к установленным в социуме нормам нравственного поведения, для привития ему моральных качеств. Платон придавал важное значение воспитанию добродетельных граждан. По его мнению, «целью воспитания является подготовка подрастающего поколения к выполнению общественных обязанностей и государственных функций. Для этого они

должны воспитать в себе мужество, рассудительность, стыдливость, справедливость»[1].

Справедливости ради подчеркнем, что в нашей великой стране, во всех её регионах много семей, в которых сложилась атмосфера гуманизма, доброты, справедливости, взаимного уважения родителей и детей. В таких семьях возникающие проблемы не доводят до конфликта, а решают на основе согласия и сообща. Надо, чтобы о них больше писали в печати, рассказывали в программах по телевидению, поддерживали морально. И в нашей республике немало дружных семей. В подобных семьях возникающие сложные проблемы решаются на основе таких регулирующих механизмов, как маслиат (переговоры) и толерантность (терпимость). В их основе лежат методы посредничества и примирения. Как справедливо пишет профессор Т.Э. Кафаров, «маслиат, по большому счёту,– это своеобразный закон жизни, препятствующий разрушительным процессам, отвергающий насилие»[2]. Что же касается терпимости, то «терпимость (сабур) – один из нравственных императивов традиционной горской этики»[3].

В укреплении нравственных устоев семьи значительна роль семейных традиций. В семейных отношениях большую роль играла и продолжает играть женщина-мать. «По отношению к женщине-матери, – отмечает профессор В.Т. Пуляев, − определяются целостность, нравственная сила человека, его любовь к Родине, которая, в свою очередь, не отрицает, а, напротив, полагает любовь к человечеству и человечности»[4].

Известный педагог В.А. Сухомлинский, утверждая необходимость создания культа матери, имел в виду не искусственное и показное возвеличивание ее, а глубокое уважение и заботу о ней. «Будет прекрасно, если отец вместе с детьми будет создавать культ матери, а мать (тоже

---

[1] Цит. по: *Васильев В.А.* Платон о благе и добродетели // Социально-гуманитарные знания, 2004, № 3, с.168.

[2] *Кафаров Т.Э.* Нравственная культура народов Дагестана: историко-философский анализ. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2016, с. 97.

[3] См. там же, с. 95.

[4] *Пуляев В.Т.* Размышления о семье российской // Социально-гуманитарные знания, 2001, № 6, с. 145.

вместе с детьми) – культ отца»[1]. Из истории известно, что для дагестанцев были характерны пропаганда гуманистического принципа в отношениях между людьми в обществе и семье, почитание предков, уважительное отношение к детям, женщине, старшим, проповедь труда вообще, физического труда в частности как источника всеобщего благополучия и общества в целом, и каждой личности в отдельности. Эти своего рода этико-нравственные установки были закреплены в обычаях и традициях народов Дагестана.

Значительное внимание проблемам воспитания, в частности трудового, уделяют и ученые Дагестана. Ряд работ профессоров М.А. Абдуллаева, Э. Абиевой, О.М. Гусейнова, Т.Э. Кафарова и других посвящены различным аспектам воспитания в целом, нравственного и трудового в частности. Так, профессор М.А. Абдуллаев пишет, что в системе семейного воспитания первое место занимает трудовое воспитание. В горских семьях раньше придавалось ему первостепенное значение. Но эта работа ослаблена. Многие родители, отмечает профессор, пытаются оправдать свои промахи тем, что теперь нет возможностей для трудового воспитания детей. Даже в городских условиях, пишет ученый, есть достаточные возможности: работа на приусадебных участках, уход за личным транспортом, уплата коммунальных услуг, помощь матери по дому и т.д. По мнению ученого, «трудовое воспитание не сводится только к приобщению к физическому труду. Всякая учеба и работа есть труд, но без умственного труда и напряжения сил организма невозможно добиться чего-либо значительного»[2].

У граждан нашей страны сознание собственного достоинства, уважение должны базироваться не только и не столько на собственной оценке себя как личности, но и в не меньшей, а может, в еще большей степени на основе мнения окружающих, на их уважении. Уважение это у нас можно заслужить только тогда, когда каждый добросовестно будет относиться к труду, к работе. Только в единстве трудовых достижений с нравственным совершенствованием личности возможны наши дальнейшие успехи в

[1] Цит. по: *Замолоцких Е.Г.* Семья как фактор формирования культуры межличностного общения младших подростков // Социально-гуманитарные знания, 2005, № 5, с. 177.

[2] *Абдуллаев М.А.* Чтобы не зарастало поле сорняками // Дагестанская правда, 2005, 21 апреля.

реализации стоящих трудных задач развития. Труд является определяющей формой деятельности человека. Его влияние на формирование нравственных качеств людей неоспоримо. Одновременно с этим человек должен быть воспитан нравственно. Он призван проявлять активное участие в общественной и политической жизни.

Искусство совместного бытия в том и состоит, чтобы вовремя преодолевать, смягчать трудности, находить выход из сложных положений.

Государство сильно крепкой семьей, способной формировать у детей такие ценности, как долг и совесть, честь и достоинство, мужество и храбрость, честность и скромность. Будучи внутренними мотивами поведения, эти ценности берут свое начало в семье. Они призваны оказывать влияние на воспитание культуры в семье – культуры общения, тактичности, способности и взаимопонимания в семье, нравственной культуры. Она, будучи частью духовного потенциала, накопленного социумом, представляет собой не только усвоение моральных норм и социальных требований, но и активное участие человека в созидательной деятельности. Нравственная культура несовместима с равнодушием. К сожалению, немало семей, где родители, замкнувшись в свой маленький мирок, пытаются приспосабливаться, равнодушны ко всему, что не затрагивает их интересы, собственную жизнь и благополучие.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Семья совместно со школой должна сблизить свои позиции в требованиях к детям, к их учебе, получению необходимого для жизни и труда образования, выбору профессий, определению правильных ориентаций в сочетании материальных и культурных ценностей.

2. Семейное воспитание необходимо рассматривать в теснейшем единстве с общественным, а также самовоспитанием, ибо они являются тремя составляющими единого процесса воспитания.

3. В духовно-нравственном возрождении и укреплении института семьи следует максимально использовать значительный потенциал положительных традиций, обычаев и праздников. Часть из них имеет многовековую историю, выработана мудростью и опытом многих поколений.

4. Семейная политика нашего государства должна быть ориентирована на социальную защиту семьи, обеспечение ее выживания, борьбу с бедностью.

5. Непреложным правилом функционирования российского государства должно быть соблюдение суверенитета семьи и ее членов. При этом в полном объеме должны быть реализованы их права, интересы и роли как субъектов общественных отношений.

6. Процесс обновления общества, расширения демократии должен быть неразрывно связан с укреплением его духовно-нравственных основ. Стремление к модернизации – не самоцель. Мир, порядок, упрочение института семьи в социуме являются не менее важными задачами. Необходимо добиваться обеспечения преобразований в интересах народа и без духовно-нравственных потерь.

И.В. КОРОЛЕВА
кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета социально-культурной деятельности и сервиса ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»*

Н.Ю. ЧУГУНОВА
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры сервиса, рекламы и социальной работы ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

Проектирование как технология социальной работы с молодежью в современных условиях

В рамках исследования предпринята попытка раскрыть потенциал проектного метода в социальной работе с молодежью, перспективы и возможности его использования. Позиция авторов основана на многолетних наблюдениях за реализацией проектной деятельности в общественной и педагогической сферах и непосредственном участии в социально-проектной деятельности.
***Ключевые слова**: социальное проектирование, молодежь, технология социальной работы.*

***Koroleva I.V., Chugunova N.Yu. Designing as a technology of social work with young people in modern conditions.** As the part of the study, an attempt was made to unlock the potential of the project method in social work with young people, the prospects and the possibilities of using it. The position of the authors is based on many years of observation of the implementation of project activities in the public and educational fields and direct participation in social project activities.*
***Keywords**: social design, youth, technology of social work.*

Существенные изменения в системе смысложизненных приоритетов и основных ценностных ориентаций российской молодежи происходят не только на региональном уровне, налицо искажение мышления. В массовом сознании студен-

* Королева Ирина Васильевна, e-mail: 19700512@mail.ru; Чугунова Наталья Юрьевна, e-mail: natalia-chugunova-2017@mail.ru

ческой молодежи наряду с положительными тенденциями находят отражение и отрицательные (ориентация на престижнопотребительский и гедонистический смысл жизни). При этом наблюдается склонность к сокращению значимости созидательной и альтруистической концепции смысла жизни[1]. Нет необходимости доказывать связь этого явления с развитием рыночных отношений и коммерциализацией в целом человеческих взаимоотношений. В русле переосмысления современных реалий в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года» акцент сделан на необходимости нового понимания социальной роли молодежи: «Молодежь недостаточно понимать в традиционном смысле, только в качестве будущего общества. Ее необходимо оценивать как органичную часть современного общества, несущую особую, незаменимую другими социальными группами, функцию ответственности за сохранение и развитие нашей страны, за преемственность ее истории и культуры, жизнь старших и воспроизводство последующих поколений и, в конечном итоге, за выживание народов как культурно-исторических общностей».

Смена ценностно-смысловых ориентиров отражается и в меняющихся требованиях к образовательным результатам и системе образования в целом, переосмыслении традиционных устоявшихся подходов к его содержанию и организации образовательного процесса. С одной стороны, в системе обучения и воспитания актуализируется субъектная роль ребенка, подростка и молодого человека; с другой – в глобализирующемся социуме ослабевают корневые идентификационные связи личности с семьей, родом, этносом, родной культурой, в связи с чем важнейшей социальной функцией образования становится развитие гражданского общества, поддержание государственности и стабильности в стране. Для формирования субъектности развивающейся личности и реализации указанной функции метод проектов является универсальным и одним из наиболее эффективных инструментов[2].

---

[1] *Гегель Л.А., Казакова Е.О.* Ключевые проблемы развития молодежной политики в Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания, 2015, № 3, с. 161-174.

[2] *Иванова С.В.* Проектная деятельность в образовании и работе с молодежью // Сборник материалов Всероссийского конкурса молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на

Обозначенные выше обстоятельства в полной мере коррелируют с магистральным направлением молодежной политики современной России и собственно ею и определяются.

Метод проектов не является новым ни в своем теоретическом осмыслении, ни в практическом применении. Однако при обилии исследований на практике использование метода проектов вызывает немало трудностей, в первую очередь методического плана. В рамках данного исследования предполагается раскрыть потенциал проектного метода в социальной работе с молодежью, перспективы и возможности его использования. Позиция авторов основана на многолетних наблюдениях за реализацией проектной деятельности в общественной и педагогической сферах и непосредственном участии в социально-проектной деятельности.

В.А. Луков рассматривает проектирование «как конструирование индивидом, группой или организацией действия, направленного на достижение социально значимой цели и локализованного по месту, времени и ресурсам»[1]. Т.Л. Стенина, сравнивая собственно проектную деятельность с социальным проектированием, констатирует, что «к использованию социального проектирования как педагогической технологии имеет смысл предъявлять требования, соотносимые с использованием метода проектов в образовании: наличие социально значимой проблемы, для решения которой требуются интегрированные знания; высокая значимость предполагаемых результатов; самостоятельная деятельность субъектов проектирования»[2].

Разработка социального проекта должна предваряться анализом ситуации на основе социологических исследований, изучением социально-экономической ситуации в регионе и в целом в стране, оценкой ожиданий и настроений населения. Такое проектирование представляет собой достаточно сложный процесс – от прогнозирования ожидаемой эффективности реализации проекта до разработки и обос-

---

социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия». М., 2016, с. 41-43.

[1] *Луков В.А.* Социальное проектирование: Учеб. пособие. 9-е изд. М.: Московский гуманитарный университет; Флинта, 2010. 240 с.

[2] *Стенина Т.Л.* Педагогические цели социального проектирования как метода обучения // Вестник Оренбургского государственного университета, 2011, № 2(121), с. 344-349.

нования его временных, финансовых, организационных, кадровых условий и механизмов[1].

В широком понимании социальное проектирование – технология инкубирования молодежных инициатив. Она предполагает комплексную системную реализацию нескольких параллельных процессов: от обучения и различных стартапов, через реализацию молодежных инициатив к обобщению и тиражированию опыта. При этом решение текущих социальных проблем мы определяем как социальный эффект. Основной целью становится развитие социальной компетентности и человеческого потенциала молодежи. Именно этот подход к пониманию технологии социального проектирования положен нами в основу исследования.

В настоящее время ведется работа над качеством реализации проектного метода в образовании и молодежной политике, которая заключается в следующем:

– обозначаются тематические поля проектирования, отличающиеся своими специфическими характеристиками (экологические, социальные, добровольческие проекты; общественно-политические проекты и др.)[2];

– формируются сообщества педагогов-практиков и экспертов, внедряющих и практикующих проектный метод и специализирующихся на определенных его видах;

– организуется целый ряд всероссийских, межрегиональных и региональных мероприятий (конкурсных и выставочных) для демонстрации результатов проектной деятельности школьников и студентов в различных формах;

– обсуждается дальнейшее развитие содержания проектной деятельности и усиление ее социализирующей и воспитательной функций на разных уровнях образования;

– развивается институт наставничества, тьюторства для поддержки проектной деятельности и др.[3].

Мы несколько сужаем проблемное поле, говоря только о социальном проектировании. Именно анализ социализирую-

---

[1] *Иванов О.Б., Иванова С.В.* Формирование образовательного пространства: междисциплинарный взгляд // Философские науки, 2016, № 1, с. 39-49.

[2] *Полат Е.С.* Метод проектов [Электронный ресурс]. − Режим доступа: http://schools.keldysh.ru/labmro/lib/polat2.htm (дата обращения: 19.11.2017).

[3] *Иванова С.В.* Проектная деятельность в образовании и работе с молодежью // Сборник материалов Всероссийского конкурса молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия», с. 41-43.

щей функции социального проектирования положен в основу нашего научного поиска, поскольку определяется в рамках социальной работы с молодежью. Следует отметить, что в целом на федеральном уровне работа с молодежью переведена в проектную логику и организуется через систему конкурсов (форумных и грантовых кампаний). Однако ощущается острая потребность в кадрах, сопровождающих проектную деятельность молодежи, причем речь идет о наставниках, способных сопровождать молодежное проектное творчество, и о его методических условиях.

С.В. Иванова проектный метод относит к разряду инновационных, так как он нацелен на позитивное преобразование реальности. С его помощью возможно налаживание гражданского диалога. Практика, когда молодежь вовлекается в решение реальных, актуальных для конкретного региона, города или села проблем, когда ей (молодежи) предоставляется возможность проявления социальных инициатив в формировании образа отдельных территорий и будущего страны в целом, позволяет юным гражданам почувствовать себя востребованными, что отвечает их психолого-возрастным потребностям и имеет огромное значение[1], прежде всего, в вопросах социализации и становления социальной компетентности. В связи с этим перспективными в области работы с молодежью как социальной, гибкой, подверженной массе влияний среде являются проектные технологии soft power (в переводе с английского «мягкая сила»), предполагающие достижение желаемых результатов на основе добровольного участия (в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение). Преодоление сложностей перехода от административных рычагов управления социумом к технологиям soft power – мягкого влияния на людей – собственно и является одной из задач проектной деятельности. Это технология, которая в полной мере соответствует задачам современности.

По мнению О.С. Газмана, проектирование – «комплексная деятельность, обладающая, во-первых, признаками автодидактизма: участники проекта автоматически осваивают новые понятия, новые представления о различных сферах жизни,

[1] *Иванова С.В.* О политическом проектировании и проектной деятельности в сфере политики [Электронный ресурс]. // Пространство и время, 2011, № 1. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/o-politicheskom-pro- ektirovanii-i-proektnoy-deyatelnosti-v-sfere-politiki (дата обращения: 13.02.2018).

новое понимание смысла изменений, которые требует жизнь. Во-вторых, участие в проектировании ставит людей в позицию «хозяина жизни», когда человек не как исполнитель, а как творец разрабатывает для себя и других новые условия жизни, согласно известной философской формуле «изменяя обстоятельства, человек изменяет самого себя», т.е. преобразование без внешнего принуждения. В-третьих, проектирование есть специфический индивидуально-творческий процесс, требующий от каждого оригинальных новых решений и в то же время – коллективного творчества. За счет обретения навыков работы в режиме группового творчества интенсивно развиваются проектировочные способности, предполагающие, прежде всего, способность к рефлексии, целеобразованию, выбору адекватных решений, и, конечно, умению выстраивать из частей целое»[1].

Сложность проектирования как технологии, которая только осваивается и накладывается на «непроектный» опыт, указывает на то, что нужно обучать проектной деятельности всех участников процесса. В ходе обучения особое внимание следует уделять формированию умений постановки конкретных актуальных и адекватных целей, с ориентацией на конкретную «среду», и реальных задач местного, регионального и федерального значения; выбора стратегии, ведущей к достижению цели; различения стратегических и тактических задач; определения качественных и количественных критериев выполнения проекта и построения его плана-графика с обозначением периодов реализации и предположительными сроками достижения результатов.

Значимость использования проектного метода в области социальной работы с молодежью трудно переоценить. Подобная деятельность, как показывают результаты исследований:

— регулирует сферу личных интересов молодого человека и мотивирует подрастающее поколение на активное участие в социальных процессах;

— поддерживает политику государства по подготовке социально-экономического кадрового резерва;

— направлена на развитие социальной среды различ-

[1] *Газман О.С.* Становление проектной культуры студентов в условиях модернизации системы образования. М.: Педагогика, 1987. 243 с.

ных территорий (регионов, городов и сел) и повышение уровня жизни людей.

Эти выводы в полном объеме коррелируют с задачами и государственной молодежной политики, и социальной работы. Конструирование и воплощение в жизнь проекта – одновременно творческая и кропотливая работа, формирующая у молодых людей необходимое в современном, быстро изменяющемся глобальном мире проектное и системное мышление, позволяющее им самовыражаться, саморазвиваться и самореализовываться. Это и определяет целевые ориентиры социальной работы в современных условиях. Проведенный анализ показывает, что социальное проектирование в социальной работе с молодежью применимо в том случае, когда мы понимаем социальную работу как системную организацию условий для развития человеческого потенциала. При сохранении командно-административных подходов и подхода, основанного на ситуативном реагировании на текущие проблемы молодых людей, социальное проектирование не имеет смысла. Более того, оно будет усиливать отторжение молодежи от реального мира, бессмысленно растрачивать ее потенциал и разрывать необходимые связи с обществом. Следовательно, для внедрения в практику социальной работы с молодежью необходим комплексный подход, основой которого должно стать решение методических задач.

В рамках экспериментальной работы нами был проведен ряд мероприятий по организации проектной деятельности молодежи на базе Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема в целях выявления положительного опыта и проблемных зон в этой сфере. В качестве экспериментальных площадок:

– организована «Школа социального проектирования» для школьников в 2014 г. при поддержке агентства Росмолодежь;

– разработан и реализован в 2017 г. курс по выбору для студентов «Основы социального проектирования»;

– разработан и реализован в 2018 г. факультативный курс для учащихся 10 класса лицея университета «Основы социального проектирования»;

– разработан и проведен впервые в 2017 г. конкурс социальных проектов «Социальные проблемы как объект проектирования», реализуемый сегодня на постоянной основе.

В качестве экспериментальных площадок в исследовании использовались молодежные форумы (проектные мастерские, экспертная деятельность); школы и конкурсы социального проектирования (интерактивные занятия, экспертная деятельность); курсы повышения квалификации для учителей (практические занятия); Мобильная академия «Педагогический транссиб: от Москвы до берегов Амура» общественно-государственной просветительской организации «Российское общество «Знание» (Лекция-презентация «Проблема+идея=проект») и т.п.

Как кульминация в реализации идеи по развитию проектной деятельности в молодежной среде в целях социальной работы нами рассматривался межвузовский конкурс социальных проектов старшеклассников, бакалавров, магистрантов «Социальные проблемы как объект проектирования». Конкурс проводится с целью развития гражданской позиции учащихся образовательных учреждений, в том числе высокой толерантности к современным социальным проблемам и готовности принимать участие в их решении. Основными задачами конкурса являются формирование у старшеклассников, бакалавров и магистрантов значимых, одобряемых обществом навыков социального поведения и социальных компетенций (информационной, коммуникативной, самоорганизации и самообразования); создание мотивации у старшеклассников, бакалавров и магистрантов для проявления собственных инициатив в решении социальных проблем.

Конкурс проводился дважды (в 2017 и в 2018 гг.), его итоги и материалы позволяют получить представление о готовности молодых людей на инструментальном уровне к проектной деятельности. Кроме того, в результате анализа представленных проектных материалов мы можем получить представление о толерантности молодых людей к социальным проблемам современности.

За два года в конкурсе приняли участие 107 человек (55 и 52). Среди участников преобладают студенты университета, представлены обучающиеся 1-4 курсов, студенты-магистранты и незначительный процент школьников. Мы проанализировали состав участников конкурса по этому критерию. В целом можно увидеть изменение качественного состава, можно говорить о вовлечении новых участников из числа студентов младших курсов, следовательно, принцип преемственности осуществляется, и вместе с тем

наблюдается повторное участие, что подтверждает пользу системной работы. Сохранившийся численный состав говорит о стабильной работе с молодежью, что вряд ли свидетельствует о предельно возможном количестве участников, следовательно, перспективы для развития конкурсных мероприятий остаются.

В целом интерес к проектной деятельности самостоятельно его участниками проявляется крайне редко (сохраняется мобилизационный характер), но динамика этого показателя положительная. Интересными для нас в рамках конкурса социальных проектов стали анализ направлений социального проектирования и сопоставление результатов с обнаруженным проблемным полем современной молодежи. Используя контент-анализ, мы выявили 13 основных направлений, среди которых в рамках 5% порога обозначились защита детства, защита животных, содействие молодежи в трудоустройстве, патриотическое воспитание, экология и медицина.

Пропаганда ЗОЖ, профилактика зависимостей, социально-культурная деятельность, профилактика адиктивного поведения, межличностные отношения и забота о будущем располагаются в пределах от 5 до 20%. Существенно отличается от других по частоте развитие добровольческой деятельности. Но в некотором смысле это собирательное значение, включающее в себя различные виды помощи отдельным категориям населения и подготовку волонтеров.

Анализ показывает, что в большинстве случаев в поле зрения проектировщиков попадают проблемы, решение которых признается значимым для молодежи и на теоретическом уровне. Следовательно, социальное проектирование может использоваться в социальной работе с молодежью как прикладная технология, но при этом важно, чтобы сами молодые люди выступали ее агентами.

Анализ социальных проблем, которые обозначены (номинированы) в социальных проектах, показывает их достаточную широту. Но их типичность часто соседствует с типичными решениями. Анализ конкурсных работ показал, что молодежь, представляя проектные идеи, далеко не всегда планирует их реализовывать. Такой подход к делу говорит об отсутствии самостоятельности, инициативности, ответственности. В таком случае технологию социального проектирования следует понимать в широком смысле и необходимо ориентировать на

формирование социальной компетентности, ставя молодых людей в субъект-субъектную позицию.

Считая необходимость и возможность использования технологии социального проектирования в социальной работе с молодежью доказанной, мы обратились к анализу проблемных зон. При этом вышли за пределы вуза, в образовательное пространство общеобразовательных школ, которые сегодня ориентированы на проектную деятельность в рамках образовательных программ. Соблюдая принцип преемственности, считаем, что проблему нужно изучать у ее истоков.

С помощью метода фокус-группы на базе ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема» была проведена дискуссия с участием учителей школ города Биробиджана с целью выяснения состояния их готовности к выполнению требований ФГОС в части реализации проектной деятельности со школьниками. В ходе обсуждения учителя высказались положительно по отношению ко вновь введенным требованиям, понимая значимость проектной деятельности. Для более качественного внедрения и получения высоких результатов по учебному проектированию они проходят курсы повышения квалификации. У большей части участников имеются ученические проекты, прошедшие апробацию в рамках различных конкурсов и реализованные (экологические, технические и другие проекты). Вместе с тем, помимо положительных тенденций и своей готовности, учителя обозначили ряд проблем и трудностей, с которыми они сталкиваются на практике. С помощью метода контент-анализа нами были определены наиболее значимые:

– низкий уровень теоретической и методической готовности педагогов. Даже пройдя обучающие курсы, учителя испытывают затруднения в выстраивании логики проектных исследований, структурном оформлении научно-исследовательских проектов;

– слабая «проблемная ориентированность» проектов, затруднения в определении проектных идей. Для учителей существует проблема выбора темы для проектирования, так как дети не всегда готовы предложить свою собственную;

– недостаток знаний в смежных областях наук при метапредметном проектировании. Это противоречие может также свидетельствовать о разобщенности педагогического состава «предметным» подходом в выстраивании логики образования. Неготовность сотрудничать приводит педаго-

гов к перегрузкам, нехватке времени и снижению мотивации к развитию проектной деятельности;

– низкая мотивация учащихся. Большинство детей не проявляют активности, заинтересованности в составлении проектов. Одной из причин может стать «навязанная» учителем тема исследования, большое значение имеет и отсутствие навыков;

– низкий уровень самостоятельности детей. Стремление к постоянному сопровождению обучающихся может свидетельствовать об отсутствии должного уровня знания о предмете, о проектировании вообще; постоянное сопровождение учителя снижает эффективность проделанной работы, может препятствовать формированию проектных компетенций школьников;

– недостаточная помощь родителей. На первых этапах обучения значимость поддержки, опоры, контроля лежит совместно на учителях и родителях. Перекладывание ответственности за учебную деятельность только лишь на школу может снизить результативность, активность, мотивацию детей. Но тогда нужно задаваться вопросом просвещения родителей;

– слабая техническая база школ. Отсутствие кабинетов, лабораторий, оборудования является препятствием для развития исследовательских инициатив обучающихся.

Необходимо комплексное решение обозначенных проблем. Научное сотрудничество школы и вуза может помочь решить ряд выявленных проблем, повысить значимость и эффективность проектной деятельности в реализации жизненных стратегий учащихся. Говоря о развитии проектных компетенций и социальной компетентности, что собственно и является ожидаемым результатом вовлечения молодежи в проектную деятельность, опытным путем подтверждаем недостаточно развитое умение ставить цели (целеполагание), планировать деятельность, определять требуемые ресурсы. Несмотря на организованные нами экспериментальные мероприятия оказывается недостаточно созданных условий. Требуется системный подход, основанный на комплексной технологии социальной работы с молодежью по вовлечению в проектную деятельность. Именно тогда возникает возможность применения социального проектирования как технологии социальной работы с молодежью в современных условиях.

В.И. БОРИСЕНКО
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных
дисциплин Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина*

Е.Н. ЧЕРНЫШЕВА
кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой социально-гуманитарных
дисциплин Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина

Всероссийское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия»: процесс становления

Статья посвящена первоначальному периоду существования Всероссийского военно-патриотического общественного движения «Юнармия». При этом в центре внимания – организационные и содержательные вопросы деятельности трёхлетнего периода существования новой молодёжной российской организации.

Ключевые слова: *«Юнармия», молодёжное движение, патриотическое воспитание, военная подготовка.*

Borisenko V.I., Chernysheva E.N. All-Russian military-patriotic social movement "Yunarmiya": the process of formation. *The article is devoted to the initial period of the existence of the All-Russian military-patriotic social movement "Unarmia". At the same time, the focus is on the organizational and substantive issues of the activities of the three-year period of the existence of the new youth Russian organization.*

Keywords: *«Yunarmia», youth movement, patriotic education, military training.*

Данная статья посвящена становлению Всероссийского военно-патриотического общественного движения (ВВПОД) «Юнармия». Она продолжает освещение темы военно-пат-

* Борисенко Владимир Иванович, e-mail: bvi095@mail.ru; Чернышева Елена Николаевна, e-mail: chernel0603gmail.com

риотического воспитания подрастающего поколения в современной России[1].

Движение «Юнармия» было создано по инициативе Министерства обороны РФ и поддержано Президентом России. Оно объединяет все органы и организации, в сфере деятельности которых находится допризывная подготовка молодёжи. Базой для обучения молодёжного движения стали объекты Ассоциации военно-патриотических клубов ДОСААФ Российской Федерации – самого крупного коллективного члена «Юнармии».

Целью движения является развитие интереса у молодёжи к истории и географии России, ее героям и полководцам, учёным и деятелям культуры, к истории многонационального народа страны. Главная задача движения – воспитание юношей и девушек в духе патриотизма, интереса и уважения к истории страны, любви к Отечеству. Членом «Юнармии» может стать каждый школьник, военно-патриотическая организация или клуб, поисковый отряд и т.п.

День рождения ВВПОД «Юнармия» – 28 мая 2016 г. Именно в этот день в парке «Патриот» в подмосковной Кубинке состоялся учредительный (Первый) слёт движения, собравший около 500 юнармейцев со всей страны. В работе слёта участвовали Министр обороны РФ и члены Коллегии Минобороны, а также представители органов госвласти и общественных организаций. Слёт утвердил Устав, Гимн и символику движения, создал руководящий орган – Главный штаб во главе с олимпийским чемпионом по бобслею, инструктором по зимним видам спорта ЦСКА лейтенантом Дмитрием Труненковым. (В июле 2018 г. начальником Главного штаба был избран Герой России, лётчик-космонавт Роман Романенко.) В ходе обсуждения задач движения

[1] *Борисенко В.И.* Кадетское образование в современной России // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения // Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения» (22-24 мая 2019 года): сборник статей / Гл. ред. М. Н. Русецкая. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2019, с. 74-78 // URL: http://pushkin.institute/science/konferencii/kirillo-mefodievskiy_festival/Sbornik_KMF_itog_2019.pdf (Дата обращения 03.07.2019)

главной задачей было определено усиление военно-патриотического воспитания юношей и девушек[1].

29 июля 2016 г. «Юнармия» в соответствии с Законом об общественных объединениях получила свой «паспорт» – государственную регистрацию. 16 сентября 2016 г. был открыт официальный сайт движения.

Первыми членами «Юнармии» 22 мая 2016 г. стали 104 школьника г. Ярославля. Церемония вступления состоялась в Ярославском центре ДОСААФ имени Валентины Терешковой. Поздравила первых юнармейцев первая женщина-космонавт, Герой Советского Союза В. Терешкова, а также космонавты Ю. Маленченко, О. Скрипочка, А. Овчинин с Международной космической станции, находившейся на околоземной орбите[2].

16 сентября 2016 г. состоялось вступление в движение «Юнармия» Ассоциации военно-патриотических клубов «ДОСААФ», которая объединяла 389 организаций, насчитывающих более 8 тыс. юношей и девушек. Это стало самым большим одноразовым пополнением «Юнармии». (Интересно, что и это знаковое событие состоялось в городе Ярославле.) За столь короткий период движение охватило более 80 субъектов России, в которых были открыты региональные штабы.

28 мая 2017 г. на Втором слёте «Юнармии» Министр обороны РФ С. Шойгу поздравил юнармейцев с годовщиной образования движения и отметил, что движение каждый месяц увеличивалось на 5-15 тыс. юношей и девушек. В результате количество юнармейцев по всей стране превысило 100 тыс.[3].

Во вторую годовщину образования Юнармии (28 мая 2018 г.) в её рядах находилось более 220 тыс. школьников в возрасте от 8 до 18 лет из всех субъектов России, а также

---

[1] Военно-патриотическому движению «Юнармия» – ветеранскую заботу // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youtharmy/news/more.htm?id=12089293@egNews (Дата обращения 03.07.2019)

[2] Первые 104 школьника вступили в возрожденное молодежное военно-патриотическое движение «Юнармия» в Ярославском центре ДОСААФ. // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youtharmy/news/more.htm?id=12085720@egNews (Дата обращения 03.07.2019)

[3] Министр обороны Российской Федерации в подмосковном парке «Патриот» поздравил Юнармию с первым днём рождения. // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youtharmy/news/more.htm?id=12126082@egNews (Дата обращения 04.07.2019)

Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана[1]. За границей Российской Федерации отряды юнармейцев создавались при воинских частях и посольствах. В первый такой отряд в июне 2017 г. вошли ученики общеобразовательной школы, дети военнослужащих российской военной базы в Армении (Гюмри). Второй зарубежный отряд Юнармии в августе 2017 г. был создан в Киргизии (авиабаза Кант под Бишкеком).

В июне 2018 г. в ряды Юнармии влились юноши и девушки Приднестровья. В 2019 г. юнармейское движение, кроме Евразии, распространилось и на другие континенты. В январе 2019 г. юнармейский отряд был организован в Северной Америке, в школе при посольстве Российской Федерации в США (Вашингтон). Этот отряд получил название «Варяг» в честь построенного в 1899 г. на верфях в США легендарного российского крейсера[2]. А в мае 2019 г. ряды юнармейцев пополнили учащиеся школы при российском посольстве в Африке, в Анголе (Луанда).

В мае 2019 г. число членов Юнармии достигло полумиллионной цифры, превысив количественный состав организации более чем в два раза за год (с мая 2018 г.)[3]. Таким образом, в трёхлетнюю годовщину своего образования это движение стало самой массовой патриотической организацией подрастающего поколения.

Основными формами деятельности юнармейского движения стали военно-спортивные игры, спартакиады по военно-прикладным видам спорта, вахты памяти и походы по местам боевой славы, посты у обелисков и мемориалов, у Вечного огня, а также участие в парадах.

Первый год деятельности движения был посвящён в основном организационному строительству. Движение увеличивало свои ряды очень активно, но не забывались и

[1] Всероссийское военно-патриотическое движение «Юнармия» отмечает день рождения // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youtharmy/news/more.htm?id=12177895@egNews (Дата обращения 05.07.2019)

[2] Отряд всероссийского движения «Юнармия» появился в Вашингтоне // ТАСС. Официальный сайт URL: https://tass.ru/obschestvo/5990567 (Дата обращения 05.07.2019)

[3] Становление Юнармии завершено, её численность достигла полумиллиона // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youtharmy/news/more.htm?id=12239965@egNews (Дата обращения 05.07.2019)

вопросы содержательной стороны жизни Юнармии. Первый год был наполнен важными событиями: празднованием Дня Победы и маршем «Бессмертного полка», комплексом юнармейских мероприятий в летний период, прежде всего Всероссийской военно-спортивной игрой «Победа», «Всероссийской акцией «Вахта памяти-2017», а также Армейскими международными играми. Особое внимание уделялось организации военно-патриотических смен в летних лагерях для детей и молодёжи[1].

В 2017 г. во всей России в парадах и торжественных шествиях в честь Дня Победы участвовало более 8 тыс. юнармейцев, а в марше «Бессмертного полка» – более 70 тыс. человек. Более 80 юнармейцев прошли торжественным маршем по Красной площади в Москве в честь исторического парада 7 ноября 1941 г.[2].

В 2017 г. юнармейцы приняли активное участие в «Поисковом движении России», которое объединило большое количество молодых людей из 71 региона. Было проведено около 1,5 тыс. согласованных с Минобороны РФ поисковых экспедиций, в результате которых в 37 «боевых» регионах России были подняты останки более 17 тыс. советских бойцов, а также возвращены имена 769 защитникам Родины. Так, в Карелии поисковики опознали уроженца Сталинградской области майора Г.М. Долгова, который был убит и оставлен на поле боя. Удалось разыскать семью воина, которая по-прежнему живёт в Волгоградской области, и вернуть ей личные вещи героя.

Юнармейцы участвовали также в осуществлении проекта «Дорога к обелиску», в рамках которого благоустраивались воинские захоронения и мемориалы, а также проекта «Научись помнить», в ходе которого юнармейцы рассказывали о поисковой работе, учили искать документы о близких – участниках Великой Отечественной войны в базах данных Минобороны РФ[3].

---

[1] Движение «Юнармия» оправдало стратегические цели своего создания // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youtharmy/news/more.htm?id=12142372@egNews (Дата обращения 06.07.2019)

[2] Более 80 юнармейцев приняли участие в торжественном марше на Красной площади // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youtharmy/news/more.htm?id=12149829@egNews (Дата обращения 06.07.2019)

[3] Торжественное закрытие всероссийской акции «Вахта Памяти-2017» состоялось в Волгограде в год 75-летия Сталинградской битвы // Сайт

9 ноября 2017 г. на заседании Главного штаба «Юнармии» были подведены предварительные итоги работы в 2017 г. и отмечено, что с мая по сентябрь было проведено более 7,5 тыс. мероприятий на всех уровнях (муниципальном, региональном и федеральном). В летний период более 16 тыс. юнармейцев отдохнули в 40 детских лагерях при активной помощи Минобороны РФ и 32 лагерях при поддержке ДОСААФ России и властей регионов[1].

В 2018 г. также было проведено более 7000 различных мероприятий. В летний период было организовано 1637 юнармейских смен в детских лагерях отдыха (в пять раз больше, чем в 2017 г.) и 26 экспедиций. Число участников этих мероприятий – 83 тыс. человек. Отлично зарекомендовали себя и палаточные лагеря – настоящие армейские лагеря, в которых юнармейцы проходят полный курс молодого бойца.

В 2018 г. было положено начало сети Домов Юнармии. Первым стал Центральный дом Юнармии в Москве на базе Преображенского полка, в котором юнармейцы обучаются по различным направлениям. Юнармейцы участвуют в мастер-классах по сборке и управлению квадрокоптерами и квадроциклами, слушают лекции специалистов Русского географического общества и ДОССАФ по истории и географии, участвуют в тренировках, проводимых спортсменами ЦСКА, учатся петь и танцевать под руководством артистов ансамбля имени А.В. Александрова. К апрелю 2019 г. в 13 субъектах России были открыты 17 Домов Юнармии. В 2020 г. такие Дома должны появиться во всех субъектах Федерации.

252 юнармейца в 2018 г. получили медаль «Юнармейская доблесть» 3-х степеней. Знак отличия 1-й степени вручался за личное мужество и героизм, а также выдающиеся успехи в учебе или общественной работе. Награду 2-й степени получали те, кто добился серебра в олимпиадах, конкурсах, соревнованиях и был активным участником движения 3 года. Медали 3-й степени удостаивались финалисты всероссийских и международных военно-спортивных игр и научных олимпиад, а опыт пребывания их в Юнармии составлял не менее года. Среди тех, кто получил медаль 1-й степени – ученик 9-го

Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youthармy/news/more.htm?id=12151594@egNews (Дата обращения 03.07.2019)

[1] В Москве прошло заседание Главного штаба Юнармии // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youthармy/news/more.htm?id=12150113@egNews (Дата обращения 05.07.2019)

класса одной из московских школ Денис Гусенков, который участвовал во всех школьных олимпиадах, занимается боевыми искусствами, парашютным спортом, лыжами, водными походами, а также является наставником молодых юнармейцев и волонтёром[1].

В 2019 г. в практике Юнармии появились мероприятия, проводимые в круглогодичном формате. Одним из них стал проект «Юнармеец в профессии», ориентированный на профориентацию молодёжи, целью которого является создание юнармейских центров на базе предприятий Военно-промышленного комплекса (ВПК). В рамках научно-технического творчества главными событиями стали Всероссийская юнармейская инновационно-техническая смена «Юнтех» и Всероссийский конкурс «Техно-Юнармеец»[2].

Ещё одним проектом стала Всероссийская юнармейская лига КВН, созданная совместно с телевизионным творческим объединением «АМиК». Наставниками создаваемых команд юнармейцев стали опытные КВНщики[3]. Также впервые был реализован проект «Юнармейский исторический диктант», в ходе которого участники движения проводили уроки по истории для своих сверстников по всей стране.

Важным шагом в 2019 г. стала договорённость руководства Юнармии с более чем 20 гражданскими вузами страны о получении юнармейцами при поступлении в эти вузы дополнительных баллов к ЕГЭ за их личные достижения. На очереди – вопрос о предоставлении юнармейцам преимуществ при поступлении и в военные вузы[4].

Одной из главных задач юнармейского движения в 2019 г. стала популяризация военно-прикладных видов спорта, а также видов спорта, развивающих физические качества юнармейцев. В регионах Российской Федерации началось создание всесезонных военно-патриотических центров «Аван-

[1] «Мы нашли, чем заинтересовать детей». Глава Юнармии – о настоящем и будущем движения // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/6081524 (Дата обращения 08.07.2019)

[2] Центры «Юнармии» в 2019 году появятся на предприятиях ВПК // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youtharmy/news/more.htm?id=12202532@egNews (Дата обращения 09.07.2019)

[3] Оргкомитет КВН утвердил Всероссийскую юнармейскую лигу // Сайт Минобороны России. ВВПОД «Юнармия» URL: http://stat.mil.ru/youtharmy/news/more.htm?id=12211319@egNews (Дата обращения 09.07.2019)

[4] Юнармейцам добавят баллы к ЕГЭ // ТАСС. Официальный сайт URL: https://tass.ru/obschestvo/6273668 (Дата обращения 09.07.2019)

гард», основными направлениями которых должны быть учебные сборы по основам военной службы и профильные военно-патриотические смены. Первый такой центр будет открыт в парке «Патриот» (Московская область).

Начавшийся в мае 2016 г. процесс становления Юнармии завершился к середине 2019 г. В результате эта организация стала самым массовым и ведущим молодёжным общественным объединением страны, в центре внимания которого – формирование у подрастающего поколения гражданских и патриотических качеств. Благодаря активной деятельности этого движения военно-патриотическая работа с молодёжью значительно активизировалась.

О.Р. РАДЖАБОВ
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Дагестанского государственного аграрного университета им. М. М. Джамбулатова»*

А.А. МИРИМОВА
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Дагестанского государственного аграрного университета им. М. М. Джамбулатова»

Объективные и субъективные факторы появления многоженства в обществе

В статье дается анализ причин и факторов возникновения многоженства в обществе. Авторы устанавливают, что основные причины полигамии – появление частной собственности и возникшее на ее основе неравенство полов в семье и обществе.

Ключевые слова: *ислам, аят, многоженство, брак, полигамия, моногамия, джахилийя, шейх.*

Radjabov O.R., Mirimova A.A. The objective and subjective factors of occurrence of polygamy in the society. *The article gives an analysis of the reasons and factors of the emergence of polygamy in the society. The authors establish that the main causes of polygamy are the emergence of private property and gender inequality within the family and society, which arised on its base.*

Keywords: *Islam, ayat, polygamy, marriage, polygamy, monogamy, dzhahilija, sheikh.*

Возникновение полигамной семьи в обществе имеет свои глубокие экономические причины, уходящие в глубь истории человечества. Объективные условия для полигамных браков складываются с появлением частной собственности и возникшего на ее основе неравенства полов в семье и обществе.

* Раджабов Осман Раджабович, e-mail: filek08@rambler.ru; Миримова Афисат Абдулкеримовна, e-mail: afisat0903@yandex.ru

Многоженство приобретает особый статус при появлении государства и права в обществе, в том числе в мусульманском. В сложившихся условиях в рабовладельческой, а затем и в других эксплуататорских формациях именно «существование рабства, рядом с моногамией, присутствие молодых, красивых рабынь, находящихся в полном распоряжении мужчины, придало моногамии с самого начала ее специфический характер, сделав ее моногамией только для женщины, но не для мужчины». Такой характер она сохраняет и в настоящее время.

Для знати многоженство в различных формах всегда существовало. Неограниченная власть мужа в семье, где собственность принадлежит ему, объективно способствовала возникновению полигамного брака. «Если частная собственность послужила причиной социального и экономического неравенства мужа и жены, то само это неравенство, в свою очередь, привело к изменениям в семье, в брачно-семейных отношениях»[1].

При новой форме семья стала только для жены моногамной, а муж беспрепятственно жил в обстановке явной или тайной полигамии. Для осуществления открытой полигамной жизни для мужчин необходимо было наличие определенных условий. Во-первых, чтобы собственная жена не могла воспрепятствовать таким связям, и ее зависимое положение в патриархальной семье обеспечивало полностью эту возможность для мужа, она вынуждена была мириться с таким положением. Религия, законодательство, общественное мнение и традиции поддерживали мужа. Во-вторых, нужно было наличие определенного состояния для содержания своих наложниц. В-третьих, необходимо было наличие в обществе свободных женщин, с которыми можно было вступить в интимные отношения. Установление подобных связей с замужними женщинами равносильно было покушению на чужую собственность, что подвергалось строгому наказанию, мести.

По существу единственной из мировых религий, последовательно поддерживающей полигамию, является ислам. Христианство и другие религии мира этот институт не приняли, они освятили единобрачие. Но следует отметить, что наличие в обществе полигамных браков – не чисто исламс-

[1] *Вагабов М.В., Вагабов Н.М.* Ислам: история и современность. Махачкала, 2002, с. 364.

кое явление. Фактически власть имущие немусульманских конфессий открыто состоят в полигамных отношениях.

Феномен ислама в том, что он, хотя и с определенными оговорками, не в повелительной форме, как, например, вступление в брак, освятил этот социальный порок. Появление многоженства в странах мусульманского мира нельзя рассматривать как случайность – это явление, имеющее свои социальные корни. Получившие широкое распространение исключительно среди имущих классов общества, освященные Кораном и другими богословскими источниками ислама (в то время, когда в гаремах султанов, персидских шахов, эмиров и других феодалов численность жен и наложниц достигала тысячи и более), полигамные браки в мусульманском мире, естественно, привлекали к себе внимание. Однако необходимо отметить и то, что в странах мусульманского мира «не все мужчины жили в полигамии, они состояли в основном в моногамном браке, многоженство же получило распространение только у представителей состоятельных классов»[1].

Следует подчеркнуть, что традиционные идеи апологетов ислама о многоженстве доисламских арабов или отход его отдельных последователей от первоначальных идей «чистого» ислама как причины возникновения и санкционирования полигамии до наших дней вопреки историческим фактам остаются доминирующими в социальной доктрине ислама и в обыденном сознании мусульман.

Однако нельзя согласиться с чисто субъективистскими утверждениями мусульманских авторов о наличии у доисламских арабов многоженства в таких масштабах, какие они описывают. По поводу полигамии у доисламских арабов Магомедбек Хаджетлаше в своей работе «Шрутель – ислам» писал, «что Мухаммед, не имея возможности уничтожить многоженство, ограничил его вместо десяти жен только четырьмя».

Можно допустить существование многоженства у именитых шейхов племен арабов-язычников. Но как всеобщее социальное явление оно не могло получить и не получило столь широкого распространения, скорее всего факты многоженства носили единичный характер в исключительных случаях.

Для возникновения «необузданнейшей полигамии» в период родоплеменных отношений у арабов еще не сложились объективные условия. Поэтому в исторической литературе

[1] Там же, с. 352.

почти нет никаких достоверных сведений о полигамии арабов-язычников. Если многоженство имело бы место у арабов периода джахилийа, то оно, бесспорно, стало бы наряду с другими социальными явлениями объектом отражения в художественной форме в доисламской устной литературе. Кроме того, в Коране нигде ни одним словом не упоминается о наличии многоженства у доисламских арабов.

Следовательно, утверждение о наличии у доисламских арабов многоженства, как об этом писали крупнейшие мусульманские теологи, не соответствует исторической действительности. В этом вопросе существует единое мнение у многих объективно исследующих историю ислама восточных и западных ученых. Все явления, связанные с полигамией, имеют исламское канонизированное начало у арабов.

Наконец, есть и еще одна группа ученых, которая объясняет возникновение в исламе полигамного брака климатическими и расовыми особенностями. В основном подобные взгляды возникли у западных авторов, в частности у Монтескье – крупнейшего французского просветителя XVIII в. Несостоятельность этой концепции очевидна. Однако необходимо обратить внимание на то, что полигамные семьи существовали не только на мусульманском Востоке, но и у многих народов Запада, Дальнего Востока. Указывая на характер полигамии, известный русский исламовед А. Крымский совершенно справедливо писал, что «и в христианских странах те же классы (он имел в виду высшие и богатые классы. – *Авт.*) оказываются многоженцами. Причину разврата знатных и богатых мусульман надо искать в экономических условиях жизни, а не в религиозном узаконении многоженства»[1].

Даже история отдельных русских царей, например Ивана Грозного, показывает, что многие из них жили в полигамных браках. Петр I был сыном от четырнадцатой жены царя Алексея. Фактически полигамия для мужчины открыто или тайно всегда существовала, особенно для мужчин – представителей имущих классов.

Таким образом, объяснения причин возникновения полигамного брака в обществе вообще, в социальной теории и практике ислама в частности мусульманскими и буржуазными авторами носят субъективный характер и в своей основе являются научно несостоятельными теориями. Так,

[1] *Крымский А.* Мусульманство и его будущность. М.,1899, с. 78.

существует мнение западных авторов, что многоженство в обществе возникло как чисто исламское явление и составляет его атрибут, далее они пытаются доказать, что главной причиной возникновения полигамии в феодальных обществах мусульманских стран является учение ислама, которое породило многоженство у своих последователей. По их мнению, выходит, что если бы не ислам, то в обществе не было бы и многоженства. Тем самым они причину превращают в следствие, а следствие в причину.

Научная несостоятельность таких утверждений очевидна. Во-первых, нарушается принцип историзма, т. е. не учитывается, когда и как многоженство возникло в обществе и какие этапы оно прошло.

Отсутствие конкретно-исторического подхода к изучению явлений прошлого, как правило, приводит к неверным выводам. Нужно помнить, что ислам, являясь духовным продуктом конкретной исторической эпохи, выступает отражением общественного бытия арабов. Для возникновения фактического полигамного брака необходимо наличие соответствующих объективных условий и субъективных факторов, которые сложились в условиях рабовладельческой формации, а затем и в других формациях.

До возникновения ислама мужчина мог иметь неограниченное количество жен. С приходом ислама мужчине запрещалось иметь более четырех жен. Если мужчина, имевший более четырех жен, принимает ислам, то он должен был выбрать из них четыре и развестись с остальными. Итак, полигамия в исламе ограничена цифрой «четыре»: «...женитесь на тех, что приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то на одной...»[1], а не больше. Из вышесказанного не следует, что Коран поощряет многоженство или рассматривает его как идеал. Коран только лишь допускает или позволяет многоженство, не более того. «Характерной формой семьи у мусульман, идеализированной в Коране и других его идейных основах, – подчеркивает М.В. Вагабов, – является частнособственническая моногамия, с допущением в определенных условиях полигамии»[2].

[1] Коран / Пер. Крачковского И.Ю. М., 1990. Сура «Женщины», аят 3.

[2] *Вагабов М.В., Вагабов Н.М.* Ислам как мировая религия. Махачкала, 1999, с. 233.

Т.А. РАССАДИНА
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Ульяновского государственного университета*

Е.И. РЕПИНА
аспирант кафедры связей с общественностью и рекламы Ульяновского государственного университета

Современные тенденции конструирования семейно-брачных отношений: взгляд молодежи

Статья посвящена анализу образа семьи, его ценностных предпочтений как оснований для конструирования семейно-брачных отношений. Исследование демонстрирует сложность выбора молодежи, в котором сочетаются современные прагматичные ориентации и традиционные ценностные смыслы.

Ключевые слова: *семья, молодежь, конструирование семейно-брачных отношений, рациональность как фактор выбора партнера.*

RassadinaT.A., Repina E.I. Current trends of designing the family and marriage relations: youth look. *The article is devoted to the analysis of an image of a family, its valuable preferences as bases for designing the family and marriage relations. Research shows complexity of a choice of youth in which modern pragmatic orientations and traditional valuable meanings are combined.*

Keywords: *family, youth, designing the family and marriage relations, rationality as factor of a choice of the partner.*

Трансформация института семьи и брака, вытеснение его социализирующей роли другими социальными институтами (СМК, массовой культурой и др.) − с очевидностью наблюдаемая объективная реальность, мир прежде всего

* Рассадина Татьяна Анатольевна, e-mail: t.rassadina@mail.ru; Репина Евгения Игоревна, e-mail: janeponomareva@bk.ru

молодых россиян, которым сегодня не более 30 лет. Сокращение регистрируемой брачности, развитие новых форм легитимного партнерства (незарегистрированное сожительство − «гражданский брак», гостевой брак, бизнес-брак, открытый брак, групповой брак, однополые сожительства и т.д.), рост числа разводов, рост численности детей, рожденных вне брака, формирование ориентации на бездетные семьи и семьи с одним ребенком, откладывание брака на период позднего деторождения, полагание рождения ребенка недостаточным основанием для формализации отношений и другие тенденции являются свидетельствами того, что происходит не просто эволюция форм брака, а существенное изменение отношения к браку, о чем пишут современные российские социологи. В то же время ряд других основательных исследований доказывают устойчивость традиционной модели социальных отношений в сознании молодых россиян, подтверждают, что семья по-прежнему остается для российской молодежи одной из приоритетных жизненных ценностей[1].

Проиллюстрируем процесс конструирования семейно-брачных отношений и его ценностные основания через призму эмпирических исследований сознания и поведения современной молодежи, проведенных в одном из типичных российских регионов Ульяновской области и в Ульяновске. Эмпирическую базу исследований, выполненных в рамках качественной методологии, составили: 1) метод фокус-группы (март – апрель 2017 г., объект исследования – студенты ульяновских вузов технических и гуманитарных профилей; всего проведено 5 фокус-групп; общая численность участников составила 50 человек); 2) метод глубинного индивидуального интервью с работающей молодежью (ноябрь 2017 г. – январь 2018 г.; возраст 18-30 лет, объект исследования – выпускники технических и гуманитарных вузов Ульяновска; N=20).

Полученные данные демонстрируют сложность выбора «второй половинки», партнера для отношений (в перспективе переходящих в брачные, семейные), его детерминиро-

[1] См., например: *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 15. / Отв. ред. Горшков М.К. М.: Новый Хронограф, 2017. 568 с., с. 12-48, с. 35.

ванность рациональными и нерациональными, иррациональными факторами.

В добрачный период отношений (знакомство молодых людей, влюбленность, период ухаживания) в сознании молодежи доминируют иррациональные элементы. Физическая привлекательность, эмоциональная привязанность, взаимность, страсть выступают в качестве эмоциональных компонентов выбора: *«Я в дружбе и любви человек иррациональный, потому что я скорее люблю другого больше, чем себя, учитываю чужие интересы больше, чем свои…»* (ж., 26 л., руководитель отдела в сфере культуры); *«Когда человек влюблен до беспамятства, он наслаждается отношениями и не думает о каких-то других вещах: выгоде, а что будет потом, а что этот человек может дать мне взамен»* (м., 27 л., работник авиационной сферы); *«Когда встречаешься с человеком, достаточно того, что с ним приятно провести время»* (студенты гуманитарного профиля); *«В выборе девушки эмоция берет верх над разумом»* (м., 27 л., руководитель отдела в сфере e-commerce); *«… слишком много эмоций в этом вопросе* (прим.: в любви)*»* (м., 24 г., инженерно-технический работник). Склонность к идеализации любви, высокая эмоциональность, стремление к эмоционально насыщенной, наполненной смыслом и впечатлениями жизни закономерно обуславливают такие высказывания молодых людей.

Выбор партнера для долговременных отношений является важным событием в жизни каждого молодого человека, свидетельствующим о его психологической и социальной зрелости. Именно на этом этапе происходит осознанная переориентация с аффективных составляющих выбора на рациональные: *«Первое время наш разум застилают чувства, но со временем на первый план выходит рациональность: например, готов ли ты мириться с минусами партнера или нет»* (студентка технического профиля); *«Кафе, кино и прочая романтика – это «школа», которую нужно пройти, жизненный опыт, позволяющий понять, какой человек тебе нужен на самом деле»* (ж., 26 л., гид-переводчик); *«Когда отношения стоят на пороге чего-то серьезного, мы подключаем рациональность…»* (студенты технического профиля); *«Однажды понимаешь, что человек, с которым ты встречаешься, не создан для серьезных отношений. Сложно изменить человека, под-*

строить его под себя, повлиять на него. Иногда проще найти человека с другим характером и мировоззрением, такого, какой тебе нужен» (м., 24 г., программист). Рациональность в данном случае выступает своеобразным внутренним цензором, «коррелятом истинности»[1], который удерживает от ошибочных спонтанных решений, возникающих под воздействием эмоций. В конечном итоге выбор партнера выступает как продуманная, взвешенная реакция, он является «удовлетворяющим» решением, достаточно хорошим для конкретного индивида.

Выбор партнера для долговременных отношений полимотивирован. В нем проявляются представления молодых людей об идеальном партнере, ожидания от отношений. Представление идеального партнера – это образ человека, воплощающий наиболее ценные и в этом смысле привлекательные черты. В нем могут сочетаться физические и психологические данные, социально-экономические и социокультурные особенности личности. В основе требований, предъявляемых респондентами партнерам противоположного пола, лежат определенные ценностные ориентации, задающие параметры смысложизненных целей и средств их достижения. В своих представлениях об идеальном брачном партнере молодые люди ориентируются в большей степени на культурные стереотипы маскулинности и феминности, определяемые как наборы физических, психологических и социальных качеств, приписываемых «идеальному мужчине» или «идеальной женщине», а также на социальные роли, соответствующие гендерным нормам. Юноши-участники фокус-групп воспроизводят традиционные образцы облика «женщины-хранительницы домашнего очага», ответственной за дом, семью, детей. К основным чертам этого образа они относят мягкость, чувствительность, жертвенность, а также качества, выражающие зависимость от партнера: доверчивость, ожидание помощи, подчиненность, покорность. Традиционно от мужчин требуется лидерство в вопросах материальной обеспеченности семьи, занятость на постоянной, хорошо оплачиваемой работе, готовность оказывать помощь, ответственность, надежность.

---

[1] *Труфанов Д.О.* Социальная рациональность как методологическая проблема в социологии. Постнеклассический подход [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trufanov.wordpress.com/2011/04/04/социальная-рациональность-как-метод/

Для иллюстрации вышеуказанных тезисов приведем высказывания участников исследования: *«Когда выбираем девушку для серьезных отношений, мы видим в ней будущую мать и соответствующие ей черты характера. Мы хотим, чтобы она была достойным человеком и смогла бы в будущем ребенке взрастить много хорошего»*; *«Моя будущая супруга будет обладать такими качествами, как умение хранить очаг, следить за домом»* (студенты технического профиля); *«Лично для меня важно, чтобы парень был надежным, воспитанным, порядочным»* (студентка гуманитарного профиля); *«Партнер должен полностью соответствовать своей половой принадлежности. Хозяйственно-бытовая деятельность – это все-таки удел женщин. Настоящий мужчина должен, прежде всего, обеспечить финансовую стабильность своей семьи»* (ж., 32 г., работник авиационной сферы); *«При завязывании серьезных отношений девушка обычно размышляет, сможет ли жить с этим человеком, каким он будет в повседневной жизни, можно ли на него положиться»* (студентка технического профиля).

Ожидания определенного поведения партнера, развития отношений также являются элементом выбора молодежи. Происходит переосмысление этих ожиданий. Появляются новые, более рациональные в современном контексте взгляды на отношения, меняются смыслы, а в конечном итоге изменяется и само содержание отношений. В ожиданиях молодых людей проявляются прагматичные ориентации на достижение личного жизненного успеха, который соотносится в первую очередь с индивидуальным материальным благополучием. Исследования демонстрируют, что девушки связывают гарантии своего жизненного благополучия прежде всего с материальной обеспеченностью партнера по браку: *«Моя подруга встречается с молодым человеком, но не любит его. Просто ей удобно. У него хороший заработок, хорошая семья. Он постоянно дарит подарки. Она считает, что с ним ей будет лучше в будущем»* (ж., 20 л., студент гуманитарного профиля); *«Кто-то руководствуется наличием квартиры, машины, а кому-то с милым рай в шалаше. В наше время рациональнее ориентироваться на зарплату, так как на ней все «завязано»* (ж., 25 л., работник сферы торговли); *«Сейчас деньги делают человека нужным, любимым. Ради достижения материального благополучия и обогащения молодежь стано-*

вится равнодушной, теряет способность любить. По такому принципу заключаются браки «по расчету» (студенты технического профиля).

Прагматическое отношение к семье проявляется еще на этапе подготовки к семейной жизни. Информанты отмечают осознанное, ответственное отношение современной молодежи к созданию собственной семьи, вступлению в брачные отношения. Молодые люди говорят о необходимости целенаправленной подготовки к семейной жизни: *«Сегодня молодежь старается обзавестись семьей только после достижения определенного уровня материального и социального положения»* (ж., 32 г., работник авиационной сферы); *«Любовь любовью, но, прежде чем выходить замуж, нужно хотя бы университет закончить»* (ж., 20 л., студентка гуманитарного профиля); *«Раньше создавали семьи без образования, работы и жилья. Сейчас все чаще слышу от сверстников, что создавать семью вот так без ничего глупо, что нужно все спланировать, подготовить»* (ж., 26 л., учитель); *«Раньше люди женились и спокойно жили в общежитии с детьми, сейчас молодежь старается сначала заработать на стабильную семейную жизнь, а уже потом жениться и заводить детей»* (студенты технического профиля).

Конструируя образ будущей семьи, молодежь опирается на собственные жизненные цели и пути их достижения: *«Большинство моих знакомых точно знают, чего они хотят от брака, семьи. Например, 5 лет прожить без детей, много времени уделять семье или же на долгие годы сохранить теплые отношения, «подпитывая» их периодическими разлуками – раздельными путешествиями, работой вахтовым методом»* (ж., 26 л., гид-переводчик); *«У мужчины в любом случае есть представления о том, какой будет его семья, сколько в ней будет детей»* (м., 27 л., руководитель отдела в сфере e-commerce); *«Многие подруги не торопятся с замужеством. Не потому что не «созрели». Они ждут принца на белом коне. Это не рационально. Нужно реально смотреть на вещи, а не сквозь розовые очки»* (студентка технического профиля).

Респонденты воспроизводят прагматичные представления о семье как «предприятии», включающем инвестиционную деятельность, разделение труда, составление семейного бюджета, совместную работу по воспитанию детей, поддержание «полезных» родственных связей. Важной яв-

ляется идея о рациональной организации семейного быта, распределении обязанностей по дому. Высказывания демонстрируют две стратегии. Первая основана на соблюдении равенства в распределении домашних обязанностей между супругами, общей готовности трудиться в рамках семейного хозяйства: *«Нет мужских и женских обязанностей. Есть общие обязанности, которые делятся между супругами»* (ж., 25 л., работник сферы торговли). Вторая – на возложении ответственности за ведение домашнего хозяйства на одного из партнеров по браку: *«Бывают женщины, которые взваливают все на себя … лишь бы в доме поддерживался покой»* (ж., 25 л., работник сферы торговли). И в том, и в другом случае выбор определяется самими молодыми людьми, подчиняется их пониманию целесообразности и эффективности.

В то же время ожидания респондентов серьезно концентрируются вокруг взаимоотношений, установок на личностную идентификацию с партнером (ожидание общности интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов времяпрепровождения), потребности быть нужным, важным, оцененным: *«У человека есть потребность в общении, нужно делиться с кем-то своими переживаниями. Ты должен знать, сможет ли этот человек принимать тебя, поддерживать»*; *«Важно, чтобы человек был готов меняться ради меня, идти на компромисс»*; *«Когда мужчина решается на брак, он четко понимает, что будет жить с этой женщиной всю жизнь. Красота рано или поздно уйдет, останется только характер, умения, интересы, нравы. У вас должно быть что-то общее, с чем вы можете прожить всю жизнь»* (студенты технического профиля).

Залогом стабильности семейной жизни выступает терпимое отношение к недостаткам партнера, умение идти на компромисс, соблюдать баланс прав, обязанностей, целей, интересов всех членов семьи. Здесь в определенной степени проблематизируется важность партнерства между супругами, осознание его условий: *«Семейные взаимоотношения нуждаются в грамотном планировании»* (ж., 26 л., гид-переводчик); *«Для того, чтобы на долгие годы сохранить теплые отношения, супруги должны точно знать, что они хотят от конкретной семьи, конкретного брака»* (ж., 26 л., гид-переводчик); *«Каждый должен вносить определенную лепту в семью»* (студенты гуманитарного профи-

ля). Некоторые из информантов подчеркивают, что готовы идти на компромисс и проявлять гибкость только в том случае, если это принесет им определенную выгоду: *«Мне не нравятся некоторые родственники, но я вынуждена общаться с ними ради своего же спокойствия, чтобы родители не читали нотаций о моей невоспитанности»* (ж., 20 л., студентка гуманитарного профиля).

И все-таки в представлениях молодежи семья – это прежде всего «родной дом», связанные с ним эмоции и чувства взаимопонимания, любви, взаимоуважения: *«Сложно говорить о рациональности в такой далекой от нее сфере, как семья, слишком много эмоций в этом вопросе»* (м., 24 г., инженерно-технический работник); *«Не знаю, присутствует ли рациональность в семье… Смотря у кого. У меня нет. У других может быть»* (ж., 26 л, IT-специалист); *«Для меня рациональность в отношениях как вычислительная техника – холодная. Кто-то может так строить отношения. Я люблю и дружу совсем по-другому»* (ж., 26 л., руководитель среднего звена).

Таким образом, конструирование современных семейно-брачных отношений молодыми людьми в условиях расширения пространства индивидуального выбора происходит на основе личных интересов и целей, амбиций, потребностей в самореализации, значимости получения удовольствия и впечатлений. Очевидны рост прагматических ориентаций, усиление рациональности в процессе выбора партнера. Вместе с тем этот выбор имеет сложные, разновекторные, гибко-контекстуальные формы. Молодежь ориентируется не только на материальные потребности, на достижение прагматических, утилитарных целей, на «голый» расчет. Она ценит и выбирает эмоции, чувства, отношения как основания своей каждодневной жизни.

И.И. КАРАЕВ
соискатель ученой степени кандидата социологических наук*

Проблемы демографии в современной России

В статье рассматриваются вопросы, связанные с демографией в России.
***Ключевые слова**: демография, рождаемость, смертность, Россия, Дагестан.*

***Karaev I.I. Problems of demography in modern Russia.** The article deals with issues related to demography in Russia.*
***Keywords:** demography, birth rate, death rate, Russia, Dagestan.*

Наша страна решает сложные, но благородные задачи социально-экономического и культурного развития. Успех зависит от того, насколько продуманно и осознанно задействован человеческий потенциал, открывающий возможности развития научно-технического прогресса. В этих условиях укрепление семьи как важнейшего социального института приобретает особую научную и общественную значимость.

Россия вошла сейчас в очень сложный демографический период. Рождаемость «снижается, причины здесь чисто объективные. Они связаны с теми огромными людскими потерями, провалами, которые понесла наша страна в XX веке, во время Великой Отечественной войны и в драматические годы после распада СССР…»[1].

Сегодня российская семья столкнулась со множеством проблем: низкий уровень жизни, проблема жилья, разрушение семейных традиций, рост количества разводов, падение рождаемости, появление большого числа бездетных семей. Эти трудности и проблемы возникли не сегодня. Они были присущи семье и в условиях советского общества. Но в 80-е гг. прошлого века в нашем обществе произошло осознание того, что семья является непреходящей ценностью. Однако не-

* Караев Исрафиль Ибадуллахович, e-mail: karaev05i@mail.ru
[1] См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г.

обходимо понимать, что укрепление семьи – это длительный и трудоемкий процесс, требующий глубинных социально-экономических и нравственных преобразований в обществе, переориентации деятельности многих социальных институтов и государственной политики в различных областях. Эта деятельность должна быть направлена на семью в целом.

Мы должны стремиться к тому, чтобы реализация семьей функции рождения и воспитания детей не означала для нее «риска бедности, резкого снижения уровня благосостояния».

Чтобы не допустить развития событий по этому сценарию, Правительством «предусмотрены выплаты на первых и вторых детей в возрасте до полутора лет… Сумма выплат зависит от прожиточного минимума ребенка в конкретном регионе Российской Федерации. Сегодня пособие по уходу за детьми с инвалидностью и за инвалидами с детства первой группы составляет всего 5,5 тысячи рублей. С 1 июня 2019 г. эти пособия будут повышены до 10 тысяч рублей». Такая мера, безусловно, станет дополнительной поддержкой для семей, где ребенок нуждается в особой заботе[1].

В плане укрепления семьи, улучшения демографической ситуации в целом немаловажное значение, как справедливо пишет профессор А.В. Миронов, имеет складывающееся в стране на сегодняшний день положение в области социально-культурной политики и духовного воспитания молодежи. Хотя в последние годы в этой сфере предпринят ряд мер, ученого беспокоят разрушительные процессы, продолжающиеся в современной российской семье, в частности, конфликт поколений, утрата национальных традиций, их преемственности[2].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что возрождение страны – процесс сложный, требующий вдумчивого и ответственного отношения к духовно-нравственным ценностям народа, выработанным на протяжении веков и передаваемым из поколения в поколение.

Возрождение страны позволяет возвращать нам духовное и культурное наследие, уважение к человеку независимо от национальности, восстанавливать роль семьи как накопителя и ретранслятора общечеловеческого нравствен-

[1] См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 20 февраля 2019 г.

[2] См.: *Миронов А.В.* Кризис духовных ценностей на социокультурном пространстве современной России // Социально-гуманитарные знания, 2007, № 2, с. 41-42.

ного богатства, как социального института, выполняющего функцию продолжения рода человеческого.

«Сбережение народа», решение острейшей для страны демографической проблемы выступает сегодня в качестве важнейшей задачи всего общества. Без ее решения, без преодоления демографического провала бессмысленны все другие, самые благие начинания.

С 1992 г. началось сокращение населения России. Главной его причиной было резкое ухудшение условий жизни и труда, что приводило к преждевременной смерти и к снижению рождаемости. Одной из причин сокращения населения в нашей стране была и весьма значительная эмиграция, которая, конечно, была связана с демократизацией России. В 1993 г. был введен закон, который разрешал свободный выезд из страны и въезд в страну. С 1990 г. по 1997 г. поток эмигрантов из нашей страны составлял около 100 000 человек в год. В результате эмигрировало свыше 800 000 ученых, инженеров, артистов. Ниже в таблицах приведены демографические показатели населения в Российской Федерации и в отдельном регионе – Республике Дагестан.

Таблица 1

Естественная убыль населения в Российской Федерации

Год	Численность населения	Количество родившихся	Количество умерших	Естественный прирост	ОКР на 1000 чел	ОКУ на 1000 чел
1992	148514692	1587644	1807441	-219797	10.7	12.2
1993	148561694	1378938	2129339	-750356	9.4	14.5
2000	146890128	1266680	225332	-958532	8.7	15.3
2008	142747535	1713947	2075954	-362007	12.0	14.5
2018	146880432	1599316	1817710	-218394	10.9	12.4

Таблица 2

Республика Дагестан

Год	Численность населения	Количество родившихся	Количество умерших	Естественный прирост	ОКР на 1000 чел	ОКУ на 1000 чел
1992	1937297	44986	14763	30223	25.2	6.5
1993	1990359	41863	15854	36009	24.8	7.2
2000	2442609	38229	16108	22121	17.7	7.5
2008	2687822	49465	15794	33671	18.3	5.9
2018	3073788	52753	16893	35860	21.3	5.6

Республика Дагестан входит в пятерку регионов Российской Федерации с наиболее благополучной демографической ситуацией.

В 90-х гг. высокой оставалась в стране младенческая смертность. Уровень ее почти вдвое превышал таковой в развитых странах. Больше половины детей в те годы в России рождались с врожденными дефектами. Детское население страны сократилось в 90-е гг. (за годы реформ) на 5,7 млн человек[1].

Основными причинами этого явились: сложное социально-экономическое положение в стране, обострение инфекционной обстановки, произошедшей из-за сокращения профилактических мероприятий, дороговизны лекарственных препаратов, ухудшение здоровья женщин, неблагоприятная экологическая обстановка и общее падение уровня жизни.

Как в целом в России, в Республике Дагестан обозначилась тенденция роста численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. По данным органов опеки и попечительства, на январь 2005 г. 6491 ребенок воспитывался в опекунских семьях (в 2002 г. – 4046, в 2003 г. – 4560). В детских домах и школах-интернатах для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находились 316 детей. В Дагестане с 2013 по 2017 гг. жильем обеспечены 1 423 ребенка из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Задача преодоления депопуляции в ее тесной связи с задачей поддержания необходимой боеготовности Вооруженных сил нашей страны стала, фактической основой Пос-

[1] См.: Метро, 2000, № 96, 5 июня.

лания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию и народу России в 2006 г.

В нем, как ранее и в других документах, были намечены три основных пути решения проблемы депопуляции: снижение смертности, эффективная миграционная политика и повышение рождаемости. В Послании 2006 г. упор сделан на увеличение рождаемости и укрепление государственной поддержки семей с детьми. Причем речь идет не о каких-то разовых мерах, а о минимум десятилетней программе. В документе предусмотрено увеличение стоимости родовых сертификатов в женской консультации с 2 до 3 тыс. руб., а стоимость сертификата в родильном доме с 5 до 7 тыс. руб.

В.В. Путин отмечал, что государство, если оно действительно заинтересовано в повышении рождаемости, обязано поддержать женщину, принявшую решение родить второго ребенка. Государство должно предоставить в распоряжение женщины первичный, базовый материнский капитал, который реально повысил бы ее социальный статус, помог бы решать будущие проблемы.

По мнению экспертов, размер таких государственных обязательств в денежном выражении не может быть меньше 250 тыс. руб. И эта сумма должна ежегодно индексироваться по инфляции. Женщина-мать могла бы распорядиться этой суммой следующим образом: либо для решения жилищного вопроса, вложив базовый материнский капитал в приобретение жилья с использованием ипотеки или других схем кредитования по достижении ребенком 3-летнего возраста, либо направить эти средства на образование детей или, если захочет, положить деньги в накопительную часть своей собственной пенсии[1].

Программа решения демографической проблемы рассчитана на десять лет. По их истечении государство должно будет определить дальнейшую политику в этой сфере, исходя из экономической и демографической ситуации в стране, как она сложится к тому времени. Механизм реализации этой программы запущен с 1 января 2007 г.

Проблему низкой рождаемости страны, по мнению В.В. Путина, невозможно решить без изменения отношения всего общества к семье и ее ценностям. Поэтому в Послании Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. В.В. Путин

[1] Российская газета, 2006, № 97, 11 мая.

говорил о новом пакете подготовительных мер по поддержке семьи и определил важнейшие задачи по улучшению демографической ситуации в стране.

Теперь рассмотрим в общем плане демографическую ситуацию в Дагестане по части исследуемой проблемы.

К началу 2009 г. численность населения Республики Дагестан составила 2713,4 тыс. человек, из которых 1151,5 тыс. человек, или 42,4% проживают в городской местности, и 1526,1 тыс. человек, или 57,6% – в сельской местности. При этом природно-климатические, социально-экономические и культурно-бытовые условия жизни в Дагестане определяют особенности состояния здоровья и различные демографические показатели по городской и сельской местности республики.

Дагестан остается одним из немногих субъектов Российской Федерации, в котором сохраняется естественный прирост населения, обусловленный естественным фактором, т. е. превышением уровня рождаемости над уровнем смертности. Так, число родившихся в 2006 г. составило 40,6 тыс. человек, что в 2,5 раза превысило число умерших, в то время как в среднем по Российской Федерации, напротив, число умерших превышает число родившихся.

На демографическую ситуацию в Республике Дагестан существенно влияет относительно высокий уровень смертности детей в младенческом возрасте и мужчин в трудоспособном возрасте. Причем, если на смертность детей в младенческом возрасте оказывает влияние неблагоприятное течение беременности и патологические наследственные заболевания матери, зачастую связанные с родственными браками, то среди мужчин в трудоспособном возрасте, смертность которых в 4 раза выше уровня женской в указанном возрасте, первое место занимают неестественные причины смерти (несчастные случаи, криминальные разборки, отравления, травмы).

Вышеизложенные и другие проблемы явились причиной разработки и реализации Программы улучшения демографической ситуации в Республике Дагестан на период до 2015 г.

Разработка Программы была обусловлена необходимостью обеспечения целенаправленной деятельности органов исполнительной власти в сфере регулирования демографических процессов и призвана воздействовать на формирование желательного для общества режима воспроиз-

водства населения, сохранение положительных тенденций в области динамики численности и структуры населения, рождаемости, смертности, семейного состава, расселения внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения.

Считаю необходимым рассмотреть демографическую ситуацию, сложившуюся в республике в 2014-2018 гг., опираясь на материалы Дагестанстата.

В Республике Дагестан демографическая ситуация в 2014 г. в целом оставалась благополучной.

Численность населения Республики Дагестан составляет 31% от всего населения Северо–Кавказского федерального округа. По численности населения Республика Дагестан занимает первое место среди республик СКФО.

В столице республики – «городском округе город Махачкала» численность населения составила 710,9 тыс. человек. В трех городских округах республики – городах Дербенте, Каспийске и Хасавюрте численность превышает 100-тысячную отметку.

В 2014 г. в Республике Дагестан родилось 56,9 тыс. детей. Такое количество родившихся было зарегистрировано впервые в истории республики. Уже шестой год подряд число родившихся в республике превышает 50-тысячную отметку.

Миграционные процессы в республике характеризуются продолжающимся отъездом населения из республики, что объясняется сложной социально-экономической обстановкой в Республике Дагестан. Число выехавших за пределы республики в 2014 г. превысило число приехавших в Дагестан на 13,9 тыс. человек. Основными причинами отъезда из республики граждане указывают «причины личного, семейного характера» и «в связи с работой».

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан сообщает следующие краткие итоги естественного механического движения населения в Республике Дагестан в первом полугодии 2018 г.

По состоянию на 1 июля 2018 г. численность населения Республики Дагестан составила 3073,7 тыс. человек. С начала года численность населения увеличилась на 9,8 тыс. человек, или на 0,32%.

В первом полугодии 2018 г. в Республике Дагестан родилось 23,2 тыс. детей. По сравнению с соответствующим

периодом 2017 г. число родившихся уменьшилось на 469 младенцев, или на 2%.

Снижение рождаемости объясняется как сокращением количества заключаемых браков, так и вступлением в детородный возраст поколения, родившегося в 90-х гг., когда отмечалось снижение числа родившихся.

Сегодня в нашей стране поставлена задача – стимулировать рождение второго ребенка. В этих целях, как было отмечено, была разработана Программа, которая включает меры по поддержке молодых семей, а также женщин, принимающих решение родить и вырастить ребенка.

Что мешает молодой семье, женщине принять такое решение, особенно если речь идет о втором или третьем ребенке? Это, в первую очередь, низкие доходы, отсутствие нормальных жилищных условий. Это сомнение в собственных возможностях обеспечить будущему ребенку достойный уровень медицинских услуг, качественное образование. Женщина при планировании ребенка вынуждена выбирать: либо родить, но лишиться работы, либо отказаться от рождения ребенка.

Поэтому Президент РФ В.В. Путин предложил в Послании Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. новый пакет социальных мер по поддержке семей. С 1 января 2020 г. будет поднята планка до двух прожиточных минимумов на члена семьи. Помощью государства могут воспользоваться порядка 70% семей, где рождаются первые и вторые дети.

Еще одно решение прямого действия: где рождается третий и последующий ребенок, то именно из федерального бюджета нужно оплатить, «погасить» за такую семью 450 тыс. руб. из ее ипотечного кредита. Данная мера начала работать с 2019 г.. Если сложить с материнским капиталом, который также можно направить на погашение ипотеки, получается более 900 тыс. руб. Во многих регионах это существенная часть стоимости квартиры.

Таким образом, руководство страны подготовило ряд социальных, экономических и правовых мер и мероприятий, который, несомненно, окажут положительное влияние на развитие демографических процессов в желательном для общества направлении.

Е.С. БЕРДНИКОВИЧ
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник отдела
трансляционных нейронаук
ФГБНУ «Научный центр неврологии»*

Восстановление коммуникативной функции как неотъемлемая часть ресоциализации личности

Синдром первичной прогрессирующей афазии (ППА) – комплекс изолированных прогрессирующих речевых расстройств в отсутствие или при минимальной выраженности других когнитивных нарушений.Представлены исторические и современные данные по проблеме нейродегенеративного нарушения, известного в мировой практике как первичная прогрессирующая афазия. Это достаточно тяжёлое прогрессирующее хроническое состояние, при котором одним из ранних симптомов является нарушение речи в виде афазии.

Ключевые слова: *речь, первичная прогрессирующая афазия.*

Berdnikovich E. S. Restoration of communicative function as an integral part of personality resocialization. *Primary progressive aphasia syndrome (PPA) is a complex of isolated progressive speech disorders in the absence or with minimal severity of other cognitive impairment.The article presents historical and modern data on the problem of neurodegenerative disorders, known in the world as primary progressive aphasia. This is a rather severe progressive chronic condition, in which one of the early symptoms is a speech disorder in the form of aphasia.*

Keywords*: speech, primary progressive aphasia.*

Речь – наиважнейшая когнитивная функция, выполняющая коммуникативную роль. Нарушения речи, выраженные в значительной степени, часто вызывают профессиональ-

* Бердникович Елена Семеновна, e-mail: berdnickovitch.elena@yandex.ru

ную и социально-бытовую дезадаптацию даже в отсутствие расстройств других когнитивных функций[1]

Одним из новых направлений современных научных исследований логопедии в различных странах Америки, Азии и Европы являются проблемы нейролингвистического программирования (НЛП) и нейропластичности. Нейропластичность, появившаяся на стыке нейробиологии и научной медицины, успешно применяется при лечении многих хронических заболеваний, клинических синдромов и симптомов, в том числе нарушений голоса и речи. Теория нейропластичности рассматривает мозг не как набор специализированных частей, каждая из которых имеет определённое место и функцию, а как динамичный орган, способный перепрограммировать и перестраивать себя в случае необходимости, изменять структуры нейронов, их функций, образовывать новые нейронные связи в ответ на различные воздействия на мозг. Физиологическая основа этих методов – пластичность головного мозга, процедурная основа – условнорефлекторное обучение, базирующееся на кибернетических принципах обратной связи и тренинговых упражнений, развитии компенсаторных механизмов. Основу нейропластичности составляет теория локализации высших психических функций (ВПФ) и асимметрии полушарий. Структурная асимметрия головного мозга является врождённым качеством и проявляется даже у новорожденных не только в моторике правой и левой руки, но и в организации всех высших психических функций. Специфика прослеживается и в лингвистических способностях человека.

Разработанная академиком АМН СССР П.К. Анохиным теория функциональных систем позволяет по-новому подойти к проблеме восстановления нарушенных функций, объясняет формирование компенсаторных механизмов. Идея П.К. Анохина о «ведущих» и «запасных» афферентациях до сих пор является одним из ведущих принципов коррекционно-педагогического обучения пациентов с нарушением ВПФ. Привлечение разных анализаторов и выделение доминирующего сенсорного канала представляется логичным и обоснованным в свете теории обратной афферентации.

---

[1] См.: *Захаров В.В., Вознесенская Т.Г.* Нервно-психические нарушения: диагностические тесты. М.: Медпресс-информ, 2013; *Яхно Н.Н., Захаров В.В., Локшина А.Б. и др*. Деменции. Руководство для врачей. 2-е изд. М.: Медпресс-информ, 2010.

Известно, что левое полушарие отвечает за обнаружение и распознавание речевых звуков, их генерацию, является основным центром речи. Правое полушарие – распознаёт интонации и ритм, музыкальные мелодии и шумы; ограниченно отвечает за понимание конкретных имён существительных, отглагольных существительных и глаголов. Дети обладают высокой пластичностью нервной системы, в результате поражения левого полушария правое компенсаторно берёт на себя речевую функцию. У взрослых эта способность выражена значительно меньше, в результате чего их реабилитация при левостороннем повреждении является большой проблемой. В этой связи комплексные логопедические методики реабилитации больных с нарушениями речи должны базироваться на знании «правополушарных» и «левополушарных» методов обучения.

На протяжении многих лет нами разрабатываются персонифицированные дифференцированные методики в зависимости от этапа коррекционного воздействия при различных нарушениях голоса и речи и от ведущего канала сенсорного восприятия, индивидуальных психологических особенностей пациентов. Одним из способов восстановления утраченных функций при очаговых поражениях головного мозга является физиотерапетическое воздействие с применением обратной связи – нейромышечная стимуляция, в процессе которой импульсы проходят от периферических мышечных структур к центру.

Однако в практике логопеда-афазиолога нередко встречаются пациенты, у которых нет очаговой симптоматики головного мозга, но присутствует афазия (системное нарушение речи) при отсутствии гемипареза, что можно оценить как атипичную афазию, ставящую перед логопедом крайне непростую диагностическую и реабилитационную задачу. Диагностика афазии затруднена, так как пациенты не жалуются на речевые трудности из-за снижения критики. В других случаях пациенты указывают на снижение памяти, имея в виду забывание и трудности подбора слов. Между тем выявление особенностей речевых нарушений имеет большое значение для установления характера речевого дефицита, выбора логопедической тактики и дальнейшей реабилитационной программы. При нейродегенеративных заболеваниях головного мозга афатические нарушения появляются исподволь без видимой причины и неуклонно

прогрессируют. Афазия, которая не сопровождается неврологическими либо психическими нарушениями, носит название первичной прогрессирующей афазии (ППА).

ППА берёт своё начало с истории изучения лобно-височной деменции (ЛВД), которую инициировал чешский невролог А. Пик в 1892 г. Пик описал пациента, у которого постепенно развивались речевые и поведенческие нарушения, но не подходившие под классификации ранее изученных нозологических форм. Данное состояние Пик назвал «прогрессирующей афазией с постепенным изменением поведения личности» и связал её патологической атрофией мозга.

В 1906 г. немецкий психиатр и нейроморфолог А. Альцгеймер наблюдал пациента со схожими характеристиками нарушений (расстройства памяти и речи, праксиса и гнозиса, интеллекта, ранний дебют заболевания) и на съезде психиатров того же года в Тюбингене сообщил коллегам о новом заболевании (в будущем оно было названо «Болезнью Альцгеймера»). В 1911 г. Альцгеймер подвёл патоморфологическую основу под аналогичными клиническими случаями и выявил интранейрональные включения, которые позже назвали тельцами Пика. Описанный клинический симптомокомплекс с прогрессирующими речевыми и поведенческими нарушениями, вызванными фокальным нейроденеративным процессом в 1922 году невролог А. Ганс предложил назвать болезнью Пика. Позже выяснилось, что выявленные Альцгеймером гистопатологические изменения лежат в основе лишь некоторых случаев болезни Пика, следовательно, болезнью Пика можно было назвать только патоморфологически верифицированный диагноз. Со временем болезнь имела различные названия: лобная деменция не-альцгеймеровского типа, лобно-височная лобарная дегенерация, лобная деменция, сидром или комплекс Пика. На сегодняшний день, данное заболевание имеет название ЛВД.

Термин «первичная прогрессирующая афазия» (ППА) был введён в клиническую практику в 1982 г. после описания M. Mesulam[1] и S. Wein-troub 6 пациентов с изолированным прогрессирующим речевым дефектом.

[1] См.: *Mesulam M.M.* Slowly progressive aphasia without generalized dementia. Ann Neurol 1982; 11: 592-598; *Mesulam M.M., Weintraub S.* Is it time to revisit the classification guidelines for primary progressive aphasia? Neurology 2014; 82: 13: 1108-1109.

M. Mesulam выделил три главных критерия, объясняющих ППА:

- прогрессивная афазия, возникшая раз, выражается постепенно усиливающимся искажением использования речи или понимания, что не может обуславливать элементарную моторную и перцептивную недостаточность;
- расстройство речи является первоначальным и наиболее характерной особенностью, и главным критерием ограничения повседневной жизни;
- заболевание является нейродегенеративным.

Позже для ППА были выделены следующие общие характеристики: аграмматизм; нарушение номинативной функции; литеральные парафазии.

Нейропсихолог из Великобритании Элизабет Уоррингтон описала прогрессивное расстройство семантической памяти в 1975 г. Эту патологию также описала американский профессор Джулия Сноуден и её коллеги как семантическую деменцию в 1989 г. В это же время американский профессор М. Гроссман и его коллеги провели комплексную характеристику семантической деменции. Через 9 лет английский учёный Д. Нири, Сноуден и другие учёные выделили отличительные характеристики семантической деменции, чтобы отграничить её от схожих заболеваний и выявить критерии для двух клинических прототипов ЛВД (семантической деменции и аграмматической – с выраженным нарушением грамматического строя речи-афазии). Они выделили следующие ведущие характеристики для семантической деменции[1]: нарушения называния и понимания; семантические парафазии; пустая речь (лёгкое порождение речи, но малоинформативная речь, так как присутствует нарушение понимания слов).

В 2011 г. итальянский нейробиолог Мария Луиза Джорно-Темпини разграничила семантическую деменцию и семантическую ППА, выделив ведущие дефекты: нарушение номинативной функции и понимания[2]. Джорно-Темпини провела большую исследовательскую работу, в которой определённая часть пациентов не подходила под классификацию семантической и аграмматической первичной прогрес-

[1] См.: *Neary D.* Frontotemporal lobar degeneration: a consensus on clinical diagnostic criteria. Neurology. 1998 Dec; 51(6):1546-54.

[2] См.: *M.L. Gorno-Tempini et.al*. Classification of primary progressive aphasia and its variants. Neurology 2011;76:1006-1014.

сирующей афазии. В 2004 г. Джорно-Темпини выделила и описала новую форму ППА – логопеническую, где ведущий речевой симптом проявлялся в трудностях поиска слова[1].

Впоследствии М. Гроссман и его коллеги описали другую форму прогрессирующего языкового расстройства, обозначив её прогрессирующей афазией со снижением беглости речи (беглость речи – одна из ключевых характеристик спонтанной речи человека, которую возможно оценить как среднее число слов, произносимых в единицу времени). Именно Гроссман уделил большое внимание изучению данной формы ППА. Аграмматическую форму ППА он определил как неправильное упорядочение слов (синтаксис), нарушение структуры предложений, характеризующих фразы, и неверное использование флексий[2].

Что касается «беглости речи», то М. Месулам и М. Гроссман расценивают это понятие как удлинённые интервалы поиска слов, предшествующие почти каждому высказыванию. Потеря беглости речи, с их точки зрения, вызвана нарушением орально-артикуляционного праксиса, при котором пациенты также могут иметь дизартрию (нарушение иннервации мышц артикуляционного аппарата)[3]. Так, на первом конгрессе, посвященном критериям диагностики ППА в 2011 г., была объявлена официальная классификация ППА: семантическая; аграмматическая; логопеническая.

Учёными были разработаны строгие критерии включения и исключения для диагностики ППА, чтобы отграничить сходные расстройства, которые могут привести к ухудшению речи, не будучи первичным признаком.

Большим прогрессом в изучении ППА стало исследование молодого американского учёного Х. Ботха в 2015 г. В этом исследовании большой процент его пациентов не подходил под установленные критерии диагностики ППА. Больные имели только орально-артикуляционную апраксию как изолированный синдром, и апраксия речи была доминирующим условием, чтобы поставить диагноз ППА. Ботх выделил отдельную форму ППА – прогрессирующую апрак-

---

[1] См.: *Gorno-Tempini M.L. et.al*. Cognition and anatomy in three variants of primary progressive aphasia. Ann Neurol. 2004 Mar; 55(3):335-46.

[2] См.: *Grossman M.M*. The non-fluent/agrammatic variant of primary progressive aphasia. Lancet Neurol. 2012 Jun; 11(6): 545-555.

[3] См.: *Mesulam MM et al*. Primary progressive aphasia and the evolving neurology of the language network. Nat Rev Neurol. 2014 Oct;10(10):554-69.

сию речи, а также отметил, что у многих больных с прогрессирующей речевой апраксией развивался прогрессирующий супрануклеарный паралич (редкое расстройство, возникающее из-за повреждения нервных клеток в головном мозге) через 5 лет после дебюта заболевания. Эта группа больных имела также дисфагию (нарушение акта глотания) и дизартрию разной степени выраженности.

В рамках изучения семантической формы ППА Ботх выделил отдельно семантическую афазию с беглостью речи, так как в его исследовании пациенты имели минимальные ухудшения по диагностическим критериям, за исключением называния, где их показатель был равен показателю семантической деменции. В отличие от семантической деменции, эти пациенты могли распознавать целое слово практически во всех случаях, не имели жалоб на потерю значения слова.

Более того, Хьюго Ботх выделил еще одну форму ППА – неклассифицируемую, при которой часть пациентов не подходили ни под одну из форм ППА. У обследуемых отмечалось нарушение понимания слов и грамматической структуры уже на ранних стадиях заболевания. Данную форму обозначили как смешанную.

Синдром ППА – это комплекс изолированных прогрессирующих речевых расстройств в отсутствие или при минимальной выраженности других когнитивных нарушений. Речевые нарушения при ППА остаются доминирующим клиническим синдромом в течение двух и более лет[1].

Обычно ППА представляет собой один из редких вариантов дебюта нейродегенеративных заболеваний: лобно-височной деменции, реже болезни Альцгеймера, кортико-базальной дегенерации и других[2].

В соответствии с общепринятыми диагностическими критериями выделяют следующие формы ППА: аграмматическую (ППА со снижением беглости речи); семантическую (ППА без снижения беглости речи); логопеническую.

---

[1] См.: *Степкина Д.А., Захаров В.В., Яхно Н.Н.* Синдром первичной прогрессирующей афазии // Неврологический журнал. 2014. Т. 19, № 5, с. 22-28; *Gorno-Tempini M.L., Hillis A.E., Weintraub S. et al.* Classification of primary progressive aphasia and its variants // Neurology. 2011. Vol. 76, № 11, p. 1006-1014.

[2] См.: *Gorno-Tempini M.L., Brambati S.M., Ginex V. et al*. The logopenic/phonological variant of primary progressive aphasia // Neurology. 2008. Vol. 71, № 16, p. 1227-1234.

Ведущими учёными мира ведётся многолетняя дискуссия о том, что представляет собой синдром ППА. В нашей стране 3 случая ППА были впервые изучены в ГУ НИИ неврологии РАМН и описаны в 2005 г., однако, такой диагноз по-прежнему ставится крайне редко и большинство случаев ошибочно объясняется хронической цереброваскулярной патологией[1].

Обзор литературных данных позволяет утверждать, что семантическая форма (СФ) является наиболее последовательно определяемым клиническим синдромом ППА[2]. Ведущим речевым дефектом СФ является отчуждение смысла слов: нарушение номинативной функции речи и нарушение понимания слов. Хотя проблемы именования присутствуют в других вариантах ППА и в других нейродегенеративных состояниях, вызывающих афазию, в семантическом варианте нарушение является серьезным, особенно по сравнению с относительной сохранностью в других языковых сферах. Больные испытывают трудности понимания имён существительных в обращённой к ним речи. Их собственная экспрессивная речь обеднена существительными качественно и количественно, отмечается наличие вербальных парафазий (замены существительных близкими по значению синонимами). Понимание одного слова сильно нарушено, особенно для низкочастотной лексики (например, «зебра» против более знакомой/частотной «кошки»). Неспособность понять незнакомые слова может быть единственным симптомом, сопровождающим нарушение номинативной функции на самых ранних стадиях.

Плохое понимание отдельных слов, как правило, является самым ранним и наиболее очевидным проявлением широко распространенного семантического дефицита памяти, который вызывает нарушения в распознавании объектов и человека, даже когда представлены такие способы ввода, как визуальные (изобразительные представления и реальные объекты), тактильные, обонятельные и вкусовые. Дислексия и дисграфия являются особенностями СФ и относятся к нарушению чтения и написания слов с «неправильной» или атипичной связью между орфографией и произношением.

---

[1] См.: *Кадыков А.С., Калашникова Л.А., Шахпаронова Н.В. и др.* Первичная прогрессирующая афазия. Атмосфера. Нервные болезни 2005; 4: 33-36.

[2] См. *M.-Marsel Mesulam et al*. Quantitative classification of primary progressive aphasia at early and mild impairment stages. 2012.

У больных отмечается сохранным повторение, чтение вслух и моторная функция речи. При этом нарушено понимание прочитанного текста либо повторённой вслед за логопедом фразы. Несмотря на то, что языковая продукция обычно грамматически точна, иногда она может содержать такие «парагрaмматические» ошибки, как замена менее подходящих слов приближенным значением или окончанием: «Я знаю, что они делают, но я не могу думать о словах, что они делают».

Критерии семантической ППА:

1) должны присутствовать обязательные признаки (один из двух): нарушение называния объектов; нарушение понимания отдельных слов;

2) должны присутствовать дополнительные признаки (три из четырёх): нарушение общих знаний об объектах, особенно о малознакомых предметах; дислексия или дисграфия; сохранность повторной речи; отсутствие моторных и грамматических нарушений речи.

Со стороны эмоционально-волевой и поведенческой сферы СФ может сопровождаться социальным расстройством, о котором пациент имеет мало представления и которое возникает по мере прогрессирования заболевания. Пациенты могут стать одержимыми и иметь страстные изменения в политических или религиозных взглядах, противоречащих предыдущим убеждениям. Их личность часто описывается как «холодная», и они мало сопереживают другим. Пациенты, которые становятся расторможенными в результате расстройства, будут подходить к незнакомцам на улице с оскорбительными комментариями; другие – демонстрировать гиперроральное (компульсивное расстройство, при котором пациент имеет чрезмерное желание поместить в рот разные вещи) или гиперсексуальное поведение[1].

Ведущим дефектом при аграмматической форме (со снижением беглости речи) является аграмматизм, проявляющийся в экпрессивной речи в виде коротких, простых фраз и пропусков морфем (например, флексий).

Дефицит планирования артикуляции, апраксия речи часто являются наиболее распространённым нарушением и могут быть начальным признаком заболевания. Речь стано-

[1] См.: *Grossman M*. Primary Progressive Aphasia. Clinicopathological Correlations. CME Released: 2/8/2010).

вится разорванной, односложной, больной может общаться фразой по типу «телеграфного стиля». Отмечается наличие литеральных парафазий, «застреваний» и персевераций отдельных фонем, что специалисты ошибочно расценивают как заикание. Пациенты с АФ, как правило, делают непоследовательные звуковые ошибки речи, состоящие из искажений, пропусков, замен, вставок или перестановок звуков речи, о которых они часто знают. Просодия нарушается и скорость речи заметно уменьшается. Речь требует усилий и ошибки производства речи могут быть первыми симптомами этого варианта ППА, даже прежде, чем наступит явная апраксия речи или аграмматические ошибки. При данной форме письменный тест (например, письменное описание рисунка) или задачи на понимание синтаксиса часто могут выявить ранние, незначительные грамматические ошибки. На более поздней стадии заболевания прогрессирование речевых нарушений приводит больного к полному отсутствию речи, мутизму.

О недостатках в понимании синтаксиса свидетельствует ухудшение понимания предложения первоначально только для самых сложных синтаксических конструкций. В то время, как понимание предложения может быть нарушено в логопенических вариантах, в АФ представлении на ухудшение явно влияет грамматическая сложность предложения.

Критерии аграмматической ППА:

1) должен присутствовать обязательный признак (один из двух): аграмматизм; немногословная речь с литеральными парафазиями, запинки по типу заикания;

2) обязательное наличие (два из трёх) признаков: сохранность общих знаний; сохранность понимания отдельных слов; нарушение понимания сложных предложений.

Следует отметить, что данная форма ППА напоминает симптоматику эфферентной моторной афазии, но при афазии Брока речевые нарушения более выражены.

Ведущим дефектом логопенической формы (ЛФ) являются поиск слова (в спонтанной речи и сравнительном назывании) и нарушение повторения фраз и предложений[1].

Спонтанная речь пациентов характеризуется медленным темпом, частыми паузами из-за значительных проблем

[1] См.: *Mesulam M. et al*. Quantitative classification of primary progressive aphasia at early and mild impairment stages, 2012.

с поиском слов, но выраженный аграмматизм отсутствует. Данные больные напоминают больных с болезнью Альцгеймера, которые нередко страдают амнестической афазией. Таким образом, дефекты речевого производства отличаются от таковых у пациентов с аграмматической формой, которые также говорят медленно и прерывисто, но при произнесении фразы речь в целом понятна. Сравнительное называние, как правило, менее нарушено при ЛФ, чем при СФ, а ошибки проявляются в виде звукозамен.

Важной отличительной чертой этих двух вариантов ППА является также относительная щадящая способность понимания одного слова у пациентов с ЛФ. В соответствии с гипотезой о том, что литеральный дефицит кратковременной памяти является ключевым когнитивным механизмом, лежащим в основе большинства языковых дефицитов в логопеническом варианте, типично нарушается повторение предложений и фраз, в то время как воспроизведение коротких, одиночных слов может быть сохранено. Этот же механизм может привести к нарушению понимания предложения, на которое больше влияет длина, чем его грамматическая сложность.

Другие диагностические характеристики включают в себя литеральные парафазии в спонтанной речи и называние. Звуковые замены у пациентов с ЛФ обычно четко артикулированы, без искажений. Отсутствие стойких ошибок и сохранение артикуляции и просодии помогают отличить ЛФ от АФ.

Критерии логопенической формы ППА:

1) должны присутствовать два обязательных признака: трудности в подборе слов; нарушение повторения простых фраз и предложений;

2) должны присутствовать три дополнительных признака: фонетические парафазии; отсутствие моторных нарушений; отсутствие грамматических нарушений; сохранность понимания отдельных слов и общих знаний.

Следует отметить существование ещё и комбинированной формы ППА, при которой наблюдается сочетание грамматических нарушений речи и нарушения понимания значений слов. М. Месулам полагает, что данный вариант речевого дефицита может развиться у пациентов с любой формой первичной прогрессирующей афазии.

До настоящего времени в России не проводилось детальных исследований по диагностике и коррекции речевых

нарушений у больных с первичной прогрессирующей афазией, поэтому наше исследование представляется крайне актуальным. Целью настоящего исследования в ФГБНУ НЦН явилось изучение клинических и нейропсихологических характеристик отдельных форм ППА, сопровождающих их неврологических нарушений, разработку персонифицированной программы комплексной реабилитации взрослых пациентов с нейродегенеративными заболеваниями.

Наличие у пациентов ППА исключает возможность проведения больших когортных (представленных группой здоровых лиц, имеющих назначенные исследователем признаки) и рандомизированных контролированных (тип научного эксперимента, при котором его участники случайным образом делятся на группы) исследований. В связи с этим целью нашей работы явился анализ проявлений речевого дефицита у лиц с ППА, а также разработка диагностической речевой карты, программ восстановления речи и педагогической модели ведения пациентов. Если медицинский аспект проблемы раскрыт достаточно подробно, то в логопедической литературе отсутствуют источники, посвящённые изучению педагогического воздействия на больных с редким прогрессирующим речевым нарушением.

Наш опыт показал, что нарушения речи у больных с ППА могут прослеживаться в течение 1-2 лет. По мере прогрессирования заболевания, у больных нарастают поведенческие и эмоциональные расстройства.

Коррекционная работа с больными, страдающими ППА, в неврологическом отделении стационара состоит, как правило, из трёх этапов:

1. сбор анамнеза заболевания, приведшего к нарушению речи, тщательное обследование артикуляционного аппарата, а также уточнение лобно-височной деменции с помощью нейровизуализационных методов обследования;
2. составление логопедического и нейропсихологического заключения с целью определения алгоритма речевой реабилитации пациента нейродегенеративного профиля и разработки персонифицированной программы коррекции речи как функции;
3. проведение курса логопедических занятий с перспективным планированием дистанционных заданий по активизации артикуляции и поддержания коммуникативной функции.

В результате логопедической работы нами была создана и апробирована поддерживающая когнитивная методика, опирающаяся на классические задания по преодолению афазии. У пациентов с ППА была отмечена небольшая динамика улучшения состояния речевой функции, других ВПФ, а также гнозиса и праксиса. Знание клинических основ и изучение неспецифичных симптомов заболевания позволяют логопеду подбирать персонифицированную программу восстановления речевой функции у больных с ППА независимо от возраста и пола. Особенностью работы с пациентами данной группы является ограниченная медикаментозная терапия, в связи с чем логопед может планировать программу речевой реабилитации, полагаясь на свои знания, нейропластичность головного мозга пациентов, их речевой дефицит и мотивированное отношение к восстановительному процессу как самого больного, так и его родственников.

Лечение первичной прогрессирующей афазии должно включать: коррекионно-педагогическое воздействие со специалистами по восстановлению речи; длительный приём ноотропных препаратов, динамическое наблюдение больного с целью коррекции программ речевой реабилитации.

Идея П.К. Анохина о «ведущих» и «запасных» афферентациях актуальна в работе логопеда со взрослыми пациентами нейродегенеративного профиля. Необходимо продолжить логопедическое изучение различных форм первичной прогрессирующей афазии, чтобы окончательно разобраться в её патогенезе, овладеть дифференцированным подходом к проведению комплексной реабилитации взрослых пациентов с нейродегенеративными заболеваниями.

Т.А. НЕВСКАЯ
кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Перспективы трансформации международной политической системы в условиях кризиса глобализации

Представленное исследование посвящено изучению перспектив изменения международной политической системы в рамках фиксируемого кризиса глобализации. Проанализированы причины возникновения кризисных явлений. Дана оценка роли международных организаций как потенциальных регуляторов кризисных явлений. Изучен вопрос о перспективах реформирования ООН. Сделан вывод о том, что назревшая системная реформа ООН блокируется конфликтом интересов «великих держав». Признана высокой вероятность «регионализации» геополитического ландшафта мира с последующим перераспределением статусных позиций между экономически развитыми государствами и «перезапуском» глобализации после разрешения накопившихся противоречий.

Ключевые слова: *международная политическая система, государство, глобализация, кризис, ООН.*

Nevskaya T.A. The perspectives of transformation of international political system amid the crisis of globalization. *The presented study is devoted to studying the prospects for changes in the international political system in the framework of a fixed crisis of globalization. The causes of the crisis are analyzed. The role of international organizations as potential regulators of crisis phenomena is assessed. The question of the prospects of reforming the UN was studied. The conclusion is made that the overdue systemic reform of the UN is blocked by the conflict of interests of the "great powers". The probability of "regionalization" of the geopolitical landscape of the world with the subsequent redistribution of status positions*

* Невская Татьяна Александровна, e-mail: e-mail: nevskaya_t@mail.ru

between economically developed states and the "restart" of globalization after resolving the accumulated contradictions is highly recognized.

Keywords: *international political system, state, globalization, crisis, UN.*

Начало торговой войны между Китаем и США, Brexit, отказ Вашингтона от форматов Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств – вот далеко не полный перечень событий на глобальной арене, четко указывающих на то, что международная политическая система переживает острый кризис, напрямую связанный со сбоями в работе выбранной лидерами мирового сообщества модели глобализации.

Сопряженные с этим риски носят универсальный характер. Нивелировать их проявления и устранить сами первопричины возникновения кризиса можно лишь в рамках глобальных политических площадок. Однако в настоящее время они объективно не справляются с возложенными на них функциями. В силу этого возникает острая потребность в прогнозировании вариантов трансформации международной политической системы.

Исследование данного вопроса в условиях кризиса глобализации можно рассматривать в качестве одной из насущных потребностей сообщества специалистов-международников в настоящее время. Осознание перспектив изменения глобальной политической системы дает возможность сформировать систему представлений относительно модели международных отношений на ближайшие десятилетия. Однако в настоящее время специалисты в области политического прогнозирования не располагают в должной степени проработанными концепциями, которые могли бы выступить в качестве парадигмы системы прогнозирования либо новой объяснительной модели.

Причины этой «теоретической слепоты» во многом представляют собой долгосрочные последствия увлечения специалистов в области международных отношений идеями «энтузиастов глобализации». Начало процесса глобализации породило в экспертном и академическом сообществе волну сверхоптимистических ожиданий, квинтэссенцией которой во многом стал тезис Ф. Фукуямы о «конце истории». Глобализация как концепт продвигалась в виде «идеальной модели», и потому воспринималась большинством в сугубо позитивном ключе. Ее апологеты обещали человечеству

небывалый экономический рост, избавление от межконфессиональных и межэтнических конфликтов, усиление интеграционных процессов и сокращение числа войн. Потенциальные недостатки глобализации длительное время замалчивались, а ее критики – маргинализировались. Последнее приводило к возникновению эффекта «эхо-камеры»: в рамках замкнутой информационной среды, сформированной мейнстримными СМИ, тезисы о преимуществах глобализации регулярно повторялись, причем выступление каждого нового спикера усиливалось авторитетом его предшественников (что в итоге порождало эффект «спирали молчания»). Новая модель планетарного развития была в целом выгодна ведущим политическим и экономическим акторам (если рассматривать в качестве таковых именно элитные группы), что обеспечило концепту широкую информационную поддержку.

Однако с течением времени проблемные моменты внутри процесса глобализации начали проявляться все более отчетливо. Свобода движения капиталов и рабочих рук обернулась проблемами даже для стран, формально относящихся к числу бенефициаров глобализации. Значительная часть высокотехнологичных (и потому хорошо оплачиваемых) рабочих мест была перенесена в страны с более дешевой рабочей силой. В качестве альтернативы лишившимся работы гражданам были предложены менее хорошо оплачиваемые места в сфере обслуживания либо пособия по безработице. Быстрорастущие отрасли «цифровой экономики» не смогли вобрать в себя сколь-либо значимую часть «жертв деиндустриализации»: работодателю требуются специалисты, имеющие хорошее базовое образование в соответствующих отраслях либо прошедшие переобучение, однако и то, и другое требует значительных финансовых затрат, которых «новые безработные» не могут себе позволить. Одновременно уничтожение протекционистских барьеров, защищавших экономику развивающихся стран, привело к многочисленным экономическим кризисам по причине уничтожения местных производств дешевым импортом. С одной стороны, это привело к существенному росту миграции, с другой стороны – привело к криминализации ряда национальных экономик. Наиболее ярко это проявляется в случае ряда государств Латинской Америки, выступающих в роли мировых центров производства наркотиков. Криминализация служит факульта-

тивным фактором, подпитывающим миграцию, так как неизбежно приводит к падению уровня безопасности в обществе (ярким примером этого может служить опыт борьбы властей Колумбии с Медельинским наркокартелем)[1].

Глобализация в сфере культуры, во многом использующаяся развитыми державами как инструмент для наращивания мягкой силы, также приобрела неоднозначный характер. Была создана модель популярной культуры, присутствующая на большей части мирового пространства. Однако ее можно охарактеризовать как лакунарную. Причина этого заключается в активном сопротивлении проникновению «культуры глобализации» как отдельных групп населения внутри развитых стран (в первую очередь это касается групп религиозных фундаменталистов из числа иммигрантов), так и значительной части населения развивающихся стран. Во многом последнее связано со структурными недостатками западной модели мультикультурализма и ее производной – системы толерантности. Наблюдающиеся «перегибы» в истолковании этих понятий приводят к возникновению «презумпции виновности» большинства, что лишь усугубляет имеющиеся конфликты, масштабы которых и без того существенно возросли благодаря росту иммиграции (в первую очередь – нелегальной). Роль негативного фактора играют и долгосрочные последствия политики США и их союзников в отношении развивающихся стран в период «холодной войны». Пытаясь бороться с распространением марксизма и левых идей в целом, они поддерживали религиозных фундаменталистов, националистов, ультраправых и ультраконсерваторов. За счет этого фактически была создана база для противодействия процессу глобализации в будущем[2].

Внутри гражданских наций наблюдаются процессы трайбализации и разрастания этнического национализма, которые напрямую связаны с процессами геттоизации, социальной дисквалификации мигрантов и представителей этнических, религиозных и расовых меньшинств. Их также под-

---

[1] *Сеньков М.И.* Финансовая глобализация как причина роста вероятности возникновения финансовых кризисов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права), 2012, № 1, с. 8.

[2] *Селелева Н.В.* Реформирование Организации Объединенных Наций в контексте международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2011, № 2, с. 125.

питывают сокращение численности и постепенная маргинализация представителей среднего класса[1].

Возникли и серьезные проблемы в рамках сложившихся политических систем. Наиболее наглядным образом они проявились через успех «популистских» политиков и партий в странах Евросоюза и США. Укрепление «Левой партии» и «Альтернативы для Германии», победа Дональда Трампа на выборах президента США, усиление «Национального объединения» (в прошлом – «Национальный фронт») во Франции – все эти события были вызваны факторами одного ряда, деиндустриализацией развитых стран, маргинализацией значительной части их населения, ростом антимигрантских настроений и размыванием национально-государственной идентичности[2].

Рост религиозного и этнического экстремизма, как и подпитывающие их увеличение социально-экономической дифференциации и расширение миграционных потоков, закономерно вылились в распространение терроризма. При этом количественный рост в данном случае относительно быстро привел к качественному скачку: террористическая группировка «Исламское государство» (запрещена в России) даже попыталась создать на территории Сирии и Ирака одноименное квазигосударство. Причем следует признать, что в случае отсутствия вмешательства в конфликт со стороны России и США государствам Ближнего Востока вряд ли удалось ликвидировать это образование собственными силами. Равным образом распространение конфессионального и этнического экстремизма способствует нарушению территориальной целостности исторически недавно сформированных государств. В качестве примера можно привести отделение от Судана его южных территорий, получивших государственный суверенитет[3].

---

[1] *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурятского государственного университета, 2011, № 6, с. 19.

[2] *Звоновский В.Б.* Глобализация и кризис социокультурной идентичности // Вестник Омского университета, 2011, № 3(61), с. 315.

[3] *Архипова Г.С., Макс О.Н.* Последствия глобализации для мирового экономического авангарда и «мировой периферии»: кризис потребления и кризис глобализации // Материалы I Международной научно-практической заочной конференции «Современные проблемы развития техники, экономики и общества». 2016, с. 155.

Роль данного фактора в дестабилизации международной политической системы не стоит недооценивать. Так, отделение Южного Судана привело к кризису на севере: Хартум утратил вместе с территорией еще и большую часть запасов нефти, деньги от продажи которой составляли большую часть экспортных доходов республики. Как результат, возник политический кризис, приведший в итоге к свержению Омара аль-Башира в апреле 2019 г. и началу затяжного противостояния между пришедшими к власти военными и оппозицией. Как следствие, под угрозой оказалась стабильность соседнего Чада, где уже проживает значительное число беженцев из Эфиопии. Встал вопрос о возможности перебоев в работе морских терминалов в Порт-Судане – одном из важнейших логистических пунктов Красного моря. Одновременно на повестку дня встал вопрос о потенциальной эскалации военного конфликта в Йемене после исчезновения с поля боя направленных туда властями Судана военных подразделений[1].

Однако ярче всего кризисные тенденции проявились в рамках международной политической системы. И в первую очередь это касается системы глобальных международных организаций. Гипотетически разрешение возникших противоречий входит в сферу их компетенции, однако вполне очевидно, что их попытки выполнить данную задачу мало эффективны. Более того, в условиях кризиса глобализации данные организации демонстрируют неспособность выполнять одну из своих базовых функций – обеспечить стабильность и безопасность на международной арене[2].

Так, МВФ не просто оказался неспособен спрогнозировать и предупредить начало мирового экономического кризиса в 2008-2009 гг. Как оказалось, сам кризис оказался во многом долгосрочны последствием политики неолиберальных реформ, которые эксперты фонда в течение нескольких десятилетий продвигали в глобальных масштабах[3].

---

[1] *Барановский В.Г.* Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019, т. 63, № 5, с. 10.

[2] *Невская Т.А.* Политический менеджмент в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2017, №8(110), с. 163.

[3] *Ильин Е.Ю.* Участие Международного валютного фонда, «группы двадцати» и ЕС в реформировании системы глобального регулирования // Вестник МГИМО Университета, 2014, № 1(34), с. 83.

ВТО длительное время отстаивала принципы свободы торговли. Однако на практике ведущие государства Европы и Северной Америки, играющие ключевую роль в данной структуре, периодически использовали ограничительные инструменты, либо из соображений национальной безопасности, либо в рамках поддержки аффилированных с политическим истеблишментом финансово-промышленных групп, либо ради наращивания электорального рейтинга конкретных партий и политических лидеров. Приход к власти в США Дональда Трампа и вовсе обернулся тотальным нарушением всех принципов работы ВТО. При этом открытым остался вопрос: как действовать в данной ситуации прочим государствам-членам организации, которые ради вступления в ВТО пошли на достаточно болезненные для национальной экономики реформы?[1]

Наиболее очевидным является кризис Организации Объединенных Наций. Последние 30 лет ООН демонстрирует полную неспособность противодействовать появлению на политической карте мира новых очагов международных военных конфликтов. Организация оказалась бессильной, когда речь зашла о предотвращении бомбардировок Югославии, вторжения войск возглавляемой США коалиции в Ирак, ввода войск Саудовской Аравии и ее союзников в Йемен. Ключевые решения относительно гражданской войны в Сирии и внутреннего конфликта на Украине также принимались вне площадки ООН, несмотря на то, что в каждом случае в противостояние было вовлечено несколько глобальных акторов и ряд значимых региональных игроков. Вопрос о заключении «ядерной сделки» с Ираном также решался преимущественно вне рамок ООН. Организация не просто не сумела предотвратить внешнее вмешательство в гражданскую войну в Ливии, но и подкрепила соответствующие действия своим авторитетом. Равным образом ООН демонстрирует бессилие в рамках урегулирования наиболее значимого невоенного конфликта последних лет – торговой

[1] *Каменецкая О.В.* Обоснование заинтересованности развивающихся стран в реформировании режима международной сельскохозяйственной торговли под эгидой Всемирной Торговой Организации // Экономика сельского хозяйства. Реферативный журнал, 2005, № 1, с. 33.

войны между Соединенными Штатами и Китаем, которая угрожает стабильности всей мировой экономики[1].

Несмотря на очевидную неэффективность глобальных международных институтов, отказ от них представляется наиболее худшим вариантом из всех возможных. Необходимо учитывать, что даже наиболее маскулинные мировые лидеры, привыкшие полагаться на силу в качестве главного инструмента устранения противоречий, высоко оценивают роль ООН как актора, легитимирующего их политические решения. Не случайно Дж. Буш-младший вплоть до завершения подготовки к вторжению в Ирак систематически пытался получить одобрение ООН для проведения этой операции. Равным образом лидеры западных государств были крайне заинтересованы в одобрении Совбезом ООН вмешательства в гражданский конфликт в Ливии. Важно подчеркнуть: большая часть крупномасштабных военных операций такого рода не находят однозначной поддержки как внутри населения и элит государств-инициаторов, так и на международной арене. И потому акторы, заинтересованные в их проведении, нуждаются в поддержке ООН в качестве инструмента легитимации соответствующих решений[2].

Не забывая о периодически озвучиваемой критике в адрес миротворцев ООН, следует признать, что их присутствие в зонах военных конфликтов обеспечивает местному населению хотя бы минимальные гарантии защиты. Они регулярно вступают в боестолкновения с подразделениями местных политических радикалов и представителей криминала, о чем свидетельствуют периодически поступающие сообщения о гибели миротворцев[3].

ООН также играет существенную роль в организации поставок гуманитарной помощи нуждающимся в этом странам. Безусловно, в соответствующих программах имеется и коррупционная составляющая. Однако наличие данного

---

[1] *Красницкая А.В., Клименко О.Н.* К вопросу о целесообразности реформирования Организации Объединенных Наций для целей обеспечения и соблюдения принципов международного права // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2014, № 101, с. 514.

[2] *Сепелева Н.В.* Реформирование Организации Объединенных Наций в контексте международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2011, № 2, с. 25.

[3] *Мустафаева Н.И.* Совет безопасности ООН как приоритет реформы ООН // Актуальные проблемы российского права, 2016, № 2(63), с. 207.

элемента можно зафиксировать почти в любой программе гуманитарной помощи. Например, в рамках широко разрекламированных программ Агентства США по международному развитию, ориентированных на борьбу со СПИДом и ВИЧ в Южной Африке, за все время действия соответствующих проектов не было выделено ни одного доллара на создание производства презервативов, несмотря на очевидную необходимость этого шага[1].

Наконец, следует понимать, что так или иначе ООН остается единственной глобальной площадкой, в рамках которой мировые державы могут согласовывать политические решения на относительно равноправной основе. К сожалению, этот функционал не используется полноценно, на практике к нему прибегают лишь эпизодически, когда речь заходит о подлинно значимых для мирового сообщества вопросах. Однако само наличие такой возможности делает процесс выстраивания международных отношений более упорядоченным, одновременно нивелируя риски возникновения прямых конфликтов интересов и открывая путь к достижению компромиссов.

Вопрос о реформировании ООН неоднократно обсуждался в течение последних десятилетий. Первый раз планы проведения комплексной реформы ООН были озвучены в 1992 г. генсеком Б. Гали. Последнему удалось предпринять ряд шагов по воплощению своих планов в жизнь, однако инициированные им преобразования коснулись преимущественно административной структуры ООН: была существенно сокращена численность персонала секретариата ООН, слиянию подверглись дублирующие друг друга либо выполняющие сходные функции подразделения. Однако попытки проведения «большой реформы» ООН фактически завершились после создания в 1993 г рабочей группы по реформированию Совета Безопасности. Ее участники так и не смогли договориться относительно того, кого из членов расширенного Совбеза следует наделить правом вето[2].

В 2004 г. предложение об увеличении числа постоянных членов Совета Безопасности выдвинул генсек ООН К. Аннан, однако участники дискуссии и в этот раз не смогли найти точки консенсуса. Его приемник Пан Ги Мун также

[1] *Красницкая А.В., Клименко О.Н.* Указ. соч., с. 517.
[2] *Мустафаева Н.И.* Указ. соч., с. 208.

выступил в качестве инициатора межправительственных переговоров о выработке предложений по реформированию ООН, которые в итоге так и не привели к принятию каких-либо решений[1].

Вопрос о реформировании Совета Безопасности также поднимался в разное время группами отдельных государств. «Группа четырех» (Бразилия, Германия, Индия и Япония) отстаивала идею включения в состав Совбеза еще 6 постоянных членов и 4 непостоянных. Данная концепция также предполагала наделение правом вето новых постоянных членов лишь по истечению 15 лет с момента расширения Совета Безопасности. Группа «Единство во имя согласия» (в состав которой вошли Италия, Алжир, Мексика, Аргентина, Пакистан и ряд иных развивающихся государств) выдвинула на обсуждение план включения в Совбез 10 новых непостоянных членов и при условии ограничения права вето постоянных членов. Государства Африки также выступали с инициативой реформирования Совета Безопасности за счет включения в его состав 6 новых постоянных членов и 5 – непостоянных. При этом предполагалось, что новые постоянные члены Совбеза сразу же получат тот же объем прав, что и прежде получившие этот статус государства. В итоге описанные инициативы так и не были вынесены на голосование Генассамблеи ООН, так как их разработчики не смогли заручиться необходимой поддержкой со стороны других государств[2].

Последние масштабные планы реформирования ООН были озвучены президентом США Д. Трампом 18 сентября 2017 г. Американский лидер предложил изменить систему финансирования организации, «более справедливо» перераспределив это бремя, сократив вложения соединенных Штатов за счет увеличения вклада прочих стран. Также Трамп настаивал на необходимости очередного сокращения численности административного персонала и слиянии структур, дублирующих функции друг друга. Президент Соединенных Штатов также настаивал на необходимости выработки четких критериев эффективности миротворческих операций и повышения прозрачности механизмов их финансирования. Этот проект официально поддержали США, Соединенное Королевство, Германия и еще 137 государств-чле-

[1] Там же, с. 210.
[2] *Красницкая А.В., Клименко О.Н.* Указ. соч., с. 518.

нов. Однако против предложенной Трампом реформы выступили 56 прочих стран, включая Россию, Францию и Китай[1].

Говоря о попытках расширения состава Совета Безопасности ООН, необходимо отметить, что активнее всего включения в число постоянных членов Совбеза добиваются Япония, Германия, Индия и Бразилия. Первые два государства встречаются с ожесточенным сопротивлением со стороны действующих постоянных членов, большинство аргументов которых фактически сводятся к утратившей актуальность отсылке к ответственности Берлина и Токио за развязывание Второй мировой войны. Вполне очевидно, что этот предлог используется формально, и в реальности члены Совбеза, скорее всего, просто не желают еще большего усиления позиций Германии и Японии. Возможность присоединения к числу постоянных членов Совбеза во многом блокируется принципиальной позицией Пакистана. Вероятность включения в состав Совбеза Бразилии более велика, однако большинство постоянных членов настораживает отсутствие у нее постоянных интересов в Евразии и Африке и, как следствие, четкой позиции по наиболее значимым для соответствующих регионов вопросом. Последнее оставляет руководству Бразилии широкое поле для маневра в ходе переговоров по большинству стратегически значимых тем. Имеют место опасения, что в обмен на уступки на геополитическом поле Латинской Америки Бразилия будет «продавать» свою позицию Пекину либо Вашингтону, что еще больше дестабилизирует систему международных отношений[2].

Российское руководство в целом поддерживает планы расширения состава постоянных членов Совете Безопасности, однако подчеркивает, что этот процесс не должен форсироваться и потому последовательно выступает против установления временных лимитов на выработку соответствующих решений. Последнее во многом связано с опасениями относительно того, что Соединенные Штаты могут добиться включения в число постоянных членов Совета Безопасности своих наиболее лояльных союзников,

[1] *Барановский В.Г.* Указ. соч., с. 21.

[2] *Сазонова К.Л.* Анализ позиций «великих держав» по вопросу реформирования Организации Объединенных Наций // Вестник Башкирского университета, 2008, т. 13, № 3, с. 675.

например, Японию, что приведет к резкому изменению баланса сил внутри Совбеза ООН[1].

Как следствие, международная политическая система почти не адаптируется к вызовам, порожденным глобализацией. Естественным следствием этого становится отказ истеблишмента основных политических и экономических акторов от попыток решения нарастающих проблем в глобальном формате. Мировая политика и экономика все более регионализируются. По большому счету данная ситуация обусловлена долгосрочными последствиями ошибок предшествующих поколений политиков. «Хаотизация» Ближнего Востока, милитаризация стран Латинской Америки в рамках «борьбы с коммунизмом» (достаточно вспомнить, например, о создании парамилитарес в Колумбии), игнорирование сращивания государственного аппарата и наркокартелей в ряде государств (в первую очередь имеется ввиду Афганистан), политика деиндустриализации развитых государств и длительное игнорирование неэффективности механизмов интеграции мигрантов, представителей расовых, этнических и религиозных меньшинств, отсутствие должного внимания к проблемам геттоизации и этнической преступности, деградация системы контроля за работой институтов финансового сектора – все эти факторы в своей синергии породили целый комплекс угроз для международной безопасности и поставили под сомнение будущее глобализации. Одновременно роль дестабилизирующего фактора сыграла непродуманная агрессивная внешняя политика Соединенных Штатов, поставившая под вопрос для целого ряда стратегически значимых государств целесообразность попыток выстраивания с Вашингтоном партнерских отношений. Наконец, необходимо признать, что существующая система международных политических институтов слабо отражает баланс экономического влияния конкретных держав. В свете провала попыток реформирования глобальных институтов возрастает реалистичность сценария, в рамках которого международная политическая система будет длительное время развиваться в рамках тенденции к дезинтеграции. Этот процесс будет способствовать приведению в соответствие политического статуса

[1] *Борисова А.Р., Войтоловский Ф.Г., Журавлева В.Ю*. Подходы России и США к проблемам глобального управления и реформированию ООН // Пути к миру и безопасности, 2016, № 1(50), с. 21.

ведущих государств и их реального экономического потенциала. Последнее в долгосрочной перспективе создаст возможность для разрешения большинства накопившихся противоречий, проведения полномасштабной реформы международных институтов и «перезапуска» процесса глобализации.

Существующие на данный момент институциональные формы взаимодействия государств на глобальной арене, вероятнее всего, сохранятся, в силу отсутствия консенсуса между основными акторами относительно направления их преобразования. Однако их удельный вес наверняка будет снижаться в силу сокращения масштабов финансирования: отсутствие возможности провести преобразования в желаемом для себя направлении наверняка подтолкнет ряд ключевых государств-спонсоров к тому, чтобы перераспределить расходование ресурсов в пользу альтернативных проектов, в том числе – новых.

Под вопросом окажется развитие интеграционных образований, включающих в себя большое количество стран. Число государств-членов обратно пропорционально скорости принятия политических решений: необходимость согласовывать интересы множества акторов, имеющих разные позиции относительно обсуждаемой проблемы (или готовых обменять свой голос в обмен на уступки в иных, реально значимых для конкретного государства вопросах), объективно замедляет процесс принятия решений. Следствием этого зачастую является не только потеря столь ценного ресурса, как время, но и отсутствие системного подхода к решению проблемы (примером последнего могут служить разногласия государств Евросоюза относительно вопроса о беженцах). В силу этого объективно будет возрастать роль «малых» объединений государств, во-первых, заинтересованных в решении региональных и межрегиональных вопросов и, во-вторых, имеющих необходимые для этого ресурсы. Примером этого может служить рост совместного влияния Германии и Франции на ситуацию в зоне Сахеля. Следствием этого должно стать расширение и закрепление «зон влияния» конкретных держав. Как результат, можно будет ожидать увеличение числа крупных региональных конфликтов, в которые будут активно вовлечены великие державы. В качестве иллюстративного примера в данном случае можно привести усиление конфронтации между Ираном (по причине его экспансии в Ираке,

Сирии и Йемене) с одной стороны и поддерживаемыми США монархиями Персидского залива – с другой. Последнее потенциально может способствовать повышению роли конкретных государств-медиаторов, что также будет стимулировать дальнейшее развитие дезинтеграционных тенденций. Рост числа конфликтов и развитие ориентации на получение поддержки со стороны конкретного модератора или покровителя может способствовать углублению раскола внутри населения и элит «малых держав», что, помимо прочего, будет подпитывать распространение националистических настроений.

Вероятность развития ситуации по сценарию «возвращения на глобалистские рельсы» крайне невелика: последнее потребовало бы сглаживания противоречий, порожденных глобализацией, за счет крупномасштабного перераспределения ресурсов в пользу «основных пострадавших». Однако для истеблишмента государств-лидеров глобализации это означало бы как нивелирование достигнутого полезного эффекта, так и необходимость ужесточения мер бюджетной экономии с последующим нарастанием недовольства низов и среднего класса.

О.А. ВОРОНКОВА
кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН*

Трансформация факторов социально-политической идентификации в сетевой публичной сфере

В статье рассматриваются тенденции изменения социально-политических отношений, происходящих под воздействием бурного развития коммуникативных технологий. Особое внимание уделяется вопросам и проблемам сетевой идентификации, социальной аномии зрелых поколений и новым факторам социализации молодежи.

Ключевые слова: *публичная сфера, сетевая дискурсивная формация, идентичность, социальная аномия, социализация.*

Voronkova O.A. Transformation of factors of socio-political identification in the network public sphere. *This article discusses the trends in the socio-political relations, taking place under the influence of rapid development of communication technologies. Special attention is paid to issues of network identification, social anomie of mature generations and new factors in the socialization of youth.*

Keywords: *the public sphere, network discourse formation, identity, social anomie, socialization.*

Историческая эволюция социальных систем продвигается от жестких иерархических структур через «мягкое» структурирование к сетевизации. Социально-политические изменения пробиваются через инерционное противодействие исторически сложившихся институциональных форм. По мнению М. Кастельса, политические изменения всегда многомерны, но они, в конечном счете, обусловлены социокультурными

* Воронкова Ольга Алексеевна, e-mail: olden@lianet.ru

изменениями, т. е. «изменениями ценностей и убеждений, происходящих в сознании человека в масштабах, достаточных для того, чтобы повлиять на общество в целом»[1].

Социальные движения как мотиваторы изменений исторически развивались через расширение публичного интерактивного пространства. В «публичной сфере» реализовывались возможности когнитивно-коммуникативной переработки возникающих идей и формирования мотивационной основы социального действия[2]. Теперь, в условиях стремительного развития цифровых технологий, сетевая публичная сфера приобретает качественно новые характеристики, становясь центром социально-политической жизни. Сеть становится мгновенным мультипликатором всех возникающих идей, их интерпретаций и оценок, отвержений или приобретений ими импульса дальнейшего продвижения и воплощения в действие.

Социальные и политические изменения происходят через активное включение в сферу взаимопересечения интересов групп, ранее не представленных в публичном пространстве. Сетевая публичная сфера становится пространством борьбы «за умы и души» посредством внедрения разного рода механизмов влияния на процессы коммуникации. И хотя в сетевое пространство переносятся и отношения власти, здесь они вступают в состояние жесткой конкуренции. Идеологические и политические акторы вынуждены конкурировать как с коммерческими интересами финансовой власти, так и с быстро набирающей силу технологической властью профессионалов, от которых напрямую зависит функционирование и дальнейшее развитие цифровой сферы. На этом качественно новом этапе развития общество перестает быть пассивным легитиматором властно-субъектных решений. Оно активно включается в процесс принятия решений в своих интересах и само становится ключевым субъектом политических изменений, создавая свои очаги «контрвласти» через перепрограммирование сетей вокруг альтернативных интересов и ценностей. Участвуя в культурном производстве массмедиа и разрабатывая

[1] *Кастельс М.* Власть коммуникации: Учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017, с. 360.

[2] *Хабермас Ю.* Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Под ред. М. Беляева; Пер. В.И. Иванова. М.: Весь мир, 2016.

автономные сети горизонтальной коммуникации, оно подрывает тем самым доминирующую медиапрактику[1].

Сетевая идентификация. Общественное сознание – феномен, структурируемый по траектории развития. Выделение Э. Гидденсом основных стадий становления общественного сознания – «*базовой*», на которой создается «онтологическая система безопасности» для первичной ориентации в окружающем пространстве, «*практической*», формирующей способы адаптации к повседневности, и «*дискурсивной*», проявляющей способности критического осмысления – позволило понять механизмы рождения социальных движений[2]. Особенности проявления общественного сознания на дискурсивном уровне зависят главным образом от степени его *готовности* к переоценке накопленного социокультурного капитала.

Социокультурный капитал определяют как «динамический потенциал, воплощенный в материальных и нематериальных формах, образованных процессами интеграции ресурсов личности, социума и культуры»[3]. На индивидуальном уровне этот потенциал проявляется в виде совокупности представлений и убеждений, сложившихся под влиянием направляющих векторов первичной социализации – генетического психотипа, ценностно-нормативных диспозиций, закрепленных в культурной традиции общества, политико-идеологических установок, проводимых через образовательные программы и СМИ. Сформировавшиеся таким образом мировоззренческие матрицы могут претерпевать существенные изменения под воздействием осмысления практического опыта, меняющихся обстоятельств или более убедительных доводов и аргументов, получаемых от коммуникантов. Динамизм социокультурного капитала проявляется в непрерывной коррекции усвоенных установок и диспозиций в результате содержательно-смысловых обменов.

Состояние внутренней *готовности* к переосмыслению мировоззренческой матрицы запускается импульсами, посылаемыми сознанию от событий внешнего мира. Политически стабильная обстановка способствует размеренному

---

[1] *Кастельс М.* Указ. соч., с. 496.

[2] *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.

[3] *Богдан С.В.* Концептуальное содержание понятия социокультурный капитал // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2012, 4(32), с. 50-56.

ходу интерпретативных процессов, их протеканию на обыденно-практическом, адаптивном уровне, тогда как активизация рисков, усиление политической и социальной напряженности дают импульс к пробуждению критического мышления. Запуск внутренних механизмов *рефлексивного мониторинга* происходит вследствие ментального шока. Подсознательно вызревающее и накапливающееся неудовлетворение какими-либо факторами, угрожающими «онтологической системе безопасности», или аспектами обыденной жизни – истощением адаптивных ресурсов, получают мощный стимул, достаточный для высвобождения ментальной энергии осознания. Техносетевые средства коммуникативного обмена дают возможности ускорения процесса прояснения тех «серых зон» сознания, в которых разного рода неудовлетворение интуитивно накапливается и вызревает.

Перепрограммирование внутренних установок в сетевом коммуникативном пространстве начинается с критики доминирующей линии интерпретации информационного потока. Погружаясь в многообразие перекрестных векторов самовыражений в публичной интернет-сфере и становясь участником коммуникативного обмена, индивид проходит новый этап социализации. Производя мысленный отбор тех высказываний и комментариев, которые совпадают с личными восприятиями и оценками, и отсев тех, которые им противоречат, индивид ищет в сети свои «референтные группы», формирует виртуально-ментальную среду, в которой либо подтверждает, либо переосмысливает свою «философию жизни».

Становление сетевой идентичности на ранних стадиях включения – процесс психологически противоречивый. Прежде непубличный индивид становится публичным. С одной стороны, в сетевой коммуникативной сфере возникает потребность самовыражения, но с другой стороны, вовлечение в публичность требует внутренней готовности к столкновению со множеством альтернативных и противоположных мнений и позиций. Необходимость отражения вала потенциальной критики и в свой адрес приводит прежде непубличного индивида в состояние психологического дискомфорта, следствием которого могут стать различные способы самозащиты. Ранний этап сетевой вовлеченности, как подмечают исследователи, характеризуется отрицанием прежней индивидуальной иден-

тичности – «деидентификацией»[1], попыткой скрыться за анонимными маркерами. Сокрытие прежнего непубличного «Я» за вымышленным псевдонимом психологически облегчает стрессовый процесс рождения «публичной личности», освобождая новую личность от мук саморефлексии. Однако стремление к успеху и признанию в сетевой публичной сфере способствует переходу на качественно новый этап.

Вступление в сетевой дискурс, приобретение ментальных опор для колеблющегося сознания постепенно трансформируют пассивного реципиента информации в агента-распространителя значимых новостей, а затем в уверенного в себе актора с активной жизненной позицией. Эта активность способна вдохновить проектно-ориентированные социальные движения, которые, объединяясь по принципу согласия с определенными ценностями и смыслами, стремятся изменить социальные традиции и политические институты, мешающие самореализации и тормозящие развитие.

Сетевой дискурс как когнитивно-коммуникативный процесс существенным образом способствует реконструкции отношений доминирования в распределении социального знания и определении социальной истины. Электронно-сетевой способ коммуникативного производства XXI в. противостоит монокультурному контексту XX в. и объективно способствует рождению новой исторической «формации».

Сетевая дискурсивная формация переопределяет условия производства социальных и политических смыслов. По М. Фуко, социальный смысл рождается на пересечении столкновений различных презентаций истины[2]. Новые смыслы возникают в дискурсивном прояснении сущности настоящих и будущих социально-политических отношений, в социальном сопротивлении прежним политическим механизмам установления доминирования в социуме. Сетевой дискурсивный процесс подвергает сомнению и разрушает навязываемое политической элитой понимание основ социальной целостности как единомыслия и консервации отношений власти.

В сетевой атмосфере анонимности и когнитивной свободы растворяется традиционный объект власти. И, как следствие, «субъект управления, оставшись без объекта,

---

[1] *Мартьянов Д.С.* От сетевой идентичности к политике идентичности в сети интернет: смена парадигмы? // Вестник СПбГУ. Сер. 6, 2015, вып. 1, с. 44-52.

[2] *Foucault M.* The Archeology of Knowledge and the Discourse of Language. N. Y., 1972. M., 1999. 414 с.

теряет свой смысл»[1]. Основным вопросом становится не кто субъектно обладает властью и влиянием в конкретном контексте, а какими когнитивными средствами осуществляется борьба «за умы и души» в публичной сфере. Основной аналитической единицей становятся не производитель идей, не представитель власти, контролирующий распространение идей, не респондент как агент идейного обмена, а собственно *смысловые конструкты*, посредством которых идеи транслируются в публичную коммуникативную сферу. Бессубъектность становится определяющей характеристикой сетевого дискурса. *Личностно-субъектные основания идентификации трансформируются в сетевой публичной среде в идейно-смысловые.* Соответственно фокус социологического и политологического анализа перемещается с субъектной плоскости в сферу идейно-коммуникативной продукции. Динамическая сеть *содержаний* постов, дискуссий и форумов и формирование в ней устойчивых *смысловых узлов* приобретают приоритетный научный интерес и методологическую значимость.

Понятие «дискурсивная формация», введенное в научный оборот М. Фуко, связывает специфику социальной коммуникации с культурно-историческим контекстом. Как констатирует А. Галкин, специфическая непоследовательность исторического становления России, революционно-шоковый характер политических перемен стали причиной высокой степени неустойчивости самоопределения российского общественного сознания. Постоянно переживаемые населением потрясения, в результате которых различные возрастные категории подвергались разнонаправленным воздействиям плохо совместимых моделей социализации, определили преобладание эмоционально-импульсивной составляющей в структуре общественного сознания и высокую дробность ценностных ориентаций. Соответственно «неустойчивость общественных настроений в России сегодня ощутимо выше, чем в странах с аналогичным или более высоким уровнем общественного развития»[2].

Во втором десятилетии XXI в. российский социум обнаружил себя в традиционном глубоко поляризованном сос-

---

[1] *Мартьянов Д.С.* Указ.статья // Вестник СПбГУ. Сер. 6, 2015, вып. 1, с. 45.

[2] *Галкин А.А.* Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант // Вестник Института социологии, 2015, № 1(12), с. 22.

тоянии. Большая часть общества не смогла выйти из зоны когнитивной зависимости от власти. Запрос на «сильного лидера» пока так и остается безусловным доминирующим фактором существования национального большинства. Однако объективная неизбежность трансформации политической системы на фоне технологических инноваций ставит и глубинные слои общества, и политическую элиту в двусмысленное положение. Инерционное стремление сохранения монополии на власть конкурирует с нежеланием и невозможностью осуществления прежней модели патерналистской опеки и принятия полной ответственности за материальное и духовное обеспечение масс. Попытка сохранения «патерналистского имиджа» и одновременно переложения всех забот по материальному обеспечению общества и собственно власти на само общество способствует усугублению кризисного состояния социума в целом. Серьезное разочарование в «патерналистском имидже» власти после очередного сокрушительного этапа лишения общества унаследованных от социализма благ в середине 2018 г. резко понизило уровень поддержки власти и артикулировало запрос на перемены.

По данным Левада-центра, 57% россиян выступают за решительные, полномасштабные перемены[1]. В сетевом дискурсе отчетливо проявляется изменение эмоциональной тональности и содержательного наполнения коммуникации. Произошел видимый перелом в картине баланса споров между провластными и оппонирующими дискутантами к усилению доминирования критического по отношению к власти контента и заметному ослаблению голосов в защиту проводимого политического курса. Однако предварительный анализ сетевого дискурса показывает, насколько непросто происходит процесс пересмотра и переоценки политико-идеологических доминант в массовом сознании – он требует серьезного когнитивного усилия в разрешении внутреннего психосоциального конфликта между традиционалистски прочными установками и объективными запросами инновационного развития.

[1] Изменения и перемены. Пресс-выпуск Левада-центра 19.06.2018. URL:https://www.levada.ru/2018/06/19/izmeneniya-i-peremeny/ [Дата обращения 25 апреля 2019 г.]

Для «непубличного» советского поколения полная смена коммуникационной парадигмы – психосоциальная травма. Потеря стержневого ориентира и идентификационной основы «модели выживания» приводит к новому витку социальной аномии. Изменения, которые мы наблюдаем сейчас, в большей степени касаются эмоциональных реакций, чем рациональных осмыслений. Массовое сознание работает «на коротких дистанциях» и ассоциативных связях. Эти короткие дистанции ограничены опытом собственной жизни и ассоциациями психофизической природы. Недовольство качеством текущей жизни мотивирует массовое сознание не к поиску новых путей преодоления системных изъянов, а к идеализации времен собственной молодости, полной энергии и оптимизма. Всплеск ностальгии по советским временам размеренной и предсказуемой жизни вполне объясним. Советские установки «надежности» – неотделимость перспективы личной жизни от государственной мощи, относительное равенство при невысоких потребностях как основные факторы первичной социализации перевешивают в массовом сознании оценки системных негативов советской системы – общую бедность, товарный дефицит, политические репрессии и пр. Чем прочнее оказывается сформированная в ранние советские годы жизни «онтологическая система безопасности», тем отчетливее выражаются консервативно-ретроградные настроения зрелого поколения.

Меньшая критически мыслящая часть общества вынуждена формировать свою идентичность главным образом на языке противоборства власти в условиях до сих пор не развитой публичной политической сферы – отсутствия реальных возможностей участия в принятии значимых для общества решений. Реакция молодого критического общества на тенденциозную подачу информации и интерпретацию событий федеральными СМИ выражается в выходе ее значительной части из медиасферы федерального телевещания в интернет. По данным Mediascope, за 5 лет (2014-2019 гг.) молодежная аудитория основных федеральных каналов российского телевидения ощутимо сократилась – 1 канал потерял 38%, Россия 24 – 58%[1]. Выход молодой части общества из-под влияния идеологизированных механизмов

[1] URL: https://newdaynews.ru/chel/660810.html [Дата обращения 25 мая 2019 г.]

формирования социально-политической идентичности через официальные СМИ ставит нетривиальную задачу поиска новых путей самоопределения.

Для молодого поколения, родившегося в новых сетевых условиях, создание «онтологической системы безопасности» становится все менее значимым. В условиях постоянно открывающихся новых возможностей снимается потребность в устойчивых схемах построения «линии жизни», встраивания в нормативный коридор «правильного» мышления и поведения. Повышается запрос на свободу, мобильность, новизну. Новые поколения, быстро адаптируясь к необходимости ментальной переработки больших объемов разного рода информации, формируют «фрагментарное сознание», основной установкой которого становится способность разбираться в манипуляционных приемах, вычленять значимое и отделять «фэйк» от истины. Базовая матрица идентичности образуется как эклектичный коллаж из фрагментов былых идеологических стереотипов, значимых событий накапливаемого опыта и стремлений изменить мир, свойственных молодости. Потребность «улучшить мир» рождает новые смыслы в терминах «гуманизации жизни» – взаимоподдержки, отказа от войн и насилия как средства решения проблем, защиты экологии, создавая альтернативные ценностные основы для будущих социальных и политических практик. При этом культурные условия мультимодальности и глобального разнообразия, которые задаются логикой технологического развития, вряд ли позволяют надеяться на создание в будущем новой идеологии универсалистского типа, как, например, «метаидеологии нового гуманизма»[1]. Более того, критическое недоверие любым тотализирующим инструментам формирования сознания вышло на такой уровень, что все настойчивее проявляется тренд охраны социально создаваемой гуманитарной ауры от вмешательства государственных структур. Развитие сетевых отношений объективно препятствует тенденциям формализации стихийно вырастающих социальных движений, где теряют значимость факторы лидерства, иерархии, групповой организации.

[1] *Красин Ю.А.* Идеология, штрихи к новому видению // Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим. М.: Изд. «Аспект Пресс», 2017, с. 12-28.

Сетевой динамичный процесс создания гибких общественных ассоциаций становится значимым фактором перекодирования социетального устройства и конструирования нового типа политики в мире. Но пока дискурсивный процесс рождения и прояснения новых смыслов находится на самой начальной стадии. Как в общественной, так и в политической среде наблюдается довольно слабая артикуляция ориентиров дальнейшего развития. Тем не менее именно новые коммуникативные условия задают возможности вызревания того социального потенциала, который способен привести к эволюционной трансформации институциональных основ социума.

А.В. НАЗАРЕНКО
кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН*

Реальность и сети: о неустранимости политического из культурного и социального

В статье сделана попытка связать воедино политическое, социальное и культурное производство в условиях перехода от традиционных моноцентрических структур к сетевым ризоматическим, в которых происходит постоянное перераспределение авторов идентификации и самоидентификации.

Ключевые слова: *бытие, политическое, социальное, культурное, сеть, узел, человек.*

Nazarenko A.V. Reality and networks: on the irremovability of the political from the cultural and the social. *The article attempts to link together political, social, and cultural production amid the transition from traditional monocentric structures to network rhizomatic structures in which there is a constant redistribution of the authors of identification and self-identification.*

Keywords: *existence, political, social, cultural, network, intersection, human.*

С одной стороны, возникающая на наших глазах новая сетевая коммуникативная модель с чертами неявной динамической полицентричности – «ризоматичности» сразу заставляет задуматься над возможным отставанием традиционного властного дискурса от реальности. Вероятно, мы стоим на пороге «открытия» новой системы отношений, в которой главный акцент оказывается смещен не столько на конкретного человека с его «Я», но в гораздо большей степени на «откуда» – «из» чего берет начало то, чьим следствием и стало возможным его «Я». Каждый индивид может быть производителем истины, а значит, индивидуализируются подчиненные, а не власть.

Мир переходит от состояния упорядоченной системы к ее изнанке, к конкретному индивиду со свойственной ему

* Назаренко Алексей Владимирович, e-mail: alek_nazarenko@mail.ru

пульсирующей «метафизикой желаний» в образе делезовских «машин желания»[1]. Фактически речь идет о принципиально новом аналитическом дискурсе «желаний», адекватно отражающем возникающую реальность. Означающее «Я» в такой системе отношений может быть произвольным, не обладающим никакими явными преимуществами перед другими «Я», т.е. проявляться исключительно ситуационно. Ранжирует и расставляет всех по местам информационно-коммуникационная среда, обладающая свободной внутренней логикой и четкими границами, определяемыми лишь «техническими» возможностями средств коммуникации. По сравнению с традиционной информационно-коммуникационной средой с ее этической и моральной подоплекой, где возможны любые отклонения, связанные рационально-иррациональной природой человека, она справляется с этим гораздо лучше. В новой цифро-сетевой виртуальной реальности имена являются однозначными и позитивными, а значит, присущий им смысл вводит в единство обозначаемого актуальную множественность.

Так как информация и знания потенциально доступны всем, адекватно презентовать собственное «Я» в новой системе отношений могут лишь единицы, которые используют в полном объеме открывшиеся смысловые и технические возможности, не испытывая при этом страха перед сопутствующими им «прозрачностью» и «публичностью». Ведь как только любая ценностная или целевая установка заявляется человеком публично, ничто не мешает всем остальным выразить встречную реакцию. Ни чуда, ни тайны, ни авторитета в прежнем виде в мире больше не может существовать.

С другой стороны, составляющие социальную морфологию современного общества сети способствуют распространению сетевой логики, модифицирующей любые социальные и политические отношения в процессах производства, власти и культуры. Несмотря на то, что в том или ином виде сетевая форма организации социума существовала всегда, именно новые информационные и коммуникационные технологии обеспечили ее закрепление в качестве важнейшей социокультурной доминанты современности. Революционные изме-

[1] *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

нения в коммуникационных технологиях серьезным образом повлияли на конфигурацию социальных и политических отношений. В этом общество действительно сильно изменилось.

Логика сети вызвала социальный результат более высокого уровня по сравнению с традиционными политическими попытками связать социальные интересы с властными сетями – власть потоков в современном мире действительно оказалась способной доминировать над потоками власти. Пока это не столь очевидно, ибо целевой политический «дискурс» желания традиционных властных структур сохраниться в неизменном виде остается в нем явно доминирующим. Цель и характер присутствия власти в сетях следует рассматривать исключительно в этом контексте. Потенциально социальная морфология сможет преобладать над социальным действием, хотя на практике подобное заключение пока выглядит достаточно спорным, поскольку от традиционного целевого политического избавиться не так-то просто[1].

Раз «культурное производство» становится «обычным» и жизненно важным делом для обустройства и облика общества, появляется возможность выявить случайные или закономерные искажения в коммуникациях, влияющих на структурирующий их дискурс. Добрая воля зачастую просто «бесполезно рассеивается» из-за непонимания того, что и кому в конечном счете сообщается, и чтобы избежать этого, необходимо знание о «силах», которые в условиях развитой сети контролируют бытие социума. То есть понимание «природы и цели» новой культуры должно, в конечном счете, предотвратить наше слепое принятие истин власть имущих, «с особым рвением исправляющих прошлые ошибки в системе» и настаивающих на том, что «мы портим наших детей чрезмерно разрешительным подходом без каких-либо ограничений»[2].

То есть мы становимся свидетелями смены коммуникационной структуры и парадигмы, когда место сложной и многозначной стратегической аналоговой занимает цифровая «образная», политическая, тактическая. Примеряя на себя определенный образ, «политический человек» начинает создавать удобные для себя технологические и идеологические среды, обусловливающие или предрасполагаю-

---

[1] *Castels M.* The rise of Network Society. Second edition. Wiley-Blackwell, 2010, p. 500.

[2] *Hall E.T.* Silent language. Doubleday&Company, inc., Garden City, N. Y., 1959, p. 213.

щие возможность остальным действовать сообразным и удобным для них способом. Сложность в том, что в новой семантической реальности исходной средой и исходными социальными и политическими структурами по-прежнему остаются базовые социокультурные типы организаций и институтов, а также сложившиеся коммуникационные и структурные связи элементов социальной организации. По иронии судьбы, в наступающую эпоху главенствования индивида сетевое общество пока все больше озабочено его органическим включением в себя и «растворением» в нем. Речь фактически идет об очередном новом построении социума с формализацией и институциализацией распределенных систем. То есть сеть ради сети.

Заметим, что при отсутствии явно означающего абсолютного центра практически невозможно представить себе константу культурной формы адекватную множественной реальности для формализации бизнеса, для продолжения процесса глобализации, для универсализации политического, социального и культурного. Рано или поздно встанет вопрос относительно риска и угроз движения по заранее однозначно избранному пути. Риск того, что сетевое общество рано или поздно попадет под влияние известной логики господства, контроля, рационализации, инструментализации, пусть даже со стороны «толкователя» обезличенной «цифры», сохраняется. Тем более что скрытая в технологии двухсторонней коммуникации политическая логика двоичного языка – «за» и «против», подобно контролю со стороны властей, может в определенных обстоятельствах оказаться настолько жесткой, что фактически исключит все прочие аналоговые способы мышления, рефлексии и бытия. Нельзя не заметить, что идеология «технологического детерминизма» уже сейчас вынуждает людей действовать в зависимости от меняющейся реальности строго определенным образом. То есть «идеологический детерминизм», эксплуатирующий стремление человека обезопасить себя от негативных последствий «сетивизации», получает неожиданное «подкрепление» со стороны детерминизма «технологического».

Тем не менее быстрая и эффективная коммуникация может оказаться весьма полезной для всей существующей системы социально-политических отношений. Люди получают возможность использовать информационно-коммуни-

кативные технологии для того, чтобы ослабить и подорвать доминирующий моноцентрический властный «дискурс». «Самопрезентирующиеся» свободные личности» становятся на наших глазах по-настоящему творческими в сетевом обществе, в искусстве, музыке, дизайне, литературе и т. д., превращаясь в «органических интеллектуалов», способных первыми «нащупывать важные темы, выдвигать плодотворные тезисы и расширять весь спектр релевантных аргументов, повышающих печально низкий уровень дискуссий в обществе». Естественно, что они «нуждаются в благодарных зрителях – бодрствующей, информированной, способной на отклик общественности». Это значит, что возникает мир, в «котором политика уже не исчерпывается деятельностью государства; этот мир – это политическая культура возражения, в которой коммуникативные свободы граждан возможно и принимать, и мобилизовывать»[1].

Возникает закономерный вопрос: что же тогда будет с ролью «органического интеллекта» в условиях сети, когда «на кону войны появляется право на инициативу и авторство действий, право транслировать смысл и толковать рассказы» практически у всех[2]? Очевидно, что медийные персоны – журналисты, художники, дизайнеры, менеджеры различного уровня, радиоведущие, телеведущие, владельцы СМИ, ученые и даже политики – получают в условиях сети уникальную возможность не только формировать политические идеи, учитывающие уровень технологического развития мира, формы его экономической организации и доминирующие в нем принципы, становясь третьей стороной – «узлами информационного обмена», фиксирующими направленность и суть двусторонних коммуникаций. В результате возникает «обычная культура», которая благодаря повседневной динамике и «наполняет всю общественную жизнь», генерируя и воспроизводя «символы и представления, которые, в свою очередь формируют идентичность и приписывают значение миру и нашему месту внутри него». «Культурное производство», таким образом, становится «обычным» и жизненно важным делом для обуст-

[1] *Хабермас Ю.* Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас: [веб-сайт], 2006, № 3(47). // URL: http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html. (дата обращения 10.05.19).

[2] *Bauman Z.* Intimations of Postmodernity. L.: Routledge, 1992, p. X.

ройства и облика общества, трансформируя его сеть. Как следствие средства массовой информации, медийная практика и медиаучреждения в любом их варианте, будь то блогеры, традиционные СМИ или социальные сети, начинают играть все возрастающую роль в новом культурном производстве, поскольку «именно в них и через них передаются идеи, претворяются традиции, распространяются идеологии, укрепляются гегемонии, создаются, оспариваются и манипулируются символы, обычаи, нормы и ценности, которые и нацелены на создание «культурного»[1].

Самым закономерным, но в то же время самым трудным из всего вышесказанного, вероятно, оказывается вывод о том, что теперь культура не только «навязывается» человеку, но и является человеком в самом широком смысле, ибо культура – это связь между людьми и средство взаимодействия с ними. Все богатство человеческой жизни является результатом миллионов возможных комбинаций участвующих в сложной культуре взаимодействия людей. Тем самым полностью подтверждается тезис о том, что общение – это культура и наоборот, а поэтому не может существовать базовой единицы или изолированного места для всей новой культуры сети. Это означает, что изучение личности и ее психологического облика, технических и технологических возможностей самопрезентации и общения, потенциально возникающих при этом институтов и структур нельзя игнорировать при изучении возникающей сетевой культуры, поскольку она участвует в их формировании на более высоком организационном уровне[2].

В ризоматическом многообразии можно видеть и новую модель единства, и способ обретения новой тотальной универсальности, действующей в сфере знаний. «Семиотические звенья любой природы (*политической в том числе* – курсив мой) соединяются в нем с крайне различными способами кодирования — биологическими, политическими, экономическими», запуская тем самым «в игру не только разные режимы знаков, но также и статусы состояния вещей. Сетевые коллективные сборки высказывания начинают функционировать в машинных сборках, в результате чего мы теперь не можем установить радикальную ку-

[1] *Williams R.* Culture and Society. N.Y.: Harper Torch Books, 1958, p. 6.
[2] *Hall E.T.* Op.cit., p. 218,219.

пюру между режимами знаков и их объектами. Приходится говорить о том, что любая политическая сборка в этом случае становится неопределенной и размытой. С одной стороны, это открывает перед ее носителем широчайшее поле для политических маневров, тогда как с другой стороны – «образ» этого носителя становится столь неоднозначным, что затрудняет его однозначную идентификацию.

Поскольку в любой социальной структуре субъекты априори неоднозначны и гетерогенны в своих предпочтениях и интересах, то по мере взрывного роста их потенциальной многомерной ризоматической взаимосвязанности – «сетевизации» проявляется и вся ее специфика. В такой социальной структуре субъекты, во-первых, взаимозаменяемы, равнозначны друг другу и имеют полную свободу вплоть до выхода из сети (принцип соединения и неоднородности). В этом случае важна множественность связей и коммуникаций, но никак не число субъектов. Их плотность и взаиморасположение в социальном пространстве определяют лишь успех коммуникативных политических стратегий (принцип множественности). Согласимся с тем, что «множественное *нужно создать,* но не добавляя всегда более высокое измерение, а напротив, посредством *просто-напросто умеренности* (курсив мой. – *А.Н.*), на уровне измерений, коими мы уже располагаем»[1].

Во-вторых, если ризома – «альянс, только альянс», то она при разрушении связей либо возобновит свой рост в прежнем направлении, либо выберет новое, благодаря чему возникают новые коммуникации, не существовавшие к этому моменту. Разрыв коммуникационных связей не повлияет на характеристику сети и конечный результат, который окажется синхронизированным независимо от желания центральной инстанции (принцип незначащего разрыва). Звено, где произошёл разрыв, «проявится» и начнет восприниматься как «препятствие», которое нужно и можно обойти.

В-третьих, поскольку сетевые конструкции предполагают постоянное изменение конфигураций, которые не позволяют политическим альянсам оставаться тождественными самим себе, любые аналогии с какими-либо социополитическими структурами становятся бессмысленными. Сетевые альянсы – это карты, имеющие множество входов и выходов (принцип

[1] *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2010, с. 11.

картографии и декалькации). Смысл их существования – «заботливость» как «фактичное социальное установление», основанное на «бытийном устройстве бытия присутствия как события». Она «мотивирована тем, что присутствие обычно и чаще всего держится в дефективных и индифферентных модусах заботливости – «быть друг за-, против-, без друга, проходить мимо друг друга, не иметь дела друг до друга», характеризующих «повседневное и усредненное бытие друг с другом»[1]. Поскольку информация и знания в сетях могут приходить из разных мест, каждый «озабоченный» политический субъект подобно «картографу» имеет возможность бесконечно дополнять и менять карту реальности.

Очевидно, что в данном контексте осмысление любых социальных трансформаций становится весьма актуальным, но чрезвычайно трудным занятием, ибо в современном мире под воздействием политического происходит практически постоянное «перераспределение органов» – идентификации и самоидентификации – повсеместного изменения жизненного мира и бытия базового элемента социального – человека. Постоянно взаимодействуя как между собой, так и в составе социальных общностей, пребывающих в символическом поле политических медиумов, индивиды каждый раз воспроизводят ту «матрицу» социальности, ценностные иерархии которой они выделяют для себя и интериоризируют, ибо «нет индивидуального высказываемого, и никогда не было». Это всегда «продукт машинной сборки», т. е. коллективных (*политических* – курсив мой) агентов высказывания (под «коллективными агентами» имеются в виду не народы или общества, а множества). Имя собственное в этом случае не обозначает индивида, это «мгновенное восприятие множества», субъект «чистого инфинитива, понятого как таковой в поле интенсивности»[2].

Вслед за Делезом можно говорить о том, что каждой такой социальной «артикуляции» соответствует «определенный тип сегментарности или множественности». Первый их них, социальный «податлив, молекулярен и упорядочен», другой – политический, наоборот, «тверд, молярен и организован». Именно в последнем и «возникают феномены центрирования, унификации, тотализации, интеграции, иерархизации и целе-

[1] *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Академический проект, 2011, с. 121.
[2] *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения, с. 62.

полагания», которые и формируют последующее сверхкодирование социального. При этом надо заметить, что и первая артикуляция не испытывает нехватки в систематических взаимодействиях, благодаря которым «устанавливаются бинарные отношения между своими соответствующими сегментами». Что касается отношений между сегментами одной артикуляции и сегментами другой, то здесь уже возникают «дву-однозначные отношения, повинующиеся куда более сложным законам». Мы в результате можем говорить о структуре, которая способна обозначать общую совокупность этих связей и отношений, что, однако, не «гарантирует, что различие между двумя артикуляциями это всегда различие между молекулярным и молярным» или иначе – социальным и политическим[1]. То есть речь идет о диалектической связи социальности и ее субъектов, их взаимной дополнительности и воспроизводимости. Из всего вышеизложенного следует, что она, очевидно, не самодостаточна, ибо непрерывно трансформируется посредством действий отдельных субъектов, поддерживающих ее в определенных, политически заданных рамках. Можно смело говорить о том, что социальность – это своеобразная результирующая взаимовлияния двух процессов – социальных трансформаций и культурных изменений, а каждый из этих процессов не свободен от политического влияния. Где и когда это влияние проявляется сильнее, по-прежнему остается вопросом, а значит трудно сделать выбор между двумя смысловыми конструкциями – «политическое, социальное, культурное» или «политическое, культурное, социальное».

[1] Там же, с. 69.

О.Г. ЩЕНИНА
кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН*

О проявлениях политического в сетевом обществе

В статье рассматривается феномен политического, представлены основные методологические подходы к его анализу. Показано, что политическое, как и многие другие явления жизни социума, приобретает новые свойства и черты в сетевом обществе (при сохранении сущностных характеристик).

Ключевые слова: *сетевое общество, понятие политического, свойства политического, власть, политические отношения.*

Shchenina O.G. On the manifestations of the political in the network society. *The article deals with the phenomenon of political, presents the main methodological approaches to its analysis. It is shown that the political, as well as many other phenomena of social life, acquires new properties and features in the network society (while maintaining the essential characteristics).*

Keywords: *network society, the concept of political, political properties, power, political relations.*

В поисках нового ракурса исследования сетевого общества представляется интересным проанализировать понятие политического: его характеристики, качества, свойства, формы проявления, которые по сути и формируют сетевой ландшафт политического.

Дискуссионность подходов к определению политического в научной среде затрудняет изучение столь сложного феномена в контексте сетевого общества. «Политическое представляет собой сложное, многоуровневое, многообразное и вместе с тем динамично изменчивое явление, которое невозможно исследовать с помощью четко очерченной схемы»[1].

Очевидно, что категориальный аппарат практически всех наук, в том числе и социально-политических, в процессе общественного развития обогащается новыми терминами, ка-

* Щенина Ольга Геннадьевна, e-mail: oschenina@mail.ru

[1] *Карадже Т.В.* Проблема определения «политического» в политической науке // Вопросы политологии, 2013, № 3 (11), с. 6.

тегориями и смыслами. В социально-гуманитарном знании гораздо чаще, чем в других областях наук, происходит переосмысление многих основных понятий, к которым, безусловно, можно отнести и понятие политического.

Выделим несколько основных подходов к изучению политического. Аристотель отождествлял политическое и государственное (сфера политического является одновременно сферой государственного управления). В Новое время происходит дальнейшее развитие представлений о политическом, оно «начинает выделяться как самостоятельная сфера, куда входит государственная сфера и область взаимодействия государства и гражданского общества»[1].

Спектр подходов к анализу этого феномена расширяется в XX веке – в этой связи невозможно не упомянуть К. Шмитта, который «заложил традицию интерпретации политического, позволяющую заглянуть глубже в истоки и сущность политики, по крайней мере, никто из последовавших за ним серьезных политических мыслителей не смог избежать либо критики, либо переосмысления шмиттовских идей»[2]. В знаменитой работе «Понятие политического» К. Шмитт при характеристике политического предлагает использование понятий «свой-чужой», «друг-враг», определяя их как его свойство. При этом «политизация различных сфер общественной жизни детерминируется степенью активности объединения или разъединения людей по данному принципу»[3]. Концепция К. Шмитта гораздо шире (например, «политическое есть главенствующее»[4]), нежели указанный аспект, вместе с тем она не может быть единственным критерием либо трактовкой политического.

Современный политический философ Ж. Рансьер предлагает достаточно сложную формулировку политического: «политическое есть встреча двух гетерогенных процессов. Первый – это процесс управления. Он состоит в организации собрания людей в сообщество и консенсуса между

---

[1] Там же, с. 8.

[2] *Алексеева Т.А.* Познание и сущность политического // Полития, 2005, № 1, с. 155.

[3] *Карадже Т.В.* Проблема определения «политического» в политической науке // Вопросы политологии, 2013, № 2 (10), с. 10-11.

[4] *Штраус Лео.* Замечания к «Понятию политического» Карла Шмитта // *Майер Хайнрих.* Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; Под ред. А.В. Михайловского. М.: Издательская группа «Скименъ», 2012, с. 118.

ними и основан на иерархическом распределении мест и функций… Второй процесс связан с равенством. Он состоит во взаимодействии практик, направляемых предположением равенства кого угодно с кем угодно и заботой о верификации этого равенства»[1]. Очевидно, что глубинный смысл этой трактовки рассматриваемого феномена состоит прежде всего в том, что политическое является характерной чертой социума. То есть общественный характер составляет его важнейшее свойство.

Российский политолог О.Ф. Шабров отмечает, что «политическим можно назвать любое общественное явление, связанное с государством и затрагивающее несовпадающие интересы значимых социальных групп»[2], выделяя важнейшие признаки политического: государство, значимые социальные группы и несовпадение их интересов.

Плюрализм подходов к пониманию политического позволяет проанализировать на основе разных концепций те изменения, которые происходят в процессе развития информационного общества, все чаще именуемого сетевым. А поскольку сетевизация политической сферы затрагивает не только сферу функционирования практически всех политических институтов, но и оказывает непосредственное влияние почти на все сферы жизнедеятельности общества, представляется важным попытаться проанализировать понятие политического в сетевом ракурсе.

Понятие политического включает прежде всего отношения во всех их проявлениях между властью и социумом. Однако следует учесть, что в процессе становления и развития сетевого общества происходят существенные изменения общественных отношений. Таким образом, с усложнением мира политики трансформируются и приобретают новые качества и черты политические отношения, а также политические институты. В условиях сетевизации происходит изменение роли гражданского общества, например, как площадки общественного контроля процесса принятия политических решений на основе коммуникационных платформ. Появляются иные формы реализации политической, государст-

---

[1] *Рансьер Жак.* На краю политического / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006, с. 99.

[2] *Шабров О.Ф.* Понятие политического: возможна ли политическая наука? // Власть, 2016, № 9, с. 55-56.

венной, общественной власти. Меняются наши представления об алгоритмах реализации политического процесса.

В этом контексте уместно предположить, что свойства политического изменяются в процессе развития сетевого общества, которое пока находится на этапе становления и формирует новую социальность (новую социальную реальность).

Основной предмет анализа данной статьи – политическое, которое, как и многие другие явления жизни социума, приобретает новые свойства и черты в сетевом обществе (при сохранении сущностных характеристик). Рассмотрим эти изменения подробнее.

По своим масштабам и влиянию на общественные процессы этап перехода к информационному обществу ряд ученых сравнивает с промышленной революцией XVIII – XIX вв., которая изменила мир не только с точки зрения внедрения принципиально иных технологий (от ручного труда к машинному производству), но и самого человека (например, существенно расширились его представления о мире, природе, обществе, что находит подтверждение в появлении множества научных теорий и т.д.).

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий оказывается одним из проявлений этапа перехода к информационному типу общества. А сетевое общество, являясь многомерным понятием, представляет собой одну из его характеристик несмотря на нелинейность общественного развития в условиях нынешней «эпохи турбулентности».

Контуры сетевого мира, формирующиеся сегодня в самых разных сферах, привносят в нашу жизнь множество новых смыслов и концептов. Сетевое измерение политики предполагает видение новых ракурсов, в том числе и политического.

В сетевом обществе, так же как и на предыдущих этапах развития социума, политическое пронизывает все сферы общественной жизни. В том числе и политика находит свое отражение в политическом, которое синтезирует в себе множество ее свойств и характеристик.

В будущем, на наш взгляд, неизбежен переход к политике, ориентированной на развитие человека в условиях новой антропогенной цивилизации. Поэтому представляется возможным предположить, что изменится само понимание

политического, которое тоже будет связано с антропологическим измерением политики. И этот процесс является, на наш взгляд, одним из мегатрендов современности.

Таким образом, политическое будет приобретать новые свойства, связанные с социальными свойствами человека как субъекта общественного развития (самопознание, интересы, установки, убеждения, идентичность, социальная активность). Социальное в человеке – язык, речь, мышление, сознание, культура, творчество, изготовление орудий труда – связано с эволюцией социума и самого человека. Сегодня сети выступают не только маркером социума, но и создают новое пространство бытия современного человека.

Можно ли ставить в этом контексте вопрос об эволюции политического? Безусловно, ведь оно является неотъемлемой характеристикой общества, которое в процессе развития обретает новые черты, качества и свойства.

Основные свойства политического, рассматриваемые как его атрибуты, внешнее выражение качества, отличительные особенности, характерные признаки, параметры, не изменятся в сетевом обществе, поскольку составляют его сущностную основу. Однако можно предположить, что палитра свойств политического может стать более разнообразной под влиянием изменяющейся внешней среды.

К существенным можно отнести такое свойство политического, как инклюзивность, т. е. проникновение его во все сферы. Имманентная включенность политического в социум проявляется сегодня в самых разных областях, а в сетевом обществе она будет расширяться за счет формирования нового коммуникативного пространства на основе информационно-коммуникационных технологий. Сетевой принцип организации коммуникаций и их многоуровневый характер способствуют формированию инновационной коммуникативной среды, которая предоставляет иные возможности для политического участия (наряду с традиционным появляется сетевое и виртуальное участие), видоизменяются формы политических отношений и т.д. О масштабах этих перемен свидетельствуют следующие цифры: по данным отчета «Цифровая Россия: новая реальность» в 2017 г. к Интернету подключился каждый второй житель Земли, что же касается России, то по

количеству пользователей Интернета наша страна занимает первое место в Европе и шестое место в мире[1].

В сетевом обществе важной составляющей политического управления является поиск инновационных механизмов, форм, моделей коммуникации. Анализ места России в глобальных ИКТ-рейтингах позволяет утверждать, что наша страна обладает серьезным потенциалом развития новых технологий, к сожалению, не используемых в полной мере. В подтверждение приведем некоторые цифры: по Индексу развития электронного правительства ООН Россия в 2016 г. занимала 35 место, по Индексу развития ИКТ Международного союза электросвязи в 2017 г. – 45 место, по Индексу готовности к сетевому обществу Всемирного экономического форума в 2016 г. – 41 место, в рейтинге инновационных стран Корнельского университета, INSEAD и ВОИС в 2017 г. – 45 место и по Инновационному индексу Bloomberg в 2017 г. – 25 место[2]. Эти данные свидетельствуют о необходимости формирования политики развития сетевого общества в РФ (по аналогии с национальным проектом «Цифровая экономика РФ»[3]). Нужна стратегия развития сетевого общества, понимание властью его тенденций и перспектив развития. И это одно из проявлений свойства инклюзивности политического.

В этой связи необходимо упомянуть еще об одном, не менее значимом свойстве политического – амбивалентности (разъединении-объединении) в соответствии с подходом К. Шмитта («друг-враг», «свой-чужой»). «Причем под «врагом» (и под «другом» тоже) следует понимать всегда только публичного врага (друга) – «по меньшей мере, при известных обстоятельствах, то есть в реальной возможности вступающую в борьбу совокупность людей, которая противос-

[1] *Аптекман А. и др.*. Цифровая Россия: новая реальность. [Электронный ресурс] // McKinsey Россия: [веб-сайт]. Июль 2017. URL: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/locations/europe%20and%20middle%20east/russia/our%20insights/digital%20russia/digital-russia-report.ashx (дата обращения 19.06.19)

[2] Взлет России в мировых IT- рейтингах сменился застоем и падением. Цифры. [Электронный ресурс] // Cnews: [веб-сайт]. 10.04.2018. URL: http://www.cnews.ru/news/top/2018-04-09_podem_rossii_v_klyuchevyh_iktrejtingah_smenilsya (дата обращения 19.06.19)

[3] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Правительство РФ: [веб-сайт].11.02.19. URL: http://government.ru/info/35568/ (дата обращения 19.06.19)

тоит такой же совокупности»[1]. Наиболее отчетливо это свойство проявляется в политических отношениях: сотрудничество – соперничество, господство – подчинение, конфликт – согласие и т.д. Очевидно, что в сетевом обществе это свойство обретает новые виртуальные формы, но его сущность останется неизменной.

Политическое обладает свойством открытости пространства (пространственное измерение политического) и это особенно важно в условиях нелинейности развития политических и иных процессов в современном обществе. В сетевом обществе происходит изменение публичного пространства в целом в связи с трансформацией ряда политических институтов и выполняемых ими функций. Например, происходит изменение роли государства как основного актора в принятии политических решений – его влияние начинает постепенно снижаться и это связано с сетевой активностью множества сетевых участников как субъектов политики. Усиливается влияние гражданского общества и возрастает его роль в принятии и реализации политических решений. Фиксируемое социологами в течение последних пяти лет резкое снижение доверия к политическим партиям приводит к утрате ими ряда функций. Необходимо упомянуть и о кардинальном расширении пространства, прежде всего коммуникативного, в сетевом обществе. ИКТ-технологии позволяют осуществлять интеракции мгновенно, практически без учета фактора расстояния и объемов передаваемой информации (ограничением выступает трафик пользователя).

Поскольку категории пространства и времени связаны между собой (в соответствии с теорией относительности), следует упомянуть еще одно сущностное свойство политического – политемпоральность: «политическое представляет собой взаимодействие временных потоков, имеющих свой ритм и динамику и обусловливающих необходимость их координации, так как характер социально-политических процессов напрямую зависит от согласования и корреляции временных потоков различных взаимодействующих систем»[2].

---

[1] *Штраус Лео.* Замечания к «Понятию политического» Карла Шмитта // *Майер Хайнрих.* Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих, с 117.

[2] *Карадже Т.В.* Проблема определения «политического» в политической науке // Вопросы политологии, 2013, № 3 (11), с. 12.

Кроме того, политическое динамично по своей природе (свойство динамичности), обладает свойствами рациональности (рациональность-нерациональность акторов политики), конкурентности, имеет универсальный характер. Вместе с тем на политическое оказывают влияние факторы непрерывности общественных процессов, неопределенности и случайности в условиях нелинейности развития современного социума. Понятие политического активно используется в анализе функционирования политических систем, политических институтов.

Интересным аспектом изучения политического представляется корреляция свойств политического и свойств сетей, которая проявляется в скорости распространения информации, интеграции в сообщества, множественности субъектов и интеракций, их мобилизационных возможностях. Свойствами и сетей и политического выступают: всеобщая связанность, полиморфизм политических отношений, морфология коммуникаций.

Таким образом, к особенностям проявления политического в сетевом обществе относят уникальные возможности конструирования социальной реальности, формирования нового политического пространства, оказания значительного влияния на конфигурацию сетевых коммуникаций.

Сетевое общество оказывает влияние на социально-политические процессы и самого человека, во многом преобразуя социальную реальность и расширяя спектр политического.

И.С. ЯЖБОРОВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
социологии ФНИСЦ РАН*

Процессы политизации и сетевизации общества в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы

В статье анализируются посттрансформационные процессы в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы с выделением специфики двух субрегионов с различным уровнем политической культуры. Показаны значение отхода от этатистской модели политической культуры, существо совершенствования модели социальных отношений в ходе становления основ сетевого общества. Сетевизация рассматривается как фактор роста гражданской активности и политизации общества.

Ключевые слова: *Центрально- и Юго-Восточная Европа, этатизм, политизация, политическая культура, системная трансформация, сетевизация, гражданское общество.*

Yazhborovskaya I.S. The processes of politicization and networking of society in the countries of Central and Southeastern Europe. *The article analyzes the post-transformation processes in the countries of Central and Southeastern Europe, identifying the specifics of the two subregions with different levels of political culture. It demonstrates the significance of moving away from the statist model of political culture, the essence of improving the model of social relations during the development of network society foundations. Networking is considered as a growth factor promoting civic engagement and the politicization of society.*

Keywords: *Central and Southeastern Europe, etatism, politicization, political culture, systemic transformation, networking, civil society.*

Как известно, уровень политизации общества, самоорганизации в сети и активности граждан зависит от политической культуры страны, в формировании которой большую роль играют такие факторы, как ее геополитическое поло-

* Яжборовская Инесса Сергеевна, e-mail: inessajaz@gmail.com

жение, социально-политическая структура общества – и прежде всего – деятельность государства и политических партий, а также политические традиции, особенности национальной культуры и национальной психологии. В странах «социалистического содружества» 60-70-х гг. XX в. авторитарно-тоталитарное общество коммунистов и беспартийных функционировало по строго определенным лекалам административно-командной системы. В течение трех с лишним декад повышательной волны кондратьевских циклов, когда мировая экономика находилась на подъеме, в странах региона в связи с привязкой к динамике экономических процессов в СССР чередовались периоды роста промышленного производства и снижения его темпов[1]. В период «реального социализма» противоречия углубились и обострились, перерастая в латентный кризис и вызывая увеличение трудностей и негативных явлений, особенно сильных в Венгрии, ГДР, Чехословакии и Польше. Их не удавалось преодолевать ни высокой организованностью населения в ГДР, ни некоторым расширением рыночных отношений в Венгрии и Польше.

Между тем уже в эти годы в тех странах «социалистического содружества», которые имели в довоенный период сбалансированную рыночную экономику, вызревали концепции реформирования административно-командной системы в направлении использования более эффективных механизмов рынка, который не только регулирует экономические отношения, но во многом предопределяет характер и особенности возникающих и существующих политических институтов и отношений, в том числе и политической культуры. Государство и другие политические структуры рассматривались и оценивались как средство реализации различных интересов. Они все более были ориентированы на конкурентную борьбу как универсальный принцип функционирования политической системы. Между тем политическая культура как советского человека, так и любого гражданина стран «социалистического содружества», предписывала руководствоваться этатистской моделью политической культуры, при которой регулятивные функции в сфере экономики, политики и культуры выполняет государство, формируя определенный тип личности, поведе-

[1] См.: *Яжборовская И.С.* Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М.: Academia. 2008. 378 с.

ния, социальных отношений. Эта политическая культура связывала решение политических проблем с действием механизмов государственного регулирования и контроля за политическим процессом. Интересы государства признавались преобладающими над личными интересами в экономической, социальной, культурной жизни общества, в научной и другой деятельности.

Системные социально-политические и экономические преобразования в странах региона предполагали создание и оптимизацию в условиях смены формы собственности механизмов функционирования демократических политических институтов, смену управленческих кадров в направлении отказа от политической селекции, изменение модели производственных отношений, совершенствование механизмов и структур межчеловеческого общения, и т.д. На практике в ходе этих процессов на рубеже 80-90-х гг. XX в. происходило становление основ сетевого общества. В большинстве стран жесткие идейно-политические установки административно-командной системы прекращали свое действие и определяющую роль стал играть уровень профессиональной подготовки, т.е. прежде всего наличие высшего профессионального образования и соответствующего практического опыта. Образованные технократы-реформаторы в Венгрии, Польше и других странах «социалистического содружества», а также и в СССР времен Горбачева еще в 70-80-е гг. по мере распространения обновленческих идей все меньше руководствовались обязательной официальной идеологией. Приобретая новый политический опыт, они продвигались все выше по служебной лестнице.

Но и прежнюю элиту полностью заменить на большинстве административных, хозяйственных, финансовых и прочих позиций в организационных структурах было сложно, тем более что и она часто была не против перемен и оказывалась весьма полезной в ходе повторного внедрения относительно недавно отмененных принципов рынка. Не только ее опыт в администрировании и управлении людьми, но и информированность, и связи в различных локальных и международных сетях, не столь значимые при административно-командной системе, оказались вполне востребованы в сетевом обществе. В странах Центрально- и Юго-Восточной Европы в ходе системной трансформации немалая часть элиты уже в конце 80-х гг. действовала в духе научно-технической революции и

была настроена на проведение реформ, успешно вписалась в расширившиеся сетевые отношения, при этом отнюдь не монополизируя старые контакты и не ограничиваясь ими, но эффективно расширяя структуры сетей[1].

Что касается трансформации партийно-политической системы во всем регионе Центрально- и Юго-Восточной Европы, то она еще только начиналась. Новые представительские институты и конституционные нормы оформились сравнительно недавно, поэтому принципы взаимодействия в рамках гражданского общества, в том числе общества сетевого, осваивались и укоренялись постепенно. Это происходило по мере того, как распространялись представления о преимуществах прозрачной демократической политики, не обремененной идеологическими стереотипами и тормозами, которая дает людям возможность непосредственно влиять на затрагивающие их интересы решения. Когда в ходе парламентских выборов в Литве в 1992 г., в Польше в 1993 г. и в Венгрии в 1994 г. победили социал-демократы, они продолжили курс на реформы. Зато в ряде стран с более громоздкой и менее гибкой и прозрачной системой управления застойность идейно-политических установок административно-командной системы все еще мешала обновлению политической культуры.

Развитие гражданского общества в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы периода системной трансформации, включение населения в ходе низового процесса демократизации в создание сетей неправительственных организаций (НПО) стало важным каналом распространения новой парадигмы политической культуры со всеми ее определяющими компонентами – обновленным политическим сознанием как системой политических знаний, ценностей и идейно-политических убеждений, на основе которых вырабатываются наиболее значимые и устойчивые политические ориентации и установки людей, а также политическим поведением как практическим взаимодействием человека с политической средой, политическим участием в той или иной форме в какой-либо политической деятельности. С ликвидацией партии-государства общество воссоздавало социальную ткань на новой основе, обретая умение само-

[1] *Wasilewski J.* Elitystyczne wyjasnieniawschodnioeuropejskich demokracji // Populizm a demokracja. Warsawa: IS PAN, 2004, S. 90.

организовываться и оптимально регулировать взаимоотношения на сетевом уровне. Строились новые организационные структуры, налаживались новые связи с носителями идентичных интересов. Горизонтальные структуры по интересам стали оформляться в самых различных областях общественной жизни, захватывая спорт и досуг, просвещение и воспитание, культуру и искусство, здравоохранение, науку и технику, экологию и охрану окружающей среды. и стали распространяться на права человека и национальных меньшинств, на помощь инвалидам и охрану памятников культуры и т.д.

Политизация общества ускорялась с повышением политической культуры по мере распространения НПО, ориентированных на региональное и муниципальное развитие, на представительство интересов профессиональных групп, на защиту национальных меньшинств, на поддержку гражданских инициатив. Наконец, социально-политическая активность людей все чаще была востребована и в политической области, касающейся, в частности, международного, в том числе европейского сотрудничества, не говоря уже о различных областях деятельности государства и политических партий. Качественно менявшееся, демократизирующееся общество со спонтанным участием граждан в постановке множества общественных проблем в рамках законности, активными действиями многообразных организаций в обсуждении и решении назревших задач обретало ощущение силы в общении с властными структурами, способность влиять на органы государства и даже определять содержание их деятельности.

НПО превращались в партнеров государства, постепенно становясь неотъемлемым элементом системы сдержек и противовесов в рамках отстраивавшейся демократии. Являясь важным фактором роста гражданской активности, они все шире защищали групповые интересы и становились школой демократии и носителями обновленной политической культуры и принципов сетевизации общества. Надо отметить, что если в странах субрегиона Центрально-Восточной Европы культурные и материальные условия для этого практически созрели, то в большинстве балканских государств такие процессы развивались значительно медленнее. Для ряда балканских стран с преимущественно патриархальной политической культурой, с замкнутостью на местной этнической солидарности и отсутствием интереса к полити-

ческой жизни период системных трансформаций все же ознаменовался важным качественным скачком в самоорганизации общества, с переориентацией части энергии на социально необходимые преобразования и более эффективное функционирование политической системы. Явно активизировались интегративная и коммуникативная функции, стабилизирующие основы политической жизни на базе строительства более организованных сетевых отношений[1].

В целом взрывной рост активности гражданского общества пришелся в относительно слабо политизированном регионе ЦВЮВЕ на конец XX в. НПО создавали сети в самых различных областях общественной жизни. Но даже в Центрально-Восточной Европе (в Венгрии, Польше и Чехословакии), где на политической сцене уже действовали десятки партий, только небольшая группа НПО проявляла активность в политической жизни, включив в число своих задач борьбу с коррупцией, за соблюдение принципов законности и нравственных норм. Наиболее эффективной была деятельность НПО в странах Вышеградской четверки, демонстрировавших активистскую модель политической культуры, которой свойствен высокий интерес к политике, к участию в выработке и принятию решений, к реализации при помощи власти своих интересов и целей. В этом субрегионе процесс сетевизации НПО и накопления политического опыта шел весьма результативно.

Успеху борьбы структур гражданского общества за укрепление демократии поспособствовали развитие и кумуляция дробных структур гражданского общества – они стали объединяться в сети взаимодействия, коалиции, платформы действия и формальные и неформальные форумы, что увеличило эффективность их деятельности. Оптимальный результат дало объединение горизонтальных сетевых структур в Венгрии, где на базе 23-х самостоятельных объединений возник Общественный совет по согласованию интересов, насчитывающий более ста филиалов и представительств. Здесь достаточно распространенным было прямое действие – непосредственное влияние на функционирование и изменение политических институтов через такие

[1] См.: *Кандель П.Е.* О «цветных» и «бесцветных» революциях в Юго-Восточной Европе // «Экспорт демократии» и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе. М.: Фонд исторической перспективы, 2017, с. 114-121.

формы политической деятельности, как митинги, демонстрации, забастовки, голодовки, кампании неповиновения или бойкот. Во время избирательных кампаний активность НПО помогает обновлять состав политических структур, они поддерживают гражданские инициативы, правозащитные и экологические организации, группы по мониторингу выборов, независимые газеты и журналы. В Польше создана по принципу централизации сетевых структур Всепольская федерация НПО. Словацкая коллегия «третьего сектора» на выборной основе из руководителей нескольких НПО создала сеть из семи региональных структур. В Болгарии в сети объединены ассоциации в области содействия демократии, экономического развития, окружающей среды, культуры. Расширение горизонтального процесса сетевизации для Балкан – дело ближайшего будущего, оно связано с процессом политизации патриархального в своей основе, с особенностями национальной культуры и конфессиональной ориентации общества, с формированием представлений людей о том, какой должна быть власть, как должна функционировать политическая система.

Что касается Российской Федерации, то проведенный Левада-центром опрос об участии граждан России в политике в 1989-2018 гг. показал состояние и динамку политизации российского общества, раскрыл реальную роль государства в руководстве этими процессами, ее восприятие и оценку гражданами, понимание ими своего места в социально-политической системе и т.д. Выяснялось, почему люди не участвуют или не хотят участвовать в политической жизни страны. Обращает на себя внимание тот факт, что в 2018 г. по сравнению с 2017г. выросло число россиян, которые считают, что политикой занимаются только сами власти (31%).

Опрос граждан России показал рост в последние годы традиционного для авторитарного общества отчуждения населения от политики как от «грязного дела», и от власти, от которой можно ожидать репрессий и от которой «лучше держаться подальше» (увеличение за 10 лет – с 3% до 6%). Оно мотивируется 13-17% граждан (с ростом от 13% в 2006 г. до 17% в декабре 2018 г.) тем, что «политика – не для рядовых граждан». Для многих жителей России весомым мотивом неучастия в политике, в каких-либо организационных структурах, в том числе сетевых, является нежелание выделяться среди большинства других людей, которые не интересуются поли-

тикой. А оправданием чаще стала служить занятость текущими делами – уже не у 25%, а у 28% из них. Вместе с тем, если в декабре 2018 г. 74% опрошенных Левада-центром граждан России демонстрировали дистанцированность от политического участия, то каждый четвертый респондент уже декларировал готовность «более активно участвовать в политике» – против каждого шестого в 2017 г.[1]. Эти данные внушают определенный оптимизм в отношении перспектив развития процесса политизации и сетевизации российского общества.

[1] Граждане и государство [Электронный ресурс] // Левада-центр: [вебсайт]. 13-19 декабря 2018. URL: http://www.levada.ru/2019/01/22/grazhdane-i-gosudarstvo-3/ (дата обращения 17.06.19)

В.В. ТИТОВ
кандидат политических наук, старший научный сотрудник департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ*

Российская национальная идентичность: вызовы цифровой эпохи

В статье рассматриваются вызовы цифровой эпохи начала XXI в., адресованные российской национальной идентичности. Анализируются такие актуальные факторы трансформации российской идентичности, как кристаллизация «виртуальных идентичностей», трансформация информационного ландшафта современной России и специфика политической социализации поколения «цифровых аборигенов».

***Ключевые слова**: российская национальная идентичность, виртуальные идентичности, поколение «Z», социализация, «цифровые аборигены».*

***Titov V.V. Russian national identity: the challenges of the digital age.** The article discusses the challenges of the digital era of the beginning of the 21st century, addressed to the Russian national identity. There are analyzed such actual factors of transformation of Russian identity as the crystallization of «virtual identities», the transformation of the information landscape of modern Russia, and the specifics of the political socialization of the generation of «digital natives».*

***Keywords:** Russian national identity, virtual identities, generation Z, socialization, «digital natives».*

Вопросы, связанные с изучением российской национальной идентичности, на протяжении последних двух десятилетий пользуются неизменным вниманием научного сообщества. «Российская идентичность» стала объектом много-

* Титов Виктор Валериевич, e-mail: VVTitov@fa.ru

мерного анализа со стороны представителей различных отраслей социогуманитарного знания. Особый интерес к данному феномену сложился в отечественной политической науке. Исследования российских ученых-политологов направлены на осмысление национально-государственной самоидентификации в её макрополитическом, политико-психологическом и политико-культурном измерениях. При этом «дискурс идентичности» в современной России впитывает в себя широкий круг проблем, связанных с государственной политикой памяти, функциональными аспектами конструирования общенационального образа будущего, поиска некой консолидирующей национальной идеи, трансформацией ценностно-символических оснований самоидентификации россиян. Важное место в дискуссиях, посвященных российской национальной идентичности, занимают вопросы институционального оформления «политики идентичности» как таковой, политической социализации и межпоколенческих ценностно-смысловых разрывов.

В последнее десятилетие всё более значимым аспектом в понимании российской идентичности становится осмысление «цифрового фактора» – интенсивного развития новых информационно-коммуникационных технологий, влекущего за собой радикальное переформатирование информационного ландшафта современной России. Очевидно, что указанный фактор оказывает все более явное влияние на динамику и внутреннее наполнение российской национальной идентичности, меняет «систему координат» самоидентификации российских граждан, продуцирует новые, порой неожиданные ракурсы осмысления ответов на вопрос «кто мы?», переводя его из «вечного» и во многом ретроспективного состояния (самоидентификация через «историю», поиск «корней» – социокультурных констант в пространстве социальной памяти и официального исторического нарратива) в ситуацию неизменной политической актуальности.

В рамках данной работы особый интерес представляют прикладные политико-психологические исследования российской идентичности, которые были проведены в 2010-2016 гг. (исследовательские проекты Т.В. Евгеньевой, Е.Б. Шестопал, Н.М. Ракитянского). Указанные исследования позволили достаточно чётко выявить «цифровой след» в процессах формирования национальной идентичности молодых россиян

– представителей поколений «Y» (обозначаемых как «миллениалы») и «Z» (условных «цифровых аборигенов»).

Не меньшую актуальность представляют научные проекты, которые не были непосредственно связаны с общероссийской идентичностью, но касались вопроса воздействия цифровых технологий на процессы социально-политического самоопределения граждан России, видоизменение системы ценностей и политических представлений российского общества. Так, пристального внимания заслуживают подходы, изложенные в статьях Е.В. Бродовской, Т.Н. Самсоновой, А.В. Селезнёвой. Важное место в этих работах занимает исследование метаморфоз политической социализации в современных условиях, осмысление феномена «ускользающих» социальных идентичностей, которые являются неоднозначным (по своим последствиям) продуктом эволюции современного интернет-пространства, результатом радикального ускорения «виртуального» социально-политического времени.

Однако, говоря о вызовах цифровой эпохи, адресованных современной российской идентичности, представляется необходимым дать определение национальной идентичности опираясь на современную традицию зарубежной и российской политической науки. Формулируя указанное определение, следует подчеркнуть, что еще в 1990-2000-е гг. было распространено понимание российской национальной идентичности как преимущественно этнополитической матрицы ценностей и символов, в основании которой лежит русская этническая самоидентификация в её расширенном – культурно-психологическом – понимании. Таким образом, процесс выстраивания российской нации рассматривался преимущественно в конфликтном ключе, как конкуренция идей «многонационального народа России» и «государства русских». Не отрицая значимость механизма русской аккультурации в процессе формирования российской нации, сегодня мы считаем возможным всё же опираться на теорию политической нации. Национальная идентичность в этом случае – не стадия эволюции этнического самосознания, а социально-политический конструкт, синтезный результат как целенаправленного «вертикального» конструирования, так и социо-

культурных интеракций, традиций микросоциального взаимодействия, сложившихся в конкретном социуме[1].

Исходя из такого понимания, можно *определить национальную идентичность как субъективно культурно-психологическое состояние, в основе которого лежит рефлексия: осознание собственной принадлежности к политической нации* («государству» в широком смысле слова как форме организации политической жизни общества). Основанием самоидентификации выступает коллективный образ «нас» как социокультурного и макрополитического сообщества, который опирается на систему общенациональных политических ценностей, образов и символов. К наиболее заметным политическим образам, позволяющим дифференцировать «нас» от «других» в пространственном и темпоральном плане, относятся образы «чужих» (во всем многообразии их проявлений – от близких бытовых до удаленных и во многом абстрактных геополитических «врагов»), символизированные представления о национальных героях, образы прошлого (как героического, так и трагического) и будущего[2].

Размышляя о *системных информационно-психологических и геокультурных вызовах*, адресуемых российской национальной идентичности, ученые упоминают *такое фундаментальное явление, как формирование контуров «ускользающего мира» – новой психологической реальности, в которой резко возрастает скорость социальных взаимодействий и политических процессо*в. И как следствие глобальный мир оказывается перед лицом неустойчивых, ситуативных и динамичных идентичностей. Жизнь человека в этом случае – и повседневная, и политическая – это постоянный идентификационный выбор, неустойчивое состояние, предполагающее непрерывный поиск политических и культурных «своих», ответа на вопрос «кто мы?» в контексте абсолютно новых реалий.

При этом современная «глобальная деревня» предлагает человеку множество вариантов самоидентификации – от традиционных представлений, основанных на культуре и этническом самосознании, до постмодернистских конструк-

[1] *Smith A*. National identity and idea of European unity // International Affairs, 1992, vol. 68, № 1, p. 67.

[2] *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования, 2016, № 3, с. 25-39.

тов – актуальных трендов социальной моды третьего тысячелетия. Естественно, в указанной ситуации ценность национальной идентичности неизбежно подвергается многократному переосмыслению. Её востребованность начинает снижаться ввиду наличия многочисленных идентификационных конструктов-субститутов, призванных заменить национально-государственную идентичность, компенсировать человеку её частичную утрату[1]. Примерами такой идентификационной компенсации в цифровом пространстве Рунета служат многочисленные «этнические» группы в социальных сетях: «эрзя», «мещера», «ингерманландцы» и т.д. Отличительная черта многих из таких «виртуальных идентичностей» – активная эксплуатация культа страдания, попытка представить государство-Россию как авторитарную империю, подавляющую зачатки «национальной идентичности малых народов».

Немаловажным фактором трансформации российской национальной идентичности является радикальное *изменение информационно-психологического ландшафта современного российского общества.* Указанное изменение имеет как количественное отражение – всеобъемлющую «интернетизацию» повседневной жизни россиян в конце 2000-х – первой половине 2010-х гг., так и качественное преломление, связанное с быстрой сменой политической повестки дня, предлагаемой социуму в интернете. Параллельно набирает силу такая негативная тенденция, как всеобъемлющая «катастрофизация» виртуального пространства Рунета. Социально-политическая реальность изображается в преимущественно негативном, депрессивном свете, как цепочка «больших» (геополитических, социально-экономических) и «малых» (от техногенных до социально-бытовых) катастроф и конфликтов.

Важно заметить, что сегодня в отечественном политологическом сообществе сложились два противоположных взгляда на кристаллизацию «виртуальных» этнических идентичностей. Ряд ученых считают, что в перспективе, в случае ослабления институтов государственного управления в России, указанные конструкты могут представлять собой угрозу общероссийской идентичности, будут являться фактором её

[1] *Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. Монография. М.: «Ваш формат», 2017, с. 139.

ценностной девальвации. Исследователи, придерживающиеся иной точки зрения, воспринимают виртуальные самоидентификации в целом (включая этномифологические) скорее *не как политико-культурный вызов, а как ретранслятор скрытой этнической напряженности* в современной России и в то же время – как своеобразный индикатор, позволяющий выявить болевые точки и наиболее слабые компоненты общероссийской идентичности на современном этапе её развития[1].

Еще один контур кризиса российской национальной идентичности в цифровую эпоху связан со *спецификой политического восприятия, присущей поколению «Z»*, «цифровым аборигенам». Е.В. Бродовская и её коллеги указывают, что поколение «Z» являет нам новый тип восприятия информации, который мы можем охарактеризовать как «клиповое» и «сериальное» сознание в его развернутом виде[2]. Рельефная черта этого сознания проистекает из переизбытка социальной информации в окружающем мире, которая, как правило, носит неструктурированный и социально-депрессивный характер.

Но не менее важный аспект наступления «симулятивной реальности» на другие – традиционные пространства повседневности связан *с кризисом институтов политической социализации в современной России*. В наибольшей мере указанный кризис затрагивает институты социально-гуманитарного образования в средней и высшей школе. При этом он связан в первую очередь с фрагментарностью контента: например, учителям зачастую непонятно, что рассказывать ученикам, обсуждая многочисленные «сложные моменты» российской истории – от монголо-татарского ига и личности Николая II до Ржевской операции и «лихих 90-х». Таким образом, перед российской системой образования обозначился цифровой вызов, связанный с поиском новых инструментов формирования и актуализации российской национально-государственной идентичности у представителей «поколения Z» – подростков и молодежи, в наибольшей

[1] *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Образ «врага» как инструмент формирования политической идентичности в сети Интернет: опыт современной России // Информационные войны, 2014, № 4, с. 24-26.

[2] *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В.* Стратегии использования социальных сетей в современной России: результаты многомерного шкалирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2016, № 1, с. 283-296.

мере погруженных в «виртуальную реальность» и потребляющих образовательный контент сквозь призму новых фреймов восприятия (ориентации на эмоциональную оболочку, прагматизма, визуализации, схематизации и т.д.).

Очевидно, что в современных условиях задача всех подсистем политической социализации в России (и главным образом средней школы как базового института общего образования) не исчерпывается исключительно конструированием у представителей поколения «Z» некой ценностно-символической матрицы как психологического основания российской национальной идентичности[1]. Не менее важный аспект связан с необходимостью технологического самосовершенствования средней школы, оптимизацией «цифровых» образовательных практик, способных оказать позитивное влияние на процессы самоидентификации и развития гражданского самосознания молодых россиян.

В заключение можно отметить, что общероссийская национальная идентичность в начале XXI столетия формируется под влиянием таких серьезных вызовов цифровой эпохи, как всплеск «виртуальных идентичностей», трансформация информационно-психологического ландшафта общества и кризис традиционных механизмов политической социализации молодых россиян.

[1] *Самсонова Т.Н.* О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, 2012, № 2, с. 37-51.

Н.В. АСОНОВ
доктор политических наук, профессор МПГУ, РАНХиГС при Президенте РФ, академик АПН РФ*

Эсхатология российского государства и его гражданского общества

- Говорят, что мир начинался с тьмы,
но кончается светом.

- Уже сложно сказать, с чего все началось.
Но заканчивать придется, глядя в пустоту.
Александр Чернавский
«Диалоги о пустоте»

В статье автор доказывает несостоятельность оптимистических прогнозов в отношении России и предлагает отказаться от неолиберальной модели организации ее власти и общества, ведущей страну к ускоренной гибели в угоду адхократии.
Ключевые слова: *Россия, государство, гражданское общество, неолиберализм, адхократия.*

Asonov N.V. Eschatology of the Russian state and its civil society. *In the article author attempts to prove the insolvency of optimistic forecasts regarding Russia and offers an alternative view on existential consequences of neoliberal model of the organization of its government and society, which lead to decline of the state in favor of adhocracy.*
Keywords: *Russian Federation, state, civil society, Neoliberalism, Adhocracy.*

Всех специалистов, пытающихся понять перспективы жизнеспособности российского государства и его гражданского общества, можно разделить на две группы. Одни, используя натуралистическую парадигму социального дарвинизма и схему формационного подхода в сфере политического прогнозирования, давшую начало теории «многоступенчатой ракеты» Зб. Бжезинского, сознательно или бессознательно выступают в роли «добрых сказочников». Они склоняются к

* Асонов Николай Васильевич, e-mail: nbassonov@yandex.ru

тому, что Россия сумеет выйти из системного кризиса и вернуть себе былой престиж на мировой арене, создав для своих граждан комфортные условия жизни. Объясняется данный прогноз тем, что все нужное для этого дает передовая модель государственного устройства, закрепленная в нашей пятой Конституции.

Другие исследователи их оптимизма не разделяют. С их точки зрения сознательный развал СССР поставил крест на истории нашего государства как суверенного политического образования, подчинив новую власть и ее ресурсы интересам победителей. Это значит, что ждать возрождения России нет смысла. К пустым мечтам следует отнести и возможность реализации либеральных представлений о гражданском обществе на всем постсоветском пространстве. Видимо, учитывая рост негативных тенденций в этом вопросе, российская власть в лице действующего президента впервые решила воздержаться от оптимизма недавних лозунгов, свойственных предыдущим «Посланиям»[1]. Подчеркивая неясность нашего дальнейшего существования, В.В. Путин дал понять, что «Россия не может быть государством, если она не будет суверенной. Она будет либо такой, либо вообще ее не будет»[2].

Надо полагать, подобная неуверенность в грядущем дне стала следствием еще и тех трудностей, с которыми столкнулась наша власть, доверившись бодрым прогнозам своих придворных аналитиков. И дело здесь не только в целом ряде непродуманных социально-политических проектов, создавших «воздушные замки» о возможности «стабилизации численности населения» к 2014 г. или обещающих подъем «минимальной планки доли среднего класса в общей структуре населения к 2020 году… на уровень не менее 60 процентов. А может быть – и 70 процентов». Поскольку «нет ни одной серьезной причины, которая не позволила бы нам достичь поставленных целей»[3].

---

[1] См.: *Путин В.В*. Прямая речь: В 3 т. М.: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016. Т.1. Послания Федеральному Собранию, с. 280, 315, 365, 393.

[2] Послание президента Федеральному Собранию // Комсомольская правда, 21 февраля 2019 г., с. 5.

[3] *Путин В.* Выступление на расширенном заседании Государственного совета Российской Федерации «О стратегии развития России до 2020 года», 8 февраля 2008 г. // Вестник Российской нации, 2008, № 1, с. 32, 33,43.

На самом деле серьезные причины есть и весь их набор (тайных и явных) связан с борьбой за власть. А власть, как известно, является центральной категорией политики и потому борьба за нее согласно справедливому замечанию К. Шмитта никогда не сведется к поиску «золотой середины», поскольку здесь такой середины нет и быть не может. Зато противостояние противников приобретает высшую степень интенсивности, выстроенную по линии «друг – враг», включающей в себя ценностную противоположность между «добром» и «злом». Вот почему такая борьба всегда будет носить самый беспощадный характер и продолжаться до полного уничтожения одной из сторон с применением всех возможных ресурсов власти по всем направлениям социальной жизни.

В таком деле идеология занимает одно из первых мест, эксплуатируя веру граждан в светлое будущее. Сотрудничая с ней, политическое прогнозирование продолжает оставаться сложным интеллектуальным продуктом, опирающимся на широкий спектр знаний, дающих в руки аналитика нужные инструменты познания социально-политической жизни и вариантов ее дальнейшего существования. Причем значимой особенностью прогнозирования является способность предвидения, исходящая из интуиции исследователя, а она в свою очередь связана с его мировоззренческими установками.

Важнейшей из них следует считать понимание природы самого человека. Расхождение в этом вопросе породило мнимых и реальных оптимистов и пессимистов. Оптимисты желают убедить нас в том, что в людях господствует добро. Поэтому принцип доверия, как писал Ф. Фукуяма, становится важнейшим элементом всего спектра социально-политических отношений развитого человеческого общества, к которому сегодня якобы относятся только либеральные демократии США, Германии и Японии. Тогда как Россия вместе с бывшими республиками СССР может входить лишь в число стран, располагающих низким уровнем доверия. Постепенное преодоление низкого уровня, идущее без «перепрыгивания» через отдельные формационные этапы, приведет всех к новой системе ценностей и современному обществу. Его Г. Киссинджер ассоциирует с «моральным сообществом», способным выковать «для всех наций новый мировой порядок»[1]. Следовательно, сохранение в России характер-

[1] *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2016, с. 484.

ной для нее православной или советской модели организации власти, может быть только тормозом на пути к успеху. Путь к нему уже открыт, ибо ведь мир подошел к созданию единой организации будущего. Она освободит себя от всех этнокультурных и политических различий и подчинит все общество интересам деловой предпримчивости.

Осеняя принцип «laisser faire» ореолом святости, особенно если это касается взаимоотношений власти и бизнеса, идеологи «нового мирового порядка» забыли довести до сведения российской власти главное. Дух индивидуализма, опирающийся на эгоистические рудименты нашей психики, и связанное с ним первоочередное стремление к материальной наживе, подавляют нравственные начала во всех социальных слоях, включая административный аппарат. Между тем согласно неолиберализму, трактующему коллективизм как путь к новому рабству, мешающему реализовывать свои желания, только индивид, а не общество является основной социальной ценностью.

Значит, гражданское общество, формирующееся в России рыночным сознанием и характерной для него системой ценностей и целей, надо рассматривать как социальную почву общества потребления, воспитывающего «модульного человека» через систему созданных для него «гаджетов» и «кичей». Эта «модульность», культивируя адаптивного ко всему эгоиста, не может воспитать в нем любовь к ближнему и к своей родине. Ведь синонимами любви являются жертвенность и самоотдача. Полюбив себя как Бога, «модульный человек» способен жертвовать только другими. Возлюбив же других, ему придется жертвовать собой. В таком случае он может стать патриотом своей страны, что совершенно не нужно ее противникам, прививающим нам свое понимание «истинной демократии» без национальных и политических границ, для которой любая, даже самая успешная традиционная модель организации государства и общества неприемлема.

Действуя в этом направлении, они сумели с конца 80-х гг. XX в. навязать идею построения гражданского общества как альтернативу соборности и советской власти. При этом от масс был скрыт левоэкстремистский характер неолиберальной политической идеологии, действующей по принципу «цель оправдывает средства» и убеждающей в своей абсолютной истинности. Причем умалчивалась ее главное нап-

равление – установление тотального господства постоянных лидеров адхократии. В ней Э. Тоффлер видел положительную альтернативу бюрократии и основной механизм управления глобального уровня. В реальности институциональная основа высшей адхократии в рамках Версальской системы закладывалась еще с 20-х гг. XX в. В экономической сфере ее стали представлять Всемирный банк и Международный валютный фонд. А в сфере политического управления опорой мирового правительства оказались Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и добавленная к нему Трехсторонняя комиссия, организовавшая координационно-аналитические центры в Японии и странах Европы.

И хотя с каждым годом все очевидней становится гуманистическая эфемерность данного социально-политического проекта, способного без бюрократии оказывать давление на государственную власть в интересах граждан, этот идеологический миф уже сделал свое дело. Его внедрение поставило на край гибели соборные традиции управления «титульной нации» с присущей ей религией и культурой, закрепленной в качестве символа веры на Втором Вселенском Соборе в 381 г. Подобная соборность не признает угодными Богу «современные демократии, в том числе монархические по форме», ибо они «не ищут Божественной санкции власти, представляя из себя форму власти в секулярном обществе, предполагающую право каждого дееспособного гражданина на волеизъявление посредством выборов»[1]. Одновременно соборность, требуя иметь «нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть»[2], отрицает всякий индивидуализм, извиняющий порочную природу человека.

Если учесть вектор движения модульных установок, идущих от власти к обществу, нетрудно понять сложившийся олигархический характер ее организации в России и реальный тип нашего гражданского общества, опирающегося на действующую политическую систему, отринувшую базовые нравственные ограничители в социальной сфере. Это обстоятельство позволило новой российской власти удалить из Конституции статьи, запрещавшие употреблять имущество, находящееся в личной собственности, «для извлечения нетрудовых доходов» и пользоваться им «в ущерб интересам

[1] *Протоиерей Владислав Цыпин*. Курс Церковного права. Клин, 2002 , с. 633.
[2] Послание к Евреям Святого Апостола Павла. 13:5.

общества». Не найдем мы теперь и статей, запрещающих нарушать «свободный от эксплуатации труд советских людей», основанный на «принципе социализма “От каждого – по способностям, каждому – по труду”», где «государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления», «регулируя индивидуальную трудовую деятельность … в интересах общества»[1].

Тем самым с 1993 г. был открыт официальный юридический простор для безграничного роста частной собственности и угнетения человека человеком в личных интересах, даже если они противоречат государственному благу. Это можно трактовать как хрематистику, т.е. отрицательную противоположность экономики, при которой интересы личной выгоды начинают доминировать над общенародными интересами, особенно, если личность представляет политические и коммерческие интересы враждебной России структуры. Хорошим примером здесь может служить приобретение Н. Ротшильдом существенной доли акций компании «РУСАЛ», являющейся крупнейшим поставщиком сырьевых товаров и редкоземельных материалов. Причем новым председателем совета директоров «РУСАЛ» стал Х.-П. Томас, занимавший до этого должность соуправителя банка братьев Лазар, считающихся компаньонами Ротшильдов.

Молчаливое одобрение российской властью такого рода событий убеждает в том, что Кремль скрыто делает все, чтобы продвинуть интересы высшей адхократии на территории России и сделать из нее стратегическую площадку для реализации чужих интересов за счет нашего народа. Благодаря такой политике только в сельском хозяйстве было обанкрочено до 38 тыс. предприятий, организованных аналогично совхозу П.Н. Грудинина. Чистый же отток капитала из России в 2017 г. вырос до 31 млрд. долл., а в 2018 г. бегство капитала из нашей страны составило 67 млрд. долл. При этом надо понимать, что все идущие изменения представляют собой всего лишь начало процесса либерализации в нашей стране.

Происходящие события позволяют выявить полную несостоятельность и декларативный характер политических теорий о плюрализме элит и прелестях демократического эли-

[1] Конституция СССР и развитие советского законодательства. М.: Юрид. лит, 1983, с. 29-31.

тизма как атрибута адхократии. Трудами Э. Гольдмана, Й. Шумпетера, К. Мангейма и подобных им «оптимистов» нам прививается вера в возможность формирования руководящего звена высокого интеллектуального и нравственного уровня, способного довести до прозрачности социально-политические отношения и установить свободный взаимный контроль между простыми людьми и правящей элитой.

На этом фоне особую прогностическую актуальность приобретают выводы «новых макиавеллистов», решивших критически отнестись к человеку и власти. С их точки зрения, в условиях господства эгоистических интересов идет «кристаллизация» правящей элиты, принимающей не открытый, а закрытый и совершенно непрозрачный для общества характер, превращая «лис» во «львов». При них демократические тенденции, наступившие в первый кризисный период государственной жизни, продолжили мутировать. Мутация привела к олигархиезации власти, приобретающей вид наследственной собственности, передаваемой под прикрытием «свободных» выборов только своим людям, объединенным общими социально-политическими интересами в особый клан.

Невозможно представить, чтобы вожди этого клана отказались передавать свои полномочия «детям» и начали рекрутировать преемников из наиболее честных и способных лиц, не глядя на их политическую ориентацию, а только следуя десятибалльной шкале профессиональных качеств, предложенной В. Парето. Подобное возможно лишь в том случае, если контроль над ресурсами власти и методами властвования перейдет к самому обществу, а на такой нравственный подвиг правящая элита не способна. Ведь делить власть с народом значит терять доход от его эксплуатации. Это моральное оскудение, усиленное христианским смирением, по мнению Г. Моска, привело к гибели Рим[1] и спровоцирует гибель России. Как экономика способна превращаться в хрематистику, так и аристократизм в силу несовершенства человеческой природы склонен переходить в свою отрицательную противоположность – олигархат. Его признаки Р. Михельс увязывал с появлением представительных органов власти и партий, оторвавших властвующую верхушку от народа и превративших ее в замкнутый клан.

[1] *Моска Г.* История политических доктрин. М.: Мысль, 2012, с. 70.

Сегодня все три причины олигархиезации, выделенные Р. Михельсом, в полном объеме используются у нас на федеральном и местном уровне власти, не мешая сотрудничать бюрократии с адхократией на благо их хозяев. Взамен «массы получают право сами себе выбирать господ, которым они после их избрания обязаны оказывать послушание»[1]. А таким «господам» политический прогресс не нужен, так как любое движение масс к власти может спровоцировать революционные изменения в системе управления. Следовательно, защита своего господства уже с начала 90-х гг. стала главной управленческой функцией российской власти. Ведь ее представители заняли «в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность»[2].

Естественно, что свой народ данные «господа» начинают воспринимать как врага, несущего своим недовольством угрозу стабильности, что заставляет их еще больше дистанцироваться от российского общества в сторону Ротшильдов и Рокфеллеров, ценя их как могущественных патронов, платой которым будет служить открытая эксплуатации страна. В этом случае говорить о реальном укреплении единства и мощи России, способной играть значимую роль в мире, нет смысла. Поэтому наша новая политическая «элита всячески насаждает альтернативную мораль привелигированной диаспоры “граждан мира”, уже ничем не обязанной собственной стране и не считающейся ни с ее интересами, ни с ее традицией,... образуя диаспору участников мировых решений»[3].

Вот почему особую значимость в прогнозировании будущего России и ее гражданского общества, приобретают выводы К. Маркса и Ф. Энгельса. Являясь последователями Г.-В. Гегеля, они взяли на вооружение его критическую оценку человека как политического существа. В третьей части «Лекций по философии религии» он писал: «Некоторые думают, что они высказывают чрезвычайно глубокую мысль, говоря: человек по своей природе добр; они забывают, что гораздо больше глубокомыслия в словах: “человек по своей природе зол”»[4]. Используя эту оценку как научную гипотезу, К. Маркс и

---

[1] *Михельс Р.* Социология политических партий в условиях демократии // Диалог. 1991, № 4.

[2] *Миллс Ч.* Властвующая элита. М.: Изд-во иностр. литературы, 1959, с. 24.

[3] *Панарин А.С.* Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006, с. 185.

[4] *Гегель Г.-В.* Философия религии. В 2 т. М.: Мысль, 1975, т.1, с. 532.

Ф. Энгельс, думается, сделали правильный вывод о том, что «у Гегеля зло есть форма, в которой проявляется движущая сила исторического процесса». Ведь «с тех пор, как возникла противоположность общественных классов, двигателями исторического развития сделались дурные страсти людей: жадность и властолюбие»[1].

Реализуя свою главную управленческую функцию, властвующая элита России продолжила поиск путей к усилению своего господства не только над экономикой, но и над Церковью, наукой, образованием и медийным пространством. Ведь они входят в культурно-идеологическую подсистему общества и тесно связаны с самым важным методом властвования – убеждением. Только оно одно способно внушить народу выгодный «господам» набор ценностно-целевых установок и заставить слепо следовать им как истине, не прибегая к силовому и юридическому нажиму.

Явным проявлением данных установок можно считать веру в возможность построения совершенного гражданского общества несовершенным человеком под руководством его несовершенной власти. Хотя тот путь, на который встала Россия, уже показал, что навязанная нам «индивидуальная свобода, как и индивидуальное применение ее … заставляет всякого человека находить в другом человеке не осуществление, а, наоборот, границу своей свободы». Движение в сторону такого общества приведет к тому, что «ни одно из так называемых прав человека не выйдет за пределы эгоистического человека … как индивида, ушедшего в себя, в свои частные интересы и свою частную волю и обособившегося от общежития». Торгашество сделается сущностью и светским культом повседневной жизни человека, деньги его светским богом, «а практический дух еврейства – практическим духом христианских народов». И они будут «убеждены, что на этом свете у них нет иного назначения, как стать богаче своих соседей»[2].

Рассчитывать в таких условиях на победу пресловутого ультраимпериализма, обещанного сто лет назад К. Каутским, или оптимистично спрогнозированного Й. Шумпетером «рационального рыночного социализма» как высшего проявле-

---

[1] *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. В 9 т. М.: Политиздат, 1987, т. 6, с. 307-308.

[2] Мысли К. Маркса и Ф. Энгельса о религии. М.: Атеист, 1927, с. 208, 209, 213.

ния демократии, повседневно испытывающей интеллект на способность понимать и решать проблемы общества, увы, не приходится. Нравственное разложение российских граждан с подачи западных наставников нашей власти может даже ускориться и опередить аналогичное разложение в других странах.

В конце концов, оно затронет все сферы жизни мировой цивилизации. Тогда, как предрекал Ипполит Римский, будут созданы условия для воцарения на Земле Антихриста и его «социального государства». Ведь согласно апостолу Павлу «в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы ,.. неблагодарны, невоздержаны, жестоки, не любящие добра, предатели, … имеющие вид благочестия»[1]. Вот почему доверие оптимистичным прогнозам, ведущим по пути интеграции с Западом, следует понимать как путь ускоренной гибели России, отягченный социально-политическими катаклизмами, за которыми всех ждет вырождение и безмолвие космической пустоты. Такова суть эсхатологии нашего государства и его гражданского общества.

[1] *Апостол Павел*. Второе послание к Тимофею. Гл.3.

О.В. ЦВЕТКОВА
кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры российской политики
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Политическое пространство: теоретико-методологические основы

Целью статьи является проведение комплексного анализа основных компонентов и особенностей структуры политического пространства государства. Изучены теоретико-методологические основы политического пространства в теориях и концепциях философов, социологов, географов, геополитиков и политологов.

Ключевые слова: *политическое пространство, геополитическое пространство, центр, периферия, региональная дифференциация.*

Tsvetkova O.V. Political space: theoretical and methodological foundations. *The aim Of the article is to conduct a comprehensive analysis of the main components and features of the structure of the political space of the state. Theoretical and methodological foundations of political space in the theories and concepts of philosophers, sociologists, geographers, geopolitics and political scientists are studied.*

Keywords: *political space, geopolitical space, center, periphery, regional differentiation.*

Политическое пространство представляет собой протяженность, где протекает последовательная смена политических явлений и состояний. Политическое пространство государства отличается наличием обязательных структурных компонентов (центр, административно-территориальные единицы), их взаимодействий и отношений, выраженных в физическом пространстве (геопространстве).

Существует значительный пласт работ концептуального характера о представлении политического пространства в отечественной и западной науке. Проблематика пространст-

* Цветкова Ольга Викторовна, e-mail: tsvetkovaov@mail.ru

венного измерения исследовалась в работах философов, социологов, политологов и геополитиков.

Философские представления о политическом пространстве представлены в работах Р. Декарта[1], Г. Лейбница[2], Б. Спинозы[3], И. Ньютона[4], И. Канта[5]. Подходы к пространству в философии повлияли на особенности географического пространства в традиционном представлении и внесли пространственные характеристики между рассматриваемыми объектами в политическом пространстве.

В общественных науках теоретические подходы к интеграции категории пространства рассматривались в работах Э. Дюркгейма[6], Г. Зиммеля [7], П. Сорокина[8], П. Бурдье[9], Т. Парсонса[10], Э. Гидденса[11]. Работы авторов выдержаны с точки зрения «реляционной» концепции, которая заложила в основу политического пространства структурные характеристики в виде отношений между формирующими пространство политическими объектами.

Феномен восприятия целостности политического пространства был заложен в работах теоретиков геополитической мысли, среди которых Ф. Ратцель[12], лорд Керзон[13], Х.

---

[1] *Декарт Р.* Размышление о первой философии / Р. Декарт // Декарт Р. Разыскание истины. СПб.: Азбука, 2000, с. 129.

[2] *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / Г.В. Лейбниц // Лейбниц, Г.В. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983, с. 47.

[3] *Спиноза Б.* Этика / Б. Спиноза. СПб.: Азбука, 2001. – 352 с.

[4] *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии / И. Ньютон; пер. с лат. и комментарии А.Н. Крылова; предисл. Л.С. Полака. М.: Наука, 1989. – 687 с.

[5] *Кант И.* Критика чистого разума / И. Кант. М.: Мысль, 1994. – 592 с.

[6] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Директ-Медиа, 2011. – 567 с.

[7] *Зиммель Г.* Избранное. Проблемы социологии. СПб: Университетская книга, 2015. – 416 с.

[8] *Сорокин П.* Социальная и культурная мобильность // Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992, с. 297-307.

[9] *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб, Алетейя, 2005. – 576 с.

[10] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

[11] *Гидденс Э.* Устроение общества [Текст]: очерк истории структурации / Э. Гидденс. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

[12] *Ratzel* // Annales de geographic. 1898, p. 97-110.

[13] *Curzon of Kedleston, Lord*. The romanes lecture 1907. Frontiers. Oxford: Clarendon Press, 1907. – 58 p.

Маккиндер[1], К. Хаусхофер[2], Ф. Моро-Дефарж[3], З. Бжезинский[4], Б. Коэн[5], Н. Спайкмен[6], Р. Страус-Хюпе[7], А. Дж. Тойнби[8], С. Хантингтон[9].

Подходы к изучению пространства

В ходе исследования теоретико-методологических основ пространства были выявлены подходы в теориях и концепциях философов, социологов, географов, геополитиков и политологов.

Субстанциональный и реляционный подходы

В философской науке существует два принципиально различающихся подхода. Согласно субстанциализму Г. Декарта, пространство понимается в качестве сущности телесной субстанции, т.е. пространство отождествляется с материей.

Реляционный подход Г. Лейбница рассматривает пространство не как самостоятельную сущность, а как порядок отношений между взаимодействующими объектами.

В философском подходе присутствуют два представления о пространстве:

1) «по Декарту», пространство – протяженность материальных объектов;

2) «по Канту», пространство – система координат.

Социологический подход

Социологический подход заложил понимание пространства через его структурные характеристики: совокупность отношений между формирующими пространство объектами. По мнению П. Бурдье, социальное пространство представляет собой невидимые связи, которые формируют пространство позиций.

---

[1] *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб, Алетейя, 2005. – 576 с.

[2] *Haushofer, Karl*. De la Geopolit.iq'ие, Paris, Fayard, 1986.

[3] *Моро-Дефарж Ф.* Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. – 607 с.

[4] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (The Grand Chessboard) Пер с англ. О.Ю. Уральская. М.: Изд-во: Международные отношения, 2009. – 280 с.

[5] *Ancel J*. Les frontieres [Text] / J. Ancel. – Paris: Armand Colin, 1938. – 304 p.

[6] *Spykman N.J*. The geography of the peace. N.Y., 1944.

[7] *Straysz-Hupe R*. Geopolitics. The struggle for Space and Power / R. Straysz-Hupe. N.Y., 1942.

[8] *Тойнби А.Дж*. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова; Сост. А.П. Огурцов; Вступ. ст. В.И. Уколовой. М.: Прогресс. Культура, 1996.

[9] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис, 1994, № 1, с. 33-48.

Личностный подход к пространству характерен для Т. Парсонса, пространство и нормативный порядок связаны между собой через личность, существование которой предполагает телесность.

По Э. Гидденсу социальное пространство представляет собой совокупность систем, которые структурируют его.

Географический подход

Географический подход посвящен структурированию пространства, в котором проходит организация общества. Б. Родоман выделяет пространственные системы, которые состоят из функциональных частей, различающиеся по специализации. Территориальная система состоит из таких функциональных элементов: географических ареалов (районы, зоны) и пунктов (узлы, центры). В. Каганский пространство разделил на крупные части, где проявляется индивидуальность.

Геополитический подход

В рамках геополитического подхода роль «контейнера» по факту отводится физическому пространству, возникающему на определенной территории.

Методологически верно рассматривать региональную дифференциацию политического пространства на кросснациональном и субнациональном уровнях с точки зрения геополитического подхода. В рамках геополитического подхода роль «контейнера» фактически отводилась физическому пространству, возникающему на определенной территории (страна, регион, административно-территориальная единица), где разворачивались политические действия, складывались политические структуры, которые в своей совокупности придавали политическому пространству конкретную историческую форму.

Особо методологически важным для изучения категории политическое пространства имеют работы мыслителей французской геополитической школы Видаль де ля Блаша[1], Ж. Анселя[2], Ж. Готтмана[3], М. Фуше[4].

---

[1] *Vidal de la Blanche P*. La geographic politique, apropos des ecritsde M. Frederic Ratzel // Annales de geographic. 1898, p. 97-110.

[2] *Ancel J*. Les frontieres [Text] / J. Ancel. P: Armand Colin, 1938. – 304 p.

[3] *Gottmann J*. La politique des E'tats et leur g'eographie. P.: Armand Colin, 1951.

[4] *Foucher M.* Fronts et Frontieres, un tour du monde geopolitique, Paris, Fayard, 1988; reed. 1991.

Основоположники геополитической мысли открыли новое направление «внутренней геополитики» и предложили применять геополитический анализ при изучении политических процессов не только на кросснациональном уровне, но и на региональном (внутристрановом) уровне. Основными элементами во внутреннем геополитическом пространстве государства выступили понятия – «иконография», «циркуляция», «пространство» и «граница» (frontier, boundary)[1].

Французские геополитики были направлены на региональную дифференциацию политического пространства. Это проявилось в частности в работах Видаля де ля Блаша – основателя французской школы геополитики. Исследователь находился под сильным влиянием немецкой геополитике мысли, где ядро теории составляла категория пространства, он же предложил новую трактовку геополитического пространства. Основными элементами геополитического пространства выступали воля и инициативная деятельность человека.

Видаль де ля Блаш утверждал, что люди изначально не были полностью свободны, определяя свои собственные направления, природная среда предложила возможные пути развития инициативной человеческой деятельности. Это, по мнению мыслителя, привело в «человеческом мире к появлению разнообразного образа жизни, отличительного для конкретных людей, живущих в определенных местах[2]. Это означает, что геополитическое пространство вырабатывается человеком по средствам его инициативной деятельности.

Близка позиция французского марксиста социолога Анри Лефевра[3], который действительно изложил концепцию (социального) производства пространства. Анри Лефевр утверждал, что пространство является социальным продуктом или сложной социальной конструкцией, которая влияет на пространственные практики и представления.

Важно также отметить, что вопросы пространства и территории были затронуты в работах французского полито-

---

[1] *Бабков А.* Иконографический подход в работах французских геополитиков // Власть, 2010, № 7, с. 71.

[2] *Paul Cloke, Chris Philo and David Sadler.* Approaching Human Geography London: Chapman, 1991, p. 65.

[3] *Лефевр А.* Социальное пространство // Неприкосновенный запас №2(70), 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1-pr.html

лога Ж. Готтмана. В своих работах Ж. Готтман подробно анализирует территорию в разных пространственных масштабах в различные исторические периоды: «невозможно задумать государство, политическое учреждение, без его пространственного определения и территории».

Ж. Готтман представил свою концепцию иконографии, где подчеркивал роль духовного фактора в формировании культурных регионов. Он ввел понятие «иконографии пространства» для исследования вопросов понимания культурных зон и территориальных идентичностей. Понятие «иконография» фактически приравнивается к понятию «образ жизни» введенного в науку Видалем де ля Бланшем.

По Готтману, иконография пространства – это разные пространственные картины мира и отдельные представления, основанные на вере, религии и традиций, которые характерны для определенной территории со своей особенной культурой. Иконография пространства выступает основой регионализма. По мнению Ж. Готтмана, регион нуждается в определении языка, навыков, убеждений, которые основаны на религиозных убеждениях и социальных и политических моделях восприятия, а часто на сочетании всех трех составляющих. Таким образом, регионализм имеет то, что можно назвать иконографией в ее основе. Пространственная иконография Ж. Готтмана включала религиозные, исторические, политические и социальные элементы. При изучении различных европейских культур он использовал иконографию для объяснения происхождения регионализма, считая, что ее значение лежит не столько в содержание, сколько в их функциях.

Иконография представляет продукт совместной жизни данной секции пространства. Привычки, образ жизни и традиции могут сохраняться на протяжении поколений, даже после перехода на новую территорию. Национальные символы в местном представлении выступают в качестве территориального причала для любого сообщества и они не должны быть ограничены для регионального или национального масштаба. Разные системы символов означают, что у людей есть вера. Такие символы могут иметь разные формы: флаги, религиозные верования, социальные табу, обычные привычки. Таким образом, регионализм формируется из системы символов, которые становятся узлами новых наций.

Прежде всего, Ж. Готтман обращает внимание на политическую организацию географического пространства: «разделение пространства это самозащита сообщества. Когда сообщество считает, что ему что-то угрожает, оно укрепляет его иконографическое пространство». Учитывая необходимость совместного проживания, отношения между индивидами внутри общины должны адаптироваться к условиям большей сложности, которые возрастают с увеличением пространственного масштаба и сложностями управления. Цивилизации в пространстве со своими формами проявления представляют иконографию геополитического пространства.

Политический подход

Политический подход рассматривает пространство с точки зрения политической организации и взаимоотношений пространства и социума. Э. Сойя приходит к политической организации пространства. Его главная цель – создать и сохранить солидарность в обществе, формируя процессы конкуренции, конфликтов и сотрудничества, выявить, как они работают пространственно.

Р. Сак показал взаимосвязь политики с территорией (местом), где индивид или социальные группы оказывают влияние на людей, явления и взаимосвязи путем делимитации и контроля над географическим ареалом.

В концепции государствообразования С. Роккана особое внимание уделено объяснению закономерностей взаимодействия в пространстве между властным центром и регионами в пределах одного государства.

Как отмечено выше, государство имеет пространственно-территориальное измерение и зависит от составляющих его структурных компонентов. Среди концепций, уделяющих преимущественное внимание структурам, особое внимание заслуживает структурный функционализм. При изучении политического пространства необходимо учесть структурирование политических отношений на территории государства, так как политическое пространство России включает в себя связи между ядром страны и периферией (баланс отношений «центр-регион»).

Концепцию «центр-периферия» можно рассматривать как явление основное, как систему взглядов, пронизывающую практически всю современную политико-территориальную структуру России. Это связано с федеративным устройством Российской Федерации. Отметим, в региональных отноше-

ниях существуют централизующие стратегии: все регионы и периферии, каков бы ни был их культурный или экономический статус, инкорпорированы в одну универсальную систему стандартизации. В федеративных государствах существуют стратегии федерального соглашения (federalizing accomodation). Согласно им все регионы и периферии подчинены одной системе коллективного принятия решений, по крайней мере, в вопросах обороны и внешней политики. Тем не менее, регионы имеют некоторые гарантии защиты и сохранения своего базового культурного своеобразия, а также некоторую автономию в принятии решений, в связи с чем формируются модели на взаимовыгодных условиях. Основными элементами в политико-территориальной структуре государства выступают объекты и процессы, связанные с осуществлением власти в обществе на всей внутристрановой территории, в том числе дифференциация политического пространства по принципу «центр-периферия».

Мы разделяем научную позицию С. Роккана и представляем политическое пространство и его структуру следующим образом: «центр (место, в котором принимаются решения, действуют соответствующие институты и элиты), периферия (территориальные сообщества, развитие которых зависит от принятых в центре решений) и способы взаимодействия между ними»[1].

Таким образом, региональная дифференциация политического пространства Российской Федерации происходит по принципу «центр-периферия», так как в политическом пространстве разворачиваются политические действия и складываются политические структуры на любом уровне - федеральном или субнациональном.

[1] *Rokkan S*. State Formation, Nation-Building and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan: Based on His Collected Works. Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 1999, p. 95-122.

Н.В. МАСЛОДУДОВА
кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России*

В.Е. ШИНКЕВИЧ
доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России

Ценностные ориентации современной молодежи российских регионов

В статье на основе анализа материалов исследования, проведенного среди студентов г. Красноярска, представлена система ценностей современной российской студенческой молодежи, отмечается важность разрабатываемых различными субъектами молодежной политики для воспитания студенческой молодежи социально значимых проектов.

Ключевые слова: *личностная система ценностей, традиционные ценности, ценностные ориентации, общечеловеческие ценности, индивидуализм.*

Maslodudova N.V., Shinkevich V.Ye. Values orientations of modern youth of the Russian regions. among students of Krasnoyarsk. *The article presents the value system of modern Russian students based on the materials of a sociological study among students of Krasnoyarsk; the importance of various socially significant projects being developed for educating students is noted.*

Keywords: *personal value system, traditional values, value orientations, universal* values, personalism.

Ценностные ориентации молодежи всегда будут объектом пристального внимания исследователей, философов, психологов, социологов. Наиболее разработанными являются теории ценностей и ценностных ориентаций У. Билски, А.И. Донцова, Д.А. Леонтьева, Г. Олпорта, М. Рокича, Ш. Шварца, Ю.А. Шерковина, В.А. Ядова и др. Интерес представляют ис-

* Маслодудова Наталья Владимировна, e-mail: nata.maslodudova@yandex.ru; Шинкевич Владимир Ефимович, e-mail: vlashink@yandex.ru

следования И.Ф. Кефели, А.В. Мироновым, В.Т. Пуляевым, Н.В. Шеляпиным идеологических ориентиров в социокультурном пространстве России[1]. Современный российский студент – это тот, кто был рожден на рубеже XX и XXI вв. Для мира в целом это период начала новой промышленной революции и перехода к совершенно новым технологиям, некоторые из них вызывают ряд этических проблем. Для России это начало становления стабильного общества относительно политических и экономических потрясений конца XX в. Это период, когда закончилась либеральная эйфория от возможностей глобализации и пришло понимание важности национального самосознания. На государственном уровне начинается возврат к системе воспитания подрастающего поколения: разрабатываются программы по борьбе с потреблением наркотических средств и психотропных веществ, программы патриотического воспитания, пропагандируется здоровый образ жизни и начинает развиваться молодежное волонтерское движение. Особое внимание молодежной политике уделяется в период выборов Президента Российской Федерации В.В. Путина в 2016 г., когда стало очевидно, что незанятая молодежь легко становится объектом манипуляций различных политических деятелей.

В целом можно сказать, что современный российский студент охвачен вниманием ряда специализированных социальных институтов, занятых в формировании подрастающего поколения, а в современном обществе есть четкое понимание того, что молодежь – это наше будущее. Сегодня мы окончательно вернулись к пониманию того, что качественной характеристикой морального развития и моральной зрелости личности является не столько умение овладевать новыми технологиями, сколько нравственная культура специалиста. Именно поэтому проблема нравственного воспитания в образовании, оттесненная ранее на задний план проблемами модернизации и использования новых технологий, опять занимает важное место. Мы надеемся на то, что современные молодые люди возьмут на себя решение многих проблем как внутри страны, так и во всем мире: начиная от обеспечения пенсионной реформы и заканчивая решением проблемы изменения климата.

[1] *Кефели И.Ф., Миронов А.В., Пуляев В.Т., Шеляпин Н.В.* Идеологические ориентиры в социокультурном пространстве России. М., 2001.

Но какой видится личностная система ценностей этих представителей Поколения Y? Следует признать, что они значительно отличаются от тех, кто был рожден в СССР. Более того, они воспитывались тем поколением, которое формировалось в условиях ценностного вакуума конца 80-х и 90-х гг. XX в., когда на смену рухнувшим социалистическим ценностям коллективизма пришла идеология воинствующего индивидуализма. Мировоззрение родителей современных студентов (а также большинства преподавателей, которые с ними работали в общеобразовательной школе и работают сегодня в высшей школе) формировалось в период культурного разлома и духовного кризиса в обществе. Первоначально социальными ориентирами общественного развития и идеологией проходящих в государстве реформ были антисоциалистические цели и либерально-демократические ценности. «Блага» нового порядка оказались зловещим вирусом, которым в свое время заразился герой Ф.М. Достоевского Родион Раскольников. Всеобъемлющая несправедливость и социальное расслоение общества конца XX в. побудили многих к выработке своей преступной философии. Такие, казалось бы, бесспорные ценности западноевропейских идеологий, как либерализм, социал-реформизм, конкуренция, механически перенесенные на отечественную почву, были перетолкованы в России на своеобразно прагматический лад: индивидуализм превратился в безудержный эгоизм, свобода – в своеволие и безответственность, конкуренция – в абсолютное право сильного. Все это приводило к дезорганизации самого человека, его мыслей и культуры, проявляющихся в его деятельности, которая чаще всего характеризовалась бездуховностью. Конечно, идеология «сытости», к счастью, поразила не всех. Иначе бы на государственном уровне не произошло всего того, о чем мы говорили в начале. Но вирус все-таки оказался очень сильным. Его последствия стали очевидны при анализе материалов исследования, проведенного среди студентов г. Красноярска с целью изучения представлений о личностной системе ценностей современных российских студентов.

Всего на сервисе Google-формы было опрошено 464 человека. При обработке результатов исследования учитывалась обязательная принадлежность опрашиваемого к студенческому сообществу образовательных организаций высшего образования Красноярского края. Результаты иссле-

дования были неоднозначные и вызвали больше вопросов, чем смогли дать ответов.

Так на вопрос «Сходны ли Ваши цели с общественными?», респонденты ответили следующим образом: «Да» – 2,5%; «Скорее да, чем нет» – 63,4%; «Скорее нет, чем да» – 26,2%; «Нет» – 7,9%.

На вопрос «Соблюдаете ли Вы обычаи и традиции своего народа?» респонденты ответили: «Да» – 11,7%; «Скорее да, чем нет» – 47,5%; «Скорее нет, чем да» – 25,9%; «Нет» – 14,8%.

Таким образом, почти половина опрошенных студентов, большая часть из которых связывает свои цели с общественными, не испытывают благоговения перед обычаями и традициями своего народа. При этом, как отмечает К.Ю. Щенникова, на протяжении всей российской истории именно духовно-нравственные ценности были прочным фундаментом Российского государства[1].

Дальнейший анализ материалов показал еще более интересные результаты. Молодые люди, которые более чем предшествующее им поколение охвачены разного рода программами патриотического воспитания в контексте реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы»[2], в большинстве своем хотят жить в другой стране. На вопрос «Хотели бы Вы жить в другой стране?» положительно ответили 50,3% респондентов, 24,5% – затруднились ответить и только 25,2% категорично высказались, что хотят жить в России.

Совершенно очевидно, что массовая миграция молодежи явно не является целью современного общества. Таким образом, можно предположить, что респонденты лишь декларировали общность своих целей с общественными. На деле можно увидеть, что молодые люди не особо стремятся соблюдать обычаи и традиции своего народа, равно как следовать «общественным целям».

---

[1] *Щенникова К.Ю.* Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Власть, 2017, № 1, с. 159-164.

[2] О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы»: Постановление правительства РФ от 30 декабря 2015 года № 1493. [Электронный ресурс] URL: http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf (дата обращения 30.08.2019)

Отвечая на вопрос «Что Вы больше всего цените в своей жизни?», большинство наших респондентов на первое место поставили семью. Вместе с тем, согласно данным ВЦИОМ, в 2018 г. доля жителей России, не желающих заводить детей, достигла 17% в Москве и 6% во всей России и продолжает расти. В большинстве случаев россияне отказываются от продолжения рода в связи с отрицательным отношением к институту брака[1]. В то же время главный специалист по репродуктивному здоровью О. Аполихин заявил, что сегодня большинство россиян начинают половую жизнь в 16-17 лет[2].

Отвечая на вопрос «Какие качества вы больше всего цените в людях?», наши респонденты на первые три места поставили честность, доброту и целеустремленность; но при этом прагматизм и уверенность в их ранжировке заняли одно из самых последних мест. Глядя на такие ответы, можно предположить, что отвечающие были откровенны и в достижении своих целей они не рассматривают прагматичную установку «любой ценой», но при этом не понятно, почему уверенность не пользуется популярностью. А если обобщить предыдущие ответы, то можно предположить, что респонденты не до конца уверены в том, что они по-настоящему ценят в людях. Они очень хорошо знают, что они должны ценить, но вот является ли это частью их личной системы ценностей, большой вопрос. То есть, в отличие от предыдущего поколения, они уже не находятся в ценностном вакууме, они понимают, какой сегодня существует общественный запрос. Сомнения возникают в той части, насколько искренне они готовы разделять этот запрос. То есть они понимают, что человек должен быть добрым, сочувствующим, честным, быть патриотом своей страны, но при этом сами хотят иметь право не быть такими.

Рискнем предположить, что современные молодые люди в большинстве все-таки разделяют те ценности, которые принято называть «западными» и которые, как отмечалось выше, во многом подорвали основы нашей государственности в конце XX в. К числу «западных» ценностей относят:

---

[1] Городской репортер. Свободные от детей: в России растет процент пар, не желающих заводить детей. URL: https://cityreporter.ru/svobodnye-ot-detej-v-rossii-rastet-protsent-par-ne-zhelayushhih-zavodit-dtej/ (дата обращения 30.08.2019).

[2] Газета.Ру Минздрав предупреждает: секс до свадьбы очень опасен [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2019/02/a_12210619.shtml (дата обращения 30.08.2019).

рационализм, разделение церкви и государства, верховенство закона, равенство перед законом, права человека, либеральную демократию[1].

Очевидно, что сами по себе эти ценности не представляют ничего страшного, более того, они реально привлекательны. И потому не понятно порой очень жесткое выступление против этих ценностей, как например В. Чаплина, который указывал, что Запад навязывает России взгляды, в соответствии с которыми основное внимание уделяется правам отдельного индивидуума и при этом игнорируются ценности государства и общества. Он предложил «начать серьезный диспут в этой сфере и определить, какие ценности могут быть выше прав человека»[2].

Сегодня следует признать, что даже Китаю, не прерывающему, в отличие от России, систему воспитания подрастающего поколения, не удаётся справиться с распространением западных ценностей, хотя последние находятся в прямом противоречии с тем, что государство пытается привить в молодости. Обширная цензура китайских развлечений настаивает на обмене сообщениями, способствующими социальной стабильности и «правильным» моральным ценностям»[3].

И причина, на наш взгляд, в том, что для современных молодых людей эти западные ценности выглядят объективно более привлекательными. Современные молодые люди уже не помнят жизни без интернета. Их близость к современным технологиям значительно отличает эту молодежь от предыдущих поколений. Эти технологии сформировали их новый образ жизни и работу, создали совершенно иной набор целей, убеждений, стремлений и даже страхов. Современные молодые люди уже не боятся голода и лишений военного времени, рэкета «лихих 90-х», уличных грабежей, квартирных краж и т.п. Нам надо понять, что у них

---

[1] *Лонсдейл Д.* Западная цивилизация – это идея, которую стоит защищать и повторно применять [Электронный ресурс] URL: https://www.economist.com/open-future/2018/08/03/western-civilisation-is-an-idea-worth-defending-and-reapplying (дата обращения 30.08.2019)

[2] *Радзиевский В.* Абсолютны ли общечеловеческие ценности и права человека? [Электронный ресурс] URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/28237.html (дата обращения 30.08.2019)

[3] *Фиш Э.* Почему Пекин так обеспокоен тем, что западные ценности заражают молодежь Китая? [Электронный ресурс] URL: http://www.chinafile.com/features/whys-beijing-so-worried-about-western-values-infecting-chinas-youth (дата обращения 30.08.2019).

реально другие страхи: они боятся ограничения доступа к информации, слежки в своих соцсетях, отсутствия мобильной связи или интернета, запрета на использование Iphone и установления нового «железного занавеса», пагубных последствий некоторых зависимостей[1]. Эти ценности оказывают влияние на их подход к решению многих социальных вопросов, начиная от создания семьи и заканчивая политическими убеждениями. За эти ценности они готовы выходить на улицу и выражать свой протест власти. Это поколение, которое уже само читало «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше[2] или воспитывалось теми, кто бредил «сверхчеловеком», способным сделать вызов всем моральным установкам, существующим в обществе.

Здесь уместно вспомнить Н. Старикова, хотя он явно не согласен с идеей распространения западных ценностей: «Неграмотный носильщик поклажи будет рад запрыгнуть на телегу. Точно так же он бросит телегу ради паровоза и паровоз ради автомобиля. Потому что неотменимые законы природы, действие которых он ощущает воочию, позволяют ему эмпирическим путём прийти к определенным выводам. И выводы эти гласят, что всякий раз при смене одного вида транспорта на другой он повышает скорость своего перемещения и массу поклажи, которую он может переместить. С точки зрения носильщика, это гораздо более эффективно. Никто не может заставить его пересесть с паровоза на телегу, а с телеги снова взять поклажу на плечи, а потом начать движение на своих двоих. Сколько ни повторяйте ему заклинаний об «эффективности» переноса тяжести пешком на плечах по сравнению с перевозкой её на транспорте – он не поверит. Заставить, конечно, можно, но только под угрозой насилия»[3].

Такая же ситуация с западными ценностями. Коллективизм, альтруизм, долг не могут сегодня в молодежной среде конкурировать с тем, что предлагает Запад: индивидуализм, относительность морали, следование собственным интересам и потребностям. Людям, которые желают, например,

---

[1] *Маслодудова Н.В., Шинкевич В.Е*. Формирование антинаркотического мировоззрения личности: социально-философский анализ // Социально-гуманитарные знания, 2016, №1.

[2] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt (дата обращения 26.08.2019).

[3] *Стариков Н.* Приватизация и «эффективные менеджеры» [Электронный ресурс] URL: https://nstarikov.ru/blog/24440 (дата обращения 30.08.2019).

быть богатыми, покупать дорогие статусные вещи, можно долго рассказывать о том, что «счастье не в деньгах», а «с милым и в шалаше рай», но вряд ли они согласятся, поскольку красивая удобная одежда, вкусная еда и хорошая квартира, очевидно, лучше, чем некачественная, неудобная, но дешёвая одежда, скудная пища и тот самый шалаш.

При этом следует признать, что если в прошлом государство могло позволить себе развивать механизмы пропаганды и социального осуждения, то в настоящее время из-за развития технологий они если и действуют, то очень не эффективно.

Таким образом, представления современных молодых людей о благе, ценностях и образе жизни во многом определяются теми переменами, которые произошли в нашем государстве в конце XX в. и являются результатом воздействия таких социальных институтов, как семья и школа.

Да, сегодняшние общественные и государственные институты хотят видеть молодежь нравственной, ценящей свою родину и историю, высококультурной, образованной, инновационной, предприимчивой, здоровой. Именно поэтому сейчас ценностные ориентации личности, молодёжи оказываются объектом воспитания и целенаправленного воздействия общества и государства; а процесс их образования – важным направлением молодёжной политики по осуществлению духовно-нравственного, патриотического и трудового воспитания[1].

Между тем, на наш взгляд, работа органов государства в этом направлении оставляет желать лучшего. В уже упомянутом нами исследовании мы задавали вопрос относительно того, существует ли в современном обществе проблема формирования жизненных ценностей молодежи. Ответы разделились следующим образом: «Да» - 36,9%, «Скорее да, чем нет» - 42,7%, «Скорее нет, чем да» - 16,5%, «Нет» - 3,9%.

При этом на вопрос «Как Вы считаете, сегодня наше государство занимается воспитанием молодежи?» респонден-

[1] *Елишев С.* Формирование ценностных ориентаций современной молодёжи посредством государственной молодёжной политики [Электронный ресурс] URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/05/19/formirovanie_cennostnyh_orientacij_sovremennoj_molodyozhi_posredstvom_gosudarstvennoj_molodyozhnoj_politiki/ (дата обращения 30.08.2019).

ты ответили следующим образом: «Да» - 8,6%, «Скорее да, чем нет» - 35%, «Скорее нет, чем да» - 37,4%, «Нет» - 19%.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодые люди считают неэффективными меры государства, направленные на создание ценностных ориентиров у молодежи. Во многом, на наш взгляд, это связано с показухой и профанацией, потому что ничто так не вредит воспитанию, как откровенный цинизм. Очень показательная история со школьником Л. Шайдуровым, который объявил голодовку после того, как руководство школы попыталось заставить его стать участником «Юнармии». Цель движения (на наш взгляд, очень правильная) – вызвать интерес у подрастающего поколения к географии и истории России и ее народов, к героям, выдающимся ученым и полководцам. В свободное от учебы время юнармейцы будут вести работу по сохранению мемориалов, обелисков, нести вахты памяти у Вечного огня, заниматься волонтерской деятельностью, принимать участие в крупных культурных и спортивных мероприятиях, смогут получить как дополнительное образование, так и навыки оказания первой помощи[1]. А вот метод (добровольно-принудительный) – крайне сомнителен и неэффективен.

Кроме того, нельзя забывать, какую роль сегодня играют многочисленные технические средства связи и поэтому утаить что-то от общественности уже просто невозможно. Государство должно учитывать не только важность пропаганды общественных ценностей, но и тот факт, что работа соответствующих социальных институтов по реализации поставленных задач может столкнуться, с одной стороны, с реальным противодействием, а с другой – с полным несоответствием тех людей, которые должны олицетворять эти общественные ценности. Последнее создает у молодых людей ощущение, что все разговоры о том, что надо работать на благо государства, терпеть трудности – это очередная манипуляция чиновников. При этом надо понимать, что современные молодые люди – это то поколение, которое без реальных объективных причин не пойдет на те или иные лишения, потому что это уже не входит в их личностную систему ценностей.

[1] Всероссийское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия». URL http://stat.mil.ru/youtharmy/info.htm

О.Н. БАШУК
кандидат социологических наук, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по работе в Государственной Думе, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 2 класса*

Детерминанты внешнеполитических решений Федеративной Республики Германия в отношении России

В статье рассматриваются политические, идеологические, медийные, социокультурные, модернизационные, трансатлантические, экономические, энергетические и другие детерминанты внешнеполитических решений в ФРГ в отношении России.

Ключевые слова: *внешнеполитические решения, международные отношения, необъективность, предвзятость, односторонность, Федеративная Республика Германия, Россия.*

Bashuk O.N. Determinants of the Federal Republic of Germany's foreign policy decision making regarding Russia. *The article considers political, ideological, mass media, socio-cultural, modernisational, transatlantic, economic, energetic and other determinants of the FRG's foreign policy decision making regarding Russia.*

Keywords: *foreign policy decisions, international relations, bias, prejudice, unilateralism, Federal Republic of Germany, Russia.*

В современных странах средства массовой информации являются важным фактором формирования общественного мнения. В свою очередь, с учётом влияния ряда опосредующих факторов, имеющих специфику в разных странах, общественное мнение влияет на процесс принятия внешнеполитических решений. В странах с развитыми институтами демократии, в частности в Германии, средства массовой информации играют очень важную роль, поскольку предполагается, – так позиционируют себя практически все немецкие печатные и онлайн-издания, – что они являются незави-

* Башук Олег Николаевич, e-mail: onb@list.ru

симыми и объективными источниками информации. Тем не менее проведенный нами анализ нескольких немецких СМИ показывает, что публикуемый в них материал лишён нейтральности и зачастую прямо или косвенно отражает интересы тех или иных властных, политических и экономических кругов.

В исследовании, осуществлённом в Мюнхенском университете[1], отмечается, какие прилагательные и наречия были употреблены в период с 2000 по 2012 гг. в 80 отобранных для анализа статьях газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (FAZ) в отношении лидеров США и России Б. Обамы и В. Путина, т. е. какого рода эпитеты употребляются при описании того или иного лидера. Употреблённые FAZ в отношении Путина выражения имели явно негативный характер, например, «суровый», «агрессивный», «конфронтационный», «антизападный», «циничный», тогда как в отношении Обамы использовались слова: «приветствуемый с ликованием», «воодушевлённый», «обходительный» и т.д.[2].

Очевидно, что такого рода закономерности, во-первых, ставят под вопрос объективность и непредвзятость издания, во-вторых, вероятнее всего, связаны с причастностью издания к определенным лобби-группам иностранного влияния. Другим примером является редактор немецкого еженедельника «Die Zeit» Й. Йоффе, который одновременно с занимаемой должностью состоит в проамериканском мозговом тресте, близком ЦРУ, Институте Аспена[3].

Анализируя ряд других немецкоязычных СМИ, в частности, онлайн-издание телерадиокомпании «Немецкая волна» (Deutsche Welle), можно прийти к выводу, что подача материала имеет односторонний характер. Так, для освещения событий в том или ином государстве для интервью выбираются люди, чья позиция в той или иной степени близка к официальной позиции немецких властей[4].

---

[1] *Zwingli M.* Tendenziöse Attributierung in deutschen Printmedien: Putin vs. Obama – eine linguistische Analyse. München: Sprachen & Dolmetscher Institut, 2014, S. 178-180.

[2] Imidem.

[3] *Fridericke B.* Das Guttenberg-Dossier. B.: Hueber, 2014, S. 234-235; *Ульфкотте У.* Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги. М.: Эксмо, 2015. 391 с.

[4] *Ivanova L.Yu.* Russian-German Relations in the Discourse of the Modern German Press: Linguistic Aspects // Медиалингвистика, 2017, № 1 (16), с. 96-108.

Такого рода тенденции резко негативно влияют на восприятие облика России среди населения Германии, что приводит к тому, что, с одной стороны, немецкое население охотнее поддерживает проамериканский курс своего правительства, с другой – у немецкой власти наличествует легитимное оправдание проводимого курса антироссийских санкций, когда опросы общественного мнения являются прямым тому подтверждением.

Анализируя вышесказанное, необходимо отметить, что на формирование внешнеполитического курса по отношению к РФ в большей степени оказывает влияние партия, имеющая большинство в немецком бундестаге, причём немаловажную роль играет личность федерального канцлера.

Следует также обратить внимание на то, что Германия имеет обязательства, прописанные в коллективных договорах, таких как Маастрихтский договор 1992 г., а также Уставом НАТО, в связи с этим независимо от правящей коалиции те или иные интересы ФРГ остаются неизменными. Причём взаимоотношения Германии с её партнёрами по военно-политическому блоку зачастую могут определять вектор взаимоотношений Германии с Россией.

Исследуя особенности современных германских СМИ, можно утверждать, что они едва ли способствуют объективному восприятию немецким обществом российской внешней политики. Анализируя контент, способ подачи материала и выбираемые средства художественной выразительности речи для описания тех или иных российских политиков или событий, можно говорить о том, что немецкие издания преследуют совершенно другие интересы[1].

Двусторонние отношения Москвы и Берлина всегда представляли особенный интерес для мирового сообщества, поскольку из 28 стран Европейского Союза Россия традиционно в большой степени взаимодействовала с Германией[2].

Период с 1998 по 2005 гг. можно назвать временем наиболее тесного сближения двух государств, чему поспособствовала в первую очередь крепкая дружба между главами двух государств Г. Шрёдером и В. Путиным. В это время Германию часто называли «адвокатом России» в

[1] Там же.

[2] *Гамзалов С.Д.* Российско-германские отношения: специфика и перспективы развития / Власть, 2010, № 6, с. 156-159.

Европе[1]. Начало плодотворному сотрудничеству положил визит российского главы в столицу ФРГ в 2001 г. В.В. Путин стал первым российским президентом, которого когда-либо приглашали в немецкий бундестаг.

Необходимо отметить, что речь Путина, большая часть которой была произнесена на немецком языке, произвела самое благотворное впечатление на депутатов немецкого парламента, и глава Германии не явился исключением. Практически сразу после выступления Путина нарекли «человеком Европы» и даже заговорили о переоценке событий в Чеченской Республике. Немецкие СМИ писали, что эта речь является событием исторической важности, поскольку впервые российский лидер призвал забыть «старые обиды» и «открыть новую главу в российско-немецких отношениях»[2].

Наряду с этим можно говорить о налаживании сотрудничества в военно-политической области. Будучи министром иностранных дел России, Е.М. Примаков проводил политику многовекторности, одним из пунктов которой был поиск союзников в Североатлантическом альянсе.

В ходе ряда переговоров Германия выступила инициатором создания консультативной платформы. 28 мая 2002 г. в Риме во время встречи на высшем уровне Россия-НАТО был учреждён Совет Россия-НАТО, ставший регулярной платформой для выработки общих решений по поддержанию безопасности в Евроатлантическом регионе. Годом позднее Россия и Германия оказались в одном лагере с Францией по иракскому вопросу. Ряд немецких политиков, в частности, министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер (1998-2005 гг.), выступали с гипотезой о появлении нового центра силы по линии Париж-Берлин-Москва[3].

Тем не менее наибольших успехов российско-немецкие отношения достигли в области экономического сотрудничества и культурного обмена. В 2001 г. был основан Петер-

[1] Украина рассорила: Даже ради своих экономических интересов Германия не готова сближаться с Россией [Электронный ресурс] // Лента.ру. – Режим доступа: http://lenta.ru/articles/2014/10/24/germanyrelations/ (дата обращения 25.03.2019).

[2] Путин в Бундестаге [Электронный ресурс] // Иносми. – Режим доступа: http://inosmi.ru/untitled/20010926/141661.html (дата обращения 25.03.2019).

[3] Антимондиалистская стратегия оси Париж-Берлин-Москва [Электронный ресурс] // Полярная звезда. – Режим доступа: http://zvezda.ru/geo/2003/12/23/208.htm (дата обращения 11.02.2018)

бургский диалог, ежегодный российско-немецкий дискуссионный форум между представителями гражданских обществ обоих государств. Главной целью данной инициативы первоначально являлось углубление двустороннего сотрудничества во всех сферах. Однако основная часть вопросов, обсуждаемых в ходе форума, имеет экономический характер. В целом можно отметить, что в период с 2000 по 2008 гг. (на который пришёлся мировой финансовый кризис) товарооборот между государствами начал значительно расти. В частности, в 2008 г. он составил 67,3 млрд. долл. США[1].

Далее, 2005 год был отмечен новым весомым событием в новейшей истории германо-российских отношений. Г. Шрёдер и В. Путин подписали соглашение о начале строительства Североатлантического газопровода по дну Балтийского моря с целью увеличения поставок газа в страны Европы и сокращения транзитных расходов. Стоит отметить, что данный проект вызвал широкий резонанс, особенно среди стран-транзитёров, таких как Латвия, Литва, Польша, Эстония, Украина, Белоруссия. Данный договор свидетельствовал о значительном сближении двух государств и о большой политической воле их лидеров[2].

Тем не менее с победой А. Меркель на сентябрьских выборах в бундестаг в 2005 г. наблюдается некоторое изменение в риторике ФРГ в отношении РФ. Новая «бундесканцлерин» скептически оценила сотрудничество с Россией, заметив, что необходим прагматичный и более дистанцированный подход, сделав акцент на сближении с Соединёнными Штатами Америки. В связи с этим А. Меркель поддержала выдвинутую ещё в 2004 г. идею равномерного сотрудничества со всеми странами Центрально-Восточной Европы в рамках «Восточного партнёрства».

В то же время можно говорить, что несмотря на взятый курс, целью которого стала попытка сбалансировать отношения со странами постсоветского пространства, достигнутые

[1] Архитектура и динамика российско-германских экономических отношений [Электронный ресурс] // Финансы.ру. – Режим доступа: http://www.finansy.ru/st/post_1319526125.html (дата обращения 25.03.2019).

[2] *Сидорова Е.Ю., Захарова С.В.* Российско-германские торговые отношения: вчера, сегодня, завтра // Россия – Германия: уроки войны и мира: К 100-летию начала Первой мировой войны. Сб. научных статей / Ред. Чепляев В.Л. и др. Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2014, с. 51-57.

ранее соглашения с РФ не были денонсированы. Наряду с этим Германия в лице бывшего министра иностранных дел Ф.-В. Штайнмайера стала одной из немногих стран Запада, выступившей против развёртывания системы ПРО в Восточной Европе, что обусловлено скорее партийной принадлежностью главы немецкого МИДа, чем кардинально противоположными взглядами политического истеблишмента на внешнюю политику Германии.

В 2010 г. в ходе встречи на высшем уровне Д.А. Медведев и А. Меркель подписали меморандум, предполагавший создание Комитета Россия-ЕС по проблемам внешней политики и безопасности, направленный на совместную работу РФ и ЕС в урегулировании военно-политических конфликтов. Данная инициатива предполагала создание регулярной платформы для обмена мнениями по вопросам безопасности и разработки совместных операций России и Европейского Союза. Первоначальной базой для взаимодействия явился конфликт в Приднестровье, тем не менее немецкая сторона предъявила требование о предварительном выводе российских войск из Приднестровья в ответ на инициативу Медведева по Договору о европейской безопасности[1].

Говоря об экономической составляющей германо-российских отношений, следует подчеркнуть, что Россия попрежнему остаётся для Германии вторым после Китая торговым партнёром. Несмотря на то, что по общим экономическим показателям РФ находится для Германии на 13-м месте, энергетические ресурсы стратегически важны для ФРГ.

Если же говорить о политической компоненте, то общественное мнение Германии, о котором можно судить, оценив контент различных СМИ, в целом настроено критически в отношении нынешней России, причём степень неприятия продолжает возрастать. В фокусе внимания – попытки российского руководства усилить контроль над общественно-политическими процессами, которые, по мнению представителей немецкого гражданского общества, выглядят как переход от управляемой демократии к полному авторитаризму. Германская общественность заинтересована в том, чтобы Берлин в отношениях с РФ руководствовался

[1] *Шойбле В.* Новые европейские веяния: что нас ждёт в российско-германских отношениях? // Мир перемен, 2005, № 1, с. 110-117.

не только прагматическими бизнес-интересами, но и, в первую очередь, ценностными установками.

Широкий общественный резонанс в ФРГ получила статья 2013 г. в «Die Zeit», автор которой критикует правительство за сотрудничество с диктаторами из прагматических соображений и игнорирование этической составляющей политики. Стоит подчеркнуть, что статья пользовалась большой популярностью, набрала более 700 комментариев, которые показывают, что подавляющее большинство разделяет мнение автора[1]. В свою очередь, чиновники не могут игнорировать факт, что ухудшающийся имидж России подрывает основы экономического сотрудничества, ужесточают риторику, на что Москва реагирует соответствующим образом.

Во-первых, по мнению значительной части немецкого общества, у России и Европы разные представления о современном демократическом государстве. Модернизация проходит медленно и не всегда эффективно, на что в значительной степени влияет коррупция и что в общей сложности является препятствием на пути к более глубокому взаимодействию.

Во-вторых, постепенно меняется ситуация с импортом российских энергоресурсов. Хотя Россия по-прежнему остаётся основным их поставщиком и едва ли есть другие оптимальные альтернативы, ряд шагов, направленных на диверсификацию и большую энергетическую независимость Европы, влияет на более уверенную риторику Берлина с Москвой[2]. Законодательство Германии предусматривает, что до 2020 г. страна должна избавиться от энергозависимости и перейти на альтернативные источники энергии, такая перспектива представляется весьма спорной. Кроме того, амбициозный проект Energiewende предполагает, что доля во-

[1] Демократия на рыночной площади [Электронный ресурс] // Газета.ру. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/column/lukyanov/5243753.shtml (дата обращения 25.03.2019).

[2] *Кнут Х., Корнева А.Н.* Российско-германские отношения // Социально-экономические тенденции развития мировых и российских рынков: теория и практика / Материалы международной научно-практической конференции. Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2015, с. 12-13.

зобновляемых источников вырастет до 80% от общего производства и до 60% от общего потребления в 2050 г.[1].

Вместе с тем нельзя не упомянуть тот факт, что Германия как ни одна другая страна заинтересована в проекте «Северный поток – 2» и пытается способствовать его реализации вопреки восточноевропейским членам ЕС. Тогда как восемь традиционных стран-транзитёров, рискуя потерять значительную часть денег от транзита российского газа, если труба, проложенная по дну Балтийского моря, начнёт функционировать, решитеольно не согласны с таким проектом и пытаются воспрепятствовать его осуществлению, апеллируя тем, что Северный поток «поставит Европу в большую зависимость от России»[2].

В-третьих, Германия, долгое время занимавшая выжидательную позицию, на данный момент поистине является локомотивом Европейского Союза, аккумулируя значительную политическую мощь. Об этом свидетельствует политика немецкого правительства в отношении стран-должников, не способных самостоятельно разрешить внутренний кризис, в первую очередь Кипра и Греции.

Поскольку Германия претендует на роль лидера, ей необходима не только прочная экономическая основа, но и безупречная моральная репутация. В связи с этим едва ли будет верным шагом выстраивать преференциальные отношения с каким-либо государством вне Евросоюза. Кроме того, в отношениях с Россией это означало бы её отдаление от США. Поэтому Берлин остаётся нейтральным по вопросам вторжения в Ближневосточные государства, балансируя, таким образом, между Москвой и Вашингтоном.

Похолодание в отношениях между Москвой и Берлином стало проявляться ещё до украинских событий. С отказом Д.А. Медведева баллотироваться на второй срок Германия отвернулась от курса «Партнёрства ради модернизации». Однако по большей части период с 2000 по 2014 гг. для

[1] Forschung für die Energiewende [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. – Режим доступа: https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/forschung-fuer-die-energiewende-441052 (дата обращения 25.03.2019).

[2] Nord Stream offenbar eine seltsame Nähe zu Russland [Электронный ресурс] // Die Welt. – Режим доступа: http://www.welt.de/wirtschaft/energie/article154039970/Nord-Stream-offenbart-eine-seltsame-Naehe-zu-Russland.html (дата обращения 25.03.2019).

российско-германского взаимодействия характеризовался устойчивым и комплексным ростом кооперации на нескольких уровнях: экономическом, дискурсивном, политическом, культурном и т.д. Украинская ситуация, несомненно, обострила отношения между Россией и Германией, но несмотря на это перспектива развития взаимоотношений между государствами просматривается не только на общественно-политическом и общегосударственном уровне, но и на партийно-политическом со стороны ФРГ. Это непосредственно связано с тем, что Россия является важным поставщиком энергоресурсов и рынком сбыта немецких товаров, важнейшим партнером Европейского Союза в области международной политики и безопасности.

С.В. НАЗАРЕНКО
кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации*

Социальный контроль в управленческой работе с военнослужащими

В статье раскрываются основы реализации заместителем командира полка (батальона, роты) по военно-политической работе миссии и функционала. Органичное единство, дифференцированный и индивидуальный подход – это требования, предъявляемые к профессиональной компетентности специалиста в области военно-политической работы, искусно владеющего мастерством слова. Особенно это востребовано в современных условиях организации и реализации военно-политической работы в Вооруженных Силах РФ.

Ключевые слова: *социальный контроль; военная служба; вооруженные силы; военно-политическая работа; военнослужащий.*

Nazarenko S. V. Social control in management work with military personnel. *The article reveals the basics of the implementation of the Deputy commander of the regiment (battalion, company) on the military-political work of the mission and functionality. Organic unity, differentiated and individual approach – these are the requirements for the professional competence of a specialist in the field of military and political work, skillfully owning the mastery of words. This is especially in demand in modern conditions of organization and implementation of military and political work in the Armed Forces of the Russian Federation.*

Keywords: *social control; military service; armed forces; military-political work; soldier.*

Исходной единицей вооруженных сил, солидаризированно представляющей военную услугу, является: а) воинское подразделение – отделение, взвод, рота, батальон как иерархически упорядоченные базовые элементы воинской (войсковой) части; б) воинская часть – от отдельной роты до полка: в) войсковое соединение – бригада, дивизия или корпус; г) войсковое объединение – армия, военный округ, флот, группа войск, фронт. При этом батальон и полк

представляют собой тактический, бригада и дивизия – оперативно-тактический, армейский корпус и армия – оперативный, армия (флот) и военный округ (группа) – оперативно-стратегический, группа войск и группа фронтов (в военное время) – стратегический уровни военного руководства и деятельности, т. е. деятельности органов войскового управления и непосредственно воинской деятельности военнослужащих, входящих в личный состав рассмотренных единиц.

Военнослужащие как основная (дополнительная – гражданские специалисты) социально-профессиональная группа Вооруженных Сил РФ образуют воинский коллектив, которому присуща многоуровневость: высший уровень – основной воинский коллектив непосредственно вооруженных сил страны; средний уровень – вторичные воинские коллективы от видов и родов войск до полка и батальона как тактических групп, представляющих собой верхний предел контактного межличностного общения при исполнении должностных и специальных (служебных) обязанностей; нижний уровень – первичные воинские коллективы воинских подразделений, а именно отделений, взводов, рот, батальонов.

Первичный воинский коллектив отличается от более сложных войсковых агрегаций: 1) отсутствием хозяйственно-экономической самостоятельности; 2) узкофункциональной деятельностью, военно-профессиональной (военно-статусной) однородностью; 3) отсутствием официальной иерархии и аппарата военно-социального управления при наличии единого руководителя – командира (начальника) и его заместителей (помощников); 4) контактным характером совместной воинской деятельности и преимущественно персонифицированным характером военно-социального управления; 5) большой значимостью не только формальных, но и неформальных отношений между военнослужащими, а также неофициальных способов и приемов руководства; 6) большой степенью общности интересов военнослужащих как членов субколлективов – формальных и неформальных микрогрупп; 7) наличием единого социально-психологического микроклимата, отражающего взаимный интерес и личный выбор (в основе которого лежат лидерство, престиж и сантименты) приоритетного межличностного общения, определяемого симпатиями/антипатиями участников социально-психологических взаимоотношений; 8) наличием единого мо-

рально-психологического микроклимата, отражающего единые жизненные и служебные ценности и ценностные ориентации, а также отношение к нормам-правилам воинской вежливости и воинского поведения. Уровень (глубина) и степень (распространенность) выраженности данных характеристик указывают на качественно-количественное содержание и характер, направленность и тональность морально-политического и психологического состояния первичного воинского коллектива воинской части (подразделения).

Воинский коллектив роты (батареи) как относительно самостоятельного войскового подразделения предопределяет, с одной стороны, материально-технические (применение вооружения и эксплуатация военной техники делает личный состав боевой единицей, способной выполнить относительно самостоятельные повседневные учебные, учебно-боевые и боевые задачи, что востребует необходимость слаживания его действий как в пределах подразделений, так и между ними) и бытовые (ротное хозяйство, казарменное помещение, совместный воинский – казарменный быт и т.п.) условия, а с другой – социально-психологические условия ротной среды, которой имманентно присуще оптимальное качественно-количественное соотношение межличностных контактных и персонифицированных взаимоотношений и взаимосвязей (взаимозависимостей) военнослужащих. Это два наиболее весомых аргумента, из широкого их спектра, которые позволяют не одно столетие считать, что рота – это центр управленческой работы командира (начальника) с подчиненным ему личным составом.

Воспитание воинов имеет древнюю многовековую традицию, но что касается времени с XVIII в., с момента создания Петром I регулярной армии, заменившей нерегулярные поместные войска и стрелецкие части, еще в 1766 г. императрицей Екатериной II впервые введены должности офицеров-воспитателей уставом Императорского сухопутного шляхетского кадетского корпуса. С 01.01.1874 г. завершилось комплектование Русской императорской армии и флота на основе рекрутской повинности (введенной Петром I в 1705 г.), в связи с введением всеобщей воинской повинности, которая была с 1925 г. была заменена на обязательную военную службу, с 1939 г. на всеобщую воинскую обязанность, в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) на всеобщую и добровольную мобилизацию, с 1993 г. – на

воинскую обязанность и военную службу. При этом первый нормативный документ, регламентирующий организацию воспитательной работы с нижними чинами армии и флота – это специальное приложение к Уставу внутренней службы (1910 г.). Последующее институциональное развитие воинского воспитания нашло отражение в марте 1917 г. в Постановлении Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о введении в воинских частях и органах военного управления должностей комиссаров (от лат. commissārius – уполномоченный) как представителей центральной власти (политического руководства государства), осуществляющих политическое наблюдение за личным составом. С августа 1917 г. в системе центральных органов военного управления начало свою деятельность Политическое управление Военного ведомства. Его задачей была борьба с недовольством и брожением в войсках.

Результаты анализа социально-исторической ретроспективы свидетельствуют, что в различные временные шесть этапов в содержании, методах, средствах, формах несколько изменялись приоритеты управленческой деятельности в отечественных вооруженных силах.

I этап – 1917-1991 гг. В пришедшей на смену Российской империи Республике Советов была создана армия нового типа – Красная гвардия (1917 – 23.02.1918 гг.), Вооружённые силы РСФСР (23.02.1918 – 20.12.1922 гг.), Вооружённые силы СССР (20.12.1922 – 25.12.1993 гг.). Военная услуга, профессионально оказываемая Советской армией почти за 75 лет ее существования, убедительно доказала, что аналогов в истории военного строительства такого успешного опыта не было. Немаловажную роль в этом сыграла институциональная практика партийно-политической работы (ППР) в войсках (силах) – идеологической и организаторской деятельности военных советов, командиров и политических органов (политических работников), партийных и комсомольских организаций Советской армии и Военно-морского флота. В фокусе их внимания находились воинские коллективы и военнослужащие. Внутрипартийная, политико-просветительная, административно-политическая и организационно-политическая работы как слагаемые зародившейся в годы Гражданской войны (23.02.1918 – 19.06.1923 гг.) партийно-политической работы заложили основы теории и практики воспитания военнослужащих. В 60-80-х гг. XX в. в системе ППР посредством идео-

логической, идейно-воспитательной, агитационно-массовой и организационной деятельности среди военнослужащих доводилась до них государственная политика, политика партии. В числе приоритетных решаемых задач были – сплочение личного состава вокруг государственно-партийных идей и идеалов, воспитание военнослужащих, формирование у них высоких морально-политических и боевых качеств, поддержание крепкой воинской дисциплины, мобилизация их на достижение высоких результатов и успехов в службе. Вся система ППР была построена на специализированном виде управленческой деятельности – агитации (от лат. agitatio – приведение в активность) как максимально действенного средства воздействия на других. Его социальная значимость наиболее ярко запечатлена в выражении того времени: «Не надо меня агитировать за Советскую власть» (доказывать элементарные и понятные истины). Агитационные речи и плакаты были одними из наиболее эффективных инструментов пропаганды.

II этап – 11.01-29.08.1991 г. Во время масштабных перемен в государственной идеологии общества, реформирования его экономической и политической сфер жизнедеятельности посредством гласности, перестройки и партийной демократии (1985-1991 гг.) М.С. Горбачева было запущено ускорение социально-экономического развития страны, которое предполагало, с одной стороны, эффективное использование достижений научно-технического прогресса, а с другой – активизацию человеческого капитала (фактора). Раскрытие его интенсификационного потенциала имело как явные позитивные, так и латентные негативные последствия, в том числе и вооруженных силах. Гласность и демократизация армейской жизни, являясь полумерой, не смогли заложить основы формирования конструктивной и созидательной гражданской инициативы, активности и самоорганизации среди военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, а, наоборот, инициировали желание нарушать воинскую дисциплину, интегрировать опыт «дедовщины», вместо наставничества, в воинских коллективах. В результате всплеска неуставных взаимоотношений между военнослужащими как снежный ком, катящийся с горы, стремительно начали распространяться уклонения от военной службы и другие негативные явления армейской и флотской жизни.

В целях восстановления уставного порядка и укрепления воинской дисциплины в воинских коллективах частей (под-

разделений) одной из наиболее объективно востребованных мер было реформирование во всех силовых структурах политических органов в военно-политические органы, с последующим изменением содержания их деятельности. Так, институциональными ориентирами военно-политической работы (ВПР, версия – 1.0) 1991 г. стали: 1) воспитание военнослужащих; 2) воинская дисциплина; 3) морально-политическое и психологическое состояние личного состава; 4) политическое обеспечение боевой и мобилизационной готовности войск; 5) политическое обеспечение выполнения боевых задач; 6) социальная защита военнослужащих, а также рабочих и служащих армии и флота, в том числе членов их семей. При этом спектр военно-политической работы образовали более чем 20 задач, такие как: проведение (пропаганда) политики государства в области обороны и безопасности; обеспечение выполнения задач боевой, мобилизационной готовности и боевой подготовки; взаимодействие с органами государственной власти и управления; организация воспитательной работы с личным составом, на основе учета особенностей политических взглядов, национальных особенностей и отношения к религии; организация политической, правовой и морально-психологической подготовки военнослужащих; формирование у военнослужащих верности конституционному долгу и социалистическому выбору; формирования патриотизма и интернационализма военнослужащих, их готовности к защите страны; укрепление воинской дисциплины и предупреждение правонарушений среди личного состава; сплочение многонациональных воинских коллективов; обеспечение условий для безопасности военной службы; участие в подготовке граждан к военной службе; осуществление государственной молодежной политики в войсках; обеспечение духовного и культурного развития личного состава; взаимодействие с представителями политических партий, массовых движений и других общественных объединений; сотрудничество с военными, государственными и иными СМИ; разработка военной проблематики общественных наук; преподавание социально-политических и гуманитарных дисциплин в военных вузах; обеспечение соблюдения принципов социальной справедливости в отношении военнослужащих, рабочих и служащих, членов их семей; обеспечение демократизации военно-служебных отношений; организация оказания юридической

помощи; проверка выполнения в войсках законов и иных правовых актов по социальной и правовой защите личного состава[1]. В прямой постановке реализация заместителями командиров по ВПР поставленных задач была прервана, но многие из них впоследствии решались в новом формате управленческой работы.

III этап – 1991-1994 гг. Исторически значимые события 1991 г., связанные с кардинальной трансформацией социально-экономического и государственно-политического курса страны, внесли коррективы в общественную жизнедеятельность страны и как следствие в ее вооруженные силы, содержание и формы государственного и военного управления ими. Процессы департизации, деидеологизации и декоммунизации сфер общественной жизнедеятельности «вынудили» принять компромиссное решение – ввести систему работы с личным составом армии и флота (версия – 1.0.), в сущности работы с персоналом, но с минимальной опорой на отечественные традиции военного обучения и воинского воспитания советского периода.

Запрет и игнорирование предшествующего опыта нанесли ущерб, что снизило роль патриотической идеологии как идеи, сплачивающей россиян, в том числе личный состав армии и флота. Тем не менее офицеры по работе с личным составом в пределах своих полномочий решали главную задачу воспитания – сформировать у личного состава моральную и психологическую готовность: а) к защите Отечества; б) в верности конституционному и воинскому долгу; в) к воинской дисциплине и дисциплинированности; г) к гордости и ответственности за принадлежность в вооруженным силам страны. Командиры (начальники), опираясь на общечеловеческие ценности и лучшие образцы мировой и национальной культуры, многовековые нравственные устои, воинские традиции, примеры патриотизма и уважительного отношения к народам и народностям многонационального российского общества, за счет единства обучения и воспитания, индивидуального подхода создавали условия, с одной стороны, для роста профессионального мас-

[1] См.: Указ Президента СССР от 11.01.1991 г. № УП-1306 «Об утверждении общего положения о военно-политических органах». КонсультантПлюс / Официальный сайт, 2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4375#045065805008358595 (дата обращения: 01.02.2019).

терства, а с другой – для всестороннего нравственного, духовного и физического развития военнослужащих[1].

Повышая эффективность воспитания в армии и на флоте посредством общественно-государственной подготовки, которая рассматривалась как часть учебно-воспитательного процесса и как средство поддержания высокого уровня морально-психологического состояния личного состава, руководители групп при рассмотрении социально-политических, экономических и правовых вопросов формировали готовность военнослужащих к защите Отечества, верность воинскому долгу, дисциплинированность, гордость и ответственность за принадлежность к Вооруженным Силам РФ. При этом, если знаниевой основой являлась информация об отечественной истории, традициях армии и флота, государственном и военном строительстве, военной педагогике и психологии, действующем законодательстве, достижениях многонациональной культуры народов страны, практике обучения и воспитания военнослужащих, то материальной – ресурсы гарнизонных Домов офицеров, войсковых музеев и комнат боевой славы, клубов и библиотек воинских частей, территориальных учреждений науки, культуры и искусства[2].

IV этап – 1994-2010 гг. Если департизация армии и флота была объективно востребована вследствие утверждения многопартийности (недопустимо, чтобы партийная идеология, принадлежность раскалывали воинские коллективы), то «деполитизация» – это вирус, внесенный в вооруженные силы в целях их последующего разложения, разрушения, уничтожения. Неотъемлемый атрибут большинства современных государств – легитимация вооруженной силы как средства обеспечения военной безопасности. Она связана с одобрением нормативно допустимого применения военно-силовых методов при отстаивании национальных интересов. Так как война – это продолжение политики силовыми методами и средствами (вооруженными силами), то армия является политическим институтом, удовлетворяющим общественные потребности –

[1] См.: Приказ Министра обороны РФ от 26.09.1992 г. № 164 «Об организации воспитания личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации»

[2] См.: Приказ Министра обороны РФ от 08.05.1993 № 250 «Об организации общественно-государственной подготовки личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации» КонсультантПлюс / Официальный сайт, 2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=511527#01845480481228294 (дата обращения: 01.02.2019).

оборона и защита Отечества, поддержание конституционного строя (порядка) государства и легально избранные гражданами органы государственной власти, сохранение социально-политической стабильности и устойчивого развития политической системы. В связи с этим, в управленческой деятельности командиров (начальников) институционально закреплено приоритетное направление – воспитательная работа (ВР) с военнослужащими, гражданским персоналом и членами их семей. Она организовывалась и реализовывалась на основе: во-первых, идей российского государственного патриотизма; во-вторых, формирования верности воинскому долгу; в-третьих, развития готовности военнослужащего защищать интересы России. При этом содержательным стержнем воспитательной работы стало проведение в войсках (силах) государственной политики и ее разъяснение.

Посредством воспитательной работы важно было сформировать у военнослужащих базисные качества: 1) гражданина-патриота; 2) военного профессионала; 3) надежного защитника Отечества; 4) воинского должностного лица, ответственного за выполнение поставленных ему задач. Применение в воспитательной работе дифференцированного подхода позволило сосредоточить усилия на важных направлениях, с учетом социально-демографических и военно-профессиональных особенностей военнослужащих, а именно: с офицерами и прапорщиками (мичманами); с солдатами, матросами, сержантами и старшинами, проходящими военную службу по контракту и по призыву; с военнослужащими-женщинами и со слушателями, курсантами; с гражданским персоналом и с членами семей военнослужащих[1].

Состояние законности, правопорядка и воинской дисциплины, уставных взаимоотношений между военнослужащими в частях (подразделениях), а также участившиеся случаи личностно деструктивного (аморального, аддиктивного) или девиантного (делинквентного) поведения агрессивной и корыстной ориентации востребовали необходимость повышения эффективности воспитательной работы среди различных категорий личного состава Вооруженных Сил РФ. Институциональными регуляторами в войсковой практике

[1] См.: Приказ Министра обороны РФ от 03.06.1995 г. № 235 «О совершенствовании системы воспитательной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации». Сайт, 2019. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=79344 (дата обращения: 01.02.2019).

стали утвержденные положение об органах воспитательной работы Вооруженных Сил РФ, основные обязанности должностных лиц органов воспитательной работы воинской части и непосредственно концепция воспитания военнослужащих Вооруженных Сил РФ[1].

На этом этапе воспитательная работа должна была быть не только системой мероприятий, таких как информационно-пропагандистские, индивидуально-психологические, правовые, социально-экономические, морально-этические, культурно-досуговые, спортивно-массовые и иные, проводимые с учетом: а) социально-экономической и общественно-политической, религиозной и информационной обстановки в районе дислокации воинской части (подразделения); б) особенностей комплектования и содержания подготовки (уровня подготовленности) военнослужащих Вооруженных Сил РФ; в) морально-психологического состояния личного состава воинских коллективов. Вторая ее грань – единство и согласованность действий всех субъектов воспитания, целенаправленных на формирование у военнослужащих необходимых морально-боевых качеств. При этом, воспитательная работа, проводимая в повседневной деятельности войск (сил) должна стать основой морально-психологического обеспечение войск (сил) при выполнении боевых задач[2]. В связи с этим, наряду с боевой, командирской и профессионально-должностной подготовкой общественно-государственная подготовка становилась не только одним из основных предметов обучения личного состава, но и важнейшей формой государственно-патриотического и воинского, нравственного и правового, эстетического и иного воспитания[3].

---

[1] См: Приказ Министра обороны РФ от 11.03.2004 г. № 70 «Об органах воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации». КонсультантПлюс / Официальный сайт, 2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=348892#06732116102983479 (дата обращения: 01.02.2019).

[2] См: Приказ Министра обороны РФ от 28.02.2005 № 79 «О совершенствовании воспитательной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации». КонсультантПлюс / Официальный сайт, 2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=349455#01363 7701104843147 (дата обращения: 01.02.2019).

[3] См.: Приказ Министра обороны РФ от 12.05.2005 № 170 «Об организации общественно-государственной подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации» КонсультантПлюс / Официальный сайт, 2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=352650#0 7179640498995337 (дата обращения: 01.02.2019).

V этап – 2010-2018 гг. Войсковая практика армии и корабельная практика флота объективно нуждалась в реформировании. Органам государственного и военного управления безотлагательно требовалось проводить реформу Вооружённых Сил РФ. Так, на I этапе (2008- 2011 гг.) – этапе организационно-штатных мероприятий оптимизировалась численность личного состава и военное управление воинскими частями, реформировалась система военного образования. На II этапе (2012- 2015 гг.) – этапе военно-социальных мероприятий рационализировалось и повышалось денежное довольствие военнослужащих, активизировалось обеспечение их постоянным и служебным жильём, расширились возможности профессиональной переподготовки и повышения квалификации. На III этапе (2016-2020 гг.) – этапе военно-технических мероприятий воинские части оснащаются современным вооружением и военной техникой, располагают мобилизационным резервом, получают доступ к производственно-логистическим комплексам и др.

Прекращение девальвации статуса офицерского корпуса стало возможным благодаря повышению роли военнослужащих-контрактников и института сержантов, однако актуализировало ряд проблем, связанных с недостаточно эффективной системой комплектования как по призыву, так и по контракту, а также системой воспитательной работы. В связи с этим вводимая вновь работа с личным составом (версия 2.0) по-прежнему представляла собой работу с персоналом, но в основе которой лежал психолого-педагогический потенциал обучения и воспитания, являлась системой взаимосвязанных организационных и информационно-пропагандистских, психологических и социальных, правовых и культурно-досуговых мероприятий, формирующих, с одной стороны, необходимые военно-профессиональные качества военнослужащих, а с другой – моральную и психологическую готовность к выполнению должностных и служебных задач по функциональному предназначению.

Так, система работы с личным составом была сфокусирована на решение 9 (девяти) актуальных задач, таких как – поддержать востребованный уровень морально-психологического состояния военнослужащих, сформировать у них государственно-патриотическое сознание, приобщить к системе воинских корпоративных ценностей и традиций, повысить мотивацию на профессиональный рост, сформиро-

вать стремление к добросовестной и высокоэффективной должностной, служебной и боевой деятельности, обеспечить востребованный уровень правопорядка в воинских частях, укрепить воинскую дисциплину в воинских коллективах, сформировать правовую культуру, создать условия для удовлетворения информационных, культурных и духовных потребностей, обеспечить реализацию установленных законодательством РФ прав и социальных гарантий[1].

VI этап – 2018 – н/время. Интенсивный характер развития Вооруженных Сил РФ, выход их на лидерские позиции в военно-технической сфере породили потребность в социальном развитии человеческого капитала – военнослужащих, знающих и понимающих, одобряющих и поддерживающих, осознанно и добровольно реализующих государственную политику, с учетом актуальных и перспективных вызовов и угроз в геополитической и международной, а также военно-политической сферах. Одним из институциональных инструментов, посредством которого можно решить данную задачу, явилась восстановленная с изменениями система формирования политического сознания военнослужащих – военно-политическая работа. Современный международный опыт и войсковая практика показали, что без нее обеспечить военную безопасность затруднительно или даже невозможно.

На современном этапе при организации военно-политической работы (ВПР) с личным составом воинских частей (подразделений) руководствуются институциональными целевыми приоритетами, такими как: реализация государственной политики в области обороны; поддержание в воинских подразделениях и частях видов и родов войск Вооруженных Сил РФ как морально-политического и психологического состояния, так и правопорядка и воинской дисциплины; формирование как идейно убежденной личности военнослужащего и сплоченности воинских коллективов частей (подразделений), способных к выполнению повседневных, учебных, учебно-боевых и боевых задач по предназначению в любых условиях; согласование усилий и деятельности военно-политических работников и органов в пределах их полномочий.

[1] См.: Приказ Министра обороны РФ от 12.10.2016 № 655 «Об организации работы с личным составом в Вооруженных Силах Российской Федерации» КонсультантПлюс / Официальный сайт, 2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=680435&dst=100282#03308603219107775 (дата обращения: 01.02.2019).

При этом в спектр военно-политической работы входят 13 наиболее актуальных задач, в числе которых: совершенствование военно-политической работы с личным составом и его военно-политической подготовки (подготовленности); профессионально-должностная подготовка кадров военно-политических органов – заместителя командира по ВПР; поддержание воинской дисциплины и профилактика правонарушений среди военнослужащих; организация военно-политической пропаганды и агитации в воинской части (подразделении); организация военно-патриотической работы в воинской части (подразделении); организация военно-социальной работы в воинской части (подразделении); организация культурно-досуговой работы в воинской части (подразделении); организация психологической работы в воинской части (подразделении); организация работы с традиционными религиозными объединениями (в целях реализации права на свободу вероисповедания); обеспечение деятельности гражданской (войсковой) общественности (от Общественного совета при Министерстве обороны до общественности воинской части, подразделения); организация работы с ветеранскими и иными общественными объединениями; организация обеспечения воинской части (подразделения) средствами (материально-техническими и др.), оборудованием (полиграфическим и др.) и имуществом (культурно-досуговым, культурно-просветительским и др.); организация геральдического (знаково-символического) обеспечения воинской части (подразделения)[1].

Организационное и информационное ядро ВПР образует военно-политическая подготовка, представляющая собой систему учебных занятий и базовую форму воспитания – военно-политического и государственно-патриотического, воинского и правового, нравственного и эстетического. Целевой ориентир ее организации и реализации – сформировать у военнослужащих: а) высокий уровень военно-политического сознания и культуры; б) высокий уровень морально-политической и психологической готовности к выполнению возложенных задач (обязанностей) на воинский кол-

[1] См.: Приказ Министра обороны РФ от 16.10.2018 № 585 «О Главном военно-политическом управлении Вооруженных Сил Российской Федерации / Минобороны России. Официальный сайт, 2019. URL: https://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=12375@egOrganization (дата обращения: 01.02.2019).

лектив от части (подразделения) до Вооруженных Сил РФ; в) качества воина-государственника и патриота, а также высоконравственной личности; г) сознательность и ответственное отношение как к воинскому долгу (воинской обязанности, обязанностям военной службы, должностным и служебным обязанностям), так и к исполнению требований законодательных и иных нормативных правовых актов РФ, в том числе Общевоинских уставов ВС РФ и воинской дисциплины. При этом содержательно-информационное поле военно-политической подготовки образуют 8 (восемь) наиболее социально значимых вопросов – государственное (военное) строительство и предназначение вооруженных сил по отражению угроз национальной безопасности, отечественная история и традиции армии (флота), военная педагогика и психология, нормы морали и воинской этики, законодательство РФ и нормы международного гуманитарного права. Эти вопросы органично интегрированы с профессионально-должностной подготовкой офицеров и прапорщиков (мичманов), должностной и боевой подготовкой сержантов (старшин), а также боевой подготовкой солдат (матросов)[1].

Таким образом, становление военно-политической работы в воинской части (подразделении) как социального института и ее организация в войсковой практике максимально эффективно позволят осуществить мотивацию, профилактику, агитацию и пропаганду. Синергетический и мультипликативный эффект управленческой деятельности в рамках данных направлений способен обеспечить соответствие военно-социальной (формальной и неформальной) организации уровню военно-технической организации, т. е. соответствие профессионально-должностных и квалификационно-компетентностных взаимоотношений между военнослужащими уровню поступающей на вооружение в виды и рода войск военной (боевой) и иной техники, а также оружия.

[1] См.: Приказ Министра обороны РФ от 22.02.2019 № 95 «Об организации военно-политической подготовки в Вооруженных Сил Российской Федерции / Минобороны России. Официальный сайт, 2019. URL: https://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=12375@egOrganization (дата обращения: 06.03.2019).

С.А. ЗУБКОВ
доктор философских наук, профессор
Российского университета транспорта (МИИТ)*

А.И. ПАНОВ
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политологии и права
Московского государственного областного
университета (МГОУ)**

Неолиберальный и мир-системный анализ политической роли международных финансовых институтов

В статье даётся неолиберальный и мир-системный анализ политической роли международных финансовых институтов в условиях глобализации и наметившихся непреодолимых противоречий в этом процессе.

Ключевые слова: *анализ, неолиберализм, политика, финансовые институты, банки, принципы, фонды.*

Zubkov S.A., Panov A.I. Neoliberal and world-system analysis of the political role of international financial institutions. *The article provides a neoliberal and world-system analysis of the political role of international financial institutions in the context of globalization and the emerging insurmountable contradictions in this process.*

Keywords: *analysis, neoliberalism, politics, financial institutions, banks, principles, funds.*

Значительное место в современной общественно-политической дискуссии занимает обсуждение роли международных финансовых институтов (МФИ), включающих Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ) и Всемирную торговую организацию (ВТО). Этот вопрос воз-

* Зубков Сергей Александрович, e-mail: zubkoff@mail.ru
** Панов Анатолий Иванович, e-mail: ponchik.92@bk.ru

ник в связи с тем, что МФИ во второй половине XX в. приобрели функции не только финансовых институтов, но и акторов мировой политики, что проявляется при предоставлении кредитов на программы структурной перестройки и либерализации экономик, при оказании помощи для устранения последствий финансовых кризисов.

Также МФИ оказывают косвенное, но существенное воздействие на внутриполитические процессы современных стран. Во-первых, механизм обусловленности кредитования, применяемый МВФ, в обмен на получение кредита предполагает проведение комплекса реформ, затрагивающих прежде всего расходы в госсекторе и объемы социальных выплат, что приводит к повышению социальной напряженности, фрустрации и депривации части населения и как следствие к внутриполитическим конфликтам.

Во-вторых, сама перспектива получения кредита МВФ зачастую способствует ужесточению политического курса правительства страны-заёмщика, готового идти ради получения этих средств на самые жёсткие меры.

Наряду с этим мировые финансовые кризисы, вызванные применением неолиберальной модели экономики, проводником которой выступают МФИ, обусловили необходимость поставить вопрос о перспективах их развития.

Актуальность статьи в том, что в ходе дискуссии о политической роли МФИ в современной общественно-политической мысли сформировался ряд подходов, среди которых выделяются неолиберальный и мир-системный.

Неолиберальный подход в исследовании политической роли международных финансовых институтов

Неолиберальный подход в исследовании МФИ основывается на идеях глобализации и глобального управления. Глобализация с точки зрения представителей данного подхода является качественно новым этапом в развитии международного сообщества, когда отдельные общества-государства вследствие усиления международной экономической интеграции сливаются в единую систему, формируют глобальное производство, глобальный рынок и глобальную культуру.

Возникновение феномена глобального управления представители неолиберального подхода связывают с тенденцией постепенного развития наднациональных политических инс-

титутов, в которых концентрируется суверенитет, ранее принадлежавший государствам. Эта тенденция усматривается в переходе от Вестфальской системы к «европейскому концерту» XIX в., Лиге наций и ООН и должна со временем привести к образованию «мирового государства» или «транснационального государства»[1]. В подтверждение правильности этого наблюдения обычно указывают на образование Бреттон-Вудских институтов (МВФ, ВБ), преобразования ГАТТ в ВТО, деятельность Трёхсторонней комиссии и т.д.[2].

С точки зрения Дж. Ботона и К. Брэдфорда, глобальное управление – это процесс «совместного руководства, объединяющий национальные правительства, многосторонние государственные учреждения и гражданское общество для достижения общих целей. Оно обеспечивает стратегическое направление и руководит коллективными усилиями по решению глобальных задач. Для того чтобы быть эффективным, глобальное управление должно быть комплексным, динамичным и способным охватить национальные и секторальные границы и интересы. Оно должно действовать путём применения «мягкой силы», а не «жёсткой силы». Оно должно быть демократичным, а не авторитарным, действовать в рамках открытого политического, а не бюрократического процесса и носить скорее интегративный, чем специализированный характер»[3].

В качестве важнейших институтов глобального управления Н. Вудс рассматривает МВФ и ВБ в работе «Глобализаторы: МВФ, Всемирный банк и их заёмщики» (2013)[4]. С её точки зрения эти институты были созданы основателями с целью смягчения дефектов рыночного регулирования и неблагоприятных последствий капитализма. Они призваны содействовать сбалансированному росту международной торговли, установлению определённых стандартов жизни, стимулированию трудоустройства и как следствие росту реальных доходов населения.

---

[1] *Robinson W.* Global capitalism and its anti-human face: organic intellectuals and interpretations of the crisis // Globalizations, 2013, vol. 10, N 5, p. 659-671.

[2] *Boli J., Thomas M.* World culture in the world politu // American Sociological Review, 1997, vol. 62, N 2, p. 171-190.

[3] *Ботон Дж., Брэдфорд К.* Глобальное управление: новые участники, новые правила // Финансы&развитие, декабрь 2007 г., с.11.

[4] *Woods N.* The Globalizers: The IMF, the World Bank and Their Borrowers. Ithaca: Cornell University Press, 2013.

Н. Вудс указывает на три силы, движущие МВФ и ВБ в рамках осуществления ими своих задач: (1) цели и задачи влиятельных государств; (2) бюрократические мотивы внутри организации; и (3) желание и границы возможностей политических деятелей в странах-должниках. Она не подвергает сомнению характер и содержание глобального управления и утверждает, что глобальное управление «придаёт большое значение демократическим ценностям представительства и подотчётности»[1].

После кризисов мировой экономики в 1998 и в 2008 гг., в возникновении которых МФИ сыграли немаловажную роль, представители неолиберального подхода много внимания уделяют вопросам реформирования этих институтов глобального управления.

Одним из первых эти вопросы поднял Дж. Сорос. Он отмечал, что, «говоря о необходимости реформирования международной финансовой архитектуры, мы в первую очередь имеем в виду роль международных финансовых институтов, особенно Международного валютного фонда и Всемирного банка»[2].

Вопросам реформирования МФИ посвящена книга Дж. Стиглица «Глобализация: тревожные тенденции». Обосновывая необходимость этих мер, он констатирует: «К сожалению, у нас нет мирового правительства, ответственного за народы всех стран, чтобы контролировать процесс глобализации. Вместо этого у нас есть система, которую можно назвать глобальным управлением без глобального правительства, такая, в которой кучка институтов – Всемирный банк, МВФ, ВТО – и кучка игроков – министерства финансов, внутренней и внешней торговли, тесно связанные с финансовыми и коммерческими интересами, – доминируют на сцене, но при этом огромное большинство, затрагиваемое их решениями, остается почти безгласным»[3].

Дж. Стиглиц формулирует следующий подход к реформированию МФИ: «Настало время изменить некоторые правила, управляющие мировым экономическим порядком, пе-

---

[1] Ibid., p. 11.

[2] *Сорос Дж.* Открытое общество. Преобразование мирового капитализма / Пер. с англ. к.э.н. С. Афонцева. Нью-Йорк: Общественные отношения, 2000, гл. 10.

[3] *Стиглиц Дж. Ю.* Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. и примеч. Г.Г. Пирогова. М.: Мысль, 2003, с. 41.

ресмотреть процедуры принятия решений на международном уровне. Глобализация может быть перестроена, и когда это произойдёт, когда все страны получат право голоса при определении затрагивающей их политики, тогда возникнет возможность создать новую глобальную экономику, в которой не только рост окажется более устойчивым и менее изменчивым, но и его плоды будут распределяться более справедливо»[1].

Свою книгу Дж. Стиглиц заканчивает призывом: «Развитым странам нужно сделать свою часть работы по реформированию международных институтов, управляющих глобализацией. Мы создали эти институты, и мы должны работать над тем, чтобы их перестроить»[2].

В марте 2000 г. в Конгресс США был направлен доклад Консультационной комиссии по международным финансовым институтам с предложениями радикальных структурных изменений МФИ, включавшими в себя следующее:

- функцией МВФ должно стать предотвращение финансовых кризисов и разрастания тех из них, которые всё же возникают. Предотвращение кризисов не означает, что МВФ будет продолжать «перекупать» всех кредиторов или выдавать крупные ссуды на поддержание искусственных обменных курсов, или диктовать политику, которой должны следовать страны-клиенты. Займы МВФ не должны тратиться на структурные реформы в финансовых институтах государств-получателей. Фонд должен давать рекомендации, но их не следует увязывать с оказанием помощи. Фонд также должен отслеживать причины и выявлять характер (краткосрочный или системный) проблем платёжных балансов государств;

- миссия банков развития – Всемирного банка и региональных банков развития – должна включать в себя четыре элемента: содействие социально-экономическому развитию (в том числе реформирование национальных финансовых институтов); повышение качества жизни; сокращение бедности; обеспечение поставки товаров и услуг для населения на глобальной и региональной основе;

[1] Там же.
[2] Там же, с. 290.

- необходимо предпринять шаги для решения проблемы дублирования функций между Всемирным банком и региональными банками развития[1].

Предложения по реформированию МВФ и ВБ сформулировала Н. Вудс в уже упоминавшейся работе «Глобализаторы: МВФ, Всемирный банк и их заемщики». В заключительной части этой работы содержится ряд конкретных мер для увеличения ответственности и прозрачности этих институтов:

- сбалансирование полномочий плательщиков и принятие решений квалифицированным большинством для большей вовлеченности других участников;

- обнародование записей собраний совета и подотчётность парламентам с целью повышения прозрачности;

- реформа выборов руководства и пересмотр методов стимулирования персонала с целью увеличения легитимности организаций[2].

Мир-системный подход в исследовании политической роли мировых финансовых институтов

Согласно подходу к исследованию МФИ, который сформировался в рамках мир-системного анализа (МСА), глобализация как аналитическое понятие является бессмысленной и не способствует адекватному осмыслению современной социальной реальности. С точки зрения наиболее авторитетного современного представителя МСА И. Валлерстайна, состояние как бы доказанной глобализации – обман, навязанный нам властными группировками: «Это утверждение, из-за которого мы не придаём значения истинному вокруг нас и неправильно понимаем тот исторический переломный период, во время которого мы живём. … это период перехода, … когда вся мировая капиталистическая система превращается в нечто иное. Будущее, которое вовсе не является неизбежным и безальтернативным, определяется

[1] *Мелцер Алан Х.* Реформирование международных финансовых институтов: план обеспечения финансовой стабильности и экономического развития // Электронный журнал Государственного Департамента США, 2004, № 7, вып. 12.

[2] *Woods N.* The Globalizers: The IMF, the World Bank and Their Borrowers.

именно в этом переходном периоде, последствия которого в высшей степени неясны»[1].

Также в МСА скептически оцениваются перспективы глобального правления в сторону вытеснения национальных государств наднациональными институтами, включая МФИ. И. Валлерстайн рассматривает развитие феномена глобального правления как проявление тенденции возрастания сложности, масштаба и власти США, выступающих в качестве центра капиталистической мир-экономики. Он обосновывает положение о том, что «глобальное правление» не может рассматриваться как итог упадка сильных государств в результате подъёма мощных наднациональных организаций. Здесь имеется обратная связь: наднациональные организации существуют, поскольку существуют мощные государства, которые их поддерживают[2].

В ряде своих работ И. Валлерстайн анализирует основные этапы эволюции МФИ как средства доминирования США в капиталистической мир-экономике во второй половине XX – начале XXI в.

Возникновение и становление МФИ происходило в период 1945-1955 гг. и совпало с пиком гегемонии США в мировой системе. Выражением этой гегемонии являлся мировой порядок, способный решать проблему мировой стабильности, которая была необходима США, чтобы получать прибыль от их экономического преимущества. Он также должен был поддерживать некоторый эффективный спрос в мировой экономике для того, чтобы кто-нибудь мог купить продукцию американских процветающих предприятий.

Как отмечает И. Валлерстайн, установленный США мировой порядок вплоть до конца 60-х гг. XX в. справлялся с обеими этими проблемами: «Проблема мирового порядка была решена в двух направлениях. С одной стороны, были созданы международные учреждения, такие как Организация Объединенных Наций, Международный валютный фонд и Мировой Банк, которые США могли контролировать политически, и которые обеспечивали формальные структуры порядка. С другой стороны, что более важно, США и СССР –

[1] *Валлерстайн И.* Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии [Электронный ресурс], 2000, № 2, с. 14. Режим доступа: http://www.inesnet.ru/article/

[2] См.: *Wallerstein I.* Response: declining states, declining rights // International Labor and Working Class History,1995, N 1, p. 24-27.

единственная кроме США серьёзная военная сила в послевоенном мире – пришли между собой к соглашению на Ялтинской (Крымской) конференции 4-11 февраля 1945 года»[1].

Новый этап в эволюции МФИ И. Валлерстайн отмечает в 80-е гг. XX в., которые в мире характеризует неолиберальное наступление. Его возглавляли правые правительства США и Великобритании (Рейгана и Тэтчер) а также МВФ и Всемирный банк, совместными усилиями создавшие то, что было названо «Вашингтонским консенсусом», и обещавшие возобновление экономического роста для всех и выход из ситуации мировой экономической стагнации. Действительные успехи были невелики, поэтому неолибералы «решительно вышли на международную арену. Заседания Всемирного экономического форума в Давосе стали основой для встреч элиты и СМИ. МВФ превратился в клуб министров финансов и управляющих центральными банками. А Соединённые Штаты настаивали на создании ВТО, чтобы коммерческие потоки не зависели от государственных границ»[2].

90-е гг. XX в. в истории МФИ И. Валлерстайн рассматривает в рамках осуществления усилий США по институциализации неолиберального мирового порядка: «На его основной инструмент – Всемирную торговую организацию – возлагалась ответственность за открытие границ стран Юга для торговых и финансовых потоков с Севера при соблюдении прав интеллектуальной собственности. Первым геополитическим достижением США здесь стало подписание Североамериканского соглашения о свободной торговле, которое вступило в силу 1 января 1994 г. Страны бывшего социалистического блока, включая Россию, начали оргию приватизации и дерегулирования. То же происходило во многих государствах Юга»[3].

Однако эти усилия США не имели успеха. В 1999 г. встреча ВТО в Сиэтле, на которой должны были быть выработаны чёткие правила неолиберального мирового экономического порядка, была сорвана широкими выступлениями преимущественно американских общественных дви-

---

[1] *Валлерстайн И.* Указ. соч., с. 14-26.

[2] *Валлерстайн И.* Орел пошел на аварийную посадку // Литературно-художественный журнал Логос [Электронный ресурс], 2003, № 2. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/logos/2003/2

[3] *Wallerstein I.* The Curve of American Power // New Left Review, July – August 2006, № 40, p. 79.

жений. В следующие годы другие международные встречи сопровождались подобными выступлениями протеста[1].

И. Валлерстайн отмечает продолжение попыток США в начале XXI в. укрепить позиции неолиберального мирового порядка с помощью МФИ. Они включали в себя переговоры внутри ВТО, которые инициировала администрация Буша, и предложение Вашингтона создать зону свободной торговли Америк.

Однако эти попытки столкнулись с противодействием со стороны бразильского и других правительств Юга. На встрече ВТО в Канкуне в 2003 г. Бразилия присоединилась к Южной Африке, Индии и Китаю, чтобы образовать «Большую двадцатку» для ведения переговоров с Соединенными Штатами и Западной Европой. Основная позиция этой «Большой двадцатки» заключалась в том, что если Юг должен открыть свои границы для торговых и финансовых потоков с Севера и защищать права на интеллектуальную собственность северных фирм, Север в свою очередь должен открыть свои границы для торговых потоков с Юга в таких отраслях, как текстиль и сельское хозяйство. По внутриполитическим причинам Соединённые Штаты и Западная Европа отказались принять такие требования. «Большая двадцатка» ответила, что в этом случае она не может согласиться с требованиями Севера. В результате переговоры зашли в тупик, тем самым показав неспособность ВТО продавливать выполнение своих неолиберальных задач[2].

Перспективы дальнейшей эволюции МФИ И. Валлерстайн рассматривает с учётом падения могущества США и порождённого им мирового экономического порядка: «На арене мировых финансов господство американского доллара, скорее всего, сойдёт на нет, уступив место многовалютной системе. Очевидно, что евро и иена станут наиболее распространёнными средствами финансового накопления и товарного обмена. Вопрос в том, присоединятся ли к ним другие валюты и как рост числа валют, используемых в реальном мире, повлияет на баланс и изменчивость состояния валютной системы»[3].

[1] Ibid., p. 84.
[2] Ibid., p. 90.
[3] Ibid.,p. 94.

Новизна исследуемого материала в том, что проведённый анализ неолиберального и мир-системного подходов в исследовании политической роли МФИ позволяет дать им сравнительную характеристику, которую демонстрирует следующая таблица.

Критерии сравнения	**Неолиберальный подход**	**Мир-системный подход**
МФИ как предмет обсуждения	МФИ как инструмент глобального управления	МФИ как элемент капиталистической мир-экономики (КМЭ)
Социальный контекст деятельности МФИ	Эпоха конца истории, победа демократии и рыночной экономики	Структурная глобализация, т.е. увеличение пространственного масштаба КМЭ, плотности и интенсивности сетей взаимодействия в ней
Влияние МФИ на общественное развитие	Деятельность МФИ способствует модернизации стран Юга, преодолению их отсталости	Деятельность МФИ усиливает кризис КМЭ, которая достигла пределов структурной экспансии
Перспективы развития МФИ	Деятельность МФИ ведет к формированию мирового правительства	МФИ прекратят свою деятельность после распада КМЭ. Этот процесс не описывается в силу слишком большого уровня неопределенности
Отношение к деятельности МФИ	Апологетическое, защита принципов Вашингтонского консенсуса, которые лежат в основе деятельности МФИ на современном этапе	Критическое раскрытие тех сторон деятельности МФИ, которые демонстрируют кризис КМЭ и процесс ее распада

Таким образом, Бреттон-вудская система стала принципиально новым этапом развития режимов международного политического и финансового регулирования. Но она не стала конечным пунктом в поиске новых форм регулирования развития глобализма, каковыми, например, стали нео-

либеральный и мир-системный анализ политической роли международных финансовых институтов. Политические факторы в деятельности международных финансовых институтов продолжают играть если и не главенствующую роль, то во всяком случае весьма важную. Неолиберальный подход в исследовании МФИ, основываясь на идеях глобализации и глобального управления, также подвергается модернизации. Влияние этих факторов всё усиливается, особенно в связи с неослабевающей деятельностью США в борьбе за роль мирового лидера и в связи с появлением новых политико-экономических акторов на мировой арене.

Показано, что в период расцвета функционирования Бреттон-вудской мировой валютной системы МВФ и Всемирный банк сыграли важную роль как акторы мировой политики и регуляторы системы фиксированных валютных курсов, но не смогли предотвратить появление новых прямых угроз в виде международного терроризма и не учли бурный экономический рост, а также политическое стремление к национальной идентификации вместо глобализации многих государств мира.

Данный материал может быть использован при разработке оптимальных решений в определении новой политической роли международных финансовых институтов.

М.М. СИМОНОВА
кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления персоналом
и психологии Финансового университета
при Правительстве РФ*

Особость русских в семье европейских народов

В статье предлагается объяснение особенностей формирования русского национального характера. Русские всегда ощущали свою особость в семье европейских народов, и такое положение имеет многовековую традицию. Современное состояние России невозможно измерить европейской меркой, поскольку современная жизнь и своеобразие национального характера связаны с нашим прошлым, нашей историей.

Ключевые слова: *Россия, Западная Европа, народ, христианство, власть, традиции, язычество, нравственность, ценности, культура.*

Simonova M.M. The peculiarity of Russians in the family of European nations. *The article offers an explanation of the features of the formation of the Russian character. The Russians have always felt their speciality in the family of European nations and this position has a centuries-old tradition. The current state of Russia can not be measured by a European measure, since modern life and the originality of the national character are connected with our past, our history.*

Keywords: *Russia, Western Europe, people, Christianity, power, traditions, paganism, morality, values, culture.*

В русском общественном сознании есть четкое разделение: это Россия, а это Европа, такое разделение имеет многовековую традицию. Русские всегда ощущали свою особость в семье европейских народов. Современное состояние России невозможно измерить европейской меркой. В нашем настоящем сохранено наше прошлое. Оно никуда не ушло, оно в нас и вокруг нас, но чтобы увидеть это прошлое в настоящем, необходимо задаться вопросом, в чем же особенность развития России в прошлом. Обратим внимание на основные особенности формирования нашей государственности.

* Симонова Маргарита Михайловна, e-mail: MMSimonova@fa.ru.

Судьбы становления христианства на Западе и Востоке Европы были разными с самого начала. Первые христиане на Западе создавали свои общины в античных городах, они жили в мире высокой античной культуры, в обстановке развитых товарно-денежных отношений, с развитой городской культурой.

Римская общественная жизнь развивала индивидуальность и личностное самосознание. Христиане римских городов психологически были римлянами, и многое древнеримское переходит в западное христианство. По мере перехода в христианство образованных слоев общества христианские проповедники усваивают традиции античной риторики, для них характерен высокий уровень правосознания и понятийного мышления. Традиции античной философии подготовили почву для рождения средневекового богословия. Важно отметить, что христианство на Западе произрастало снизу вверх, напитываясь соками античности, и что христианство на Западе самого начала впитало высокую правовую культуру Древнего Рима.

Россия не имела античности в первые века своей истории. Русская христианская культура прививалась насилием сверху и ложилась на первобытное язычество. Было множество языческих родовых поселений с натуральным хозяйством, с неразвитым личностным сознанием. Член родовой общины осознавал себя прежде всего членом коллектива. Первобытный уравнительный коллективизм лежит в основе русского христианства и сохранялся в крестьянских общинах вплоть до конца XIX в. Он отзовется во всех веках русской истории в народной психологии. Превосходство общего интереса перед частными интересами, жертвенность, соборность, как это раньше называли, так и останется национальной чертой русской духовной культуры вплоть до конца XX в. Борьба с язычеством шла три столетия. Не античность, а первобытное язычество врастало в русское христианство.

С принятием христианства в России появляется бинарная культура. Историки приводят многочисленные примеры двоеверия русских людей эпохи раннего христианства. Один яркий пример – в музее Ростова Великого есть круглая иконка из меди XII в., на одной стороне ее изображена Богоматерь, на другой – женская голова с волосами-змеями. Можно вспомнить «Слово о полку Игореве», поэтические метафоры которого связаны с язычеством. С X в. русская культура бинарна, она как бы состоит из двух частей: куль-

тура образованного меньшинства и культура необразованного большинства. Расстояние между ними увеличивалось в каждом столетии.

В период раннего Средневековья Россия – это множество родовых поселений, рассеянных в непроходимых лесах. В целом Русь в IX веке – окраина европейской культуры.

На Западе Европы в 800 г. Карл Великий венчается в Риме короной императора Священной Римской империи, его окружение – это собрание философов, поэтов, придворных, где звучит латынь Вергилия и Овидия. Русская средневековая культура имеет более поздний старт.

Особенность формирования судьбы России и в том, что христианство Русь приняла из Византии, это был восточный вариант христианства, который оформился на окраинах Римской империи в синайских и египетских монастырях, в портовых городах Малой Азии. Восточное христианство отличалось от западного глубоким народным мистицизмом и большим вниманием к обрядовой стороне веры, эмоциональным напряжением в ожидании Страшного суда. Православие – это созерцательное и обрядовое христианство, это наследство Византии в русской культуре в течение веков.

Основой католичества была римская культура, и пафос Древнего Рима в завоевании мира, его познание и освоение передались западной церкви, церкви крупных древнеримских городов. Католичество – рациональная и активно познавательная вера.

Византия стала учителем русских в вопросах вероучения, она принесла на Русь развитое средневековое искусство: архитектуру, иконопись, литературу, книжную миниатюру, свою музыкальную культуру. В Византии утверждается иконопочитание, отсюда и на Руси развивается искусство иконописи. В первые века христианства скульптура была языческой, поэтому в борьбе церкви с язычеством скульптура на Руси не получила развития. Византия предложила нам свой тип политической власти. Это монархия восточного типа. В Византии власть императора была не встроена в систему законов, а находилась над всеми законами, по существу законы распределяли не права, а обязанности среди подданных, Так будет в России в течение многих столетий. Из поколения в поколение люди считали это естественным, это и есть византизм в нашей судьбе, отзвуки его мы чувствуем и сегодня.

Другая черта русской политической власти – это ореол ее святости. В Византии помазанником Божьим являлся император, а не патриарх, т.е. на императоре лежала благодать Бога. Его слова и деяния были священны. Сопротивление воле государя было грехом перед Богом. На Западе наместником Бога на земле был римский папа, церковь на Западе принимает догмат о непогрешимости папы. Светская власть на Западе была лишена сакральности. И долгое время церковь боролась за господство над светской властью. Обожествление светской власти закрепляет монархизм как черту национальной психологии. Этот византизм, возможно, проявился в культе личности правителя, в канонизации Николая II и всей его семьи и т.п.

Еще одно проявление византизма в нашей истории связано с характером собственности. Восточный тип собственности к нам пришел из Византии. В Византии верховным собственником всей земли был император. В любой момент он мог отобрать у одного все, а другого наградить.

В Западной Европе с утверждением сеньориального типа феодальных отношений были введены правовые ограничения самоуправства сеньора над вассалом, существовали феодальные суды чести, интенсивно развивалась юриспруденция. На Руси с XII в. установился служебный тип собственности. Дворянин держал землю за свою службу, он не был полным частным собственником, поэтому опала часто сопровождалась конфискацией земельной собственности.

В России столетиями господствовало самоуправство как верховной власти, так и власти на местах, поэтому всегда у русских был правовой нигилизм. Русские признавали верховенство силы, а не права, в русском сознании нет самоценности права. Право в России остается одним из инструментов достижения своей цели, а не регулятором общественных отношений. Это отражено в русской фразеологии. В. Даль приводит пословицу: «Закон как паутина: шмель проскочит, а муха завязнет»[1].

Именно восточная форма собственности отражена в том, что на Руси не было замков. В XI-XII вв. русские князья имели загородные укрепленные дворы, одним из которых была Москва Юрия Долгорукого, но такой развитой системы замков, как в Западной Европе на Руси никогда не было, так

[1] *Даль В.* Пословицы и поговорки русского народа. М., 2000.

как в XII в. Русская земля была в коллективной собственности потомков Ярослава Мудрого – это был рудимент родового строя. В системе восточной монархии боярину было выгодно не укреплять свое родовое гнездо, а быть поближе к господину, быть у него на виду. Отъезд боярина, строительство замка неизбежно вызвали бы у князя подозрения в измене. Все дело в том, что не было никаких правовых основ взаимоотношений боярина и князя. Традиция и воля князя регулировали отношения между господином и вассалом на Руси. В русской феодальной среде развивались раболепство, лесть, доносы, интриги как способы делания карьеры. В русском служилом дворянстве, а затем и чиновничестве это сохранялось: до разночинцев не было служения идее, поколения служилых людей служили не закону, а господину, столоначальнику.

В русской истории не было рыцарства, поэтому в национальный психологический генотип не были заложены индивидуализм, стремление к личной независимости, к достижению успеха своими силами, личная честь. Отсутствие рыцарства в Средние века – особенность Руси как европейской державы. Оно стало причиной как наших недостатков, так и достоинств. На Руси согласно византийской практике все сыновья князя получали свои наделы: города и села. В Западной Европе заботились, чтобы родовая собственность не дробилась. Наследство получал только старший сын или муж старшей дочери. Другие сыновья должны были копьем и мечом заслужить себе поместья. В Западной Европе рыцарь служил господину по договору, в любой момент он мог уйти от господина, если сеньор нарушил договор. Такой принцип развивал чувство личной чести, ценность личной свободы. Рыцарские поединки, которых не было в России, были ярмаркой рыцарей: герцоги и графы здесь набирали себе вассалов.

Долгое время на Руси не было понятия личной чести, но было понятие родовой чести – оскорбленный боярин субъективно переживал оскорбление как бесчестие всего рода и даже славных предков. Это также было эхом родового коллективизма. В России не было личных гербов, но были гербы родовые. Родовитость определяла место в военной иерархии, место в праздничном шествии за государем, за столом у государя. Была создана Бархатная книга, где бояре и дворяне были записаны в столбцах по родовитости. Записанные

в эту книгу назывались столбовыми дворянами. Человека оценивали не по личным качествам, а по знатности рода.

С другой стороны, европейский рыцарь плохо подчинялся единой воле, он и на поле боя был индивидуалистом, так как всегда искал выгоды для себя. В такой среде не было коллективизма, жертвенности для другого. В Западной Европе наемные войска известны с XV в. Рыцари – военные наемники – легко переходили целыми отрядами на сторону противника, если им обещали большее вознаграждение. На Западе в Средние века патриотизм проявлялся как верность сеньору, его земле.

На Руси никогда не было наемного войска, а было народное ополчение. Эта была в национальном плане однородная армия, которая большинство войн вела с иноверцами. Национальный патриотизм зарождается в народном сознании после Куликовской битвы и уже в единой Московии становится общерусским.

Командир наемного войска были более искушен в тактике боя, чем его солдаты. Командиром русской армии был боярин, назначенный по степени родовитости. В течение XVI-XVII вв. Россия отставала в военно-техническом отношении, так как у нее не было своих военных инженеров. Мотивацией наемника было обогащение, у русских – верность Богу, царю, а царь был символом Отечества. Знаменами у русских были иконы – воин оглядывался и видел образ Божий. К тому же рядом сражались соседи, что также объясняло известную русскую стойкость в бою.

В Западной Европе христианство имело и имеет единый центр – Папский престол. Церковь стремилась быть независимой от светской власти, поскольку на Западе не было сакрализации светской власти.

В Восточной Европе каждая церковь была независима, а патриарх в Константинополе был моральным арбитром. Русская православная церковь оставалась единственной общерусской централизованной организацией со своей строгой иерархией. Именно церковь сохраняла национальную идентичность, верность традициям Киевской Руси и Византии, русская церковь сохранила духовное единство народа.

В судьбе России было три национальных катастрофы: завоевание страны в 1237-1240 гг., разрушение государства в 1608-1611 гг. в условиях гражданской войны и вмешательства Польши в русские дела, революции и гражданская

война в 1917-1922 гг. Самым страшным было нашествие Батыя – единственный случай завоевания Руси. В XIII в. приостановилось развитие страны: в течение 40-50 лет в стране ничего не строилось, был перерыв в летописании (за исключением Новгорода).

В это же время на землях Западной Европы наступает период экономического подъема до 1250-х гг. и демографический взрыв. Западная цивилизация устанавливает связи с мусульманским Востоком; французы, немцы едут учиться медицине в мусульманских университетах Испании, привозят оттуда десятки книг: Платона, Аристотеля, Пифагора и Авиценны. Их перевод на латынь послужил основой будущего Ренессанса. Возникают первые университеты в Париже, Риме, возносятся готические соборы.

В то же самое время в русских городах едва теплится жизнь. Междоусобные войны, набеги ордынцев, гибель тысяч талантливых энергичных людей всех сословий, массовый угон людей в Нижнее Поволжье, где возникают большие колонии пленников, – все это судьба России в период подъема в Западной Европе.

Судьба России в том, что Русь завоевали язычники, стоявшие на ступень ниже завоеванного народа по своей степной культуре. Когда степные язычники приняли мусульманство, они стали далекой провинцией мусульманского мира, и мусульманская культура в период своего расцвета ничего не дала Руси. Но еще сказалась и охранительная политика русской церкви. В условиях иноверческого окружения, а в этом еще одна особенность развития России, церковь стремилась в культурной изоляции страны. В этом были свои плюсы и минусы – русские сохранили веру отцов, а в Средние века это была важнейшая духовная ценность, но изоляция привела к культурной отсталости страны. Русская средневековая культура была сцементирована церковью. На Руси не было костров инквизиции, потому что не было массового движения сомневающихся в канонах церкви.

В XVI в. церковь добилась полной изоляции от Западной Европы, где полыхали восстания, шли войны между лютеранами и католиками, но одновременно там быстро развивалась культура. Это была эпоха Возрождения. В Италии, Франции, Германии, Англии интенсивно развивались наука и техника.

В это время Россия интеллектуально отставала от Западной Европы: после вторжения монгольских войск в средневековой России была прервана традиция изучения греческого языка и латыни, перевода философских, теологических текстов – вплоть до появления Славяно-греко-латинской академии в конце XVII в.

По-разному в Западной Европе и в России шла централизация. На Западе королевская власть дала городам самоуправление, установила фиксированный налог с города. Это привело к быстрому развитию торговли, ремесел; появились цеха и крупные купеческие объединения. Вот почему историческими центрами западных городов являлись городская ратуша, городской собор и городской рынок. Горожане очень страдали от феодальных грабежей, поэтому и возник союз королевской власти и городов. Горожане вместе с королевскими войсками штурмовали замки, заставляя феодалов переезжать в города, вступать в городскую общину. С разрушением замков и феодальной вольницы в Западной Европе утверждается городская культура – культура Ренессанса.

В России не было ни городского самоуправления (магистратов) до Петра I, ни фиксированной суммы налога. Города управлялись царскими наместниками, которые кормились за счет горожан, поэтому здесь царил полный произвол властей. Исторический центр русского города – это городской собор, торговая площадь и замок князя. Города были обескровлены, городские общины были слабыми, цеховая организация ремесла отсутствовала. В России только церковь со своими материальными ресурсами и моральным авторитетом могла стать союзником князя в объединении страны. Церковь выступала с идеологией объединения, вмешивалась в распри удельных князей, отстаивая интересы Москвы.

Централизация в России шла в условиях покоренной страны и в окружении со всех сторон враждебных иноверческих государств. Происходит гигантская концентрация власти в одних руках, которая уничтожает городское самоуправление в крупнейших русских городах: в Новгороде и Пскове в конце XV – начале XVI в. Централизация раздавила ростки городского самоуправления. В централизованной России утверждается абсолютная власть князя в союзе с церковью. Гигантская сила самовластия, мелочный контроль церкви за повседневной жизнью человека, неразвитость общественных институтов самоуправления и защиты

от власти, – все эти родовые черты русской истории сформировались в XVI в.

В середине XVII в. Смутное время познакомило русских с ближней Западной Европой. Среди знати был моден польский язык, именно оттуда к нам пришли такие слова, как «водка», «вензель», «паспорт». В домах знати появляются зеркала, элементы западной архитектуры проявляются в декоративном убранстве фасада церквей, в иконах. Влияние Запада становится преобладающим, Россия дрейфует в сторону Запада, но в московских правящих кругах появляются две партии. Одна партия стоит за медленное, постепенное включение нового, с сохранением всех старых устоев, с ориентацией, в первую очередь, на православные восточно- и южнославянские страны: Сербию, Болгарию. Другая партия, в центре которой был Петр I – за быструю перестройку России. Через несколько лет началась война со Швецией, которая грозила завоеванием новгородской, псковской земли, потерей Русского Севера и подчинением России шведской короне. Полный разгром русских под Нарвой сильно встряхнул русские власти, создание новой европейской России шло ускоренными темпами в период войны со Швецией. В определенном смысле Петр I спас Россию. В течение 25 лет XVIII в. появляется новая страна и новая нация русских европейцев.

Со времени Петра I в России строится мощная вертикаль власти, утверждается централизованное бюрократическое правление с абсолютной властью генерал-губернаторов на местах. Здесь возникает еще одна особенность России – господство бюрократической власти над обществом, неразвитость общественных институтов защиты. Россия, по мнению Бердяева, «огромная империя военного типа с гипертрофией государства за счет народной жизни»[1].

В Западной Европе политический строй рано пришел к разделению власти между феодалами, горожанами и церковью. Это разделение оформляется в виде представительных учреждений парламентского типа. Ограничение власти короля начинает отмечаться с XIII-XIV вв.

В России парламент в виде Земского собора появляется в середине XVII в. и то как совещательный орган. Парламент европейского типа в России возникает в начале XX в., у нас нет многовековых традиций парламентской демократии,

[1] *Бердяев Н.А.* Русская идея. М., 2002, с. 11.

потому что самодержавие компенсировало экономическую и социальную отсталость созданием мощного военно-бюрократического аппарата управления. Это связано с огромными размерами империи: в конце XVIII в. Российская империя включала в себя земли от Варшавы до Камчатки и мыса Дежнева. В первой половине XIX в. Россия завоевывает мелкие княжества в Средней Азии, кавказские народы, на покорение которых уходит 50 лет. Это огромная империя, заселенная 140 народностями, в том числе и первобытными племенами, при этом в первой половине XIX в. многие народы не знали русского языка, жили по законам своих предков и платили дань «белому царю». В этих условиях необходимо было создать мощный репрессивный аппарат, поэтому страна содержала огромную армию и чиновничество. По словам русского историка В.О. Ключевского, «государство крепло, народ хирел»[1].

Особенность судьбы России в том, что она развивалась во враждебном иноверческом окружении, у властей всегда был страх перед экспансией Папского престола (а затем и лютеранства). Отрицание Ренессанса как отступления от веры привело к изоляции и консерватизму в русской культуре, к подозрительности к иностранцам. То, что с XV в. Россия была единственным независимым православным государством, убеждало русских в исключительной чистоте своей веры и вообще в богоизбранности русского народа. Идея богоизбранности связана с таким понятием, как «Святая Русь». Этот монархический великодержавный патриотизм и сегодня проявляется в православном консерватизме.

Таким образом, анализируя историческое развитие России на протяжении многих столетий, приходим к выводу, что национальные традиции в России передаются из поколения в поколение и следует с большим уважением относиться к русской истории. Мы видим, что прошлого в нашем настоящем больше, чем мы думали. Прошлое внутри нас и прежде всего это вековые исторические традиции. Прошлое и настоящее тесно переплелись. Традиционная русская этническая особенность, наполненная новым содержанием, дает возможность России самореализоваться и увеличить темпы развития страны на современном этапе.

[1] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. В 5 ч. М., 1993.

УДК 13

К.Г. МАЛЬЦЕВ
доктор философских наук, профессор
кафедры теории и методологии науки
БГТУ им. В.Г. Шухова*

И.В. ЖДАНОВА
аспирант кафедры теории и методологии науки
Белгородского государственного технологического
университета им. В.Г. Шухова

О философской антропологии в русской философии серебряного века: антроподицея и смысл жизни

В XX веке, по словам М. Хайдеггера, тенденция вырождения философии в популярную антропологию становится господствующей. В русской философии серебряного века острое осознание кризиса «всех оснований» и решение укорениться в «христианской традиции» обусловили поиск «последних оснований человеческого бытия» в антроподицее Н.А. Бердяева и смысле жизни метафизики всеединства.

Ключевые слова: *антроподицея, антропология, смысл жизни, метафизика всеединства, мир.*

Maltsev K.G., Zhdanova I.V. On philosophical anthropology in the Russian philosophy of the silver age: antropoditsey and meaning of life. *In the XX century, according to M. Heidegger, the trend of degeneration of philosophy in popular anthropology becomes dominating. Sharp understanding of crisis of "all bases" and the decision to take roots in "Christian tradition" caused search of "the last bases of human life" in N.A. Berdyaev's antropoditsey and in the meaning of life of metaphysics of unity of the world in the Russian philosophy of the silver age.*

Keywords: *anthropodicy, anthropology, meaning of life, metaphysics of all-unity, world.*

* Мальцев Константин Геннадьевич, e-mail: maltsevaannav@yandex.ru; Жданова Ирина Вадимовна, e-mail: tihomirova_iv@mail.ru

Новое время было временем революций; русская философия понимала это как симптом «сдвига в основании» (как бы ни понимать само «основание»); определяющими были слова Ницше: «пустыня растет»[1]. Гораздо более «значимым», чем политические революции (всегда лишь проекции того, что совершается в «глубине»[2], полагалось то, что человек утратил свою укорененность («бог умер»), основу; «бытие» и «суть» человека не просто стали проблемой, связанной с недостаточностью или в целом неудовлетворительностью прежних толкований в учениях о человеке (в философии это вполне обычно), но как таковые были поставлены под вопрос. Высказывание Достоевского о том, что человек начинает быть только когда ему всерьез грозит небытие, помимо констатации, в справедливости которой мало кто сомневался, было воспринято еще и как указание: основа должна быть обретена снова, человек – укоренен. Два основных пути к этому выявились достаточно рано и вполне определенно. Бердяев, укореняя человека в безосновной бездне (со ссылкой на Я. Беме и, временами, на Шеллинга[3], «через которого» понимался Беме), утверждал, что основание должно быть добыто самим человеком, которому его, так понятая, укорененность предоставляла для этого способность, которая и есть человека суть – способность к творчеству: антроподицея, оправдание человека, есть ядро философской антропологии Бердяева. Второй путь – поиск основания в религиозном опыте как соборном опыте Церкви, в православии как сути такого опыта, утверждение человека в соборности и традиции: задача философии – определение смысла жизни в указанном горизонте. В нашей статье, по причинам, которые укажем в последующем изложении, мы будем иметь дело с определением смысла жизни кн. Е.Н. Трубецким. И, наконец, был еще В.В. Розанов, проницательный критик, видевший искусственность обозначенного выше пути в обоих его вариантах и экзальтированность идущих по нему, но не менее (если не более) остальных понимавших глубину кризиса не «отвлеченно»; благодаря Розанову мы имеем

[1] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М.: Эксмо, 2011, с. 61.
[2] *Франк С.Л.* Духовные основы общества. М.: Республика, 1992, с. 13-146.
[3] *Шеллинг Ф.В.Й.* Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Соч. В 2 т. М.: Мысль, 1989, т. 2, с. 86-158.

непревзойденное по точности и мастерству феноменологическое описание этого кризиса; он (Розанов) *показал* невозможность его (кризиса) разрешения ни как «антроподицеи», ни как «воцерковления», во всяком случае в формах, обнаружившихся в русской философии. Задачей нашей статьи является представить бердяевскую «антроподицею» и определенный кн. Трубецким «смысл жизни» как варианты смыслового ядра «антропологии кризиса»; опора на Розанова поможет увидеть ограниченность и в целом сомнительность названных начинаний (что, конечно же, нисколько не отменяет философского к ним интереса[1]: почему – тоже следует определить в качестве одного из выводов нашей статьи).

Идея Бердяева «оправдания через творчество» и само название, которое он дал этому предприятию: «антроподицея», с явной отсылкой к «теодицее» (оправдание Бога за сущее в мире зло), и ведущее для Бердяева на этом пути утверждение, что творчество следует понимать не только как способность человека, но как его суть, не являются лишь «голым произволом». В лекциях «Введение в метафизику» (1935 г.) Хайдеггера, и именно в том месте, где говорится о понимании человека в его отношениях с бытием в начальной греческой философии, у Парменида, мы находим: «Кто есть человек, мы узнаем не благодаря ученой дефиниции, а только потому, что человек вступает в размежевание с сущим, пытаясь внести сущее в свое бытие, а это значит – поставляя его в границу и образ, то есть набрасывая новое (еще не присутствующее) и, следовательно, изначально творя и поэтически обосновывая его»[2]. Конечно, это не есть ни подтверждение правоты, ни тем более доказательство истинности подхода Бердяева, но лишь свидетельство того, что Бердяев неким неслучайным образом принадлежит древней философской традиции, пусть почти забытой и лежащей под спудом, особенно относительно привычных для новоевропейской философии способов построения антропологий.

---

[1] Вообще же действительное философствование есть рискованное предприятие, и неудача есть его самая ближайшая возможность.

[2] *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997, с. 86.

«Я пытался создать миф о человеке»[1], – писал Бердяев в «Самопознании», определяя глубочайший мотив своего творчества. Но что такое миф? А.Ф. Лосев писал: «Миф есть энергийное самоутверждение личности»[2], «в словах данная личностная история»[3]. Нам кажется, мы имеем, таким образом, право рассматривать философию Бердяева как «в словах данную личностную историю» его самого.

Бердяев, как он сам утверждал, родился с отвращением к миру, к его «материальной тяжести», к необходимости, с брезгливым отношением ко всему тому, что является обязательным и неизбежным следствием этой необходимости (от «физических отправлений организма» до организованного принуждения в государстве). Если бы дело ограничилось только этим отвращением, то единственно возможным выходом было бы уйти из мира: в монастырь, в пустыню, даже «в никуда». Но, во-первых, Бердяев родился «деятелем», а, во-вторых, на его счастье, ему была дана интуиция «иных миров». Это позволило «интерпретировать» «материальную тяжесть» мира сего как его «недолжное состояние», тем самым сформировав *сложное* его (мира сего) восприятие и неоднозначное к нему отношение.

Христианство, по Бердяеву, впервые открыло реальность духа: область «бытия» Истины, смысла, значения. Согласно христианскому символизму, «все материальное есть лишь символ и знак духовной действительности»[4] и «не может рассматриваться как самостоятельная реальность»[5] именно в том смысле, что имеет его (смысл) в иной действительности, тем более, что само материальное даже не сотворено в подлинном значении, но есть состояние тварного мира. То есть «мир сей», как мы сейчас уже можем утверждать, «вторичен», причем «дважды»: как сам по себе «бессмысленный» и как не имеющий своего бытия в себе самом. Но обратной стороной христианского учения о мире было то, что именно как сотворенный он имеет ценность: как спасающееся творение. «Центром мира» может быть лишь нечто, совмещающее в себе все реальности, т. е. «миру сему» не

---

[1] *Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: Книга, 1991, с. 299.
[2] *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа / *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994, с. 99.
[3] Там же, с. 51.
[4] *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Мысль, 1990, с. 152.
[5] Там же, с. 145.

принадлежащее всецело; совершенно и абсолютно этим центром является Богочеловек – Иисус Христос. Но Богочеловечность Его открывает нам и другую истину: вочеловечение Бога, как ничто другое, показало центральное положение в мире человека. Согласно христианскому учению, во всяком случае в «мифе Бердяева», мир создан для человека, «отяжелел» из-за грехопадения человека и спасется тоже человеком.

Итак, по-новому, совершенно не в античном духе и смысле, человек для Бердяева снова становится «мерой всех вещей» и в первую очередь тех, что «в мире». Человек есть микрокосм и микротеос одновременно, и даже вернее будет сказать, что в учении о богочеловечности для Бердяева это две грани определения человечности. Определение мира как «иерархического организма, в котором все части между собою связаны, в котором то, что совершается на вершинах, отражается и в низинах»[1], когда «самая высшая иерархическая ступень связана с самой низшей иерархической ступенью и служит делу всеобщего спасения и преображения»[2], нельзя квалифицировать как чуждый христианству субординационализм, но как понимание разнокачественности феноменов мира. Мерой их «качественности» или «годности» является человек, но не в своей природной «данности», а как Богочеловек, как образ Божий, становящийся Его подобием.

И для метафизики всеединства, и для Бердяева «ничто как бытие-небытие есть specificum тварности, ее – странно сказать – привилегия и онтологическое отличие. Мы не только чада неба, но и дети земли, у нас есть своя собственная мать, которая заслоняет нас собой от всепоглощающего огня Абсолютного и рождает нас к самобытности тварного бытия. Ничто, отделяя тварь от Абсолютного, как бы образует вокруг нее собственную фотосферу, дает ей для себя и в себе бытие»[3]. Самобытность мира происходит из его заключенности в ничто. Поэтому притупленное специфическое ощущение тварности ведет к слиянию мира с Абсолютным, что превращает его в модус или ипостась и лишает самобытности.

Опасность впасть в пантеизм (эманационизм и т.п.) ясно сознавалась, например, С.Н. Булгаковым: «Если устранить из

---

[1] *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994, с. 113.
[2] Там же, с. 19.
[3] *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. М.: Республика, 1994, с. 167-168.

мысли и чувства никто как основу твари, то различие между Абсолютным и миром, Творцом и творением, улетучивается»[1]. Такое понимание самой сущности человеческого положения относительно Абсолютного как «бывание» требует от человека совместить две, на первый взгляд непримиримых, позиции: во-первых, как существо, причастное Духу, оно должно стремиться к божественному миру, и в этом смысле сохраняет свое абсолютное значение требование «не любить мира, ни того, что в мире»; но, во-вторых, от человека требуется содействовать исправлению мира, его обожению, спасению (христианство именно человека обвинило в том, что он внес в мир грех). Христианское сознание совмещает «обе эти линии, выражающие два основных направления жизненного стремления: линия плоскостная, или горизонтальная, и восходящая, или вертикальная, скрещиваются. И так как эти две линии представляют собою исчерпывающее изображение всех возможных жизненных направлений, то их скрещение – крест – есть наиболее универсальное, точное схематическое изображение жизненного пути»[2], – такое описание жизненных стремлений дал кн. Евгений Трубецкой в своей книге «Смысл жизни».

Символом этого является дерево: ствол устремлен вверх, ветви его стелятся вдоль земли. Крест в этом отношении выражает не только какую-то существенную истину о совершающемся в духовной жизни человека, но является символом всякой жизни в ее основе. Князь Е. Трубецкой полагал, что независимо от нашего отношения к христианству крестообразное начертание жизни очевидно и выражает собой «архитектурный остов всего мирового пути»[3].

Но смысл креста определяется в зависимости от решения обсуждавшегося нами выше вопроса: если смерть есть конец жизни, то смыслом креста будет страдание, унижение, если же Христос, смертью смерть поправ, утвердил истину и полноту жизни, то крест становится символом высшей победы: «крестом животворящим». Символ креста для христианского сознания – это символ преодоления самоутверждения земного и небытия Древней Индии: «Эта двойная неудача жизни доказывает, что оба

[1] Там же, с. 168.
[2] *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М.: Прогресс, 1994, с. 291.
[3] Там же, с. 291-292.

жизненные пути, которые скрещиваются в мире, в своей отдельности несостоятельны: тем самым она наводит человека на новое откровение мировой тайны. Если ни небо, ни земля, ни верх, ни низ в своей отдельности не вмещают в себе откровения смысла жизни, это значит, что смысл этот лежит где-то еще глубже»[1]. Глубже, по Е.Н. Трубецкому, – это значит, что смысл этот не укладывается ни в один готовый план бытия, он включает в себя все планы, мир полностью и он больше мира.

Так определяется смысл жизни человека, его бывание в мире, при этом «или нет вовсе этого смысла, ради которого мы живем, или это – в самом деле смысл всемирный»[2]. Поэтому полнота всемирного смысла может явиться только в объединении неба и земли[3].

По мнению Е.Н. Трубецкого, вопрос «о всесильном и всепобеждающем смысле есть вопрос о Боге[4]. – Бог, как жизненная полнота, и есть основное предположение всякой жизни. Это и есть то, ради чего стоит жить и без чего жизнь не имела бы цены. И хотя бы предположение это опровергалось повседневным опытом, хотя бы мы на каждом шагу встречали яркие доказательства бессмыслия и безбожия вселенной, все-таки в последней инстанции то преодоление смысла, на котором утверждается вся наша жизнь, никакими доказательствами отвергнуто быть не может»[5]. Философ утверждает, что верить в эту очевидность – значит верить в победу жизни над муками и смертью, верить в преображение самого креста «из пути смерти в путь жизни»[6]. И только христианство положительно решает эту задачу, и, следовательно, оно положительно решает вопрос о смысле жизни.

Жизнь же, не осененная смыслом, есть порочный круг: существование без смысла есть всегда повторение одного и того же. Е.Н. Трубецкой очень поэтично описывает бессмысленную замкнутость бесцельной жизни, которая вынуждена постоянно возвращаться к исходной точке. И только в том

---

[1] Там же, с. 292.

[2] Там же, с. 293.

[3] *Колмаков В.Б.* Проблема ценности жизни в русской философии конца XIX – начала XX века // Вестник ВГУ. Серия: Философия, 2011, № 2, с. 45-59.

[4] Для Бердяева Бог здесь прежде всего – Богочеловек, ибо смысл должен быть соразмерен человеку.

[5] *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни, с. 294.

[6] Там же.

случае, когда божественная полнота жизни действительно соединяется с человеком, совершается прорыв, который наполняет жизнь безусловной целью. Через человека соединяется с Богом все его творение, весь мир, им сотворенный, Богочеловечество позволяет приобщиться к благодати самым низшим ступеням творения.

Так мы подошли к важнейшему для проблемы статьи выводу: «Оправдание горизонтальной линии жизни заключается в мысли о грядущей новой земле, полной абсолютного, духовного содержания и смысла; эта плоскостная, здешняя жизнь оправдывается лишь постольку, поскольку она поднимается в другой план и в нем преображается»[1]. А следовательно, «горизонтальная линия оправдывается не сама по себе в своей отдельности взятая, а в сочетании с линией вертикальной. Только в объединении и скрещении обеих линий может быть найдено оправдание как той, так и другой»[2], и, в результате, какой бы бессмысленной и неупорядоченной нам ни казалась бы земная жизнь, «перед судом вечной Истины бессмыслица – только исчезающая тень смысла. Будем же верить не в тень, а в свет. О котором сказано: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоанн.,1,5)»[3]. Е.Н. Трубецкой делает такой вывод из сказанного: «В том евангелическом повествовании о Голгофе, коим вдохновляется русский духовный песнопевец, мы имеем нечто большее, чем указание на преходящее историческое событие. Мы видели, что само строение жизненного пути крестообразно. Голгофа – постоянный, длящийся факт нашей действительности, ибо нет той минуты, когда бы не совершалась эта борьба смысла с бессмыслицей, когда бы мир не распинал Бога и когда бы Бог не распинался за мир»[4].

Итак, подводя итоги: теодицея и антроподицея Н.А. Бердяева, как и «антропология», разрабатываемая в контексте философии всеединства, едины в том, что находят «последнее основание» в христианстве, и, следовательно, утверждение о «смерти Бога» интерпретируется как завершение одного, новозаветного «периода» и необходимость (онтологическая, не онтическая, если опять же воспользоваться разли-

[1] Там же, с. 304.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 313.
[4] Там же, с. 311-312.

чением М. Хайдеггера[1]) творческого акта для положения начала новому, третьему «периоду», который чаще всего в русской философии имеет название периода (эона) Св. Духа. Бердяев при этом радикален: это должен быть «богочеловеческий» процесс с акцентом на активность человека. По-видимому, более умеренная позиция, разрабатываемая в антропологии метафизики всеединства, по сути немногим отличается от бердяевской, хотя риторика различается радикально. Решение (в самом точном смысле – политическое решение, которое должен принять человек; заметим здесь, насколько невероятным в «онтическом плане» является это событие: *каждый* способен к нему, но это нисколько не приближает к «онтологическому плану»: здесь актуален скепсис В.В. Розанова, и учение о «соборности», в котором русские философы названного направления пытались разрешить указанную «невозможность») есть «смысловой центр» (своего рода «краеугольный камень») всей антропологической «проблематики», и в этом отношении русская философия, при всей специфике в определении направления и конкретного содержания решения (и различии в понятийной разработке проблемы), стоит в той же самой ситуации, в какой мы обнаруживаем европейскую философию в XX веке.

[1] *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. 304 с.

УДК 165.24

И.А. МОНАСТЫРСКАЯ
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры теории и методологии
науки БГТУ им. В.Г. Шухова*

С.А. БУЛГАКОВА
аспирант кафедры теории и методологии
науки БГТУ им. В.Г. Шухова**

Концепт субъекта в современной французской философии

Данная статья направлена на раскрытие концепта субъекта в трудах французских философов постмодерна (Ж. Делёз, Ж. Деррида, П. Рикер, А. Бадью и др.), а также интерпретирующего субъекта в коммуникативных процессах (П. Рикер), констатирующих «кризис субъекта» вплоть до «смерти субъекта». Особый акцент сделан на лингвистический подход.

Ключевые слова: *концепт, субъект, язык, Ж. Делез, П. Рикёр, А. Бадью.*

Monastyrskaja I.A., Bulgakova S.A. The concept of subject in modern French philosophy. *This article is aimed at revealing the concepts of the subject in the writings of the French postmodern philosophers (J. Deleuze, J. Derrida, P. Ricoeur, A. Badiou), and regulations interpretive of the subject in the communication process (P. Ricoeur), stating "the crisis of the subject" until "death of the subject". The particular emphasis is placed on linguistic approach.*

Keywords: *concept, subject, language, communication, J. Deleuze, P. Ricoeur, A. Badiou.*

Концепт субъекта широко используется в философии, психологии, лингвистике, современной когнитивистике. Говоря о категории субъекта в философии, важно отметить те значительные изменения, которым данное понятие подверглось в связи с развитием самой философии. Познание и раскрытие особенностей интерпретации субъекта в со-

* Монастырская Ирина Александровна, e-mail: mirina70@yandex.ru
** Булгакова Светлана Анатольевна, bulgakova.sv.an@gmail.ru

временной философии, а также положение интерпретирующего субъекта в коммуникативных процессах приобретают особую актуальность в междисциплинарных исследованиях.

Настоящая статья направлена на раскрытие концепта субъекта в современной французской философии – от классического определения Р. Декартом до трактовки концепта субъекта в работах А. Бадью, Ж. Делёза, Ж. Деррида, П. Рикёра и других современных французских философов. Целью статьи является анализ концепций субъекта у знаковых представителей современной французской философской мысли на основе исследования философских текстов. Предпосылкой анализа концепта субъекта в современной французской философии выступает методология познания субъекта в декартовской классической философии. Безусловно, наследие Декарта имело определяющее влияние на французскую философию второй половины XX в. Огромная дискуссия о Декарте весь век была включена в философско-литературный дискурс во Франции. «Лакан даже выдвинул лозунг возврата к Декарту»[1], Сартр писал о свободе у Декарта, Делёз противопоставлял свое понимание субъекта декартовскому. В конечном счете, писал А. Бадью, во Франции столько же Декарта, сколько философов во второй половине XX в. И такое значение Декарта для современной французской философии закономерно, потому что «Декарт – философский изобретатель категории субъекта, а судьба французской философии, само ее разделение, есть разделение декартовского наследия. Декарт – и теоретик физического тела, животного-машины, и теоретик чистого мышления»[2].

Безусловно, анализ философии субъекта Р. Декарта имеет давнюю традицию в мировой философии, не исключая и вклад русских и советских философов (А.С. Хомяков, И. Киреевский, Вл. Соловьев, С. Франк, М. Бахтин, П. Гайденко, Э.В. Ильенков, Н.С. Автономова, П.В. Копнин, В.А. Лекторский, М. Мамардашвили, Л.А. Микешина, Н.В. Мотрошилова и др.). Необходимо отметить, что в противоположность позиции А. Бадью в российской литературе у значительного большинства философов принята точка зрения, что Р. Декарт хоть и является родоначальником философии субъекта, сам он не

[1] *Badiou Alan.* Panorama de la Philosophie francaise contemporaine. (*Badiou Alan.* The adventure of French philosophy) // New Left Review, September, Oktober 2005.

[2] Ibidem.

использовал понятие субъекта (не считая его логического значения). Заслуга раскрытия категориального содержания субъекта и введения его в теорию познания принадлежит И. Канту, который демаркировал гносеологию от этики и эстетики, написав три свои знаменитые критики. Декарт трактовал понятие субъекта как субстанцию (субстанции): Бог, мышление (душа, «Я», сознание) и материя (протяженность, тело). И вместе с тем субъект понимался Декартом как носитель каких-либо действий или свойств.

Обращаясь к концепту субъекта в современной французской философии, необходимо учитывать, что она (философия) во многом изменила понимание субъекта от категориального значения в теории познания до концептуального в междисциплинарных исследованиях, вплоть до дисквалификации субъекта, деконструкции у Ж. Деррида и до «смерти субъекта» у М. Фуко. Бадью вообще считает, что французская философия становится «своего рода полем битвы вокруг вопроса о предмете...», а именно о субъекте: «Альтюссер определяет историю как процесс без субъекта, а субъект – как идеологическую категорию; Деррида в интерпретации Хайдеггера рассматривает субъект как категорию метафизики, а Лакан … создает понятие субъекта – не говоря уже о центральном месте субъекта у Сартра или у Мерло-Понти»[1]. И, таким образом, «первым способом определения французского философского момента было бы говорить о битве о понятии субъекта, потому что основной вопрос в нем – вопрос о соотношении жизни и понятия, а последний, в конечном счете, является лишь фундаментальным вопросом о судьбе субъекта»[2].

Итак, речь идет о периоде в развитии французской философии, с точки зрения А. Бадью, как о современном периоде, вызвавшем такие глубокие изменения в трактовке понятия субъекта «между фундаментальными произведениями Сартра и последними произведениями Делеза...»[3]. Можно, конечно, согласиться с А. Бадью – это его видение, как он сам называет «французский философский момент» культурного и национального процесса развития современной французской философии, но тогда за границей этого

[1] Ibidem.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem

периода оказываются оригинальные концепции П. Рикера, да и самого Бадью.

В современной французской философии можно выделить два основных подхода в определении субъекта – это, во-первых, лингвистический подход, развивающийся на «стыке» философии, лингвистики и других наук, исследующих природу знака и значения. Другой подход связан с психоанализом З. Фрейда, его последователей и критиков, в частности, опирающийся на исследования проблемы бессознательного, телесности в современной философии и науке[1]. Как пишет А. Бадью, возникает «совершенно фундаментальный вопрос, который является... связью философии и литературы...»[2], а с другой стороны – связью философии с самой жизнью, с бессознательным. Другими словами, встает вопрос, как соотнести концепцию (понятие) с существованием. «И эта проблема жизни и концепции, – пишет Бадью, – станет центральной проблемой французской философии... во второй половине XX в.»[3].

Отметим, что такое деление в современной философии носит весьма условный характер. Свидетельством тому служит позиция Ж. Лакана, прежде всего, реализованный им синтез лингвистической и психоаналитической проблематики – синтез психоанализа с философией, теорией литературы, социологией, феминистской теорией, теорией кино и клинического психоанализа. Согласно тому пониманию психоанализа, которым его наделяет Ж. Лакан, последний должен стать «наукой о языке, населенном субъектом»[4].

Такой широкий подход, условно все-таки назовем его «лингвистическим», вызывает особый интерес и не только в современной Франции, но и в Германии (М. Хайдеггер), в России (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман). Ж. Деррида, ссылаясь на М. Хайдеггера в работе «Голос и феномен», пишет: «Особый интерес, с нашей точки зрения, вызывает так на-

---

[1] *Бацанова С.В.* Протестная телесность // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова, 2015, № 4, с. 246-251.

[2] *Badiou Alan.* Panorama de la Philosophie francaise contemporaine. (*Badiou Alan*. The adventure of French philosophy) // New Left Review, September, Oktober 2005.

[3] Ibidem.

[4] *Рудковский С.В.* Постструктуралистские представления субъекта в пространстве европейской философии: Лакан - Фуко - Делез // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ, 2015, № 2(2), с. 187-199.

зываемый лингвистический подход, который рассматривает проблему бытия как говорящее, выразительное бытие именно через концепт субъекта, выделяя вопрос «кто говорит»?[1]. И далее читаем: «...бытие говорит повсюду и всегда через всякий язык», таким образом, «отсюда следует, что субъект (идентичность для себя или... самосознание) вписан в язык, есть «функция» языка, становится *говорящим* субъектом лишь сообразуя свою речь...с системой предписаний языка как системы различий...»[2].

Вопрос о субъекте языка как говорящем субъекте встает у другого оригинального мыслителя – П. Рикера, который является одним из ведущих представителей французской герменевтики, переработанной им во взаимосвязи с философией экзистенциализма и феноменологией. В герменевтике Рикера центральное место занимает человек как субъект культурно-исторического творчества, в котором и благодаря которому осуществляется связь времен[3]. Вопрос о субъекте языка встает вместе с фразой: «Я» в качестве «пустого знака» лингвистики становится значением; происходит его присвоение субъектом, который «выражая себя, сам себя полагает»; «в той мере, в какой субъект полагает себя, в той же мере мир проявляет себя»[4]. Именно в сфере языка феноменологии следует изучать позицию субъекта. Субъект в понимании П. Рикера – это тот, кто, соотнося себя с реальностью, соотносит себя с самим собой. Субъект есть начало означивающей жизни, одновременно и зарождение выговоренного бытия, и говорящего бытия человека[5]. Субъект, который, интерпретируя знаки, интерпретирует самого себя, это – существующий, который через истолкование своей жизни открывает, что он находится в бытии до того, как полагает себя и располагает собой. Отсюда происходит интерпретированное бытие[6] через язык и с помощью языка, так как язык, по определению Рикера, отделенный от говорящих субъектов, представляет собой систему знаков[7].

---

[1] *Деррида Ж.* Различение // Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб: Изд-во «Алетейя», 1999, с. 187.

[2] Там же.

[3] *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проспект, 2008, с. 34.

[4] Там же, с.141.

[5] Там же, с. 32.

[6] Там же, с. 49.

[7] Там же, с. 73.

П. Рикер подчеркивает такую существенную черту субъекта, как умение «сохранить дистанцию» по отношению к собственным желаниям и влечениям, т. е. быть хозяином самого себя, иметь собственную тайну[1].

Субъект у А. Бадью – это человеческий субъект «и живое тело, и создатель понятий. Субъект – это общая доля двух ориентаций: его спрашивают о его жизни, о его субъективной жизни, о его животной жизни, о его органической жизни; и его также спрашивают о его мышлении, о его творческой способности, о его способности к абстракции»[2]. И более того, согласно Бадью, «никакого субъекта нет, есть только субъекты, привязанные к своим истинам». Субъект возникает вместе с истиной, которая производится, а не обнаруживается. Далее она поддерживается субъектом, который ее провозглашает[3]. Из сказанного самим Бадью следует, что индивиды, не будучи еще в составе субъекта, могут быть расположены лучше или хуже для того, чтобы войти в его состав[4].

У Ж. Лакана, несмотря на негацию субъекта, он (субъект) входит в структуры бытия. Можно предположить, что онтология Ж. Лакана «конструирует» связи *и* отношения внутри языковых структур, тогда субъект можно «уловить» в его взаимодействии с означающим, объектом, желанием, наслаждением, Другим и т.д. *Так, например,* субъект может совпадать с означающим в силу того, что он не может быть выражен ни в чём, кроме языка. Если же предположить, что субъект «пересекается» с означающим, то его невыразимый «избыток» будет образовывать бессознательное. Когда субъект вовсе не принадлежит означающему, мы имеем дело с игрой языка и интерпретацией Ж. Лаканом в области дискурса структурализма.

Субъект у Ж. Делеза выполняет две функции: универсализации – в поле, где универсальное представлялось уже не объективными сущностями, но актами интеллектуальными или лингвистическими. Во-вторых, субъект выполняет функ-

---

[1] Там же, с. 13.

[2] *Badiou Alan*. Panorama de la Philosophie francaise contemporaine. (*Badiou Alan*. The adventure of French philosophy) // New Left Review, September, Oktober 2005.

6 *Бадью Ален*. Истинная жизнь / Пер. с фр. В. Липки. М.: РИПОЛ классик, 2019, с. 30.

[3] Там же, с. 13.

[4] Там же, с. 15.

цию индивидуализации – в поле, где отдельный человек является не вещью или душой, а личностью, воспринимающей и воспринимаемой, говорящей и к которой обращена речь (Я – Ты)[1]. Субъект Делеза «различает», чтобы стремиться к целостности бытия. Делез показывает неизбежность существования субъекта в форме движения: «Субъект определяется движением, через которое он развивается. Субъект – это то, что само себя развивает»[2]. Благодаря тому, что субъекту здесь свойственна целесообразность, которая в свою очередь уже предполагает направленность, способность к движению, субъект возможен только эмпирически. Также можно сказать, что субъект здесь представляет собой некое *динамическое отношение,* которое само себя устанавливает и, таким образом, существует внутри этого движения[3].

Отсюда можно определить тот ключевой момент, который позволит судить об изменении понимания субъекта в современной французской философии и о том, как обогащают это понимание постструктуралистские и постмодернистские концепции субъекта. Важным моментом в осмыслении статуса субъекта, с нашей точки зрения, является осознание того, что субъект никогда не «умирал» в полном смысле этого слова. Французская философия второй половины XX в. вовсе не стремилась к деструкции самого понятия «субъект», как и его философской роли. Напротив, субъект в его концептуальном понимании остается смыслообразующей конструкцией и фундаментом для всего философского и научного познания. Можно даже говорить о том, что происходит расширение понятия субъекта в концептуальное поле значения и смысла, которое призван выражать собой субъект, но никак не отказ от него. Стратегии изменения субъекта освобождают новые возможности интерпретации концепта субъекта в пространстве постмодернистской культуры, в имплицитной форме уже содержащиеся в нем.

---

[1] *Делез Ж., Тимашов К.* Философский концепт … // Studia Culturae, 2013, № 15, с. 242.

[2] *Делез Ж.* Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Пер. с фр. послесл. Я.И.Свирского. М.: ПЕР СЭ, 2001, с. 86.

[3] *Биричева Е.В.* Новый концепт субъекта: приспособление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики, 2012, № 10, ч. I, с. 47.

Е.В. ОДИНЦОВА
начальник отдела мониторинга факторов риска неинфекционных заболеваний ГБУЗ АО «Центр медицинской профилактики Астраханской области»*

Информация и информационные технологии в формате общественного здоровья

Информация и информационные технологии способствуют расширению социальных возможностей общества и одновременно выступают источником различных физических, психических заболеваний, что актуализирует изучение информационного пространства с позиций социального здоровья.
Ключевые слова: *информация, информационные технологии, общественное здоровье.*

Odintsova E.V. Information and information technologies in the format of public health. *Information and information technologies contribute to the expansion of social opportunities of society and at the same time act as a source of various physical, mental diseases, which actualizes the study of the information space from the standpoint of social health.*
Keywords: *information, information technology, public health.*

Информационные технологии выступают одним из ведущих регуляторов социальных отношений в современном мире. Их тотальность и всепроницаемость способствуют формированию информационной зависимости, неспособности общества жить вне информационного пространства. По данным А.Л. Еремина, в современном мире на 6,6 млрд населения Земли приходятся 1,5 млрд телевизоров, 1,3 млрд телефонов, 2,7 млрд мобильных телефонов, 0,9 млрд компьютеров. Интернет объединяет 1,0 млрд человек. Объем информации ежегодно увеличивается на 30%[1]. В результате мы являемся

* Одинцова Екатерина Владимировна, e-mail: ekaterina_35@mail.ru
[1] *Еремин А.Л.* Информационная гигиена, гигиенически значимые параметры и благополучие интеллекта. URL: http://a-eremin.ru/rus/works/show/?itemid=9 (Дата обращения: 21.05.15).

свидетелями становления глобального информационного общества, вне которого не может оставаться никто[1].

Влияние информационного пространства на здоровье общества имеет двоякий характер: информационные технологии предлагают небывалые возможности в достижении самых различных социальных и индивидуальных целей, но переизбыток информационных субстанций, как замечает А. Н. Ильин, одновременно приводит к утрате способности качественно их перерабатывать. Внутренний мир человека теряет глубину, поверхностно воспринимает информационное многообразие, становится неспособным осмысливать содержательное богатство получаемых сведений[2]. Навязчивость информации и зачастую ее тлетворное содержание становятся источником развития стрессов, неврозов, иных расстройств здоровья, зависимости от самих информационных технологий.

Информация – это не только внешний сигнал, действующий на живую систему, но и внутренняя оценка этого сигнала, обусловленная активностью психики[3]. Поэтому реакции организма на информационный раздражитель самые разнообразные – от немотивированной агрессии до устойчивой психоневрологической патологии. По мнению А.Л. Еремина, чрезвычайный рост психических расстройств и высокая доля неврозов в структуре психической заболеваемости напрямую связаны с воздействием информационной среды на психическое здоровье населения. Информация вызывает психическое перенапряжение, стресс, сердечно-сосудистые заболевания, иммунодефицит, онкологические болезни, поведенческие дисфункции, повышение уровня травматизма и самоубийств[4]. А зарубежные исследователи обнаружили, что тяжесть совершённых преступлений у 30-

[1] *Гидденс Э.* ФОМ клуб: интервью проводят С. Баньковская и А. Филиппов. URL: http://club.fom.ru/books/gidd_fund.html (Дата обращения: 10.05.13).

[2] *Ильин А.Н.* От информационной дезориентации к поверхностному потреблению информации // Информационное общество, 2014, вып. 5-6, с. 101.

[3] *Васильева Л.Н.* Синергетический подход в теории элит и его использование в политологии // Социально-гуманитарные знания, 2005, № 5.

[4] *Еремин А.Л.* Ноогенез и теория интеллекта. Краснодар: «Советская Кубань», 2005. URL: http://vbibl.ru/download/informatika-7733/7733.doc (Дата обращения: 19. 05.17).

летних преступников напрямую связана с их телевизионными предпочтениями в детстве[1].

Мощным источником психических дисфункций выступает рекламное пространство, использующее различные формы раздражителей – превышение кратности трансляции рекламы, увеличение звукового порога, использование 25-го кадра и иные формы манипуляций общественным сознанием. Экономический интерес вынуждает СМИ гипертрофировать, извращать, фальсифицировать сведения и не оставлять места для информации о действенных способах укрепления здоровья. Серьезную опасность В.Г. Немировский видит в отсутствии государственной идеологии, способной стать ведущим культурно-информационным фактором укрепления страны, ибо главные причины дестабилизации общества лежат на его информационном уровне[2].

Культура информационного социума подчинена тотальному использованию технических средств, большинство из которых оказывают неблагоприятное влияние на здоровье. Наиболее рискогенными из них являются средства мобильной связи. Результаты исследований, проведенных в 13 странах мира, показали, что у любителей сотовой связи раковые заболевания регистрируются на 50% чаще, чем у других людей. Установлено также, что данные онкологические заболевания представляют собой три формы рака мозга и одну форму рака слюнных желез[3].

Но несмотря на эту мрачную статистику пропаганда ограничения пользования мобильной связью практически отсутствует. Напротив, подогреваемые экономическими стратегиями, СМИ ориентируют общество на максимальное ее использование. О. В. Александрович отмечает, что реклама сотовой связи, концентрируя внимание потребителя на низких тарифах («Болтай, сколько хочешь», «Безлимитище» и др.), привлекает пользователей возможностью длительных

---

[1] *Аленинская О.А., Демина О.И.* Влияние рекламы и средств массовой информации на психологическое здоровье нации. URL: http://docplayer.ru/50861572-Vliyanie-reklamy-i-sredstv-massovoy-informacii-na-psihologicheskoe-zdorove-nacii.html (Дата обращения: 20.01.18).

[2] *Немировский В. Г.* Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии. URL:http://ipps.sfu-kras.ru/sites/ipps.institute.sfu-kras.ru/files/publications/ Massovoe_soznanie_i_bessoznatelnoe_kak_obekt_post-neklassicheskoy_sociologii.pdf (Дата обращения: 07.01.18).

[3] Мобильный телефон и рак мозга. URL: http://www.ayzdorov.ru/novosti_lll_mobiljnii.php (Дата обращения: 10.11.16).

бесед по телефону и отвлекает от осознания их высокой опасности. Многие граждане отключают вполне безопасные стационарные телефоны[1]. В результате культура техногенного социума, подчиняясь экономическим и информационным стратегиям, становится важнейшей угрозой социальной и личностной безопасности.

Информационные потоки формируют виктимную культуру, подчиняясь которой человек по доброй воле приносит в жертву собственное здоровье во имя удержания своих гедонистических потребностей. Е.А. Шишкина заметила, что процесс информатизации, миновав этап «информация для общества», вступил в стадию «общество для информации», где информационные технологии становятся все более злокачественными: питаясь человеческим ресурсом, они взимают за свои услуги самую дорогую плату – здоровье[2]. А блага, доставляемые человеку прогрессом техники и предназначенные облегчить человеческие страдания, парадоксальным образом способствуют его гибели. Человеку угрожает опасность задохнуться в самом себе[3].

Доминирующую роль в формировании информационно-технической зависимости играют компьютерные и интернет-технологии, но почти без внимания остается телевизионная зависимость, которая появилась задолго до неотехнологий. Уже в 70-е гг. XX столетия было распространено включение телевизора не только для просмотра передач, но и «просто для шума» или «чтобы уснуть», что сохраняется и в настоящее время. Значимость обрело и содержание транслируемой телеинформации, способствующей как консолидации и транскультурации социальных процессов, так и социальному разобщению, усилению психической нагрузки и иных дисфункций здоровья. Информационные войны усиливают агрессию и конфликты, а недостоверная информация о «конце света», природных и техногенных бедствиях формирует тревожность, социальное беспокойство, не предлагая при

[1] *Александрович О. В.* Социокультурная оценка онкологической заболеваемости // Право и глобальный социум, 2016, № 2, с. 67.

[2] *Шишкина Е.А.* Информационная среда и здоровье общества в проблемных полях социологии медицины // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 19-20 сентября 2013, с. 407.

[3] *Конрад Л.* Оборотная сторона зеркала. М.: Издательский дом «Республика», 1998.

этом никакой защиты от неблагоприятных событий. Возможность распространения паники и беспорядков на основе разного рода информации о чрезвычайных ситуациях отмечена и в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, где информационная безопасность рассматривается как совокупность действий и факторов, создающих опасность ущерба национальным интересам в информационной сфере[1], и вполне определенно свидетельствует о тех явных и скрытых последствиях, которые информационные субстанции оказывают на физическое, психическое и социальное здоровье общества.

Научное понятие «информационное здоровье», понимаемое как «часть общего психического, физического и социального благополучия, которое формируется и зависит от информации»[2], свидетельствует о том, что «сверхвысокие скорости изменений разрывают ткань цивилизационной, культурной и социальной материй»[3], приводят общественный организм в состояние информационной разбалансировки. Информационная культура не включена в пространство здорового образа жизни так же, как здоровый образ жизни не вызывает интереса у представителей информационных структур. По мнению А.В. Решетникова, для успешной жизни люди должны обладать знаниями и опытом – культурой здорового образа жизни. Но сами по себе эти знания мало что дают, если они не обеспечивают понимания тех реальных каждодневных процессов, в которых находятся люди[4].

Известно, что современное общество располагает методами психопрофилактики стрессов при помощи информационных воздействий[5], однако в арсенале знаний отсутствуют способы защиты от самой информации, препятствующие негативному влиянию информационного продукта на здоровье. Возникает потребность изучения феномена информации с позиций здорового образа жизни, конструиро-

---

[1] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Дата подписания – 5 декабря 2016 г. Опубликована 6 декабря 2016 г.

[2] Отрицательное влияние информации на здоровье. URL: http//med-links.ru/sections.php?op=viewarticle&artid=1582 (Дата обращения: 12.01.18).

[3] *Ильин А.Н.* От информационной дезориентации к поверхностному потреблению информации // Информационное общество, 2014, вып. 5-6.

[4] *Решетников А.В.* Социологическое осмысление медицины // Социология медицины, 2003, № 1, с. 9.

[5] *Леонова А.Б., Кузнецова А.С.* Психопрофилактика стрессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.

вания информационной гигиены, способов борьбы с информационным загрязнением. Совершенно очевидно, что профилактика и коррекция информационной деформации общественного и индивидуального сознания представляют сложнейшую многомерную систему подходов и сводятся к теоретической концептуализации проблемы и созданию простейших мер практического предназначения. Это позволило автору предложить ряд практических способов информационной гигиены.

1. Способ «вытеснения» – это всевозможные варианты естественной (не техногенной) релаксации (прогулки, дружеские встречи, чтение книг, хобби, физический труд и пр.), ограничивающие процесс информационного воздействия и минимизирующие степень его негативного влияния.

2. Способ «выключи телевизор». А.Н. Ильин отмечает, что сиюминутность информации и ее постоянное обновление сводятся к замене одних сведений другими, в то время как все они практически равноценны. Новость дня, новость часа, новость минуты приводят к колоссальной психической нагрузке и утрате способности определять приоритеты в понимании реальности, дифференцировать важную информацию и псевдоинформационный спам[1]. В этой связи видится целесообразным сокращение времени включенного телевизора, избирательность телепередач. Новым и позитивным в этом отношении видится опыт турбазы «Толиман», расположенной в экологически чистых местах Свердловской области. При достаточно комфортных условиях и высоком уровне обеспечения ни в одном номере базы нет телевизора (один телевизор в общем холле), что сделано с целью предотвращения информационных перегрузок и создания максимальных возможностей общения отдыхающих с природой.

3. Способ «информация против информации» заключается в информировании населения о вреде чрезмерного использования информационных и информационно-технических средств.

Таким образом, изучение воздействия информации и информационных технологий на здоровье общества позволяет выявить множество социокультурных факторов, способствующих развитию разнообразных дисфункций, и одно-

[1] *Ильин А.Н.* От информационной дезориентации к поверхностному потреблению информации // Информационное общество, 2014, вып. 5-6.

временно наметить пути их преодоления. Признавая развитие информационных технологий процессом объективным и неизбежным, человечество сталкивается с необходимостью конструирования сложной здоровьесберегающей системы, обеспечивающей иммунитет всего социального организма к различным формам неблагоприятного информационного воздействия.

Е.М. БАРИШОВЕЦ
аспирант кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова*

Особенности профессиональных компетенций руководителей образовательных комплексов

В данной статье рассматривается влияние объединений школ и садов в образовательные комплексы на профессиональные компетенции руководителя образовательной организации.

Ключевые слова: *образовательный комплекс, профессиональные компетенции, управленческая система.*

Barishovets E.M. Peculiarities of the professional competences of the heads of educational complexes. *This article discusses the impact of associations of schools and kindergartens in educational complexes on the professional competencies of the head of an educational organization.*

Keywords: *educational complex, professional competencies, management system.*

За последние десятилетия одними из главных элементов глобализации образования стали информатизация общества, присоединение Российской Федерации к Болонскому процессу и, как следствие, установление европейской зоны высшего образования и независимый контроль качества знаний, введение единого государственного экзамена. В процессе модернизации системы образования перечень требований к руководителю образовательного комплекса многократно расширился, в то время как уровень ответственности, как личной, так и профессиональной, возрос.

Несмотря на то, что управление образовательным комплексом во многом схоже с управлением крупной организацией, существует определенная специфика, отраженная в

* Баришовец Екатерина Михайловна, e-mail: barishovec@gmail.com

целях и задачах организации управленческой деятельности. О.С. Зубова выделяет пять типов управленческих функций, возложенных на руководителя образовательного комплекса. В их число входят: административно-организационные, стратегические, экспертно-консультативные, коммуникативные и воспитательные[1].

Законодательно термин «образовательный комплекс» до настоящего времени не зафиксирован. Однако официальные должностные обязанности, необходимые знания и требуемую квалификацию руководителя образовательного учреждения можно найти в «Едином квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и других служащих». Согласно ему для выполнения списка должностных обязанностей руководитель должен обладать обширными знаниями из разных областей, в число которых входят юриспруденция, психология, педагогика, менеджмент, экономика, социология и др. Руководитель должен отслеживать приоритетные направления развития образовательной системы РФ, достижения психолого-педагогической науки, современные педагогические технологии дифференцированного обучения и т.д. Достаточно много внимания уделяется психологии и социальным отношениям между участниками образовательного процесса. Так, например, оговаривается, что руководитель должен знать «методы убеждения, аргументации своей позиции, установления контактов с обучающимися (воспитанниками, детьми) разного возраста, их родителями (лицами, их заменяющими), коллегами по работе», «технологии диагностики причин конфликтных ситуаций, их профилактики и разрешения»[2]. Оговариваются и требования, предъявляемые к руководителю образовательного учреждения: помимо обязательного высшего профессионального образования в сфере управления, необходим опыт работы на педагогических должностях не менее 5 лет. Либо нужно иметь высшее профессиональное образование и

[1] *Зубова О.В.* Особенности управленческой деятельности руководителя образовательной организации в современных условиях // Наука XXI века, 2018, № 12.

[2] Приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 N 761н (ред. от 31.05.2011) Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел "Квалификационные характеристики должностей работников образования - [Электронный ресурс]. – URL: http://static.government.ru/media/files/0kPx2UXxuWQ.pdf (дата обращения: 14.08.2019)

дополнительную подготовку в области государственного и муниципального управления или менеджмента и экономики, а также стаж работы на педагогических и руководящих областях не менее 5 лет.

К сожалению, в связи с тем, что объединение образовательных учреждений в образовательные комплексы было слишком стремительным, люди, которые пришли на руководящие должности в эти комплексы, не в состоянии так же быстро адаптироваться к новым требованиям и приобрести все необходимые навыки и знания, которые могут им помочь при дальнейшей эффективной работе. А так как образовательный комплекс – сравнительно новое явление, то и о списке всех компетенций, необходимых для эффективного управления, пока еще говорить рано. С другой стороны, мы уже можем получить обратную связь, узнав у руководителей образовательных комплексов о специфике их деятельности и сложностях, с которыми они встречаются в процессе работы.

Именно эта возможность и послужила причиной для проведения качественного исследования, направленного на выявление компетенций, которые определяют эффективность работы руководителя в системе управления образовательным комплексом.

Методическую основу данного исследования составляют такие общенаучные методы, как интервьюирование, сравнение, статистические методы, а также сочетание теоретического и аналитического подходов. В качестве стратегии социологического исследования было решено использовать качественный подход. Согласно мнению Т.Е. Зерчаниновой, он лучше, чем какой-либо другой, подходит для эмпирического исследования повседневной практики человеческого взаимодействия[1].

Эмпирическая база исследования представлена 16 руководителями семи различных образовательных комплексов и их подразделений, входящих в число 400 лучших школ Москвы и расположенных в Северном и Северо-Западном административных округах. Все они выделяют две ступени обучения (детский сад и школа). Состав представленных

[1] *Зерчанинова Т.Е.* Социология: методы прикладных исследований: Учеб. пособие для среднего профессионального образования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019, с. 78.

образовательных комплексов варьируется от 7 до 16 учреждений в комплексе.

Возраст части респондентов (5 человек) варьируется в промежутке от 25 до 34 лет. Им немного уступают группы опрошенных, возраст которых составляет от 35 до 44 лет и от 55 лет и больше (по 4 человека). Меньше всего руководителей образовательных комплексов, возраст которых находится в промежутке от 45 до 54 лет (3 человека). В исследуемой выборке процент женщин, занимающих руководящие посты в образовательных комплексах, заметно превалирует над мужским: 12% против 4%.

Исследование проводилось методом индивидуального экспертного интервью по заранее утвержденной анкете. Экспертное интервью состояло из вопросов, разбитых на три тематических блока.

В первый блок вошли вопросы, связанные с получением руководителями их основного образования, второго высшего образования, а также с прохождением профессиональной переподготовки и ее актуальности и целесообразности для развития карьеры. Если обобщить все экспертные мнения, связанные с вопросами из первого блока, то можно сделать следующие выводы.

Подавляющее большинство интервьюированных руководителей образовательных комплексов пришли работать по специальности сразу после окончания обучения в вузах и продолжают работать до сих пор. Респонденты были целенаправленно ориентированы на выбор профессии. Более половины опрошенных работают в педагогической сфере уже свыше 15 лет. Наряду с этим нужно отметить, что руководителей с небольшим общим педагогическим стажем становится больше.

Важной чертой руководителя образовательного комплекса является постоянное желание личностно, профессионально развиваться и совершенствоваться при помощи прохождения курсов повышения квалификации и получения второго высшего образования. В качестве второго высшего образования выбирается, как правило, общее управление или менеджмент в образовании. На данный момент для руководителей также важно получение дополнительного образования в сфере экономики и финансов.

Второй блок вопросов, связанных с профессиональной деятельностью, охватывает такие проблемные темы, как

переход от педагогической деятельности к управленческой, причины смены сферы деятельности, оценка работы в должности руководителя образовательного комплекса. И по итогам анкетирования, посвященного профессиональным компетенциям руководителя образовательного комплекса, можно сделать следующие выводы.

Для руководителей образовательных комплексов не является обязательным участие в профессиональных конкурсах. Однако среди экспертов есть и победители, и призеры, и лауреаты таких конкурсов, как «Учитель года», «Педагогический дебют», «Классный руководитель года», «Образование – взгляд в будущее».

Переход на новую должность из рядовых педагогов в руководители или заместители руководителей связан с двумя основными факторами: желанием профессионально развиваться и строить карьеру, а также с изменениями и реструктуризацией образовательных организаций, когда люди вынуждены соглашаться на руководящие должности.

Многие из руководителей образовательных комплексов до вступления в данную должность имели опыт управленческой работы. Не всегда она была связана со сферой образования. Люди занимали руководящие посты в коммерческих организациях и на государственной службе. Для одних этот опыт стал полезным для профессиональной реализации в текущей должности, для других экспертов он не во всем оказался полезен.

К основным профессиональным качествам, приобретенным за время руководства, эксперты относят умение выстроить работу большого коллектива, используя тайм-менеджмент. Также важными качествами являются стратегическое планирование, делегирование, оперативная оценка ситуаций.

Большинство экспертов отметило, что с объединением образовательных организаций в комплексы у руководителей значительно увеличилось число поставленных перед ними задач и объем работы.

Вопросы третьего блока связаны с личными качествами экспертов. Особое внимание уделено образу эффективного руководителя образовательного комплекса с точки зрения набора профессиональных и личных качеств.

Подводя итог результатам анкетирования, посвященного личностным характеристикам руководителей образовательного комплекса, можно сделать следующие выводы.

В большинстве случаев при назначении на руководящие должности у экспертов возникал страх, связанный с тем, как они будут приняты в коллективе. Также одной из ключевых проблем является неуверенность в себе и собственных силах.

Интересно, что далеко не все интервьюированные видят для себя реальные профессиональные перспективы. Хотя многие руководители рассчитывают на продвижение по карьерной лестнице и признание профессионального сообщества.

Если сравнить личные качества, помогающие в работе опрошенным экспертам, с качествами, которые, по их мнению, необходимы для эффективного руководства, то они совпадают. К ним относятся: коммуникабельность, стрессоустойчивость, ответственность, трудолюбие, доброжелательность, умение работать в команде и быстро учиться, лояльность, широкий кругозор.

Также для руководителя образовательного комплекса важно наличие следующих профессиональных навыков: стратегическое мышление, лидерство, тайм-менеджмент, управление ресурсами, владение основами психологии.

В.А. ГОЛИНЕЙ
аспирант кафедры глобалистики
факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Понятие региональной сплоченности как ключевой элемент образования региональной системы

Настоящая статья посвящена анализу концепта «regionness», используемого в региональных исследованиях. Автором предложены варианты интерпретации данного понятия и намечены возможные пути его актуализации для региональных исследований.

Ключевые слова: *regionness, региональная сплочённость, региональная когезия, региональная система, идентичность.*

Goliney V.A. The concept of regionness as a key element in the formation of a regional system. *This article is devoted to the analysis of the concept «regionness» used in regional studies. The author offers different variants of interpretation of this notion and possible ways for updating it within regional studies.*

Keywords: *regionness, regional cohesion, regional system, identity.*

Современные исследования региона имеют достаточно разветвлённую теоретическую и понятийную базу, опирающуюся на наработки геополитики, теории международных отношений, теории международной экономической интеграции и других политических дисциплин. Основной дискурс, который развернулся в начале XXI в. в отношении понятия «регион», на данный момент происходит в рамках региональных и глобальных исследований и сводится к актуализации таких концептов, как регионализм, регионализация, региональная система и англоязычный термин «regionness».

«Регионализм обычно рассматривается как идеология и проект регионального строительства, в то время как регионализация означает более или менее спонтанные процессы

* Голиней Владимир Андреевич, e-mail: natli2009@yandex.ru

формирования региона различными субъектами, как государственными, так и негосударственными»[1]. Таким образом, чётко видно, как исследователи разделяют эти два понятия между собой.

Представления о региональной системе имеют более сложное объяснение, так как вписываются в общепланетарный контекст. С одной стороны, согласно подходу мирового порядка (World Order Approach[2]) региональная система, которая является субъектом международных отношений на мировой арене и может быть представлена интеграционным региональным объединением, выстраивается «сверху». С другой стороны, согласно новому региональному подходу (New Regional Approach) региональная система также является самостоятельным актором в международных отношениях, но создаётся она «снизу». Что имеется в виду?

Путь сверху, если можно так выразиться, идёт от самой глобальной системы, т.е. региональные объединения строятся по лекалам и правилам, заложенным на мировом уровне. Например, экономические институты и правила в региональном объединении будут совпадать с правилами ГАТТ и ВТО; финансовые инструменты будут функционировать по модели МВФ и ВБ; судебная система будет опираться на нормы Международного суда и международной общепринятой практики и т.д.[3]. Важную роль в такой модели отношений будут играть общемировой центр силы и региональные лидеры (со «своими» региональными системами), разделяющие «правила игры» и поддерживающие устоявшуюся международную систему.

Путь снизу, напротив, рождает региональных лидеров, которые стремятся создать региональную систему со своими правилами «игры». Если такой лидер достаточно силён и способен сплотить вокруг себя другие государства региона, то рано или поздно, нарастив мощь, такая система может бросить вызов имеющейся и сложившейся мировой системе, а значит, начнётся процесс конкуренции и борьбы с гегемоном. Самостоятельность пути также сводится к

---

[1] *Baert F., Scaramagli T. and Söderbaum F.* Intersecting Interregionalism Regions: Global Governance and the EU. Springer, 2014, p. 58.

[2] См.: *Cox R.W. and Sinclair T.* Approaches to World Order. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 552 p.

[3] См.: *Mazarr M.J., Priebe M., Radin A. and Stuth Cevallos A.* Understanding the Current International Order. Santa Monica, Calif: RAND Corporation, 2016. 64 p.

проведению определённой политики регионализма, который бы являлся воплощением заложенных в каждую региональную систему элементов «regionness».

Данное понятие, «regionness», к сожалению, не имеет устоявшегося эквивалента перевода в нашем языке. Иногда его переводят как региональность или «регионность»[1]. Если попытаться разобраться в этом термине, то «regionness» необходимо разграничить с такими концептами, как «regionhood» и «regionality». С последним в русском языке гораздо проще, так как именно «regionality» имеет устоявшийся перевод как региональность. Разница между «regionness» и «regionhood» кроется в двух различных суффиксах, поэтому необходимо обратиться к лексикографии английского языка, где мы найдём употребимость и значение суффиксов -ness, который «позволяет образовывать существительные, обозначающие качество или состояние, из прилагательных и причастий»[2], и -hood, который «указывает на состояние, положение, качество, определенный период и прибавляется к существительным»[3]. Таким образом, видно, что лексически понятие «regionhood», образуемое от существительного, более благозвучно и корректнее, чем «regionness», тем не менее, наибольшую употребимость и популярность в новом региональном подходе получил именно последний концепт. Если же ознакомиться со смыслами, вкладываемыми в эти оба понятия, то «regionhood – это то, что отличает регионы от нерегионов»[4], или то, что позволяет отделить регион от тождественности государству или иным институционализированным формам. Концепт «regionness» имеет в чём-то схожую трактовку, но он более глубок по смысловому наполнению.

Вводя такое понятие, как «regionness», создатели этого термина Б. Хеттне и Ф. Сёдербаум пытались объяснить языком конструктивизма, что в процессе политики строительства

---

[1] *Щипков В.А.* Регионализм как идеология глобализма. М.: МГИМО-Университет, 2017, с. 18.

[2] Определение лексического использования суффикса -ness / [Электронный ресурс] – URL: https://www.dictionary.com/browse/-ness?s=t (время доступа 27.01.2019)

[3] Определение лексического использования суффикса -hood / [Электронный ресурс] – URL: https://grammarway.com/ru/suffixes (время доступа 27.01.2019)

[4] *Langenhove L.V.* Theorising Regionhood. Bruges: UNU/CRIS, e-Working Papers, 2003, p. 9.

региона рождается внутренняя сплочённость, идентичность всего региона[1]. Для того, чтобы такой идентичности достичь, учёные выделили пять стадий:

1) региональное пространство. Под ним понимается любое географическое пространство, в котором ведут жизнедеятельность некрупные, разобщённые группы людей[2];

2) региональный комплекс. Под комплексом имеется в виду наличие более сложной и устойчивой сети отношений между группами людей и в целом общества, что ведёт к созданию определённой социальной системы[3];

3) региональное общество. На данной стадии появляются окончательно сформированная общественная структура взаимоотношений и социальная система, в которой взаимодействуют различные виды акторов (государственные и негосударственные). В мировом контексте появляются такие пространства, как макрорегионы, субрегионы и микрорегионы;

4) региональное сообщество (community) олицетворяет четвертый этап, когда социальная система в географическом плане полностью начинает отождествляться с региональной системой, превращаясь в актора на международной арене, способного самостоятельно принимать решения, имеющего специфичную для себя идентичность, внутреннюю сплочённость[4];

5) регион-государство или «регионально институционализированная полития»[5]. Это конечная стадия формирования «regionness» и всей региональной системы, в результате чего региональная полития заменяет собой форму государства-нации и создаёт свою систему международных отношений с ключевой ролью регионов.

---

[1] См.: *Hettne B.* Neo-Mercantilism: The pursuit of regionness // Cooperation and Conflict, 1993, №28 (3), p. 211–232.

[2] *Hettne B. and Söderbaum F.* The New Regionalism Approach // Politeia. Special Issue: The New Regionalism, 1998, vol. 17, no 3, p. 6-22.

[3] *Hettne B. and Söderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // New Political Economy, 2000, vol. 5, no 3 (December), p. 457-473 / [Электронный ресурс] – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2398942 (время доступа 27.01.2019)

[4] *Schulz M., Söderbaum F. and Öjendal J.* Regionalization in a Globalizing World. A Comparative Perspective on Forms, Actors and Processes. L. and N. Y.: Zed Books, 2001, p. 30.

[5] *Hettne B.* The New Regionalism Revisited // Theories of New Regionalism: a Palgrave Reader. Springer, 2003, p. 29.

Из рассуждений авторов видно, что «regionness» напрямую влияет на формирование региональной системы через усложнение взаимосвязи между людьми, создавая внутреннюю сплочённость (internal cohesion). Вероятно, исходя из представлений о внутренней сплочённости, можно предложить вариант перевода «regionness» на русский язык именно как региональная сплочённость или региональная когезия. При этом существующий термин в физике и химии «когезия», обозначающий «сцепление друг с другом частей одного и того же тела (жидкого или твердого), обусловленное химической связью и межмолекулярным взаимодействием»[1], приобретёт оттенок социальных связей. Наращивание взаимодействия разных элементов социальной системы (общества) приводит как раз к формированию новых качеств, которые могут выражаться в виде идентичности людей, их сплочённости между собой и особенной привязанности, принадлежности к территории и пространству, в котором они живут, наполняя его какой-то идеей, т.е. проводя определённую политику регионализма. Подробно о таком процессе создания сложных кумулятивных обществ ещё в 20-е гг. писал П.А. Сорокин.

Синонимичный вариант представления региональной когезии можно вывести, исходя не из латинского языка, в котором регион происходит от слова «regionem», т.е. «управляемая территория»[2], а из греческого, где имеется такое определение, как периферия. В наиболее частом употреблении используется трактовка периферии как «внешняя, удаленная от центра часть чего-либо»[3]. В то же время в самой Греции административно-территориальные единицы называются периферияими[4], т.е. тождественным для периферии является понятие «регион». Поэтому вполне справедливо можно предположить, что синонимом с тем же самым смысловым контекстом, что имеет региональная когезия, может выступать понятие периферийной синоксии.

[1] Определение термина «когезия» / [Электронный ресурс] – URL: https://www.vedu.ru/bigencdic/28719/ (время доступа 27.01.2019)

[2] Этимология слова «region» / [Электронный ресурс] – URL: https://www.etymonline.com/word/region (время доступа 27.01.2019)

[3] Определение понятия «периферия» / [Электронный ресурс] – URL: https://www.vedu.ru/bigencdic/47239/ (время доступа 27.01.2019)

[4] Административно-территориальное деление Греции / [Электронный ресурс] – URL: https://www.cia.gov/Library/publications/the-world-factbook/geos/gr.html (время доступа 27.01.2019)

И в том и в другом случае видно, что дальнейшее исследование понятия «regionness» лежит на стыке социологии (описание и объяснение процесса создания связей в обществе, появление идентичности), новой геополитики (уточнение взаимосвязи не классических конструкций «почвы и крови», а конструкций «идей и почвы») и дисциплин международных отношений (выявление аспектов субъектности и иерархичности региональных систем в планетарном масштабе).

А.Д. ПРОХОРОВ
магистрант Института истории и политики МПГУ*

Перспективы партийной системы в России

Статья посвящена перспективам партийного строительства в современной России. Актуальным является вопрос реформирования партийной системы власти.
Ключевые слова: *партийная система, политическая система, протестный потенциал, партия власти.*

Prokhorov A.D. Prospects of the party system in Russia. *The article is devoted to the prospects of party building in modern Russia. Relevant is the issue of reforming the party system of power.*
Keywords: *party system, political system, protest potential, party of power.*

На сегодняшний день остроактуальным является вопрос о будущем партийной системы Российской Федерации. В связи с такими вызовами, как пенсионная реформа и поражение кандидатов от партии власти на выборах в четырёх регионах 9 сентября 2018 г., очень важно выяснить будущее партийной системы Российской Федерации и в каком направлении начнёт двигаться действующая власть.

Для начала хотелось бы отметить, что под *партийной системой* в настоящей статье понимается совокупность определённых политических партий (и их взаимодействие), характерных для данной политической системы (политического режима). Строительство современного аппарата есть воспроизводство советского аппарата в новых условиях[1]. И это вполне закономерно. Во-первых, сами конструкторы современной системы демократического государства являлись выходцами из советской системы власти, поэтому они не имели никакого другого опыта, кроме советского. Следовательно, сознательно или бессознательно

* Прохоров Артём Денисович, e-mail: Prokhorovartem@mail.ru
[1] *Пирогов С.В.* Государственная кадровая политика: концептуальные основы, приоритеты, технологии реализации. М. : Изд-во Рос. акад. гос. службы, 1996, 252 с., с. 128.

они воспроизводили советскую схему. Во-вторых, само общество в то время не могло претерпеть кардинальных изменений. Государство должно было оставаться основным источником распределения богатств. Поэтому воспроизводство советской системы было естественным ответом на запрос новых руководителей. Таким образом, удалось создать достаточно эффективную систему власти, которая могла совместить в себе советские традиции и демократические преобразования, но при этом система формальной однопартийности сохранилась.

В 2000-х гг. наметилась тенденция выстраивания вертикали власти, которая «предполагала встраивание влиятельных парламентских организаций в эту моноцентричную систему. Это в свою очередь привело к зависимости партий не столько от избирателей, сколько от государства»[1]. Что по своей сути напоминает «эффект перевёрнутой пирамиды», которой тяжело удержаться на своей макушке удерживая столь большую государственную машину. Но несмотря на это данная структура почти не давала сбоев до проведения пенсионной реформы, которая вызвала серьёзные протестные настроения электората, что способствовало поражению выдвинутых властью кандидатов на выборах 9 сентября 2018 г. в четырёх регионах России. Однако нынешняя политическая система продолжила своё существование. Это показало нам достаточный запас прочности правящей партии, а также высокую эффективность каналов коммуникации и электоральных представительств, что подтверждается победами партии «Единая Россия» в других регионах на выборах на различных уровнях. Несмотря на высокий уровень протестного потенциала народ, предпочёл пойти на выборы, а не устраивать митинги по поводу сложившейся повестки дня. Это продемонстрировали выборы 9 сентября 2018 г., которые свидетельствуют о том, что электоральные каналы работают. И такими каналами являются оппозиционные политические партии. На это обратил внимание Президент РФ В.В. Путин на праздновании 25-летия российской избирательной системы[2].

---

[1] *Волгин Е.И.* Политические партии России в начале нового века // Государственное управление. Электоральный Вестник, 2015, № 51, с. 213.

[2] *Балицкий А.* 25 лет российской избирательной системе. Что Путин сказал работникам избиркомов Вести.RU [Электронный ресурс] – Режим

Безусловно, это не означает, что данная система работает идеально, но говорить о какой-либо кризисной ситуации не имеет смысла. Здесь речь идёт скорее о тренде, связанном с диссонансом общественного сознания со сложившейся политической системой власти. Государству по определению очень тяжело развиваться в соответствии с запросами общества. Изменения происходят, но, как правило, с опозданиями. Современному электорату уже не интересен ответ на вопрос, почему одна партия лучше, чем другая. Сегодня потенциальный избиратель задаётся вопросом, что он получит лично от победы той партии, за которую он отдал свой голос. Отсюда, на наш взгляд, и перевыборы в четырёх регионах РФ. Избиратели не согласились с той ролью кандидата, которая была прописана для него изначально. Референдумный характер выборов (или, другими словами, уведомительный) не удовлетворил требования избирателей, что усугубило протестное голосование. Но стоит отметить важную составляющую протестного электорального поведения, которое заключалось не в голосовании за оппозиционные партии, а в голосовании против сложившейся политической системы в целом[1]. Что подтверждается локальными акциями протеста против выдвигаемых кандидатов (кейс Приморья).

Это очень тревожный сигнал для правящей элиты, который демонстрирует необходимость модернизации всей системы власти, а именно решения ряда вопросов.

Во-первых, вопрос муниципального фильтра. На сегодняшний день муниципальный фильтр служит скорее не как регулятор избирательной системы, а как политтехнологический инструмент для достижения поставленной цели. Оппозиционные кандидаты не могут элементарно набрать нужное количество подписей муниципальных служащих по причине их банального отсутствия. Если рассмотреть кейс Франции и Севастополя, то мы увидим принципиальную разницу в количестве депутатов и количестве минимально необходимых подписей.

доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=3077795, свободный. – (дата обращения: 04.11.2018).

[1] *Черенев А.А., Попов П.Л.* Протестное электоральное поведение в Иркутске и Иркутской области // Вестник Поволжского института управления, 2018, т. 18, № 2, с. 126.

Таким образом, на наш взгляд, эту проблему можно решить комплексом мер: а) создание унифицированной системы набора подписи, которая заключалась бы в снижении до какого-то уровня максимального процента муниципального фильтра и уменьшении количества муниципалитетов в муниципальных образованиях, от которых должны быть подписи муниципальных депутатов, б) дифференциация по территориям и по уровням должна быть отменена или существенно изменена, в) необходимо дать право депутатам голосовать несколько раз за разных кандидатов, что существенно снизит напряжение в регионах. Это позволит в значительной степени уменьшить столь ярко выраженную роль муниципального фильтра как инструмента в достижении цели во время выборов.

Во-вторых, вопрос удовлетворения запросов общества. На сегодняшний день можно говорить об устойчивом формировании нового слоя населения – «горожане», которые заинтересованы в сильном и стабильном государстве для совершенствования систем образования и здравоохранения. На сегодняшний день ни у одной партии нет ярко выраженной программы по удовлетворению этих интересов. Отсюда вытекает запрос населения на удовлетворение своих частных интересов здесь и сейчас – т.е. популистской составляющей, что в действительности создаёт опасность для политической системы. На данный запрос частично отвечает В.В. Путин, но власть реагирует по существу, а не по форме, что свидетельствует о том, что современная политическая элита не собирается сдавать свои позиции, но для удовлетворения запроса общества может консолидироваться с другими парламентскими партиями, такими как Справедливая Россия, или изменить название партии[1]. Но сегодня эти проекты вряд ли осуществимы.

Таким образом, мы видим возможную альтернативу для партийной системы в транзите политической системы, которая позволит перейти к большей политсубъектности с несколькими центрами силы, при которых каждая партия будет представлять интересы отдельных слоёв общества. Но для этого партии должны удовлетворять конкретные требования

[1] *Винокуров А.* Как партийная система изменится к выборам в ГосДуму Газета.RU [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2018/10/28_a_12038623.shtml?updated, свободный. – (дата обращения: 04.11.2018).

населения и этому соответствовать, т.е. заполнить разрыв между программой партии и реальной жизнью общества. В связи с этим перспективы парламентской оппозиции видятся нам в тесном взаимодействии всех политических сил, поскольку партия оппозиции и партия власти – это всё одна политическая система власти, при которой успех оппозиции зависит не от регионального или государственного ресурса, а от качественной поддержки ресурса власти[1]. Следовательно, тактика партийной работы должна выстраиваться с учётом этой особенности и по принципу системы взаимодействия. Если этого не будет, возможно накапливание негатива к партии большинства по причине того, что это большинство, на котором лежит большая ответственность, чем на других партиях.

Власть осознаёт запрос на новые политические силы, поэтому возможен выход новых игроков на политическое пространство, но актуальным остаётся вопрос, сможет ли оппозиция превратиться в ту силу, которая будет бороться за власть и при победе будет готова предложить свой собственный курс[2]. На наш взгляд, этого не произойдёт по причине того, что оппозиционные партии заинтересованы в сохранении нынешней партийной системы, а также из-за отсутствия у них собственного внутреннего аппарата, способного на решение конкретных задач. Поэтому мы можем говорить, что у власти есть сценарий развития событий, но реформы партийной системы проводиться будут с прицелом на парламентские выборы 2021 г.

[1] *Асонов Н.В.* Российская партия нового типа: проблема создания и функционирования / Партия нового типа: необходимость и перспективы создания в России. Материалы научно-экспертной сессии. Москва, 28 октября 2015 г. Центр научной политической мысли и идеологии. М.: Наука и политика, 2015, с. 148-154.

[2] *Шугаев А.А.* Перспективы и новые вызовы партийного строительства в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии, 2016, № 1(108), с. 29-32.

В.Н. ФОМЕНКО
соискатель Национального института бизнеса*

Теоретико-политологические подходы к пониманию сущности экстремизма

В статье представлен анализ политологических подходов к исследованию экстремизма. Проведен анализ основных сущностных признаков экстремизма, характерных для каждого подхода, выявлены их сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: *экстремизм, сущность экстремизма, подходы к пониманию экстремизма, признаки экстремизма.*

Fomenko V.N. Theoretical and political approaches to understanding the essence of extremism. *The article presents an analysis of political science approaches to the study of extremism. The analysis of the main essential features of extremism specific for each approach was carried out, their strengths and weaknesses were identified.*

Keywords: *extremism, the essence of extremism, approaches to the understanding of extremism, sings of extremism.*

Исследование экстремизма как социально-политического явления имеет актуальное значение. Это обусловлено прежде всего теми угрозами, которые несут миру его проявления, использование крайних взглядов и средств в политической практике. В современных условиях экстремизм приобрел статус одного из опаснейших социально-политических явлений, в Российской Федерации он включен в число угроз национальной безопасности страны. Показательна в этой связи оценка, данная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным: «Думаю, никому не надо доказывать, насколько опасна сама природа экстремизма, насколько разрушительна его идеология, идеология нетерпимости, разжигания ненависти, вражды. Во всех своих проявлениях экстремизм имеет агрессивный, подстрекательский, а нередко насильственный характер, связанный с террором»[1].

* Фоменко Владимир Николаевич, e-mail: wevum2014@yandex.ru

[1] Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании Совета Безопасности 20 ноября 2014 г., посвя-

Следует отметить, что проблема экстремизма до сих пор носит дискуссионный характер. Существует множество подходов, оценок, мнений по различным аспектам этого явления, в том числе в понимании его сущности, классификации разновидностей.

Об актуальности современных исследований экстремизма свидетельствует тот факт, что с 1990 г. по 2018 г. в Российской государственной библиотеке насчитывается 922 источника. Из них 120 составляют диссертационные исследования. В свою очередь, по политическому экстремизму написано 178 работ, из них 48 составляют диссертационные исследования, в том числе 15 докторских[1].

Анализ данных трудов, проведённый автором, позволил выделить несколько теоретико-методологических подходов, применявшихся к исследованию экстремизма. Их систематизация представлена в таблице.

Таблица

Основные подходы к пониманию сущности экстремизма

№	Подход к исследованию экстремизма	Представители подхода	Основные сущностные признаки экстремизма, характерные для подхода
1.	Социально-философский	Хоровинников А.А., Авдеева Ю. И., Романова Н. А., Эфирова С. А., Морозова Г. И., Козлова А.А.	Основной упор сделан на изучение природы экстремизма, раскрытии объективных и субъективных аспектов его существования, выявлении сущности и специфических свойств.
2.	Политико-правовой	Пиджаков А.Ю., Фридинский С.Н. Зеленков М.Ю., Арчаков М.К.	Понимание экстремизма как способа радикального отрицания общественных норм, основанного на приверженности к радикальным взглядам.

щенном рассмотрению Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/47045 (дата обращения 20.09.2018 года)

[1] См., например: URL: http://search.rsl.ru/ru/search#yf=1990&q=title%3A-(политический%20экстремизм) (дата обращения 13.09.2018 г.); *Арчаков М.К.* Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия: Дисс. ... д-ра полит. наук. Благовещенск, 2016. 320 с.; *Романов Н.А.* Политический экстремизм как угроза безопасности страны: Дисс. ... д-ра социол. наук. М., 1997. 394 с.

3.	Политико-аксиологический	Яхъев М.Я., Томалинцев В.Н. Авдеев Ю.В., Гуськов А.Я.	Основной акцент направлен на идеологические основы, на выявление ценностного содержания экстремистской деятельности (движущих сил, мотивов).
4.	Структурно-функциональный	Азева С.В., Амирокова Р.А.	Экстремизм изучается как структура, состоящая из различных элементов, осуществляющих определенные функции.
5.	Неоинституцио-нальный	Гетц Р.Н., Селенцов А.М.	Экстремизм характеризуется как формальный или неформальный политический институт, несанкционированный общественными нормами, выраженный в нелегитимной форме взаимодействия определенной группы индивидов и являющийся для них стандартным поведением в социуме.
6.	Деятельностный	Плотников В.В,, Мартьянов В.С., Фишман Л.Г., Сотлар А.	Определяют экстремизм как деятельность крайне радикальных сил на практике.
7.	Конфликтологи-ческий	Писаренко О.Н., Безуглый В.Ф.	Суть данного подхода заключается в анализе противоречий, приводящих к столкновению сторон и проявлениям экстремизма субъекта конфликта, склонного к нетерпимости, крайним мерам и действиям.

1. Социально-философский подход. Характерные для него исследования акцентировали внимание на природе и сущности экстремизма, раскрытии объективных и субъективных аспектов его существования, причин и сущности, специфических свойств, соотношения с близкими, но не тождественными ему явлениями, такими как фашизм, большевизм, ультралевый и ультраправый радикализм и др.

В рамках данного подхода А.А. Хоровинников наиболее содержательно выявил отличительные черты экстремизма,

а именно: деструктивно-деятельностный характер осуществления человеком своей сущности, направленный на периферию процесса укоренения бытийного статуса; характеризует крайние устремления индивида в условиях процесса экстремального развития; представляет собой специфическую форму отчуждения, направленную на уничтожение регулярной идентичности[1].

В трудах В.В. Витюка, А.С. Грачева, А.А. Галкина, А. Бланка, Б.Н. Бессонова, М. Гус, П. Рахшмира глубоко осмыслены истоки, причины, суть фашизма, нацизма, большевизма как проявлений экстремизма. Это дало основание ряду либеральных политиков постсоветской России необоснованно отождествить понятия «фашизм» и «большевизм». При этом не учитывалась качественное различие политических целей указанных радикальных течений.

2. Политико-правовой подход. Для него характерен формально-юридический анализ государственно-правовых и политических отношений и явлений.

Ценность данного подхода состоит в том, что экстремизм понимается как форма политической борьбы, выраженная в совершении тех или иных насильственных действий, вступающих в противоречие с политическими нормами.

3. Политико-аксиологический подход. Некоторые ученые попытались применить к изучению экстремизма политико-аксиологический подход. С помощью данного подхода исследователи поставили цель определить мотивационные факторы совершения насилия политическими экстремистами с точки зрения ценностно-рационального действия. Исследуются движущая сила, мотивы насильственных действий и главным образом экстремистская идеология.

Так, по мнению В.П. Журавель, «идеология террористической и экстремистской деятельности – это тот стержень, который не только сплачивает людей в организацию единомышленников»[2].

Политико-аксиологический подход позволяет определить основные мотивационные факторы политического экстремизма как набор ценностных ориентиров в борьбе за

---

[1] *Хоровинников А.А.* Экстремизм как социальное явление: философский анализ. Дисс. ... канд. филос. наук. Саратов: Сарат. гос. ун-т им. Н.Г.Чернышевского, 2007. 201 с.

[2] Цит.по: *Томалинцев В.Н.* Экстремаль России: прогноз развития. "Фонд "Отечество", 2005, с. 104.

политическую власть. Безусловно, применение данного подхода подробно раскрывает причины экстремизма, его идеологическую сторону, в то же время не совсем ясно, какие ценности отстаивают экстремисты, в чем содержание и сущность данного явления.

4. Структурно-функциональный подход. Данное направление в исследовании экстремизма нацеливает на раскрытие его основных составляющих и тех функций, которые они осуществляют.

С.В. Азева, используя структурно-функциональный анализ в своем исследовании, рассматривает экстремизм как сложную структуру взаимосвязанных элементов, при которой каждый элемент имеет определенное назначение и осуществляет специфические функции[1].

А.Р. Амирокова указывает, что экстремизм представляет собой некую целостность во взаимосвязи с различными факторами политического и социального процесса. Другое не менее важное свойство экстремизма, объясняющее его высокую политическую и социальную востребованность и способность проникать в массы и управлять массовым сознанием, заключается в том, что он оперирует простыми и доступными схемами для решения сложных проблем. Но за этой внешней простотой кроется стремление подменить существующие законы, мораль, систему отношений[2].

Применение структурно-функционального подхода достаточно глубоко раскрывает структуру экстремизма, подробно описывает его элементы и функции каждого элемента. В то же время применение данного подхода не позволяет в полной мере разобраться в целях и причинах экстремизма, его угрозах для национальной безопасности России.

5. Институциональный (неоинституциональный) подход.

В работе А.М. Семенцова раскрывается сущность молодежного экстремизма с позиции институционального подхода. Ученый считает, что экстремизм институционализируется как результат трансформации политического радикализма, требующего коренных изменений существующего

---

[1] *Азева С.В.* Современный политический экстремизм в России: Структурно-функциональный анализ: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2005. 26 с.

[2] *Амирокова Р.А.* Политический экстремизм в современном политическом процессе России: Автореф. дисс. … канд. полит. наук. Черкесск, 2006, с. 25.

порядка, когда действующая государственная власть не способна эффективно противостоять растущим в обществе шовинизму, ксенофобии, сепаратизму, терроризму[1].

Р.Н. Гетц попытался исследовать экстремизм с использованием неоинституционального подхода. Автор, основываясь на общей институциональной теории, под политическим экстремизмом понимает неформальный политический институт[2].

Экстремизм зачастую возникает эпизодически и не существует постоянно, происходят своеобразные всплески данной деятельности, поэтому довольно спорной является позиция автора о признании экстремизма институтом, пусть и неформальным.

6. Деятельностный подход. Определяют экстремизм как деятельность крайне радикальных сил на практике.

Практическую направленность экстремизма подчеркнул А. Сотлар. С его точки зрения, экстремизм необходимо воспринимать только в качестве политического термина, «который детерминирует действия, не являющиеся нравственно, идеологически и политически допустимыми в соответствии с нормами (законными, конституционными, а также негласными), а также такими, которые отклоняют демократические средства управления и способы разрешения проблем, отклоняя демократический строй как таковой»[3].

В данном контексте необходимо обратиться к высказыванию В.С. Мартьянова и Л. Г. Фишмана, поскольку они обосновывают, почему должно рассматривать экстремизм лишь только через экстремистские практики. Ученые утверждают: «...в самом общем приближении экстремизм (фр. extremisme, от лат. extremus – крайний) – это политическая практика, в основе которой лежат радикальные идеи, отрицающие идейно-институциональные основы данного общественно-политического устройства и призывающие к

---

[1] *Семенцов А.М.* Институциональные формы молодежного экстремизма в российском политическом процессе: Дисс. … канд. полит. наук. Ростов- н/Д., 2007.

[2] *Гетц Р.Н.* Современные технологии противодействия политическому экстремизму в Российской Федерации: Дис . … канд. полит. наук. СПб., 2005.

[3] *Sotlar A.* Some Problems with Definition and Perception of Extremism within Society. Интернет-портал NCJRS - National Criminal Justice Reference Service by U.S. Department of Justice. URL: http://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf (дата обращения: 10.12.2018).

немедленному насильственному изменению легитимного конституционного строя»[1].

7. Конфликтологический подход. Суть данного подхода заключается в анализе противоречий, приводящих к столкновению сторон и проявлениям экстремизма субъекта конфликта, склонного к нетерпимости, крайним мерам и действиям.

Арсенал средств, используемых сторонами в политическом конфликте, весьма широк и, в частности, включает в себя крайние меры поведения, именуемые экстремизмом. Как отмечает в своей статье В.Ф. Безуглый, «экстремизм сквозь призму поведенческих реакций индивида или социальной группы на внешнюю ситуацию – это девиантное поведение, выраженное в инструментальной избыточности подобного образа поведения по отношению к ситуации и принятым общественным стандартам»[2].

Таким образом, проведенный анализ позволил сделать вывод о различных существующих теоретико-политологических подходах к изучению экстремизма, для которых характерно выделение специфических признаков данного явления и соответствующих методологических оснований, инструментария исследования экстремизма.

[1] *Мартьянов В.С., Фишман Л.Г.* Быть свободным или бороться с экстремизмом? // Новый мир, 2008, №11.

[2] *Безуглый В. Ф.* Конфликтная парадигма анализа экстремизма // Конфликтология, 2007, № 2.

Е.В. БОЧАРОВ
соискатель Национального института бизнеса*

Некоторые методологические подходы к изучению политических конфликтов, влияющих на безопасность государства

В статье рассматривается ряд методологических подходов к изучению политических конфликтов как сложного и противоречивого социального явления, характерного для всех государств постсоветского пространства.

***Ключевые слова**: политический конфликт, постсоветское пространство, системный, аксиологический, конкретно-исторический, личностный, геополитический подходы.*

***Bocharov E.V. Some methodological approaches to studying political conflicts influencing safety of a state.** The article deals with some methodological approaches to studying political conflicts as a part of complicated and contradictive social occurrence indicative of all states on post-Soviet territory.*

***Keywords**: political conflict, post-Soviet territory, systematic, axiological, concrete historical, personal, geopolitical approaches.*

Образование новых международных суверенов на территории постсоветского пространства явилось детонатором обострения межнациональных противоречий, характеризующихся высоким уровнем политического противостояния. При этом сравнительный анализ межнациональной напряженности в Прибалтике, Приднестровье, в республиках Закавказья и Средней Азии, на Украине, а также в различных регионах Российской Федерации свидетельствует о доминирующей роли политики во всех этих конфликтных ситуациях. Все конфликты на постсоветском пространстве, находящиеся в стадии «замороженных» или «тлеющих», служат факторами дестабилизации вокруг России. Роль политичес-

* Бочаров Евгений Владимирович, e-mail: b fwork@list.ru

кого фактора явилась во многом преобладающей как при возникновении и развитии, так и в процессе урегулирования конфликтов. При этом важно учитывать, что политические конфликты, зачастую переходящие в фазу вооруженного противостояния, несут в себе непосредственную угрозу безопасности России и ее союзников.

Украинский кризис актуализировал проблему замороженных конфликтов на постсоветском пространстве, продемонстрировав, что дезинтеграционные процессы на территории бывшего СССР завершены еще не в полной мере. На сегодняшний день с политической и военной точки зрения украинский кризис, наиболее активно проявившийся с 2013 г., наряду с карабахским, пожалуй, самые острые на всем постсоветском пространстве. Насильственная смена власти на Украине, образование самопровозглашённых республик на Юго-Востоке страны и последующие боевые действия, повлекшие за собой значительное число погибших и раненых, потоки беженцев[1], значительные материальные потери, – все это представляет собой один из важнейших пунктов повестки дня современных международных отношений, переговорного процесса.

Характер социального взаимодействия на территории, обозначенной границами бывшего Советского Союза, веками отличался от западного. Поэтому конфликты на постсоветском пространстве носят несколько иной характер по сравнению с западными. Соответственно для их объяснения желательны не только западные, но и отечественные теории.

В этой связи отечественные ученые выявили 16 отраслей наук, занимающихся изучением конфликтов как сложного социального явления. К ним относятся: военные науки, география, искусствоведение, исторические науки, медицина, педагогика, политические науки, правоведение, психология, социобиология, социология, технические и физико-математические науки, филология, философия и экономика[2].

С точки зрения философской методологии любое явление может быть рассмотрено на основе реализации определенных подходов. При этом выводы, делаемые исследо-

[1] Гуманитарный бюллетень Украина. [Электронный ресурс] URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/humanitarian_bulletin_issue_14_september_2016_ru.pdf (дата обращения 08.05.2019).

[2] *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология: Учебник для вузов. М.: Эксмо, 2009, с. 39.

вателем, также находятся в зависимости от подходов, которые он использует. Представляется, что наиболее перспективными подходами к исследованию проблем предотвращения политических вооруженных конфликтов являются системный, аксиологический, конкретно-исторический и личностный. Помимо указанных, представляется целесообразным использовать *геополитический подход*, который основывается на комплексной оценке пространственных характеристик государства и выявлении их связей со всеми сторонами жизнедеятельности общества, государства и личности. В качестве методологической основы геополитического подхода выступает теория геополитики.

Конкретно-исторический подход показывает необходимость учета в процессе изучения конфликтов всех конкретных условий, в которых они развиваются, обстоятельств, места, времени, сложившейся обстановки. Каждый конфликт уникален по своей природе. В мире никогда не было, нет и не будет двух совершенно одинаковых конфликтов. Нельзя ограничиваться при анализе конкретного конфликта применением знаний, характеризующих конфликты подобного вида. Общее и особенное при их исследовании должно сопрягаться с единичным знанием о конкретном конфликтном взаимодействии. Кроме того, данный принцип позволяет проводить сравнительный анализ различных конфликтов, выявляя факторы и закономерности их развития[1].

Личностный подход заимствуется у психологии, выступающей своего рода базой для взаимодействия отраслей конфликтологии. Применительно к последней он формулируется как необходимость выявления и учета личностных особенностей конкретных людей, являющихся носителями определенных интересов и выступающих центральным звеном конфликтов всех без исключения уровней.

В конфликтах участвуют не некая усредненная модель человека или социальной группы, а конкретные люди, имеющие свои индивидуально-психологические особенности. Представляется, что при изучении политических конфликтов указанный подход тесно взаимосвязан и реализуется через различные теории элит. Государственные перевороты и вооруженные конфликты на постсоветском пространстве в значительной степени связаны с ролью

[1] Там же, с. 122.

конкретных представителей «элиты» новых независимых государств – будь то руководители страны или оппозиция. Зачастую политологи описывают политический конфликт как противостояние конкретных политиков (Э. Шеварднадзе – М. Саакашвили, А. Акаев – К. Бакиев, В. Янукович – П. Порошенко и др.).

Также представляется перспективным применение *аксиологического (ценностного)* подхода при рассмотрении проблем обеспечения национальной безопасности[1] в целом, а также при анализе политических конфликтов на постсоветском пространстве в частности. Аксиология – философское учение о природе ценностей, их месте и роли в обществе, человеческой деятельности[2]. Под ценностями в контексте обеспечения безопасности следует понимать не только духовные феномены, но и все значимое для людей и удовлетворения их потребностей (любые вещи, их свойства, отношения, процессы и т.д.).

Несомненно, что самостоятельную ценность несут в себе и политические отношения. Стабильные отношения разных субъектов являются основой для развития взаимовыгодных контактов в различных сферах. При этом отношения устанавливаются, прежде всего, с социально значимыми субъектами, которые рассматриваются как потенциальный источник удовлетворения актуальных потребностей. Сами отношения приобретают прочную взаимную основу (взаимоотношения) при условии выгодного для субъектов взаимодействия. Вообще стабильность является одним из важнейших компонентов любого государства, сущностной характеристикой его политической системы. Под стабильностью государства часто понимается тенденция основных элементов его политической системы оставаться в рамках определенных и заранее установленных ограничений, даже если система испытывает воздействие со стороны среды. При этом нередко различается «структурная» стабильность государства, т.е. продолжение во времени функционирования государственного механизма без каких-либо значительных изменений его существенных элементов, и «динамичная стабильность» государства, под которой понимается движение государст-

[1] *Поздняков А.И.* Система основных понятий теории национальной безопасности с позиций ценностного (аксиологического) подхода // Безопасность России в XXI веке. М.:РИЦ ИСПИ РАН, 2006, с. 240-253.

[2] См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 763.

венного механизма к восстановлению равновесия, нарушенного воздействием внутренних или внешних сил[1].

Следует учитывать, что значимость субъекта отношений существенно возрастает вследствие увеличения частоты контактов с ним, отсюда наивысшую значимость приобретают отношения с наиболее близкими и соседствующими субъектами. Кроме того, не меньшее влияние на значимость отношений оказывает различие в статусах субъектов.

Политический конфликт – сложное социальное явление, структура которого, а также возможность разрешения или урегулирования тем сложнее, чем более переплетены и многочисленны причины его возникновения. В этой связи *системный подход* можно определить как направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем. Анализируя конфликт, важно выявлять все многообразие элементов в его структуре, связи между ними, а также отношение изучаемого конфликта к внешним по отношению к нему воздействиям и явлениям.

Данный подход позволяет раскрыть целостность конфликта как явления, обнаружить в нем все основные многообразные типы связей и свести их в единую теоретическую картину, максимально разносторонне и глубоко отражающую реальные конфликты. При исследовании конфликтов предстaвляются целесообразными пять последовательных этапов: системно-компонентный, системно-структурный, системно-функциональный, системно-эволюционный и системный синтез[2].

В ходе системно-компонентного анализа выделяется и изучается *состав* системы, формируется перечень, спецификация ее элементов (подсистем). Среди понятий, которые характеризуют структуру конфликта, выделяют такие, как конфликтная ситуация, ее образы, объект, а иногда и предмет конфликта, участники, условия протекания, действия сторон, приемы и способы противодействия.

Системно-структурный анализ конфликта заключается в изучении конфигурации (способ, форма, порядок) *взаимо-*

---

[1] *Медведев Н.П.* Политические кризисы и конфликты теория и практика: Монография. М.: Издательство журнала «Вопросы политологии», 2017, с. 146.

[2] *Поздняков А.И.* Системно-деятельностный подход как методология исследования социальных процессов в пограничной сфере. Голицыно, 2014. 197 с.

связи элементов в системе. Этот этап имеет два аспекта – внешний (связи изучаемой системы с метасистемой) и внутренний (связи элементов или подсистем внутри системы).

Наряду с тем, что он является системой, конфликт представляет собой и процесс, имеющий динамику своего развития. Поэтому структура конфликта понимается как совокупность устойчивых связей конфликта, обеспечивающих его целостность, тождественность самому себе, отличие от других явлений социальной жизни, без которых он не может существовать как динамически взаимосвязанная целостная система и процесс.

Политологический анализ структуры политического конфликта как системы – это, прежде всего, анализ *социально-политических отношений* между структурными элементами (субъектами политических отношений). При этом центральной задачей оценки конфликта выступает анализ сущности, содержания и тенденций развития как межгосударственных, так и внутригосударственных социально-политических отношений.

Анализ социально-политических отношений может выступать в форме их оценки, которая является основой для последующего прогнозирования политических процессов, инициированных субъектами этих отношений, а также для принятия управленческих решений. Так, согласно позиции А.И. Позднякова по характеру военно-политические и пограничные отношения, которые на взгляд автора можно рассмотреть как разновидность социально-политических, бывают союзническими, дружественными, партнерскими, нейтральными, напряженными, конфликтными и враждебными[1]. Это – основная шкала различения и упорядочивания оцениваемых отношений, характеризующая их сущность и направления эволюции в конфликтах.

На этапе системно-функционального анализа конфликта выявляется и анализируется стабильная (устойчивая) динамика системы, т.е. ее функционирование, под которым понимается устойчивая (для некоторых систем и целесообразная) циркуляция (обмен) веществ, энергии, информации как внутри системы, так и системы с метасистемой (внешней средой).

---

[1] *Поздняков А.И.* Системно-деятельностный подход как методология исследования социальных процессов в пограничной сфере, с. 94.

Системно-эволюционный анализ конфликта направлен на изучение необратимых (не функциональных, а именно эволюционных) процессов в системе, т.е. на выявление изменений (плавных или скачкообразных) состава, структуры, функционирования изучаемой системы (в разных сочетаниях), а также состава, структуры и функционирования метасистемы, включающей изучаемую.

По мнению автора, конфликтные отношения могут рассматриваться как следствие существенных разногласий политических субъектов по вопросам удовлетворения актуальных потребностей и реализации своих интересов. Как правило, предпосылкой конфликтных отношений является стремление одного или обоих субъектов удовлетворять свои потребности без учета интересов другой стороны. Важным условием при этом является ограниченность ресурсов, рассматриваемых сторонами как источник удовлетворения потребностей.

Системный синтез являет собой целостную характеристику, которая отнюдь не сводится к сумме характеристик всех слагаемых компонентов, так как связь между ними порождает новое качество, которое характеризует итог всех взаимодействий, систему в целом. При всех частных противоречиях, разнонаправленных целях и действиях субъектов политических отношений складывается определенный баланс интересов, некое устойчивое качество отношений.

Как ранее отмечалось, исследованием конфликта как явления занимаются 16 наук. Учитывая это, важно применять в ходе его изучения *междисциплинарный анализ*, который предполагает в рамках одной науки максимально полное использование знаний, полученных в иных частных науках, рассматривающих конфликт в качестве объекта или предмета исследования.

Вышесказанное позволяет утверждать, что политический конфликт – явление полидисциплинарное, так как, опираясь на знания только одной науки – политологии, социологии, психологии или какой-либо другой, его ни глубоко изучить, ни тем более регулировать невозможно. Поэтому представляется что, изучая любой конфликт (а тем более политический), важно как можно более полно ознакомиться с методологией, теорией, методами и результатами проведения исследований, используемыми в различных областях научного знания.

Анализ политических конфликтов на постсоветском пространстве целесообразно проводить, используя методологические подходы к исследованию социальных явлений. В качестве основных выступают философские, общенаучные, конкретно-научные подходы, которые позволяют рассматривать политические конфликты как сложное и противоречивое социальное явление, оказывающее влияние на безопасность государства.

К.Д. ЩЕРБА
аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова*

Сравнительный институционально-политический анализ европейской и евразийской интеграции

Одним из первых интеграционных объединений на современной геополитической карте мира стал Европейский союз, соединивший политические и экономические возможности 28 европейских государств. Опыт развития Евросоюза может быть использован и адаптирован в процессе формирования новейшей региональной интеграции – Евразийского экономического союза.

***Ключевые слова**: Евросоюз, Евразийский экономический союз, ЕС, ЕАЭС, опыт Евросоюза, интеграция.*

Scherba K.D. Comparative institutional and political analysis of European and Eurasian integration. *One of the first integration associations on the modern geopolitical map of the world was the European Union, which connected the political and economic opportunities of 28 European states. The experience of the development of the European Union can be used and adapted in the process of forming the newest regional integration – the Eurasian Economic Union.*

***Keywords:** European Union, Eurasian Economic Union, EU, EAEU, EU experience, integration.*

Характерной особенностью XXI в. является переход от национального к региональному и мировому экономическому, финансовому, информационному и гуманитарному пространству, обусловливающему преодоление государственных барьеров на пути движения информации, капиталов, товаров и услуг. Исторический процесс объединения взаимосвязанных национальных экономик в единую систему получил наименование региональной интеграции.

Европейские государства первыми включились в интеграционные процессы, сформировав наиболее успешную

* Щерба Ксения Дмитриевна, e-mail: k.scherba@mail.ru

интеграционную структуру – Европейский союз (ЕС). Функционируя как единый субъект международных политических и экономических отношений, Евросоюз занимает 7-е место по территории, 3-е место по численности населения и 2-е место по объему ВВП в мире. С помощью стандартизированной законодательной системы, действующей во всех 28 странах Союза, был создан общий рынок, гарантирующий свободное передвижение людей, товаров, услуг и капитала.

Формированию Европейского союза предшествовали длительные процессы сближения самостоятельных политических структур, ориентированные на реализацию экономического, правового, социального и культурного сотрудничества.

Одним из первых общественных деятелей, задумавшихся о формировании союза европейских государств, был австрийский философ и политик Р.Н. Куденхове-Калерги, издавший в 1923 г. манифест «Пан-Европа». Учрежденное в соответствии с данным манифестом общественно-политическое движение «Панъевропейский союз» объединило лучшие умы того времени: проект поддержали А. Эйнштейн, З. Фрейд, Т. Манн, Ф. Нансен, А. Бриан, Л. Блюм, Ж. Помпиду и многие другие.

После окончания Второй мировой войны континентальный политический климат благоприятствовал отказу от националистических идей и интеграции европейских государств. 19 сентября 1946 г. У. Черчилль произнес в Цюрихском университете речь о необходимости формирования европейской федерации по образцу Соединенных Штатов Америки. Предложенная Черчиллем концепция интеграции получила наименование федерализма.

Федеративную теорию развития европейской интеграции активно поддерживал и развивал итальянский политолог и государственный деятель А. Спинелли, ставший впоследствии одним из отцов-основателей Европейского союза. Согласно концепции Спинелли в рамках европейской федерации должна быть выстроена гармоничная система местных, региональных, национальных и межгосударственных органов, полномочия которых должны находиться во взаимосвязи и взаимодополнении. Как отмечал другой сторонник концепции федерализма Э. Уистрич,

«сущность федерализма заключается в децентрализации власти везде, где это необходимо»[1].

Следует отметить, что концепция децентрализации власти нашла отражение в качестве одного из основополагающих принципов Маастрихтского договора о Европейском союзе – принципа субсидиарности. В соответствии с указанным принципом механизм управления обществом должен формироваться «снизу вверх»: все проблемы, которые могут эффективно решаться на местах, должны находиться в компетенции муниципальных органов. И только в случае отсутствия такой возможности разрешение проблем осуществляется вышестоящими органами власти – региональными, национальными и надгосударственными[2].

В соответствии с федералистской моделью в основу взаимоотношений между интегрирующимися странами должна быть положена модель союзного государства, формирование которого является конечным результатом процесса интеграции. По мнению федералистов, именно федерация является образцом «целесообразной, демократической и эффективной организации»[3], которая ставит точку в использовании насилия при разрешении споров между государствами и обеспечивает мир и безопасность в Европе.

Ещё одна модель интеграции в современном мире получила наименование *функционализма.* Основоположником и адептом данной теории стал британский социолог Д. Митрани. Одна из ключевых идей функционализма заключается в том, что международная интеграция должна быть максимально деполитизирована, поскольку эффективное сотрудничество государств базируется в первую очередь на поиске общих путей к достижению благосостояния. Конечным результатом интеграции при этом является формирование «функциональной системы, элементы которой могут начать работать и без общей политической надстройки»[4].

---

[1] *Wistrich E.* The United States of Europe. L.: Routledge, 1994, p. 2.

[2] *Гомцян С.В.* Динамика развития принципа субсидиарности в Европейском союзе // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 2007, т. 2, № 6, с. 54.

[3] *Камышев Е.И.* Европейский региональный федерализм: от теории к политической практике // Приоритетные научные направления: от теории к практике, 2016, № 23, с. 103-110.

[4] *Haas E.* The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950-1957. Stanford, 1968, p. 124.

Фундаментальные идеи Д. Митрани были впоследствии существенно переработаны и легли в основу создания одной из наиболее влиятельных теорий международной интеграции – *теории неофункционализма*. Наибольший вклад в становление и развитие данной концепции внесли такие авторитетные исследователи, как Э. Хаас, А. Этзони и Л. Линдберг.

Специфической концепцией международной интеграции является *теория «сообщества безопасности»,* сформулированная К. Дойчем. Основополагающий труд Дойча «Политическое сообщество и североатлантическое пространство: международная организация в свете исторического опыта»[1] был издан в 1957 г. Ключевая идея данного исследования заключается в том, что взаимное доверие и наличие общей идентичности являются важнейшими и неотъемлемыми факторами уверенности в мирном развитии отношений между государствами.

Дойч говорит о возможности формирования двух категорий сообщества безопасности: амальгамного и плюралистического. Амальгамное сообщество – это объединение независимых государств под общим управлением (например, США), в то время как интеграция предполагает формирование полноценного плюралистического сообщества.

Теория «сообщества безопасности» выявляет динамику политической интеграции во взаимоотношениях, формирующихся между отдельными личностями, элитами, социальными группами и культурными общностями. При этом интеграция характеризуется как процесс непрерывного движения к определенному единству, регулируемый взаимодействием людей. Конечный продукт интеграции и есть создание самого «сообщества безопасности» [2].

Наибольшее распространение в современном мире получил *либеральный межправительственный подход*, сторонники которого полагают, что готовность государства вступать в различные интеграционные объединения обусловливается страхом потерять свои геополитические позиции в связи с изменением сил на мировой арене. Характер и

---

[1] *Deutsch Karl W. et al.* Political community and the North Atlantic area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton: Princeton University Press, 1957, p. 124.

[2] *Нефедова Е.В.* Теория сообщества безопасности в работах Карла Дойча и его последователей // Вестн. Том. гос. ун-та. История, 2008, № 2 (3), с. 85.

масштабы интеграции зависят от стран-участниц, поэтому их национальный суверенитет при этом не ущемляется. Концепцию межправительственного подхода впервые предложил американский ученый С. Хоффман.

Европейская интеграция по мере своего становления вбирала в себя все перечисленные интеграционные теории. Так, вскоре после упомянутой ранее речи Черчилля были сформированы такие международные организации, как Западноевропейский союз (1948), НАТО (1949) и Совет Европы (1949).

В 1951 г. ФРГ, Францией, Бельгией, Италией, Нидерландами и Люксембургом был подписан Парижский договор, в соответствии с которым учреждалось Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). 1957 год в истории европейской интеграции ознаменовался подписанием Римского договора о создании Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома) и Европейского экономического сообщества (ЕЭС) – первого прототипа Евросоюза.

В 1978 г. был сформирована Европейская валютная система с единой расчетной единицей – ЭКЮ, введеной в безналичный расчет. Курс данной валюты определялся на основе единой валютной корзины стран-участниц соглашения. ЭКЮ существовало до 1999 г. и было заменено на евро по курсу 1:1[1].

В современных условиях Евразийский экономический союз развивается форсированными темпами, чему во многом способствует использование положительного интеграционного опыта Европейского союза. Между двумя рассматриваемыми интеграционными объединениями много общего. Идеологической основой ЕС является концепция панъевропеизма – сформировавшееся в 1920-е гг. общественно-политическое движение, направленное на объединение всех европейцев в единый европейский альянс. В свою очередь ЕАЭС стал воплощением идеи евразийства, которая также возникла в 20-е гг. XX в. и обрела новое дыхание после распада СССР.

Реализация современного этапа евразийства проходит с учетом сформировавшихся реалий в условиях мировой глобализации. Евразийская идея включает в себя не только геополитическое и экономическое единство региона, но и принятие неотъемлемого культурного и национального мно-

[1] *Фуфаева Д.В., Федосова С.П.* Международная коллективная валюта: история возникновения и роль в мировой экономике // Современное состояние и перспективы развития национальной финансово-кредитной системы / Под ред. С.П. Федосовой. Воронеж, 2018, с. 213.

гообразия. Одним из создателей современной евразийской концепции стал президент Казахстана Н.А. Назарбаев, мечтавший видеть свою страну центром единения государств на континенте. В то же время на практике локомотивом евразийской интеграции стало более крупное и экономически развитое государство – Российская Федерация.

ЕАЭС изначально создавался по образу и подобию европейской интеграции. В его основу были заложены типичные для ЕС организационные структуры: Европейскому совету соответствует Высший Евразийский экономический совет, Европейской комиссии – Евразийская экономическая комиссия, а Суду Европейского союза в Люксембурге – Суд Евразийского экономического союза, функционирующий в Минске.

Наряду с положительными сторонами из процессов европейской интеграции можно извлечь и отрицательные уроки. С самого начала Европейский союз строился на парадигме расширения и укрепления политико-правового и социально-экономического единства, вплоть до построения федерации по принципу США. Данная позиция спровоцировала ряд кризисных явлений и снижение управляемости интеграции. Кроме того, создание валютного союза привело к обеднению стран-участниц с более низким уровнем развития, а общая политика безопасности обеспечила лоббирование интересов наиболее сильных государств[1].

Что касается ЕАЭС, то он формировался в первую очередь как экономическое объединение, что в полной мере отражает перечисленные в ст.е 4 Договора о ЕАЭС цели интеграционного проекта:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня населения;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Европейская интеграция ставит перед собой значительно более широкий спектр целей и задач, в том числе связанных с

[1] *Щербак И.Н.* Возможная роль ЕС и ЕАЭС в контексте обеспечения региональной безопасности в Большой Евразии // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право, 2018, №1 (14), с. 20.

построением единого социально-экономического и политического пространства, продвижением своих принципов во взаимоотношениях с внешним миром. В настоящее время любая европейская страна теоретически может присоединиться к ЕС, однако она должна удовлетворять следующим требованиям:

- полноценная относимость к категории «европейских государств».
- соблюдение принципов свободы, демократии, верховенства закона, соблюдения прав человека;
- существование функциональной рыночной экономики;
- готовность выполнять членские обязательства;
- приверженность политическим, экономическим и социальным целям Евросоюза.

Следует отметить, что позиция навязывания собственных интересов другим государствам в целом является характерной для Европы. История европейского развития – это борьба за превосходство, за гегемонию, за подчинение своим интересам более слабых народов и территорий, что находило реализацию в бесчисленных войнах, колониальных захватах, политическом и экономическом доминировании.

Данная позиция Евросоюза в полной мере проявляется и в отношениях с Российской Федерацией: полномасштабное сотрудничество этих геополитических субъектов предполагалось только на условиях безоговорочного принятия Россией западных условий и ценностей. По мере становления евразийской интеграции на высшем уровне были инициированы переговоры о создании единого экономического пространства от Атлантического до Тихого океана – зоны свободной торговли (ЗСТ). Однако из-за воссоединения с Крымом, событий на Украине и введения санкций в отношении РФ переговоры были приостановлены[1].

Дальнейшие перспективы взаимодействия ЕС и ЕАЭС видятся во взаимном сближении данных интеграций, которое может произойти только при условии отказа от навязывания партнерам собственных интересов и расширении плодотворного сотрудничества с другими близлежащими государствами вплоть до создания всеобъемлющего евразийского партнерства на континенте.

[1] *Кошкин А.П., Новиков А.В.* Политические перспективы развития России и ЕАЭС в условиях западных санкций // Власть, 2015, № 11, с. 216.

С.Д. ГВОЗДКОВ
аспирант кафедры философии, политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Либеральная идеология и феномен массовой культуры

В статье предпринимается попытка показать, что именно идеологическое учение либерализма наиболее тесно связано с появлением феномена массовой культуры, а также является причиной возникновения последней.
***Ключевые слова**: политические идеологии, либерализм, массовое сознание .*

***Gvozdkov S.D. Liberal ideology and the phenomenon of mass culture.** The article attempts to show that it is the ideological teachings of liberalism that are most closely associated with the emergence of the phenomenon of mass culture, and also the cause of the latter.*
***Keywords**: political ideologies, liberalism, mass consciousness.*

Идеология в широком понимании этого многозначного концепта – система идей, позволяющая разработать и осуществить план индивидуальной или коллективной деятельности для реализации какого-либо замысла. Такие идеологии свойственны любому виду высокоспециализированной деятельности и возникают в процессе их становления. В этом смысле говорят об идеологии какой-либо научной программы или технологической инновации. Когда же речь идет о политических идеологиях, то потребность в них возникает по мере формирования государств, а их генезис обусловлен потребностью выбора альтернатив развития, желанием определить принципы и основные цели средне- и долгосрочного развития, которые позволили бы разработать государственную стратегию и тактику достижения стратегических целей. В этом значении под политическими идеологиями понимаются политические доктрины.

Политические идеологии в узком, но наиболее распространенном толковании этого термина – это не что иное, как

* Гвоздков Сергей Дмитриевич, e-mail: gvozdkov94@yandex.ru

«великие учения», которые не имеют строгой привязки к какому-то конкретному государству, хотя и могут составлять идейную основу официального и господствующего мировоззрения, поскольку они представляют собой по сути замысел кардинальной перестройки всего человечества по единому плану. Но поскольку ни один из таких проектов не может быть полностью реализован и все они утопичны по своей природе, неизбежно возникает конкуренция нескольких великих учений. Их развитие начинается в XX веке и связано с Первой и Второй мировыми войнами, с появлением и оформлением государств, принявших различные политические идеологии – либерализм противостоит коммунистической идеологии, а с выходом на политическую сцену германского национал-социализма возникает расклад сил, когда в его лице появляется общий противник у либерализма и коммунистической идеологии.

Политические идеологии в статусе «великих учений», в отличие от «рабочих доктрин», одновременно и объединяют, и разделяют людей. Как отмечается в монографии «Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы», политические идеологии этого класса следует отделять и от лежащих в их основе научных теорий «уже по той причине, что они легко изменяют основу основ мировосприятия и моделей поведения человека – его уникальную иерархию ценностей. Иерархия – ключевое понятие, позволяющее выявить подмену, поскольку в данном случае главное – не набор значимых ценностей, а их положение в иерархии»[1].

Либерализм возник в XVII-XVIII вв. в Западной Европе на базе социально-философских учений Д. Локка, Ш. Монтескье, А. Смита, Б. Констана, А. де Токвиля, и получил свое развитие в XIX веке в трудах И. Бентама, Дж. Милля и др. Приоритетными идеями либерализма являются безоговорочное признание свободы личности и индивидуализм, равенство всех перед законом и неотъемлемое право человека на жизнь, свободу слова, частную собственность, а также развитие гражданского общества. В политической сфере либерализм предписывает признание прав каждого человека, разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную,

[1] Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. М.: Издатель Воробьёв А.В., 2018. 440 с., с. 159-160.

концепцию правового государства, принципы парламентаризма и демократические принципы. Наиболее полно и последовательно вышеназванные принципы были осуществлены в государствах англосаксонской культуры, среди которых лидирующее положение заняли США.

Интенсивное развитие и целенаправленное тотальное распространение либеральной идеологии в западном мире тесно связано с феноменом массовой культуры, который проявляется во всей полноте в 50-60-е гг. XX в. в США, после завершения Второй мировой войны на фоне становления биполярной мировой политической системы. Понятие массовой культуры напрямую связано с понятием массового сознания, о котором начали размышлять задолго до того, как получили распространение бесчисленные коммерческие субкультуры, завладевшие умами миллионов во всем мире.

По мнению испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, появление и выделение человека массового сознания несут исключительно негативные и даже разрушительные для человечества последствия. В своем известном трактате «Восстание масс» он фактически предрекает приход к власти фашизма (идеи которого он считает прямым порождением массового сознания), советский коммунизм также подпадает у испанского исследователя под логичный результат победоносного марша массового человека: «Оттого-то и большевизм, и фашизм, две политические «новинки», возникшие в Европе и по соседству с ней, отчетливо представляют собой движение вспять. И не столько по смыслу своих учений – в любой доктрине есть доля истины, да и в чем только нет хотя бы малой ее крупицы, – сколько по тому, как допотопно, антиисторически используют они свою долю истины»[1].

Что же касается непосредственного определения феномена массового человека, то его Ортега описывает двумя характеристиками: «Эти две черты – беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры и – второе – врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь»[2].

Испанский исследователь приходит к выводу о том, что появлением вышеописанного человека массы и его мол-

[1] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: Издательство АСТ, 2018. 256 с., с. 95.
[2] Там же, с. 56.

ниеносным захватом власти мир обязан предшествующему XIX веку, когда человечество (западный мир) достигло небывалых доселе высот в разнообразных науках и технологиях. Человечество как будто оказалось не готово к тем достижениям, которых оно достигло, и, не зная, что с этими достижениями делать и, главное, чего стоили данные открытия предыдущим поколениям, способно лишь пользоваться ими, потреблять их, не осознавая их цену, и как следствие – разрушать. В этом, по мнению Ортеги, и заключается суть человека массового сознания.

XIX столетие, как пишет Ортега, не только дало миру научный и технический подъем, но и привело к своему апогею либеральные ценности. Будучи изначально, по мнению философа, исключительно конструктивными, эти ценности, как бы ни казалось это на первый взгляд парадоксально, сделали возможным приход к власти человека того самого нового типа – человека масс. Вот что пишет Ортега-и-Гассет по этому поводу: «Либерализм – и сегодня стоит об этом помнить – предел великодушия; это право, которое большинство уступает меньшинству, и это самый благородный клич, когда-либо прозвучавший на Земле. Он возвестил о решимости мириться с врагом, и – мало того – врагом слабейшим. Трудно было ждать, что род человеческий решится на такой шаг, настолько красивый, настолько парадоксальный, настолько тонкий, настолько акробатический, настолько неестественный. И потому нечего удивляться, что вскоре упомянутый род ощутил противоположную решимость. Дело оказалось слишком непростым, чтобы утвердиться на Земле»[1].

Однако автор «Восстания масс» склонен считать, что либерализм в своем истинном проявлении еще может осуществить «работу над ошибками» и исправить те погрешности своей ценностной системы и побочные эффекты, которые в XX веке подвели его к пропасти: «Безусловно, надо преодолеть либерализм XIX века. Но такое не по зубам тому, кто, подобно фашистам, объявляет себя антилибералом. Ведь быть нелибералом либо антилибералом – значит занимать ту позицию, что была до наступления либерализма. И раз он наступил, то, победив однажды, будет побеждать и впредь, а ес-

[1] Там же, с. 77.

ли погибнет, то лишь вкупе с антилиберализмом и со всей Европой»[1].

По мнению Ортеги, в итальянском и немецком фашизме, так же как и в советском коммунизме, и в либерализме в странах Западной Европы и США, – везде мы можем наблюдать полное доминирование массового сознания. Однако спустя 15 лет («Восстание масс» было опубликовано в 1930 г.) после написанного Ортегой фашистские режимы пали, а через несколько десятилетий были демонтированы СССР и страны социалистического содружества, что означало крах всей биполярной системы. Что же касается стран Западной Европы (помимо тех, где существовали фашистские или околофашистские режимы) и США, то их идеологии в общем и целом претерпели мало изменений, если не считать глубинные подвижки к идеологии социального государства, закрепленные в конституциях.

Как уже было отмечено выше, идеи либерализма как идеологии заметнее всего с точки зрения политической были усвоены в странах англосаксонской системы, в числе которых общепринято считать США, которые после окончания Второй мировой войны вышли на лидирующие позиции на мировой арене по всем основным показателям. Именно в этот период времени (первые два десятилетия после завершения войны) в США (а затем – и во всем западном мире) начинают формироваться общество потребления и массовая культура. Причиной формирования первого является тот факт, что люди устали от двух мировых войн, а короткий временной отрезок между мировыми войнами едва ли можно считать временем наслаждения миром. Большинство стран-участниц Первой мировой войны после ее завершения были охвачены либо революциями, либо безработицей и общим социальным упадком, либо и тем, и другим одновременно. Помимо этого мир жил в явном предчувствии возобновления кровавой бойни в планетарном масштабе.

К тому же ко времени появления достаточно явных признаков наступления эпохи потребления успело родиться и вырасти поколение людей, которые не видели войны. В этот период в западном мире растут экономические показатели, уровень жизни людей повышается, при этом у людей появляется больше свободного времени. Это время,

[1] Там же, с. 97.

которое раньше было занято работой, приходится занимать чем-то другим. Так возникает понятие досуга, как правило, связанного с развлечениями, которые базируются, прежде всего, на потреблении. Феномен потребления требует постоянного, непрекращающегося производства и воспроизводства благ, в том числе и культурных. Так появляется популярная, или массовая культура.

Популярной культурой принято считать такую культуру, которая охватывает широкие слои населения в том или ином обществе. Такая культура (в отличие от культуры элитарной, культуры избранных) понятна большинству, не требует изначальных данных в виде хорошего образования, эрудированности и прочих черт классических интеллектуалов, она доходчива, при этом яркая и всегда предлагает то, чего хочется широкому кругу людей в нерабочее время – отдохнуть и развлечься.

Принято считать, что родиной массовой культуры являются Соединенные Штаты Америки, поскольку, как известно, эта страна понесла во Второй мировой войне наименьшие потери. Таким образом, в послевоенных Соединенных Штатах были все необходимые условия для возникновения и развития такого феномена, как массовая культура. Так или иначе, многие исследователи массовой культуры сходятся на том, что феномен массовой культуры – феномен в первую очередь американской народной культуры. Этому есть еще одна причина, состоящая в том, что США как молодое государство (к моменту окончания Второй мировой войны им не было и двух сотен лет) за столь короткое время еще не успело предложить миру свой культурный «ответ». Что касается стран Западной Европы, которые стали первыми объектами внедрения американской массовой культуры, то их положение было куда более плачевным, как минимум, в экономическом аспекте.

Английский культуролог и исследователь массовой культуры Дж. Стори в своей книге «Культурная теория и популярная культура» приводит следующие факты в пользу этого вывода: «В первые пятнадцать или около того лет после окончания Второй мировой войны американские интеллектуалы вели дебаты о так называемой массовой культуре. Эндрю Росс рассматривает массу «как один из ключевых терминов, определяющих официальное различие

между американцами и неамериканцами»[1]. И далее: «После Второй мировой войны Америка испытала временный успех культурного и политического консенсуса, предположительно основанного на либерализме, плюрализме и бесклассовости»[2]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что США переняли либеральную культуру европейских стран и на ее основе породили культуру массовую.

Все вышеприведенные положения дают возможность сделать следующие выводы. Массовая культура – продукт западной цивилизации, построенной на принципах идеологии либерализма. Именно либерализм из всех прочих идеологий представляется наиболее тесно сплетенным с феноменом массовой культуры, так как фактически на его фундаменте возникли сначала понятия массового сознания и человека масс, а затем и понятие массовой, популярной культуры. Однако нельзя отрицать и того, что тесная взаимосвязь либерализма и массовой культуры впоследствии породила обстоятельства, которые с трудом соотносятся с изначальными опорными точками либеральных учений. Массовая культура стала опорой идеологического диктата, зачастую (или почти всегда) лишающего объектов своего воздействия возможности выбирать, размышлять, критиковать. Массовая культура – культура, лишенная необходимости присутствия в ней личности, индивида. А индивид и его ценности предлагались в качестве фундаментальных оснований идеологии «изначального» либерализма.

[1] *Storey J.* Cultural Theory and Popular Culture. An Introduction. Fifth edition. University of Sunderland. Person Longman, 2010. 258 p.,рю. 28.
[2] Ibidem.

П.А. ШИШЛИН
аспирант кафедры политологии Востока
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Проблема эффективности конфессионализма в современном Ираке

Целью статьи является анализ эффективности системы распределения власти по конфессиональному признаку в Ираке, созданной после 2003 г. Анализ показал, что иракский конфессионализм не решил проблему суннитско-шиитской розни, привел к коррупции и требует реформирования, запрос на которое уже выражен в обществе.

Ключевые слова: *Ирак, конфессионализм, сунниты, шииты, консоциональная демократия, идентичность.*

Shishlin P.A. The issue of confessionalism efficiency in modern Iraq. *The objective of this article is to analyze the efficiency of the power-sharing confessional system which has been introduced in Iraq after 2003. The analysis has shown that Iraqi confessionalism has not solved the issue of sunni-shia schism, led to corruption and needs reforming, request for which is already expressed in the society.*

Keywords: *Iraq, confessionalism, sunni, shia, consociational democracy, identity.*

Голландский политолог Аренд Лейпхарт в своей работе «Демократия в многосоставных обществах» в 1977 г. описал сообщественную, или консоциональную демократию как тип демократического устройства для стран с фрагментированным составом населения. Автор выделил главными критериями такого строя присутствие у власти большой коалиции, включающей различные сегменты общества, возможность вето государственных решений отдельными сегментами, пропорциональное представительство сегментов во власти и их автономность[1]. Подвидом консоционализма можно считать конфессионализм, и примером такого уст-

* Шишлин Пётр Алексеевич, e-mail: butrusb@yandex.ru

[1] *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. М., 1997.

ройства многие годы является Ливан, где еще в 1943 г. три основных конфессиональных общины страны – мусульмане-сунниты, мусульмане-шииты и христиане-мароните – договорились разделить между собой основные государственные посты и представительство в парламенте.

Ирак является поликонфессиональным обществом. При рассмотрении религиозного состава населения можно выделить подавляющее мусульманское большинство, которое подразделяется на шиитское большинство (65%) и суннитское меньшинство (35%). В стране проживают последователи других конфессий – езиды, христиане. В этническом разрезе общество также неоднородно: при арабском большинстве в стране имеется ряд меньшинств, наиболее крупным из которых является курдское.

В 2003 г. в результате вторжения войск США и их союзников в стране был сменен политический режим. К власти вместо многолетнего авторитарного лидера Саддама Хусейна (по вероисповеданию мусульманина-суннита) пришли оппозиционеры, находившиеся в «ссылке» за рубежом в годы его правления, преимущественно политики-шииты. Их видение иракской политики, сформированное под воздействием стесненного положения шиитской общины в сверхцентрализованном саддамовском Ираке, тяготело в сторону этноконфессионального представительства во власти. В результате договоренностей оккупационных сил и новой политической элиты власть в новом Ираке было решено распределить пропорционально между шиитами, суннитами и курдами – эти группы были выделены как основные сегменты иракского общества.

На самом высоком уровне власти новой парламентской республики шииты получили основной пост премьер-министра, сунниты – спикера парламента, а курды – президента. Таким образом, центральным элементом иракского варианта конфессионализма стала система так называемых конфессиональных квот (по-арабски «мухасаса таифийя»), которая распространилась также на правительство. Этот принцип не был зафиксирован в принятой в 2005 г. новой конституции Ирака и остался своего рода «негласным» пактом ведущих политических партий, подавляющее большинство которых в Ираке организовано по этноконфессиональной принадлежности, а не по политическим воззрениям.

Принцип конфессиональных квот неизменно соблюдался при формировании правительств Ирака начиная с 2003 г., и правительства являлись коалиционными. Победившие на выборах партии выдвигали кандидатуры министров, и министры после подтверждения парламентом назначали служащих, принадлежащих к партиям. Из-за этого любой иракец, желавший поступить на госслужбу, был вынужден вступать в одну из политических партий, поддерживающих принцип конфессиональных квот, и рассматривался в первую очередь как член определенной этноконфессиональной группы, а не как специалист в своей сфере[1].

Квотирование было призвано наделить каждый из крупных этноконфессиональных сегментов иракского общества определенной властью, создать инклюзивную среду в политике после многих лет авторитарной власти Хусейна. По мнению иракского политолога Ренада Мансура, система квот не достигла заявленной цели и привела к созданию элиты, пытающейся «использовать свою идентичность как инструмент получения власти, богатства и легитимности»[2].

Конфессионализм в Ираке привел к доминированию в политической борьбе того, что называется в англоязычной политологии identity politics – политика идентичности[3]. По мнению Фанара Хаддада, этноконфессиональная самоидентификация кандидатов стала для них простейшим инструментом получения голосов на выборах[4]. Исследователь Ранж аль-Альдин отмечает, что в рамках установленной после 2003 г. системы сунниты, шииты и курды впервые в

---

[1] *Dodge T.* Tracing the Rise of Sectarianism in Iraq after 2003. LSE Middle East Centre, 29 June 2018. URL: http://blogs.lse.ac.uk/mec/2018/09/13/tracing-the-rise-of-sectarianism-in-iraq-after-2003/ (дата обращения: 23.03.2019).

[2] *Фалех Абдель-Джаббар.* Харакат аль-ихтиджаж аль-иракийя (на араб.) (*Абдель-Джаббар, Фалех*. Иракские протестные движения) LSE Middle East Center, 25 june 2018. URL: http://eprints.lse.ac.uk/88294/11/Fleh_Iraqi%20Protest%20Movement_Published_Arabic.pdf (дата обращения: 23.03.2019).

[3] Сторонники такой политики продвигают интересы своей этнической, религиозной, культурной общности, не рассматривая интересы более широких групп населения (в данном случае иракского общества в совокупности) [Identity Politics // Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/identity%20politics (дата обращения: 23.03.2019)].

[4] *Haddad F.* The Politics of Sectarianism in Iraq / Iraq Ten Years On. L., 2013. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Middle%20East/0513pr_iraqtenyearson.pdf (дата обращения: 23.03.2019).

иракской истории стали взаимодействовать с государством как ярко выраженные политические группы[1].

По мнению британского историка Тоби Доджа, закрепление на государственном уровне конфессионализма привело Ирак к гражданской войне, коррупции, слабости государственных институтов и отчуждению общества от правящей элиты.

Как отмечают политологи Ренад Мансур и Фалех Абдель-Джабар, квотирование мешает обновлению элит, и посты в правительстве каждый раз распределяются среди фиксированного набора политиков. Любой премьер также оказывается связан обязательствами перед партиями и во время работы правительства не может единолично уволить или заменить отдельного министра[2]. Таким образом, пропорциональная система, с одной стороны, создает в отношении премьера сдержки и противовесы, но с другой – значительно ослабляет премьерский пост и мешает гибкому принятию государственных решений.

Тема связи «мухасаса» и коррупции стала ключевой в возникшем в 2015 г. на юге страны протестном движении, и в обществе обозначился запрос на создание правительства «технократов» – специалистов в своей сфере, независимых от этноконфессиональных партий[3]. Результаты опросов общественного мнения показали, что 89% иракцев ощущают себя частью Ирака вне зависимости от конфессиональной принадлежности и рассчитывают на политиков, которые будут действовать в национальных, а не вэтноконфессиональных интересах[4].

---

[1] *Alaaldin R.* Sectarianism, Governance and Iraq's Future. Brookings Doha Center Analysis Paper. Number 24, November 2018. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/11/Sectarianism-governance-and-Iraqs-future_English.pdf (дата обращения: 28.04.2019)

[2] *Jabar F., Mansour R.* Abadi's Gamble with Technocracy. Carnegie Middle East Center, April 26, 2016. URL: https://carnegie-mec.org/diwan/63447 (дата обращения: 23.03.2019).

[3] *Фалех Абдель-Джаббар.* Харакат аль-ихтиджаж аль-иракийя (на араб.) (*Абдель-Джаббар, Фалех.* Иракские протестные движения). LSE Middle East Center, 25 June 2018. URL: http://eprints.lse.ac.uk/88294/11/Faleh_Iraqi%20Protest%20Movement_Published_Arabic.pdf (дата обращения: 23.03.2019).

[4] *Alaaldin R.* Sectarianism, Governance and Iraq's Future. Brookings Doha Center Analysis Paper. Number 24, November 2018. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/11/Sectarianism-governance-and-Iraqs-future_English.pdf (дата обращения: 28.04.2019)

Премьер-министр Хайдер аль-Абади предпринял безуспешную попытку перейти от «квот» к «технократии» в 2016 г. В ответ на демонстрации, распространившиеся по всей стране, в том числе в Багдаде, он попытался представить на одобрение парламента новое правительство, составленное из независимых, пусть слабых политически, но квалифицированных специалистов с целью укрепления государственных институтов. Как отмечают Мансур и Абдель-Джабар, на решение повлиял ультиматум лидера массовых протестов, шиитского богослова Муктады ас-Садра, который вместе со сторонниками в тот момент уже вел акцию в правительственной «зеленой зоне» Багдада[1]. Кампания аль-Абади, приведя к расколу и забастовке депутатов, в итоге увенчалась утверждением кандидатур лишь на пять постов, самым значительным из которых стал министр нефти[2]. Более ранний пакет реформ аль-Абади в 2015 г., включавший упразднение ряда распределенных между шиитами, суннитами и курдами постов, в том числе вице-президентских, также не был воплощен в жизнь, так как депутаты сначала дали, но затем отозвали мандат на его выполнение[3].

Выборы в парламент Ирака в 2018 г. показали явный настрой населения против конфессионализма. Посол Ирака в Москве Хайдар Хади по итогам выборов – первых после военной победы над ИГ – отметил, что «фракции те же самые – суннитские, шиитские», но избиратели выбирают не «своих», а «конкретных людей, которые могут принести пользу Ираку»[4].

Заметным противником конфессионализма в избирательной кампании 2018 г. выступил Муктада ас-Садр, объединивший в рамках предвыборного блока как собственных сторонников, так и широкую коалицию кандидатов, включая

---

[1] *Jabar F., Mansour R.* Abadi's Gamble with Technocracy. Carnegie Middle East Center, April 26, 2016. URL: https://carnegie-mec.org/diwan/63447 (дата обращения: 23.03.2019).

[2] *Mansour R.* Iraqi State after the Fall of ISIS. Research Paper. L.: The Royal Institute of International Affairs, 2017.

[3] *Sowell K.H.* Abadi's Failed Reforms. Carnegie Endowment for International Peace, November 17, 2015. URL: https://carnegieendowment.org/sada/62004. (дата обращения 25.04.2019)

[4] *Приймак А.* Христиане - самая миролюбивая часть населения Ирака (интервью с послом Х.М. Хади) // Независимая Газета, 06.06.2018. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2018-06-06/9_443_irak.html (дата обращения: 23.03.2019).

христиан, коммунистов и либералов. Как отмечал его ближайший соратник Диа аль-Асади, задачей смешанного альянса в парламенте должно было стать законотворчество «не в интересах той или иной общины», а «подбор людей, обладающих квалификацией, чтобы помочь всему народу»[1]. Блок победил на выборах, хотя и при низкой для страны явке (44,5%), вызванной высоким абсентеизмом и сложностями с голосованием вынужденно перемещенных из-за войны с ИГ лиц. В качестве яркого примера успеха садристов аль-Асади привел победу кандидата-христианина в населенном мусульманами южном городе Васит. По его словам, местные жители проголосовали за христианина, осознав, что «религия никак не связана с его политическими способностями и честностью»[2].

Однако правительство по итогам выборов вновь формировалось по принципу квот при поддержке США и Ирана[3]. Премьер-министром стал пусть и светски ориентированный, но представитель «старой гвардии» Адель Абдель-Махди[4], уже занимавший в новейшей иракской истории посты вице-президента и министра нефти. По мнению иракского юриста и писателя Зейда аль-Али, Абдель-Махди был выбран, потому что не представляет угрозу для основных конфессиональных партий. «Те, кто заинтересован в преемственности, будут очень рады. Те, кто хочет реформ или глобальных изменений, будут не рады. Это голос в пользу преемственности», – оценил аль-Али перспективы премьер-министра[5].

Вопрос о том, стоит ли Ираку отказаться от конфессионализма в политике, остается спорным. Переход к пол-

---

[1] *Mueller Q.* Interview with Dhia Al-Asadi // Orient XXI, 21 June 2018. URL: https://orientxxi.info/magazine/interview-dhia-al-asadi,2515 (дата обращения: 25.04.2019)

[2] Ibidem.

[3] *Dodge T.* Iraq and Muhasasa Ta'ifia; the External Imposition of Sectarian Politics. The Foreign Policy Centre, November 12, 2018. URL: https://fpc.org.uk/iraq-and-muhasasa-taifia-the-external-imposition-of-sectarian-politics/ (дата обращения: 23.03.2019).

[4] Who is Adel Abdul Mahdi, Iraq's Prime Minister-designate? // The New Arab, 4 October 2018.

URL: https://www.alaraby.co.uk/english/indepth/2018/10/4/who-is-adel-abdul-mahdi-iraqs-prime-minister-designate (дата обращения: 23.03.2019).

[5] *Hassan F., Hubbard B.* Iraq's New Leaders Seen as Technocrats, in a Break from Sectarian Politics // New York Times, Oct. 2, 2018. URL: https://www.nytimes.com/reuters/2018/10/02/world/middleeast/iraq-president-prime-minister.html (дата обращения: 23.03.2019).

ностью мажоритарному варианту, правлению большинства, чреват для такой страны, как Ирак, авторитаризмом и дискриминацией меньшинств. Попытки перехода к правлению без учета квот предпринимал премьер Нури аль-Малики во время своего второго срока (2010-2014 гг.)[1], однако проводившаяся им политика многими экспертами указывается в качестве одной из причин активизации радикальных настроений в суннитской общине, что привело к быстрому возвышению запрещенного в РФ «Исламского государства».

Однако очевидно, что функционирование нынешней политической системы привело к множеству негативных результатов – закреплению на государственном уровне размежевания основных групп населения, доминированию этноконфессионального фактора в политической борьбе, отсутствию здоровой конкуренции за государственные посты и коррупции.

В заключение следует отметить, что учитывая запросы современного иракского общества на реформу и успех национально-ориентированных сил на выборах, Ираку необходимо реформировать систему конфессионализма. Одним из способов могла бы стать децентрализация по территориальному принципу, укрепление местного самоуправления в противовес влиянию этноконфессиональных политических элит, однако такой путь не лишен опасностей. Стране потребуется найти необходимый баланс между представительством этноконфессиональных меньшинств в политике и правлением наиболее достойных представителей иракского народа в целом.

[1] *Younis N.* From Power-Sharing to Majoritarianism: Iraq's Transitioning Political System // Iraq Ten Years On. L., 2013. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Middle%20East/0513pr_iraqtenyearson.pdf (дата обращения: 23.03.2019).

Ю.А. ТРУСОВ
аспирант кафедры философии политики
и права философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Плюрализм ценностей как основание для политического плюрализма

В статье анализируются ключевые аспекты концепции плюрализма ценностей и политического плюрализма на основе работ Исайи Берлина и Джона Грея. Автор приходит к выводу, что одним из основных следствий твердой позиции в отношении плюрализма ценностей является возможность создания условий для существования различных политических идеологий, форм правления или же экономических систем.

Ключевые слова: *ценности, плюрализм, свобода, демократия, либерализм.*

Trusov Y.A. Value pluralism as a basis for political pluralism. *The article analyzes the key aspects of the concept of value pluralism and political pluralism on the base of works of Isaiah Berlin and John Gray. The author comes to the conclusion that one of the main consequences of a firm position regarding the value pluralism is the possibility of creating conditions for the existence of various political regimes, ideologies, forms of government or economic systems.*

Keywords: *values, pluralism, freedom, democracy, liberalism.*

Проблему плюрализма ценностей в политической философии второй половины XX в. актуализировал известный английский философ Исайя Берлин (1909-1997). В своих эссе он пишет, что на протяжении всей истории философии мыслители часто прибегают к различным видам монизма, которые, как он считает, строятся на «платоновском идеале». Суть этих идей заключается в том, что все проблемы имеют одно-единственное верное решение, а человек способен отыскать этот истинный путь. Но самый важный момент заключается в том, что все «истины» могут быть совместимы между собой и ранжированы в единую систему.

* Трусов Юрий Александрович, e-mail: yury57tru@mail.ru

Сложности возникают, когда мы переходим в сферу моральных ценностей. Современное состояние, а возможно, что это типичное состояние для сферы морали вообще, не дает нам возможности урегулировать конфликт между различными подходами в моральной философии, а также соединить различные противоречащие концепции в одну систему или каким-либо образом ранжировать их. Конфликт может возникнуть даже между такими важными для нас ценностями, как свобода и справедливость. Это ведет к различным моральным дилеммам как в жизни обычных людей, так и в сфере государственного управления. По словам известного российского ученого А.В. Разина, «на данный момент, собственно, нет непротиворечивой моральной теории, да и вообще она вряд ли возможна, поскольку всегда можно выбрать разные основания для ее построения: наличие разума; чувствительность; развитый и неразвитый разум; индивид, преследующий свои цели и являющийся хозяином своей жизни; группа или же общество, как универсальный критерий ценностей»[1].

При этом стоит отметить, что данная ситуация не исключает операцию сравнения. Должен существовать минимальный набор ценностей, который необходим для существования общества и культуры, и это те ценности, которые будут понятны всем людям, так как все живут в человеческом обществе. Это позволяет отбросить аргумент о замкнутости культур. Данное положение вещей И. Берлин назвал плюрализмом ценностей. Понятие «плюрализм ценностей» отсылает нас к двум областям знания – этике и политической философии, а также оказывает огромное влияние на реальную политику. Вопрос, связанный с плюрализмом ценностей в философии морали, заключается в следующем: сводятся ли различные этические ценности, такие как счастье, дружба, свобода, справедливость и т.д., к какой-либо одной ценности, или это принципиально невозможно сделать каким-либо строго однозначным путем? Исследователи плюрализма ценностей в политической философии чаще всего не углубляются в проблему множественности на таком уровне, а если и делают это, то не ради самой проблемы ценностей, а только в той мере, в которой это поможет решению конкретных философско-политических задач. Плюрализм ценнос-

[1] *Разин А.В.* Моральные дилеммы // Вестник РУДН, 2014, № 2, с. 72.

тей в политической философии связан с вопросом о том, какие ограничения государство может налагать на свободу людей действовать в соответствии с их собственными целями, а также с вопросом совместимости плюрализма ценностей с различными политическими идеологиями.

Как утверждает Берлин, если мы признаем за ценностями свойства несовместимости и несоизмеримости, то необходимо признать, что все философско-политические теории, которые придерживаются, как было описано вначале, «платоновского идеала», необходимо признать ложными или же вводящими в заблуждение. Если какая-либо теория говорит нам о совершенном мире, в котором не будет существовать конфликтов ценностей, а все «истинные» или же «хорошие», «правильные» идеалы соединятся в одну непротиворечивую систему, то данная теория либо придает другое значение словам, либо говорит о невозможных вещах. Плюрализм ценностей подрывает ряд идей, таких как мораль всеобщей цивилизации, вера во всесильную рациональность и разумность, которые часто называют элементами «проекта Эпохи просвещения».

Люди расходятся в своем понимании целей жизни, но если общество устроено на принципах плюрализма ценностей, то, по мнению И. Берлина, каждый индивид будет чувствовать себя свободно. Из всего множества трактовок и определений свободы он рассматривает два ее значения: «позитивная» и «негативная» свободы.

«Позитивное» понимание свободы напрямую связано с понятием власти. Тот, кто добивается данного вида свободы, по сути пытается взять как можно больше власти в свои руки (власть своего разума над своей природой или даже больше – над нацией, государством). Эта свобода не является аполитичной, как считают некоторые. Зачастую политика, основанная на данном виде свободы, может нести угрозу общественному устройству. Негативная свобода – это «свобода от», т.е. «пространство, в котором я могу без помех предаваться своим занятиям»[1].

И. Берлин отдает предпочтение негативной свободе, так как данный вид свободы открывает пространство для существования различных способов жизни, которые строятся на

[1] *Берлин И.* Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2014, с. 126.

разных, возможно, противоречивых и несовместимых ценностях. Поэтому должна существовать область невмешательства для реализации этих способов существования, если они не затрагивают свободы других людей. Ведь даже в обществе, в котором народ имеет возможность управлять государством, он может угнетать другую часть своего общества, лишая ее личной свободы в не меньшей степени, нежели это делал бы тиран. «Правление большинства» не уничтожает власть, а всего лишь делает так, что одна часть народа правит другой. Согласно идеям французско-швейцарского философа Б. Констана (1767-1830) если в ходе революции неограниченная власть просто передается из одних рук в другие, мы не можем говорить об увеличении свободы. Меняются хозяева, управляющие, а вместе с тем к ним просто переходит бремя рабства. «Ответ на вопрос “Кто мной управляет?” логически отличен от ответа на вопрос “насколько вмешивается власть в мои дела?”. Именно в этом различии и состоит в конечном счете огромная дистанция между понятиями негативной и позитивной свободы»[1].

Плюрализм ценностей в синтезе с негативной свободой являются фундирующими идеями политического мировоззрения И. Берлина, его понимания либерализма, который Джон Грей (род. 1948), британский философ, называет агональным. Слово «агональный» происходит от греческого *agon*, т.е. столкновение, схватка между противниками. В греческом полисе «изобрели агон как правило общества “друзей” – людей, которые свободны, поскольку соперничают между собой»[2]. В основе такого вида либерализма лежит понятие радикального выбора, который приходится делать между конкурирующими благами, когда одно благо или ценность исключает другое[3]. Но такой подход подрывает в своей основе не только различные утилитаристские концепции морали, но и различные разновидности либерализма.

Даже в государстве с главенствующей либеральной политической идеологией люди могут иметь различные моральные ценности, различные представления о благой жизни, свободе, справедливости и идеальном государстве.

---

[1] Там же, с. 135.

[2] *Делёз Ж., Гваттари Ф*. Что такое философия? /Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина, М.: Академический Проект, 2009, с.14.

[3] *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003, с. 139.

Часто эти представления вступают в конфликт между собой. Более того, отсутствует единственно верный методологический инструментарий для соизмерения многих ценностей. И даже если мы примем одну систему координат для благосостояния человека, то увидим, что люди поразному могут ранжировать интересы. Дж. Грей идёт дальше и говорит о том, что установление либеральных ценностей как единственно верных противоречит самой идее плюрализма, который противостоит идеям универсализма, а в данном случае идее универсализма либеральных ценностей. Плюрализм ценностей разрушает классический либерализм. При решении каких-то вопросов мы должны не опираться на чистые теории права и «универсальные» ценности, а принимать политические решения, которые являются практическими умозаключениями и зависят от обстоятельств. По мнению Дж. Грея, агональный либерализм является подлинно «политическим либерализмом», в котором политический подход в решении проблем оказывается более приоритетным, чем правовой или теоретический.

Вопрос совместимости плюрализма ценностей с либерализмом является дискуссионным и нерешенным окончательно до сих пор. Существуют различные противоположные подходы, разделяющие мыслителей, которые развивают идеи плюрализма ценностей. Причина этого – не только сложность самой проблемы, но и неясные и порой противоречивые положения в работах самого И. Берлина. Дж. Кровдер (род. 1956) настаивает на том, что Дж. Грей трактует идеи И. Берлина в духе культурного релятивизма, что противоречит смыслу плюрализма, который должен сохранять связь между различными культурами (хотя цитаты, которые позволяют Дж. Грею так трактовать и развивать эти идеи, можно найти в работах И. Берлина). Стоит отметить, что развивая свои идеи, Кровдер постулирует положения, которые абсолютно несовместимы с идеями Берлина (например, защита позитивной свободы вместо негативной).

Именно поэтому Дж. Грей впоследствии дистанцируется от других авторов, которые являются приверженцами идей плюрализма ценностей, так как они используют данную концепцию для обоснования государства, построенного на принципах либерализма. Как пишет мыслитель, «хотя отстаиваемая здесь позиция полностью совместима с практической поддержкой либеральных институтов в конкрет-

ных исторических условиях, по своей теоретической ориентации она является скорее плюралистической, нежели либеральной. Это означает, что она в конечном счете утверждает обоснованность множества разнообразных видов государственного устройства, морали, форм правления и экономики, а также семейной и социальной жизни – словом, множества разнообразных культурных форм»[1]. Главное следствие из такого понимания плюрализма ценностей – это то, что оно не дает предписаний относительно того, какая должна быть установлена форма правления или же экономическая система. Таким образом, институты «демократического либерального капитализма» не должны пытаться навязать свою «гегемонию» всему политическому пространству планеты. По сути даже не существует единой модели «западных институтов», которую могли бы принять все страны, особенно бывшие коммунистические государства. Поэтому возможность существования государств, основанных на разных принципах (либеральных или же нет), – одно из основных следствий твердого плюрализма ценностей, а также перспективы развития этой идеи в глобальном контексте.

[1] *Грей Дж.* Указ. соч., с. 247.

А.А. ЛОБОВА
аспирантка кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова*

Социально-политические проблемы в романе Лян Цичао «Будущее нового Китая»

В статье анализируется первый политический роман-утопия в Китае «Будущее нового Китая», написанный китайским реформатором Лян Цичао.
Ключевые слова: *Китай, Лян Цичао, нация, государство, политический роман.*

Lobova A.A. Social and political problems in the Liang Qichao novel. *The article undertakes the analysis of the first political utopia in China – "The Future of New China", written by Liang Qichao.*
Key words: *China, Liang Qichao,* **nation,** *government, political novel.*

Лян Цичао (1873-1929 гг.) является заметной фигурой в истории Китая конца XIX – начала XX в. Его публицистическая деятельность сыграла большую роль в интеллектуальной трансформации китайского общества и получила признание интеллектуальной элиты Китая. Как реформатор, он особенно подчеркивал влияние литературы на широкую общественность, призывал использовать литературу в качестве инструмента для проведения реальной политики.

В целом в Китае литература и общественная мысль оказались настолько близки, что стали взаимозаменяемыми или взаимообусловленными явлениями. Иными словами, в китайской культуре литература обладает ярко выраженным социально-политическим компонентом, и поэтому она имеет огромное идейное значение. Если смотреть с точки зрения социального влияния и просветительской роли литературы, то в Китае она была наиболее важным способом выражения и передачи идей.

* Лобова Алиса Андреевна, e-mail: alice.l.maps@gmail.com

Особенно это относится к концу XIX – началу XX .в., когда началась эпоха языковой и литературной революции в Китае. Следует отметить, что данный исторический период был полон поворотных событий для Китая. Среди них: две Опиумные войны 1840-1842 гг. и 1856-1860 гг. – военное столкновение Китайской империи с западными державами (Англия, Германия, Франция, Россия, Япония). В этих войнах и столкновениях Китай терпел поражения, что вызвало необходимость глубоких реформ.

Перед национальным, культурным и политическим кризисом Китая во второй половине XIX в. Лян Цичао пытался искать наименее жестокий путь для реформирования Китая и отдавал приоритет литературе как двигателю социальной и политической трансформации. Прежде всего Лян выступал за перевод политических романов. Он видел в них совершенно новый литературный жанр для китайцев, поучительную аналогию с конфуцианской классикой. Эта концепция была заимствована из теории британских романистов Б. Дизраэли (1804-1881) и Э. Бульвер-Литтона (1803-1873) и адаптирована японцами. Так же как классическая китайская литература давала читателям представление о нравственном пути, которым должны следовать люди. Политические романы должны были осуществлять функцию гражданского просвещения, а также выражать стремление к улучшению существующей социальной и политической среды. Именно такими улучшениями Лян Цичао был в первую очередь обеспокоен[1].

Одной из наиболее популярных работ Лян Цичао, которая может быть охарактеризована как политический роман, является его роман «Будущее нового Китая». Это был первый роман-утопия в истории китайской литературы. Роман публиковался по частям в 1902-1903 гг. в журнале «Новая литература»

В этом романе Китай предстает объединенным и сильным государством на международной арене, политическим и экономическим центром. Его влияние настолько велико, пишет Лян Цичао, что Китай открывает Институты Конфуция даже в таких удаленных уголках, как Пакистан и Руан-

[1] *Willcock Hiroko*. Japanese Modernization and the Emergence of New Fiction in Early Twentieth Century China: A Study of Liang Qichao // Modern Asian Studies, 29.4, 1995, p. 817-840.

да. Действие произведения происходит в 2062 г. по западному календарю.

В своем произведении Лян Цичао делит весь мир на пять рас: желтую, черную, красную, белую и коричневую. Америка и Европа – белая раса, пишет Лян Цичао, пытаются распространить свое влияние на желтую расу. В ответ на это государства, представляющие желтую расу (Китай, Япония, Филиппины), объединяются и успешно противостоят белой расе. Противостояние заканчивается тем, что представители двух лагерей встречаются в Нанкине и подписывают мирный договор, подчеркивая равные права всех рас[1].

Для автора важно признание за Китаем равного положения и неотъемлемости суверенитета. Лян Цичао был убежден, что всеобщая гармония и свобода в современном мире должны начинаться с взаимного уважения между автономными нациями. Дабы избежать участи быть порабощенными и обрести независимость, Лян Цичао призывает китайцев к национальному объединению перед лицом опасности. Он развивает концепцию единой китайской нации – общности, которая стремится к самостоятельности и самоуправлению, обладает национальным суверенитетом. Для достижения «статуса равенства и свободы наравне с другими странами»[2], отмечает Лян Цичао, Китай должен сначала стать нацией. Так уже в начале романа возникает вопрос о создании Китая как единой нации.

Роман «Будущее нового Китая» начинается с описания празднования 50-летия с момента подписания мирного договора в Шанхае – городе культурного и коммерческого обмена. На праздновании ученые из разных стран встречаются для обмена идеями и разнообразные школы мысли и религии объединяются для участия в обсуждении будущего развития Китая. Лян называет эту культурную конвергенцию «датун», «великое мировое сообщество» или общество «великого единения». Для понимания произведения необходимо рассмотреть термин «датун» подробнее.

Данный термин имеет глубоко конфуцианское происхождение. Впервые он упоминается в древних конфуцианских

---

[1] *Лян Цичао*. Синь Чжунго Вэйлай Цзи (Будущее нового Китая). Токио: Чжушихуэйшэ Дунфэн Шудянь, 1979.

[2] *Liang, Qichao.* On the New Citizen. // On the New Citizen. Taibei: Zhonghua Shuju. 1978, p. 25.

канонах «Ши цзин» и «Ли цзи». В древности, по мнению Лян Цичао, царила эпоха «великого единения» («датун») – эпоха равенства и принадлежности всего всем. Однако со временем китайское общество перестало быть монолитным целым, имущественное неравенство разделило людей, и только основы иерархических моральных отношений удерживают их от недостойных поступков[1]. Таким образом, общество «великого единения» для Лян Цичао представляет собой некий гуманистический идеал, в котором все равны, важным аспектом этого термина является чувство гражданского долга каждого человека. «Великое мировое сообщество», по Лян Цичао, представляет собой равноправный культурный обмен в политических целях.

В первой главе романа во время празднования самый выдающийся ученый страны Конг Хундао, потомок Конфуция и один из отцов-основателей новой Китайской Республики, рассказывает историю создания государства. У истоков его стояли двое юных патриотов Хуан Кэцян и Ли Кубинг. Хуан Кэцян и Ли Кубинг подобно многим современникам Лян Цичао отправляются на обучение в Европу в поисках новых способов спасти страну от гибели после японо-китайской войны. По возвращении в Китай они создали конституционную партию, главной целью которой было спасение страны и создание единой китайской нации.

Вторую главу романа автор посвящает конституции и партии. Конституция, созданная Хуан Кэцянем и Ли Кубингом, фиксирует права монарха, права административного органа и права людей. Без указания прав людей, пишет Лян Цичао, конституция всего лишь лист бумаги. По его мнению, как демонстрирует пример Англии и Японии, монархия и конституция не являются взаимоисключающими вещами. Но только в том случае, если люди понимают, что такое права, ответственность, они политически просвещены. В романе функцию просвещения масс осуществляет партия. Вместо привилегированного класса конституционная партия привлекает население низших сословий и поддерживает все социальные слои. Путем мобилизации людей как источника политической энергии партия берет на себя инициативу по созданию национального государства.

[1] Красная книга перемен. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_746 (Дата обращения 10.04.19).

Успех национального государства «зависит от всех людей, которые делают его своей страной» своими руками, пишет Лян Цичао. Эта концепция национального государства, возглавляемого партией, различает национальное государство и централизованную власть, которая представляет собой партию наиболее заинтересованных граждан с высокой способностью к сплочению и просвещению широкой общественности. Подобное различие национального государства и центральной власти описывал Дж. Левенсон, один из первых специалистов по истории Китая. По его мнению, национальное государство для Лян Цичао представляет собой элитарный клуб, а единая нация – народная масса, открытая для революционного космополитизма[1].

Третья глава романа фокусируется на дебатах между Хуан Кэцяном и Ли Кубингом. Традиционная китайская литература делает упор на сюжет, но Лян Цичао сводит сюжет к политическим спорам.

Главные герои видят в народе основу нации, но жалуются на отсутствие у людей политического сознания и гражданской добродетели. Они оплакивают раздел Китая имперскими державами и рабский характер правительственных чиновников. Китай сравнивается ими с «загоном для скота, который не чистили в течение тридцати лет»[2].

Обсуждая текущую политическую ситуацию и ища пути развития для Китая, два героя расходятся в своих взглядах. Поддерживая кровавую революцию, Ли Кубинг требует полностью разорвать с прошлым. Он иронизирует над рабской натурой людей и считает, что нет необходимости беречь культурное наследие, которое только мешает развитию национального государства. Хуан Кэцян же видит выход из сложившейся ситуации в постепенном реформировании государства. Однако в своих дебатах Хуан Кэцян и Ли Кубинг сходятся в одном – в необходимости создания нации и призывают к политическому просвещению людей.

По мере развития сюжета романа дискуссия между главными героями разворачивается в направлении обсуждения плюсов и минусов парламентской реформы и революции.

---

[1] *Levenson J.* Richmond. Confucian China and Its Modern Fate**.** University of California Press, 1968.

[2] *Лян Цичао*. Синь Чжунго Вэйлай Цзи (Будущее нового Китая). Токио: Чжушихуэйшэ Дунфэн Шудянь, 1979, с. 35.

Во время спора герои часто обращаются к примерам из европейской истории, упоминая Французскую революцию, Наполеона, Руссо, то говорят о демократии, тирании, конституционной монархии и т.д. Так, Ли Кубинг, рассуждая о необходимости революции, сравнивает себя с Дж. Мильтоном и Дж. Г. Байроном: «Когда я был в военной школе, я слушал иностранную военную музыку и осознал, эта музыка глубоко связана с национальным духом. Поэтому я пытался учиться музыке. … Мильтон поддержал Оливера Кромвеля и посвятил себя великому делу английской революции. Байрон поддержал итальянскую революцию и отказался от своей жизни в борьбе за независимость Греции. Такие личности, полные добродетели, восхищают меня»[1]. Здесь Лян Цичао продолжает настаивать на том, что основой национального государства является нравственность людей: только люди, полностью осознающие себя национальной группой, могут изменить Китай, лишенный национального статуса.

Повествование неожиданно обрывается на пятой главе, роман так и не был дописан Лян Цичао, секрет достижения национального единения Китая так и не был раскрыт, и как планы двух героев воплощались на практике, неизвестно. Тем не менее благодаря первой главе становится ясно, что автор делает ставку на реформирование государства в конституционную монархию с демократически избираемым парламентом.

В целом роман Лян Цичао «Будущее нового Китая» представляет собой утопию – единое китайское государство, основанное на идее национального единства. Подобные националистические проекты, как правило, вызывают обсуждение прав, а также различий между группами угнетенных и меньшинств, которые могут бросать вызов национальному единству[2]. Именно эти темы являлись основными в романе.

[1] Там же.

[2] *Heng Geraldine*. A Great Way to Fly': Nationalism, the State, and the Varieties of Third-World Feminism. Feminist Genealogies, Colonial Legacies, Democratic Futures. /Ed. M. Jacqui Alexander and Chandra Talpade Mohanty. N. Y.: Routledge, 1997.

ЧЖАО НА
аспирант кафедры политологии Востока
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Китайские боевые искусства как инструмент «мягкой силы» Китая

В статье анализируются китайские боевые искусства в контексте «мягкой силы» Китая. Рассмотрены три культурных уровня в соответствии с теорией Э. Шейна и сделаны выводы относительно китайских боевых искусств как инструмента «мягкой силы» Китая.

Ключевые слова: *китайские боевые искусства, Китай, мягкая сила, ушу, культура.*

Zhao Na. Chinese martial arts as a tool of "soft power" of China. *This article analyzes Chinese martial arts in the context of the "soft power" of China. Three levels of culture are analyzed in accordance with E. Shane's theory and conclusions are drawn regarding Chinese martial arts as an instrument of "soft power" of China.*

Keywords: *Chinese martial arts, China, soft power, wushu, culture.*

Первая идея использования «мягкой силы» при установлении власти исходит от древнекитайских философов. Ярким примером является философ Лао-Цзы, живший в VII веке до н. э. Ему принадлежит знаменитое выражение: «В мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет»[1]. Сам термин был сформулирован американским политологом Дж. С. Найем. Однако спустя время концепция «мягкой силы» подверглась критике, некоторые ученые, например Н. Фергюсон, считали данную концепцию неэффективной. На сегодняшний день термин «мягкая сила» имеет синонимы, такие как «мягкая власть» и «гибкая власть». Самое расп-

* Чжао На, e-mail: 156652395@qq.com

[1] *Наумов А.* «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm (Дата обращения 01.04.2019)

ространенное понимание данного термина – это невоенные методы воздействия на противоположную сторону.

«Мягкая сила» реализуется через распространение культуры той или иной страны по всему миру, поэтому начиная с 1990-х гг. роль создания инструментов для ее реализации не раз привлекала внимание китайского правительства. Как результат на IV Пленуме ЦК КПК 16-го созыва была поставлена задача продвижения китайской культуры в зарубежные страны: «Укреплять комплексную силу культуры Китая. Продвигать китайскую культуру, ещё лучше выходить в мир, повышать её международное влияние». Отмечалось упоминание термина «мягкая сила» и на 17-м съезде Коммунистической партии Китая: в докладе Ху Цзиньтао прозвучал призыв повышать культурную «мягкую силу» Китая с целью создания «гармоничного сообщества» внутри Китая и «гармоничного мира за его пределами. В целом можно сделать вывод, что «мягкая сила» КНР направлена на формирование имиджа надежного партнера в экономической сфере.

Как традиционное спортивное явление боевые искусства Китая называют «национальной квинтэссенцией» и «превосходным культурным наследием», так как они являются национальным символом Китая в международном сообществе, а их культурное очарование признано всеми странами мира. Не стоит забывать и о том, что китайские боевые искусства имеют яркую культурную окраску, тем самым выступая одним из главных инструментов «мягкой силы».

Таким образом, целью настоящей статьи является анализ китайских боевых искусств как инструмента «мягкой силы» Китая.

Боевые искусства Китая имеют долгую историю. Изначально они использовались как средство борьбы в эпоху воюющих царств. В «Оде о клеветниках» встречается фраза: «Не владеющий искусством кулака не может быть храбрецом»[1]. В период Тан и Сун многообразие форм боевых искусств начало систематизироваться, большую роль в этом сыграли Юэ Фэй и Ци Цзигуан, которые являются «отцами» китайских боевых искусств.

[1] Шицзин. Книга песен и гимнов. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957, с. 300.

В настоящее время китайские боевые искусства распространены по всему земному шару. Основное отличие китайских боевых искусств заключается в том, что при их изучении происходит не только физическое, но и психологическое развитие личности, так как в основу обучения заложена китайская философия, которая может вывести человека на новый уровень духовного развития. Существует великое множество видов китайских боевых искусств, наиболее известными являются: Кунг-Фу, Бак Мэй, Лю-Хэ-Ба-Фа-Цюань, Ба Гуа Чжан. При употреблении выражения «боевые искусства Китая» на ум сразу приходит – Ушу. Ушу – это традиционная китайская система совершенствования личности, включающая набор физических упражнений и приемы боя с различными видами оружия и без него[1]. Ушу считается неолимпийским видом спорта.

По всему миру располагаются школы китайских боевых искусств. По статистике Федерации шаолиньских боевых искусств в России насчитывается около 24 официально зарегистрированных школ китайских боевых искусств, расположенных в различных городах страны. Чуть меньше находится в США, примерно около 20 официально зарегистрированных школ. Также школы китайских боевых искусств существуют в таких странах, как Литва, Германия, Эстония, Канада. В них с самого раннего возраста обучаются дети. Они познают не только физическое воспитание, но и основные принципы китайской философии. Самой известной школой боевых искусств Китая считается монастырь Шаолинь. Он открыт для посещения и сюда приезжают ученики со всего мира, чтобы взять несколько уроков у признанных мастеров.

Китайские боевые искусства являются важной частью традиционной китайской спортивной культуры, поэтому необходимо рассмотреть их особенности и как они влияют на распространение «мягкой силы» Китая. Согласно теории культурного айсберга Э. Шейна существует три уровня культуры: поверхностный, средний и глубинный [2]. По такому принципу в настоящей статье будут рассмотрены культурные элементы китайских боевых искусств.

---

[1] *Музруков Г.Н.* Основы ушу. М.: «Городец», 2006, с. 24.

[2] *Шейн Э.* Организационная культура и лидерство. СПб.: Классика МВА, 2012. 352 с.

Первый уровень – поверхностный. Поверхностный уровень культуры включает в себя объекты, которые более видимы человеку, либо же стереотипы, которые связаны с конкретной культурой. Таким образом, к поверхностному типу китайских боевых искусств относят технику боевых искусств, специальное оборудование и боевую экипировку. Следует отметить, что техника боевых искусств на данном культурном уровне подразумевает ее визуальное представление без углубления в ее особенности. В качестве примера можно привести множество фильмов, в которых боевые искусства представлены как «хороший боевик», без погружения в боевую философию, которая играет наиважнейшую роль при изучении боевых искусств. С другой стороны, поверхностный уровень больше всего подходит для реализации «мягкой силы». Вспомним Джеки Чана, знаменитого – китайского актера, который в 80-е и 90-е гг. популяризировал китайские боевые искусства, в результате чего на Западе в то время образовался «культ» китайских боевых искусств.

Второй уровень – средний. Средний уровень представляет собой совокупность моральных взглядов, философии, ценностей и кодекса поведения и норм взаимоотношений китайских боевых искусств. Средний уровень по его влиятельности на «мягкую силу» стоит на втором месте после поверхностного, так как именно в нем содержатся те необходимые элементы, которые позволяют китайским боевым искусствам стать инструментом «мягкой силы» вследствие психологического воздействия на человека, изучающего боевые искусства.

Третий уровень – глубинный. Глубинный культурный уровень представляет собой совокупность поверхностного и среднего уровней. Отличительной особенностью данного уровня является добавление китайской духовной веры, так как боевые искусства в Китае сильно связаны с религией и философией. В качестве примера можно привести философский трактат Сунь-Цзы «Искусство войны», в котором описана не только стратегия и политика того, как нужно вести войны, но и разработана целая философия боевых искусств. Не стоит забывать и о связи боевых искусств с религией. Буддийские и даосские монахи были не только искусными врачами и учеными, но и отличными воинами. Путь Дао, основа китайской религии, также не оставляет

без внимания боевые искусства. Путь Дао означает духовное совершенствование человека, которое осуществляется на тренировках, тем самым воспитывая здоровый дух и формируя полноценную личность[1].

Таким образом, можно сделать вывод, что китайские боевые искусства смогут по-настоящему раскрыться как инструмент «мягкой силы» только при их тщательном изучении. Достичь такого результата можно с помощью популяризации школ китайских боевых искусств.

Значение преподавания китайских боевых искусств заключается не только в формальной передаче знаний от учителя ученикам, но и в культурной коммуникации, которая воплощается в духовную силу, необходимую молодежи. Достойное обучение является не только средством сохранения культуры боевых искусств из поколения в поколение, но и важным элементом стратегии по усилению «мягкой силы» Китая.

При обучении китайским боевым искусствам очень важно не менять программу обучения под страну, в которой они будут изучаться; важно сохранять первозданный вид процесса обучения для того, чтобы иностранцы, изучая боевые искусства, окунулись в китайскую культуру, прочувствовали ее на всех культурных уровнях. Только тогда получится в полной мере реализовать «мягкую силу» Китая.

Будучи жемчужиной традиционной китайской культуры, боевые искусства, являясь важной культурной составляющей, играют большую роль в укреплении всесторонней национальной мощи Китая и его «мягкой силы». Китайская стратегия «Один пояс, один путь» является той платформой, которая обеспечит их популяризацию во многих странах и на всех культурных уровнях. Необходимо подчеркивать уникальное очарование боевых искусств, тем самым укрепляя их международный статус и международный имидж путем межкультурной коммуникации, что в результате создаст фундамент для великого омоложения китайской нации.

[1] Дао дэ Цзин. Книга о Пути и Добродетели. М.: АСТ, 2016. 384 с.

Плеханов как мыслитель

Работы, посвященные марксистским авторам, в постсоветской России – событие нечастое, а потому появление монографии проф. Г.Д. Чеснокова, посвященной теоретическим взглядам первого русского марксиста Г.В. Плеханова*, несомненно, не могло пройти незамеченным. На наш взгляд, Г.В. Плеханов не просто мог, но и должен был значительно больше заинтересовать философскую общественность Советского Союза, нежели то произошло на самом деле. Виной тому – во многом субъективная причина: разногласия В.И. Ленина и Г.В. Плеханова (двух крупнейших представителей школы отечественных марксистов), возникшие после завершения II съезда РСДРП и в дальнейшем (в ходе трех русских революций и Первой мировой войны) не только не смягчившиеся, но, наоборот, постоянно усиливавшиеся.

Г.В. Плеханов скончался в 1918 г. Он не испытывал большого оптимизма по поводу победы Октябрьской революции 1917 г. в России, так как считал, что большевики, совершая революцию, недооценивали тех опасностей, которые неизбежно должны были возникнуть в случае перехода к ним власти от Временного правительства. И тем не менее предложение противников большевиков участвовать в свержении победившей власти Плеханов решительно отверг.

Нам представляется, что объективная оценка деятельности ученого и политика должна строиться с учетом его общего вклада в дело, которому он решил посвятить себя. И если выбор, который им был сделан, отвечал общественному прогрессу его страны, то ошибки, допущенные историческим деятелем, не должны выпячиваться, так как людей, которые вообще не ошибаются (будь то политика или наука), просто не существует. Автор рецензируемой работы, представляя литературное и теоретическое наследие Г.В. Плеханова уже ныне живущему поколению российских граждан, убедительно доказывает, что этот мыслитель во всей его многогранной деятельности старался сделать все

* *Чесноков Г.Д.* Плеханов как мыслитель. Монография. – М.: Коломна: Серебро Слов, 2018. – 238 с.

от него зависящее, чтобы свобода человека труда скорее пришла на его родную землю.

Г.В. Плеханов и его малочисленная группа «Освобождение труда» стали первыми, кому удалось познакомить россиян с самой революционной теорией развития человеческого общества, выработанной в середине XIX в. в Европе двумя выдающимися революционерами – К. Марксом и Ф. Энгельсом. До появления в России марксизма революционно-освободительное движение в стране, несмотря на колоссальные усилия самых преданных борцов за свободу народа, не одно столетие страдавшего под гнетом самодержавия, не могло разрешить два давно поставленных обществом, но до 80-х гг. XIX в. так и не получивших ответа вопроса: кто виноват в том, что Россия отстает по темпам своего экономического развития от быстро уходящих вперед ведущих западноевропейских стран и каким образом Россия могла бы со временем преодолеть это очевидное отставание? Группа «Освобождение труда» первой у нас в стране дала правильный ответ на оба этих, казалось бы, неразрешимых вопроса.

В одной из первых своих марксистских работ – брошюре «Социализм и политическая борьба», – отмечает проф. Г.Д. Чесноков, – Г.В. Плеханов, обращаясь к вчерашним своим соратникам по борьбе против царского самодержавия, писал, что «без усвоения русскими революционерами учения К. Маркса революционное движение в России обрекает себя на поражение в грядущей революции». «Ведь без революционной теории, – разъясняет Плеханов, – нет революционного движения в истинном смысле этого слова». «Отсюда он делает вполне обоснованный вывод: все подлинно революционные силы в России, во-первых, не могут не осознавать необходимости устранения в стране самодержавия, а, во-вторых, «в повестку дня выдвигается задача соединения марксизма с русским революционным движением». «Ближайшее знакомство с литературой марксизма, – убеждал Плеханов всех единомышленников по борьбе с самодержавием, – покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишили они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя “пролетариев всех стран”. Они убедятся тогда, – убежденно предрекал Г.В. Плеханов, – что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские

народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами и новая, высшая точка (выделено мной. – *Г.Ч.*) примирит все существующие у нас фракции, которые правы, каждая по-своему, потому что при всей односторонности каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной мысли» (с. 13-14).

Заслуги Г.В. Плеханова в ознакомлении русской общественности с учением К. Маркса трудно переоценить. Выступать пионером в любой области знания – задача непростая. Но марксизм возник не в России, и здесь, на русской почве, не успели в полной мере прорасти те знания, которые принято называть теоретическими источниками марксизма (классическая (рационалистическая) немецкая философия, классическая политэкономия). Правда, утопический социализм успел пустить у нас достаточно глубокие корни, но достичь той глубины понимания сущности капитализма, которая была характерна для западных социалистов, русские утописты в силу неразвитости российской экономики, конечно, не могли. К этому стоит прибавить еще и то, что у К. Маркса был талантливый друг и соратник Ф. Энгельс, который очень много сделал для того, чтобы думающие люди на Западе восприняли идеи К. Маркса в их аутентичной форме. А это потребовало огромной дополнительной просветительской работы со стороны как К. Маркса, так и Ф. Энгельса.

Одним словом, на долю группы «Освобождение труда» выпала исключительно непростая задача – довести до сознания российских революционеров истинную глубину учения К. Маркса. Но это не все. На рубеже XIX – XX вв. в Европе распространяется ревизионизм. К этому времени уже ушли из жизни и К. Маркс, и Ф. Энгельс. В этой ситуации роль Г.В. Плеханова в деле защиты революционной сути марксизма, материалистической диалектики оказалась и нужной, и своевременной.

Вторая и третья главы первого раздела монографии Г.Д. Чеснокова дают важный фактический материал, свидетельствующий о редком полемическом таланте, который Плеханов проявил в защите революционного духа марксизма. Полемика Г.В. Плеханова против бернштейнианцев, а позднее и русских ревизионистов (махистов) будет крайне любопытна и полезна для всех, кого всерьез интересует учение К. Маркса и Ф. Энгельса. Исключительно ценными остаются и теоретические работы Г.В. Плеханова, в кото-

рых автор одновременно разъяснял и осваивал материалистические воззрения К. Маркса на исторический процесс.

Г.В. Плеханов – выдающийся знаток русской литературы и русской национальной культуры. Эта сторона его деятельности недостаточно знакома отечественному читателю. Профессор Г.Д. Чесноков попытался в своей монографии о Плеханове устранить этот пробел на примере ознакомления читателей с крайне интересной работой Плеханова о Чернышевском. О революционных демократах сегодня писать не модно. Именно поэтому очень важно напомнить российскому читателю о тех ценных марксистских работах, которые у нас уже есть, но с которыми наша общественность, в первую очередь философская, еще слабо знакома. В книге Плеханова «Н.Г. Чернышевский», которая, на наш взгляд, очень достойно представлена автором рецензируемой нами книги, есть и один существенный недостаток, на который нам бы хотелось обратить внимание, при том, что в целом мы, как и профессор Г.Д. Чесноков, считаем книгу Плеханова, безусловно, интересной работой. Так, мы совершенно не согласны с утверждением Плеханова о том, что Н.Г. Чернышевский не был убежденным диалектиком. И здесь мы можем сослаться на мнение весьма авторитетного отечественного историка философии В.Ф. Асмуса. В своей статье «Чернышевский как диалектик», опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма» № 5 за 1939 г., В.Ф. Асмус убедительно доказывает, что Чернышевский не просто не был чужд диалектике, но демонстрировал умение пользоваться диалектикой всегда, когда в этом возникала необходимость.

В рамках небольшой рецензии нет смысла пересказывать содержание серьезной и интересной монографии профессора Г.Д. Чеснокова о Плеханове. Читатель с большой пользой для себя способен это сделать самостоятельно. Добавим к сказанному, что работа Г.Д. Чеснокова написана хорошим русским языком и, безусловно, будет востребована и теми, кого интересуют взгляды отечественных историков философии, и в не меньшей степени всеми интересующимися материалистической диалектикой К. Маркса.

В.М. КОНДРАТЬЕВ
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета

Информация для авторов

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

- Необходимые сведения об авторе:

- Фамилия, имя, отчество; ученая степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты; контактные телефоны.

- Аспиранты, в том числе заочной формы обучения, полностью указывают место учебы (работы).
- Объем статей не должен превышать:

- 7 страниц для соискателей степени кандидата наук;

- 17 страниц для соискателей степени доктора наук.

- Статьи должны быть напечатаны в формате MicrosoftWord (2003-2007), интервал 1,5, кегль 14, шрифт «Arial» на одной стороне листа, форматирование по ширине (поля: верхнее и нижнее – 2, левое – 2,5, правое – 1,5);

- ссылки (сноски) даются в конце каждой страницы (кегль 10);

- таблицы, схемы, диаграммы должны быть выполнены в черно-белом изображении и сопровождаться сквозной нумерацией.

- К статье ***обязательно*** прилагаются:

- аннотации на ***русском*** и ***английском языках*** (не более 5 строк); в аннотациях указывать ФИО автора, название статьи и ключевые слова.

- Статьи должны сопровождаться заверенной рецензией (отзывом) специалиста и рекомендацией кафедры (отдела) по месту работы.
- Статьи в редакцию направлять в печатном варианте с приложением CD (диска) ***простой бандеролью***. По электронной почте статьи принимаются по согласованию с редакцией.
- Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации статьи в редакции.
- Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат и других данных. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.
- Редакция оставляет за собой право на научное редактирование статей. Рукописи не возвращаются. Редакция в переписку с авторами не вступает.

Вниманию подписчиков журнала!

Журнал «Социально-гуманитарные знания» является научно-образовательным изданием, предназначенным для преподавателей, студентов и учащихся высших, средних специальных и средних учебных заведений, всех, интересующихся социально-гуманитарными науками и образованием.

Подписка и доставка периодических изданий осуществляется всеми отделениями **Группы компаний "Урал-Пресс"** в офисах агентства в вашем городе. Информацию можно получить на сайте ГК "Урал-Пресс" **www.ural-press.ru** или по телефону **8(499) 700-05-07.**

Подписка осуществляется всеми отделениями связи. Индекс подписки – 70652 (Каталог «Пресса России»), тел. (495) 995-95-70.

Подписная цена за один номер во втором полугодии 2019 г. – 300 руб., в продаже – цена свободная. Подписка на электронную версию журнала осуществляется в Научной электронной библиотеке **www.elibrary.ru**

Information for authors

Articles sent to the magazine should be drawn up according to the following rules:

1. Necessary information about the author:

- Surname, name, patronymic; academic degree; academic rank; the place of work; the post; e-mail address; contact phones.

- Graduate students, including the correspondence form of training, fully indicate the place of work (study).

2. The volume of articles should not exceed:

- 7 pages for candidates degree;

- 17 pages for competitors for Doctor of Science degree.

3. Articles should be printed in Microsoft Word format (2003-2007), space 1.5, point type 14, font "Arial" on the one side of the worksheet, the align block (fields: top and bottom-2, left-2.5, right-1.5);

- references (footnotes) are given at the end of each page (point type 10);

- tables, charts, diagrams should be in black and white and accompanied by continuous numbering.

4. To article necessarily attached :

- annotations in English and Russian (no more than 5 lines); with indicating the author's name, the title of the article, main content and key words.

5. Articles should be accompanied by specialist's certified reviews and the recommendation of the Department (Office) at the place of work.

6. The articles should be sent in the printed version with the application CD (disk) by common book-post. Articles sent by e-mail are accepted only in agreement with the editorial office.

7. The decision to publish is made within 30 days from the date of the articles registration by the editors.

8. The authors are responsible for accuracy of the facts, quotes and other data. Editorial opinion may not coincide with the position of the authors of publications.

9. The Editorial board reserves the right to scientific editing of the articles.

10. Manuscripts will not be returned.

11. The Editorial board does not enter in correspondence with the authors.

To the subscribers of the magazine attention!

Journal "Socio-humanitarian knowledge" is a scientific and educational edition, designed for teachers, students and pupils in higher, specialized secondary and secondary schools, all with an interest in social and humane sciences, and education.

Subscription and delivery of periodicals is realized by all the chapters of the **Group of companies "Ural-Press"** in agency offices in your city. Information can be obtained on the website **www.ural-press.ru** or by phone **8 (499) 700-05-07.**

Subscription is available in all post-offices. Subscription index – 70652 (catalogue **"Press of Russia").**

The subscription price for one issue in the 2-half of 2019 − 300 rubles, free of control price for sale..

Subscribtion to the electronic version of the magazine is carried out in the Scientific Electronic Library **www.elibrary.ru**

Подписано в печать 01.10.2019 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Объем 22,0 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готовых оригинал-макетов ……